Учредители:

АНО Редакция журнала "Социально-гуманитарные знания"

Лицензия на издательскую деятельность редакции выдана Госкомитетом по печати РФ ЛР № 040588 от 22.06.1998 г.

Свидетельство о регистрации журнала выдано Госкомитетом по печати РФ № 01262 от 20.11.1998 г.

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ № 3 – 2021 г.

Российское научно-образовательное издание

Издается с 1973 года

Прежние названия: **«Научный коммунизм» (1973-1990 гг.); «Социально-политические науки» (1990-1993 гг.); Социально-политический журнал» (1993-1998 гг.); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999 г.)**

С момента создания Перечня ведущих рецензируемых научных журналов ВАК Минобрнауки РФ журнал включен в этот перечень согласно решению Президиума ВАК

E-mail редакции: **soc-gum-zhurnal@yandex.ru**

Сайт в Интернете: **http://socgum-zhurnal.ru**

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке **elibrary.ru** и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

Адрес редакции: **109240, Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16-18, к. 15**

Телефоны редакции: **8(903) 019-56-09**

© «Социально-гуманитарные знания», 2021

Редакционная коллегия:

Миронов Анатолий Васильевич – главный редактор, доктор социологических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАСН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция) и др., член Союза социологов, Союза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор, эксперт центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» (кафедра ЮНЕСКО) РАНХиГС при Президенте РФ (Москва)

Андреев Эдуард Михайлович – зам. главного редактора, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН (Москва)

Балбеко Анатолий Михайлович – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва)

Владимирова Татьяна Николаевна – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России (Москва)

Волков Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Института социологии и регионалистики ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Иванов Вилен Николаевич – доктор философских наук, профессор, чл.-корр. РАН, советник РАН (Москва)

Капицын Владимир Михайлович – доктор политических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)

Editorial board:

Mironov Anatoliy Vasilievich – Editor in Chief, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Honored worker of higher school of Russia, Russian Federation honorary worker of higher education, member of Russian Academy of Social Sciences, member of Russian Academy of Natural Sciences and International Academy of Sciences (Russian section) etc., member of Union of sociologists, the Union of journalists, the Union of writers of Russia (Moscow)

Avanesova Galina Alekseevna – Dr. Sci. (Philos.), Prof., civil society expert and social communication (UNESCO Chair) Russian presidential (Moscow)

Andreev Eduard Mikhailovich – Deputy Chief Editor, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Cief researcher of the ISPR RAS (Moscow)

Balbeko Anatoliy Mihailovich – Dr. Sci. (Educ.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education (Moscow)

Vladimirova Tatyana Nikolaevna – Dr. Sci. (Educ.), prorector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of journalism, communications and media education, member of the Union of journalists of Russia (Moscow)

VolkovYuriy Grigorievich – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Honoured science worker of RF, supervisor of the Institute of Sociology and regional studies SFU (Rostov-on-Don**)**

IvanovVilen Nikolaevich – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Corresponding member of the RAS, Counsellor of the RAS (Moscow)

Kapicyn Vladimir Mikhailovich – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof. of Lomonosov Moscow State University (Moscow)

Кара-Мурза Сергей Георгиевич – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН (Москва)

Карпухин Олег Иванович – доктор социологических наук, профессор Московского гуманитарного университета, Заслуженный деятель науки РФ

Кефели Игорь Федорович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета (Санкт-Петербург)

Козлова Оксана Николаевна – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша)

Лазарева Юлия Васильевна – ответственный секретарь (Москва)

Макаров Анатолий Васильевич – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Беларусь, Минск)

Матюхин Андрей Викторович – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета (Москва)

Михайленок Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва)

Ореховская Наталья Анатольевна – доктор философских наук, профессор департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Kara-Murza Sergey Georgievich – Dr. Sci (Chemic.), Prof., Chief researcher of the ISPR RAS (Moscow)

Karpukhin Oleg Ivanovich – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of the Moscow University for the humanities, Honoured science worker of RF, (Moscow)

Kefeli Igor Fedorovich – Dr. Sci. (Phil.), Prof., Head of the Department of cultural studies and sociology at Baltic State Technical University (St. Petersburg)

Kozlova Oksana Nikolaevna – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland)

Lazareva Yulia Vasilievna – Executive Secretary (Moscow)

Makarov Anatoliy Vasilievich – Cand. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of the educational systems planning of the Republican Institute of Higher Education (Belarus, Minsk)

Matyukhin Andrey Victorovich – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department of philosophy and the history of the Moscow financial-industrial University (Moscow)

Mihajlenok Oleg Michailovich – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department research on the socio-political relations Centre of politics and political sociology, Institute of Sociology FRSC RAS (Moscow)

Orehovskaya Natalya Anatolievna – Dr. Sci. (Philos.), Prof. Department of Sociology University of Finance under the Government of the Russian Federation (Moscow)

Панферова Валентина Васильевна – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профессор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва)

Panferova Valentyna Vasilievna – Deputy Chief Editor, Cand. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, member of the International Federation of journalists, Prof. Department of communication management, advertising and public relations of the Institute of journalism, communications and media education of Moscow State Pedagogical University (Moscow)

Пуляев Вячеслав Тихонович – доктор экономических наук, профессор, президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Pulyaev Vyacheslav Tihonovich – Dr. Sci. (Econ.), Prof., President of the Academy of Arts, Prof. of St. Petersburg State University (St. Petersburg)

Скворцов Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург)

Skvortsov Nikolay Genrikhovich – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Dean of the Sociology Department of St. Petersburg State University (St. Petersburg)

Субочев Николай Сергеевич – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград)

Subochev Nikolay Sergeevich – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of chair of the corporate governance at RANEPA, Russian Federation honorary worker of higher education (Volgograd)

Хазиев Валерий Семенович – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Haziev Valeriy Semenovich – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, Head of the Department of philosophy, sociology, political science, Director of the Research Centre for development of Islamic education Bashkir State Pedagogical University by the name of M. Akmullah (Ufa, Bashkortostan)

Ответственный редактор – **Алифанова Ирина Андреевна**

Executive editor – **Alifanova Irina Andreevna**

Зав. редакцией, компьютерная верстка – **Миронова Елена Витальевна**

Secretary of the editorial staff, computer layout **– Mironova Elena Vitalievna**

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

Научно-образовательное издание **2021** **3**

• Общество вчера, сегодня, завтра

Г.А. Аванесова, А.В. Миронов – Научно-философские постижения России: аналитические тупики и перспективы в контексте нестабильности..... 8

П.Я. Циткилов – Пути преодоления политического кризиса в Беларуси, ее новый облик..... 27

В.А. Ремизов – Социокультурные войны и пандемия..... 48

В.А. Мельников – Великая Победа как ценность общественной жизни России и ее защита..... 57

• Наука, культура и образование на грани тысячелетий

В.Ю. Бельский, В.А. Лепехин – Модернизация системы образования как фактор обеспечения цивилизационной безопасности России..... 65

Н.В. Куницына, Ж.С. Алексанян – Двуязычное образование в формате медиакоммуникации..... 76

А.Ю Трубецкая – Государственная культурная политика в идеальном государстве Платона..... 88

Е.Н. Якимова – Значение культуры в жизни современного человека..... 96

• Преподавателю социально-гуманитарных дисциплин

Л.М. Аллахвердиева, А.Т. Гаспаришвили – Информатизация образования и сохранение гуманитарного характера российской образовательной системы..... 102

М.А. Качян – Об экспорте российского образования..... 109

• Человек и общество

О.М. Гусейнов О.М., Г.О. Гусейнов – Правовое воспитание как фактор формирования позитивного правосознания личности..... 114

А.Т. Каюмов, Газизов Р.Р. – Социально-философский анализ информации как символической программы мышления и поведения человека..... 126

Я.Н. Калиниченко – Состояние и динамика наркоситуации среди молодежи Красноярского края..... 135

А.М. Алексеенко – Влияние коллективизма и индивидуализма на восприятие имиджа политического лидера..... 143

М.М. Симонова – Анализ основных элементов ролевой теории общения в деятельности руководителя организации..... 150

• Социально-политические отношения в сетевом обществе

Л.Б. Москвин – О новых явлениях в современном сетевом социуме и их влиянии на взаимоотношения власти и общества в России…… 159

О.М. Михайленок, Л.В. Макушина – Сетевизация сферы труда – как «новая нормальность»…….. 170

А.В. Галухин – Тень кибервойны в зеркале геополитического метанарратива……. 180

• Научные сообщения

Е.В. Бродовская, В.А. Лифанова, В.А. Лукушин, М.С. Семенова – Цифровые инфраструктуры традиционных и новых российских политических партий: масштаб и функциональность (2020)…….. 194

О.В. Кубаева – Употребление англицизмов в русском молодежном сленге…….. 204

С.Ю. Ермолаева, С.В. Воробьева – Эстетика диджитал-арт в социокультурном пространстве…… 211

Э.Г. Симонян – Феномен подражания как результат осознанного восприятия личностью образов межличностных отношений в социокультурном пространстве…… 217

А.В. Матюхин – Идея парламента в русской либеральной философии XIX века…….. 225

И.В. Корень – Религиозный фактор: сущность и современная специфика…….. 238

С.Ю. Ермолаева, А.Д. Липартия – Постмодернистское состояние фотографии на современных медийных платформах…… 249

А.В. Кулагин, В.Н. Меньшова – Профессиональное самочувствие руководителей и специалистов на муниципальной службе…… 256

В.Н. Осокина – Культура безопасного поведения обучающихся на дорогах, как социально-педагогическая проблема…….. 266

• Слово – молодым ученым

Г.Г. Гитолендия – Государственный суверенитет и национальные интересы на новом этапе глобализации..... 271

А.Р. Сабитова – Ценностные аспекты социального выбора..... 279

А.Д. Пилипенко – Институциональная роль СО НКО в развитии соцциального государства в России…….. 286

Ши Юйчэнь – Развитие регионализма в Азиатско-Тихоокеанском регионе на примере взаимодействия Китая и АСЕАН…….. 292

А.А. Спасов – Путь евроинтеграции Республики Северная Македония……. 299

А.С. Шахбазов – Правительство Педро Санчеса и внешняя политика Испании…… 306

А.Ю. Шишкова – Цивилизованность и цивилизаторство в теории политического прогнозирования А.С. Панарина…….. 312

В.И. Федоров – Обзор основных направлений исследований электронного голосования…… 319

К.С. Чупраков – Специфика воздействия военной музыки на духовный мир военнослужащего Российской Армии…….. 324

Е.Д. Патутина – Перспективы применения автономных социальных машин в целях управления информационной политикой органов исполнительной власти в условиях цифровизации общества..... 330

Ю.А. Семиколеннова – Механизм управления внутренней социальной политикой бизнес-организаций: основные этапы и инструменты..... 336

Ф.В. Салманов – Исторические принципы внешнеполитической стратегии Турецкой Республики (1923-2002 гг.)……... 343

Е.А. Новаковский – Обзор актуальных зарубежных исследований проблематики национально-государственной идентичности…… 350

УДК 008
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51585

Г.А. АВАНЕСОВА
доктор философских наук, профессор,
эксперт центра «Гражданское общество
и социальные коммуникации» (кафедра ЮНЕСКО)
РАНХиГС при Президенте РФ*

А.В. МИРОНОВ
доктор социологических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы,
Почетный работник ВПО РФ

Постижение России: прорывы и тупики в развитии отечественной гуманитарной мысли (XVIII – начала XXI вв.)

Авторы анализируют, как осмысляли некоторые направления отечественной гуманитарной мысли особенности России –ее истории, общества и культуры Нового времени. Основное внимание уделено консервативной мысли. Эти процессы научно-философского самопознания прослеживаются, во-первых, по ходу взаимодействий России с западно-европейской цивилизацией, с ее гуманитаристикой и теорией познания, во-вторых, в контексте внутренних трансформаций культурно-цивилизационного и парадигмального характера в империи, в советское и постсоветское время.

Ключевые слова: *эпистемология/гносеология, отношения между знанием и реальностью в науке, теоретический рационализм, познавательные субстанции разных цивилизаций, парадигма изучения России русской консервативной мыслью, ракурсы понимания России советским марксизмом, теория отражения, наука и политика, понимание научной истины и правды, псевдонаука в период Постмодерна.*

* Аванесова Галина Алексеевна, e-mail: gal-09@list.ru

G. A. AVANESOVA
Doctor of Philosophy, Professor, expert of the Center "Civil Society and Social Communications" (UNESCO Chair) of the RANEPA under the President of the Russian Federation

A.V. MIRONOV
Doctor of Social Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education, Honorary Worker of the Higher Education Institution of the Russian Federation

Understanding Russia: Breakthroughs and Dead Ends in the Development of Russian Humanitarian Thought (XVIII – early XXI centuries.)

The authors analyze how the peculiarities of Russia – its history, society, and culture of Modern times-have interpreted some areas of Russian humanitarian thought. The main focus is on conservative thought. These processes of scientific and philosophical self-knowledge are traced, first, in the course of Russia's interactions with Western European civilization, with its humanitarianism and theory of knowledge, and secondly, in the context of internal transformations of cultural and civilizational and paradigmatic nature in the empire, in the Soviet and post-Soviet times.

***Keywords**: epistemology/epistemology, relations between knowledge and reality in science, theoretical rationalism, cognitive substances of different civilizations, the paradigm of studying Russia by Russian conservative thought, perspectives of understanding Russia by Soviet Marxism, reflection theory, science and politics, understanding of scientific truth and truth, pseudo-science in the Postmodern period.*

1. Формирование гуманитарной парадигмы изучения России

Введение в проблему. Российская гуманитарная мысль, включая ее самопознание, находится в сложном, если не сказать удручающем положении. После развала СССР общество имеет размытое понимание своей истории, характера государственности и культуры; отсутствует це-

лостная картина современного мира. Сфера информации насыщена ложными, конфликтующими между собой версиями о роли РФ в условиях глобализма. Гражданам сложно представить будущее, которое ожидает Россию, хотя бы в общих чертах. Искаженные представления о мире и о себе присущи и народам постсоветских государств, что можно было бы считать итогом распада СССР, хотя ситуация с гуманитаристикой в этих случаях более серьезная.

Но как объяснить быстрое разрушение национального единства в странах Западной Европы, Северной Америки? Еще недавно их граждане готовились жить в однополярном мире; их аналитики активно доказывали лидерство их цивилизации на планете. Более спокойно смотрят на свое состояние в кризисном мире граждане Китая, Индии и других государств Азии¸ арабо-мусульманских стран, Латинской Америки, Африки; эти сообщества по-разному развиваются, неодинаково сплочены и успешны. В них сильны народные и религиозные формы познания, самоорганизация, в то время, как наука может быть в зачаточной форме. Кризисные процессы нельзя свести и к пандемии Covid-19, которая легко вписалась в нестабильность, когда хаос, рождаясь в слабых звеньях политики, экономики, массового сознания, быстро распространялся по миру. Не исключено, что ряд стран (США, Англия) попытаются выйти из кризиса в одиночку; большинство же будет выживать сообща, через военно-политические союзы, экономические связи. Глобальные вызовы активизируют у народов, как давно утраченные, так и новые виды самоорганизации, самопознания. Пока неясно, какие цели¸ нормы права определят в меняющемся мире сотрудничество граждан разных стран.

В истории полиэтнической России кризисов было немало. Они нередко сплачивали, а не разъединяли население, ибо межкультурные связи крепли в государственном и военном строительстве, в хозяйствовании, социальных отношениях. Этносы не растворялись в национальном организме, как в Европе; действовали процессы их сохранения и взаимопонимания. В итоге общество аккумулировало колоссальный опыт сбережения народов, многообразных форм их самодеятельности в условиях кризиса, усиливая государствою, российскую культуру. Ныне РФ застыла в хаотизированной неопределенности. Кто-то сожалеет о советском периоде, другие, напротив, его демонизируют. Немало людей духовно

дезориентированы, ожидая от власти «новой идеологии». У политиков и граждан ослаблены общие ценности и российская идентичность, отсутствует воля и вера в себя. В этой ситуации парадоксально (или закономерно?) смотрится единодушное расставание общества и власти с иллюзиями о «прогрессивном развитии Запада», хотя в прошлом проницательные аналитики говорили, что такой итог неизбежен.

Наши гуманитарии демонстрируют растерянность перед массовым запросом на целостное и адекватное понимание России, тем самым заставляя сомневаться в их компетенции. Камнем преткновения для них выступают сложные фазы истории, противоречия социальной динамики, контрастная мозаичность культурных традиций; немаловажно и то, что в научной среде рассогласованы представления о том, какой является глубинная Россия, в каких условиях она способна проявить свой конструктивный потенциал. Ответы на эти вопросы неочевидны. Вместе с тем в последние два десятилетия заметно умножались исследования, масштабные по проблематике, по выяснению своеобразия нашей культуры и ее роли в мировых процессах. Такие работы крайне важны для самопознания общества и формирования рефлексивной системы россиеведения завтрашнего дня; но они пока мало кого интересуют всерьез, даже в научной среде. В чем истоки этих трудностей постижения России? Каковы причины неготовности гуманитариев к самопознанию? Ниже авторы пытаются прояснить эти вопросы, анализируя прорывы и тупики в динамике российской гуманитарной мысли.

Постулаты и аксиомы научной деятельности периода классики на Западе. В СССР 70-80-х гг. было немало работ, которые, исходя из марксистской методологии, обосновывали появление в Европе науки и философской мысли современного типа, а затем их освоение нашим обществом. Разницу между Западной Европой и Россией в Новое время советский марксизм связывал с прогрессивным промышленным развитием, интересами буржуазии на Западе, а также с отсталостью производительных сил, с наличием монархии, дворянских привилегий в России. Методология Маркса бесспорно вскрывала ряд факторов развития современной науки и философии; но очевидно, что аналитическая активность в то время понималась – и не только марксизмом – довольно упрощенно. Вместе с тем уточним, что ученые Европы первыми стали создавать философско-теоретическую базу анализа эпохи Про-

свещения, считая науку особым видом умственного труда и социальной организации, выделяя ее из традиционных форм познания (народных, художественных, религиозных и др.).

Философское осмысление научной активности формировало теорию познания (в Англии и США она названа эпистемологией, в странах континента, в т.ч. в России – гносеологией), которая, опираясь на аналитические особенности точных и технических наук, вырабатывала исходные цели, методологические требования и нормы анализа любых дисциплин. Укажем аксиоматику и каноны научной деятельности того времени: ученый нацеливался на неопровержимые знания, на раскрытие законов и закономерностей видимого мира, твердо установленных фактов, причинно-следственных связей и др. Его аналитическое мышление понималось в ключе картезианско-кантовских установок: «научность» жестко была связана с принципами позитивизма – с рациональным объяснением опыта или эксперимента, с логикой доказательств, объективностью данных, точностью изложения и т.п. Обращение ученых к разным методам анализа требовало их отрешенности от личных оценок, культурных привычек, дабы не искажать мыслительные образы реальности. Свобода поиска и споры в науке считались обязательными; это позволяло уточнять знания, осмыслять результаты, делать выводы на основе теоретического тезауруса и логической непротиворечивости. Истина ожидалась в «окончательной форме»; она должна была проявлять отличия от лжи, заблуждений, веры, стать «очевидной» для научной среды и общества. Оправдывался также монотеоретизм в разрешении проблем.

Эти каноны и принципы научной деятельности так или иначе транслировались на разные социальные группы, создавая в странах Запада вместе с либеральной идеологией упрощенную семантику новоевропейского сознания, в то время, как традиционные формы знаний репрессировались узким рационализмом. Картина мира лишалась образа Бога, но доминировала идея единого космоса, как явления природы; сверхъестественные аргументы и оценочно-вероятностные объяснения социальных проблем заменялись натуралистическими доводами, итогами счетно-измерительных процедур; ученые начинали сводить сложные культурные процессы к сумме простых частей; любые изменения трактовались, как линейно-механические связи материальных объектов, социальных групп. Массам внушалась вера в компетенцию

ученых, которым приписывалось чуть ли ни всеведение. Аналитики никого не разубеждали, поддерживая в обществе сциентистские упования.

На рубеже XVIII-XIX вв. рождался заказ от властей и крупного капитала на исследования, оправдывающие лидерство Запада в мире, изучавшие классовые конфликты в метрополиях и коренное население колоний. Заказчики хотели знать, как мотивировать разные народы и социальные массы на действия в интересах европейских элит. Постепенно наука, СМИ, образование стран Запада становились инструментами управления сознанием и поведением масс, а также прикрытием неблаговидных действий властей. Население Европы, опираясь на упрощенные знания, начинало считать, что их развитие приобретает нормативное значение для всех народов. Но в Европе по-прежнему оставалось немало верующих; в науке рождались консервативные теории, идеи; однако эти тенденции считались маргинальными.

Начало освоения гуманитарных наук русским обществом. В России активность ученых и наука, как социальный институт, генерировались по ходу преобразований Петра I и в постпетровский период. Русское общество являлось коллективным учеником, а Европа – культурным донором. Эта расстановка сил определяла положение наук в России. Здесь научный анализ беспроблемно осваивался в технических, точных, естественных дисциплинах. Эти знания завоевывали авторитет в государственно-политической, военной сфере, в промышленности, в светском образовании и др.

Однако освоение нашим обществом социально-гуманитарного познания уже в середине XVIII в. столкнулось с неожиданными трудностями. Так, работы по древней русской истории, созданные немецкими учеными, русские мыслители (в т.ч. члены российской академии наук) отвергали, как предвзятые. В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов предлагали к печати свои работы на эту тему, основанные на подлинных документах о нашей истории, в т.ч. на летописях; но эти труды при их жизни не были изданы. Позже консерваторы-«архаисты» (Г.Р. Державин, А.А. Шишков, И.А. Крылов) осуждали искажения русского языка и засилье в нем иностранных слов. Эти процессы не были ностальгией, наподобие консервативной философии Э. Бёрка в Англии, Ж. де Местра во Франции, творчества братьев Гримм в Германии. В России эти повороты выражали несогласие образованной среды с

учеными Запада, когда те, настаивая на истине, искажали русскую историю и реалии жизни, видя в чужих традициях лишь отставание от Европы. Это нарушение европейцами принятых ими же критериев объективности по отношению к русской истории ради своего первенства в науке стало для ученых России неожиданным.

Первая треть XIX в. отмечена в России интересом дворянской молодежи к философии и наукам; в дружеских кампаниях обсуждались идеи европейских авторов (друг Онегина Ленский в поэме А.С. Пушкина был увлечен Кантом). Вскоре образованные круги убеждаются, что в их среде появляются свои аналитики, смотревшие на страны Запада, как на образец для подражания, враждебно настроенные к своему обществу и властям. А. Пушкин в статьях «Александр Радищев» и «Мысли на дороге» резко характеризует названного аналитика, мечтавшего о революции и просвещении в России: «В Радищеве отразилась вся французская философия его века… Но все в нескладном, искаженном виде... Невежественное презрение ко всему прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне, частные поверхностные сведения, наобум приноровленные ко всему…». Поэт по сути лишает этого мыслителя способности понять родную историю и Россию; он пишет, что связи Радищева с масонами, образование во Франции в этом не повинны; они лишь усугубили изъяны его мировоззрения. Статью о Радищеве поэт завершил словами: «Нет убедительности в поношениях, и нет истины там, где нет любви»[1].

Продолжая выступать против несостоятельной критики отечества, Пушкин в письме к П.Я. Чаадаеву (1836 г.) развивает консервативно-патриоти-ческую позицию в анализе России и Запада. Так, принятие православия Византии он считает не случайным, но промыслительным; в этом случае России суждено судьбоносное предназначение, перекрывающее частные недостатки православия и определившее развитие масштабных регионов мира; по мысли поэта, это предназначение еще не раз поразит будущих историков. Пушкин тем самым затронул метафизические и провиденциальные аспекты познания. Рассуждения Чаадаева о том, что у России нет достойного прошлого, он опровергает

[1] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Л., 1978, т. 7, с. 246.

фактами: борьба Московии за освобождение от татар, политика Петра I, Екатерины II Александра I, военные победы над Европой. Поэт здесь обнаружил теоретические знания, использовал прием классификации. Он уточняет, что и сам видит в окружающей среде поводы для пессимизма. Однако он полностью нейтрализует при этом критику неизбывной «ущербности» России перед Западом.

В другом тексте Пушкин (за 40-50 лет до идей Н.Я. Данилевского) утверждал: «Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой…История ее требует другой мысли, другой формулы…». Но, оценивая Россию и Европу, как разные миры, он вовсе не отвергал те достижения зарубежной науки, которые могли быть благотворны для русской гуманитаристики, уравновешивая консерватизм идеей консолидации: «Умствования великих европейских мыслителей не были тщетны и для нас. Теория наук освободилась от эмпиризма, возымела вид более общий¸ оказала более стремления к единству»[1]. Признавая ограниченность многих идей и категорий науки Запада в изучении России, он считал необходимым разрабатывать собственные теории о динамике отечества и мира. В полемике поэт опирался на лицейское образование, каноны русского народного гнозиса и спонтанность своего творческого мышления; имея православное понимание о России, он не видел ее у тех, кто лишен веры в нее и любви к ней.

Формирование гуманитарной парадигмы изучения России и русского общества в 40-90-е гг. XIX в. Россия этого периода осваивала вызовы европейского Модерна. Властям и разным элитам трудно давалось понимание новых реалий Запада, которые нелегко приживались в России, сталкиваясь с укладами жизни разных народов, с многообразием традиций, и верований. Эти процессы проявлялись в полярных тенденциях: территориально-численный рост России и слабая консолидация общества; отстающая экономика и нарастающая враждебность Запада; культурное своеобразие жизни на национальных окраинах и почти полное отсутствие новых институциональных механизмов их сближения. Развитие империи требовало, чтобы гетерогенное население начинало осваивать современный мир, формируя

[1] *Пушкин А.С.* Полн собр. соч. М., Наука, 1964, т.7, с. 407.

консолидированные слои современного типа, которые стали бы опорой власти вместо дворян и родовой знати.

Отзываясь на эти вызовы, власть выдвинула весьма невнятные ориентиры политико-гражданского единства: православие, самодержавие, народность. Для многих слоев населения было очевидно, что основная часть православных остро переживала раскол; позже в обществе стало расти число атеистов, что говорило о снижении духовно-интегративной силы официальной церкви. Идея же народности с ее размытым смыслом, неуместным в доктринальном императиве, была малопонятной основной массе поданных. Александр II начал реформы, расчищая путь капитализму за счет обездоленных слоев аграрных регионов, что обостряло межсословные отношения, усиливая социальную поляризацию, межэтнические конфликты. Ряд мер свидетельствовали о попытках власти создать из великоросов, украинцев, белорусов свою опору – нацию. Но эти шаги рождали другие эффекты – царя-реформатора убили революционеры; в обществе росла оппозиция; русские люди стали задумываться, какие земли они могут считать своими.

Для гуманитарной мысли время было более благоприятным – философско-теоретическое познание России успешно развивалось. Помимо уже освоенных дисциплин аналитики знакомились с новыми предметами, мирообъяснительными идеями и методами наук Запада – с антропологией и расовым подходом, с демографией и этнографией/этнологией, с дарвинизмом и марксизмом, с психологией и геополитикой и др. Росла численность ученых; наряду с членами академий и научных обществ, с преподавателями учебных заведений появились прикладники в структурах власти, отслеживая социальную статистику, сферы хозяйства, состояние государственных имуществ. По глубине изучения российских проблем и степени интереса образованных страт выделялись труды историков, философов, лингвистов. Малограмотные массы не проявляли к науке интереса. Многие образованные слои узнавали о сдвигах в обществе из русской литературы, критики, православной публицистики, которые были востребованы русскоязычной аудиторией. Власти и научные общества не распространяли труды обществоведов, ибо иноверцы, инородцы не могли читать по-русски, а русская и православная среды были расколоты на высшие

сословия с их тягой к европейской культуре и малограмотные низы.

Гуманитарное познание данного периода проявляло более сложные размежевания в изучении России, нежели на первой фазе. Деление ученых на консерваторов и западников осталось, но процессы познания усложнялись, рождая новые направления и проблемные точки анализа. Умеренная цензура не мешала авторам дискутировать в печати, что множило разные позиции. Эти процессы говорили о созревании парадигмального ядра российской гуманитаристики. Ниже мы абстрагируемся от известных направлений, внесших вклад в создание этого ядра – славянофилы, либералы, народники, охранители, социалисты, аналитики Серебряного века и др. Эти направления хорошо изучены в науке; немаловажно, что их участники применяли теоретическую мысль Европы, как фундамент изучения России. Авторы, пытаясь понять свое общество и культуру на базе рефлексивной системы Запада, неизбежно делали вывод об отсталости России. Местами их анализ был интересным, отчасти верным, отличая их взгляды от радикальных оценок. Но принятая рефлексивная система изначально не была пригодна к осмыслению не-западных культур; она деформировала анализ у самих ученых, не проясняя ту или иную проблему, но затемняя ее.

Наш замысел иной: рассмотреть ведущие идеи и результаты русской консервативной мысли с россицентристскими установками и целями анализа, не идеализируя и не приуменьшая ее научно-теоретических достоинств. Иная задача решается авторами в изучении украинской историографии, основанной на идеологии казачества, хаотически совмещенной с иными идеями; в этом случае осмысляются когнитивные опасности, разрушающие консервативный подход, дезориентируя население Украины и делая исследования несовместимыми с российской наукой.

Указанные направления консервативной мысли ныне менее известны; при этом они позволяют по-новому увидеть достижения и издержки понимания России в условиях Модерна. Образованная среда по-разному оценивала консервативную мысль, нередко ее критикуя; востребованность ее возросла лишь в условиях неустойчивости и катастроф. В СССР участники этих направлений замалчивались или критиковались, как черносотенцы, националисты; их труды не

издавались. Ситуация стала меняться незадолго до 1991 г. Сегодня ученые лучше знают эти направления; сведения об их составе есть в справочно-аналитических трудах; работы этих авторов изданы и востребованы. Но после утраты преемственности в их изучении непросто оценить их вклад в отечественную науку[1]. Мы считаем, что итоги консервативного постижения России актуальны не только для нынешних гуманитариев, но не исключено, что и для будущих поколений.

Теория культурно-исторических типов, как парадигмальный прорыв консервативной мысли. Для установок консервативного анализа характерно изучение России, исходя из логики ее внутренней эволюции, из наличия у нее собственных ресурсов развития, опираясь при этом на русско-российскую когнитивную субстанцию (гнозис). Пытаясь найти, согласно словам Пушкина, «формулу» российского развития, консерваторы учитывали семантику западной мысли лишь в той мере, в какой она не сковывала анализ пристрастными оценками, европейскими нарративами, не искажая, но позволяя понять наши реалии. Аналитики концентрировались, во-первых, на России, как цивилизации с присущими ей алгоритмами эволюции; во-вторых, на самосознании русского человека, на русской народности, которые определяли устойчивость и обновление отечественной культуры; в-третьих, на сложной структуре общества, что приобретало огромную важность в понимании единства имперского населения.

Рассмотрим вектор изучения России, связанный с теорией Н.Я. Данилевского о культурно-исторических типах. Это была первая в науке Нового времени и удавшаяся попытка обосновать парадигмальную базу междисциплинарного метода в сравнительном анализе крупных культурных сообществ мира – локальных цивилизаций. Под цивилизацией, как локальным типом, понимается исторически сложившееся на сопредельной территории культурно-системное единство страновых сообществ (напр. арабо-мусульманская) или народов масштабной империи (византийская). Цивилизации зачастую не имеют четких границ; к тому же между ними имеются пограничные культуры. Такие самоорганизующиеся системы ученые до этого «не замечали». Проницательность Данилевского позволила распознать их среди сопредельных стран прошлого и настоящего, ибо они не умозрительные системы,

[1] См. об этом см.: *Ильин Н.П.* Трагедия русской философии. М.: 2008, 605 с.

но реальные сообщества с био-материальной и социально-духовной основами жизнедеятельности.

Труд Данилевского (ботаника, зоолога по образованию, ученого-при-кладника по профессии, служившего в органах власти) поражал теоретиков XIX и XX вв. концептуальной целостностью, новыми идеями, владением междисциплинарных приемов анализа. Автор, умело сочетал гуманитарные и естественно-научные методы, исходя из идеи единства природы и общества. Он вычленял цивилизации по типологическим критериям – различиям в их структуре, внешним и внутренним факторам эволюции, природным, социально-политическим, экономическим, культурным формам развития. Особое внимание он уделил законам зарождения, динамики, распада цивилизаций, их взаимодействию и борьбе. Раскроем эти законы, используя нынешние термины, которые близки или и соседствуют с понятиями автора.

1. Культурно-исторический тип (локальная цивилизация) формируется народами-соседями с государственными формами развития, в чем-то близкими друг другу, и при этом несхожими; цивилизационное единство создается при наличии консолидирующего ядра (страны, народа).

2. Культурная самобытность, саморазвитие, самодостаточность – ведущие свойства зрелых цивилизаций; они лишают эти масштабные системы возможностей ассимилировать или подчинять друг друга; в истории системы сбалансированы своим разнообразием.

3. Цивилизациям не дано также уподобляться друг другу, но между ними спонтанно создается обменный фонд, состоящий из отдельных достижений с последующей их адаптацией к новым условиям. Учитывая этот закон автор оценивал чрезмерное подражание Западу русских верхов («европейничанье»), как явление, крайне опасное для российской культуры.

4. Зрелая или умирающая цивилизация может передать ряд звеньев своих ведущих сфер (религии, искусства, языка и др.) нарождающемуся культурному типу, делая «прививку».

5. Все цивилизации не могут находиться разом в состоянии линейно-прогрессивного развития; каждая самопроизвольно проходит свои фазы, темпы изменений на разных стадиях эволюции; в итоге цивилизации осваивают все «поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях».

6. Претензия какой-либо цивилизации на лидерство в мире, изнуряющие войны с врагами ведут ее к перенапряжению и деградации[1].

Свой метод Н.Я. Данилевский развивал, осмысляя материалы об исчезнувших и живущих цивилизациях. В фокусе компаративного анализа он изучил славянский и романо-германский типы; их историческое противостояние в Европе оценивалось им, как весьма серьезное. Оба типа сравнивались по поведению сторон в войнах, по формам государственного устройства, взаимодействия с природой, по нравственным качествам и психическому складу народов, их религиям, по склонностям к наукам, искусству и др. Указанные методы дают возможность прояснить различия между глубиной цивилизационного подхода Данилевского и методологической узостью анализа крупных систем культуры у мыслителей Запада.

В итоге русский теоретик выработал основания для выводов огромной исторической и прогностической значимости. Его теория позволяет говорить, что жизнедеятельность разных сообществ мира несовместима с единой цивилизацией или с одной культурой, с общим языком, религией, укладом жизни для всех народов. Особое внимание он уделил обоснованию национальных форм научной активности, своего поиска истины разными этносами, страновыми или цивилизационными сообществами[2]. Современная наука относит Россию к одной из шести живущих цивилизаций; ее корректно сравнивать не просто с Англией, Индией, но с западноевропейской или индуистской цивилизацией. Ныне мы видим в упомянутом споре немецких и русских историков XVII в. межцивилизационный конфликт, когда ученым изначально присущи разные когнитивные установки понимания себя и познания мира. Данилевский, опираясь на межцивилизационную компаративистику, отработал процедуры корректного сопоставления ведущих свойств развития каждого культурного типа. Сегодня вопрос межцивилизационного сближения гуманитарного знания разных стран актуален, хотя ученые признают, что эти процессы в науке сложны, трудоемки, длительны. Совместить их в будущем во всей полноте вряд ли возможно.

---

[1] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 2003, с. 95-115.
[2] Там же; с. 128-161.

По сути, теория цивилизаций подорвала парадигмальное лидерство гуманитаристики Запада, лишив Европу претензий на универсализм в развитии человечества и науки. Труд ученого на Западе пытались не замечать; но в начале XX в. сходную систему идей создал О. Шпенглер, что заставило научный мир признать теорию локальных цивилизаций. Идеи Н.Я. Данилевского, продолжая сохранять мощный эвристический потенциал, стали уязвимы в XX в. по ряду аспектов, требуя корректировки, углубления. Но наряду с развитием теории ныне имеет место и сознательное искажение ее семантики, подрыв ее познавательно-аналитических возможностей.

Философский анализ русского самосознания и народности. Второй консервативный вектор познания России и русского народа выделяется нами на базе тематики, близких позиций авторов: отдельных славянофилов (И.В. Киреевский), мыслителей второй половины XIX в. (А.А. Григорьев, П.Е. Астафьев Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев, Б.Н. Чичерин, Л.М. Лопатин, В.И. Несмелов и др.). Философы-психологи (эти предметные аспекты анализа в середине XIX в. были единым целым), изучая русскую народность и сознание, сохраняли самостоятельность, не злоупотребляя парадигмальными клише европейской мысли. У них были разные позиции; но сходные цели, приемы, смыслы анализа развивали общие принципы изучения России и русской среды. Эти философы были убеждены, что грядущее человечество не станет смешанно-единообразным, что национальная философия, соотнесенная с культурой и сознанием русского народа, необходима всей России. Не соглашаясь с философами Запада, видевшими в нациях лишь универсально-прогрессистские свойства, а у личности – в основном индивидуализм и материальные запросы, они отвергали также подмену души психикой, а духа – разумом. Их недоверие к анализу психологии человека в основном по внешнему поведению (психологи Запада начинали отделять себя от философов, желая придать научный статус своей дисциплине), выражалось порой в иронии. Б. Чичерин остроумно заметил, что душевное переживание не положишь под микроскоп, а любовь или совесть сложно подвергнуть эксперименту; в этом случае он признавал адекватным метафизический анализ[1].

[1] См.: *Чичерин Б.Н.* Наука и религия. М.: Республика, 1999, 495 с.

Будучи православными, русские философы учитывали христианскую¸ а также научную антропологию, психологию; но свои исследования они не смешивали ни с теологией, ни с «чистой» наукой, применяя в основном метафизические методы. Они наметили позицию, которая сегодня признана нашей и мировой аналитикой: консервативная философия познания способна стать концептуальным посредником между «рациональными моделями науки и безграничным апофатизмом[1] богословия»[2]. Такое посредничество сказывалось в конце XIX – начале XX вв. в работах известного философа В.С. Соловьева, а также в трудах аналитиков органицистско-религиозной ветви русского космизма (К.Э. Циолковского и др.). Эти мыслители размышляли над тем, как Божественное творение совмещает внутри себя порядок и хаос; как хаос влияет на сохранение и развитие человечества; каковы возможности понимания религией, наукой, философией «истины-заблуждения», «правды-лжи». Такой анализ ныне востребован широким диапазоном гуманитарных, естественно-экологических и технических дисциплин, о чем мы скажем ниже.

Философы XIX в. придавали немалое значение самосознанию человека. Императив «познай самого себя» дошел до нас из глубокой древности; признание же роли личности несло в себе христианство. При этом аналитики опирались на особенность русской среды – несомненную ее склонность размышлять над сложными сторонами жизни, оценивать внутренний мир человека, как подлинный, реальный (П. Астафьев, В. Несмелов). Факт этой подлинности позволял установить, что самосознание может связывать антропологические, аксиологические аспекты с онтологическими и когнитивными сторонами существования человека. Исходя из этой связи, В. Несмелов ссылается на фундаментальный принцип философии: бессмысленно гадать, что первично, что вторично. Бытие, как сознание, означает сознание, как бытие, т.е. они сорастворены, переходя друг в друга[3].

---

[1] Апофатизм – способ отражения сущности Бога через отрицание всех возможных определений, как несоизмеримых с его природой; Бог предстает как принципиально невыразимое.

[2] См.: Нестерук А. Логос и космос: Богословие, наука и православное предание. М.: 2006, с. 91.

[3] *Несмелов В.И.* Наука о человеке.Т.1. Казань,1898, с. 408 (репринт 1994).

Русская народная практика самопознания вплоть до советского периода учитывала ведущие начала в человеке – его тело, душу, дух. В христианстве душа предстает данным человеку свыше бессмертным индивидуальным центром; она взаимодействует с его внутренними состояниями, его восприятием социальной среды, окружающей реальности. Функция души проявляется в предметной и межличностной чувствительности, в желаниях, эмоциях человека, в разуме и мышлении, познающих видимый мир. Дух понимается глубже, масштабнее; он выступает более тонкой энергией вне времени и пространства, укрепляя душу, оживотворяя тело; он выводит личность к познанию сверхчувственных и потусторонних планов бытия. Духовные силы проявляются в религиозной вере, интуиции, совести¸ свободе воли, в понимании справедливости, истины, правды, смысла жизни и др.[1]. Русские философы развивали эту древнюю, весьма сложную модель самосознания человека, как объект современного анализа. Душа и дух при этом виделись, как субстанциальные основы личности.

Философско-консервативный анализ позволял говорить, что человеческий младенец начинает с определенного возраста проявлять свободу выбора, ощущать свои творческие задатки, осваивать мораль в отношениях с близкими людьми или с чуждой средой. Молодежь более целеустремленно развивает в себе творческие навыки, «цельность сознания» (И. Киреевский). Свобода духа взрослого человека уже не связана со своеволием, но нацелена на понимание смысла жизни, своей ответственности за благополучие других людей, окружающей природы. Он дорожит самостоятельной позицией и развивает «душевно-духовную полноту» внутреннего мира (Л. Лопатин). В осознаваемом возрасте человек, не дифференцируя, применяет в познании себя и жизни широкий диапазон внутренних возможностей – рациональное мышление, рассудочность, чувства, оценки, привычки, интуицию, веру, память, воображение, фантазии и т.п. (А. Григорьев). Православная мысль и философия того времени настаивали на освоении человеком «вечных ценностей» и стоящих за ними духовно-нравственных состояний (любви, чувства справедливости, достоинства, совести, правдивости

[1] См. об этом: *Зенько Ю.М.* Православная антропология и психология в практическом изложении. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2019, 800 с.

и др.), которые мотивируют личность на упорный труд, на служение ближним, делу, Богу. Эти установки несовместимы с эгоизмом, с надеждой на удачу, с ожиданием материальных благ или беспрерывного счастья. Со временем многие люди вырабатывают верное и цельное мировоззрение. Сошлемся на мнение П. Астафьева об этом феномене: ясное мировоззрение «доставляет высочайшее и глубочайшее духовное удовлетворение».., которое «никому не достается даром… Обладает мировоззрением только тот, чья мысль, чувство и воля самодеятельно… участвовали в его построении… Получить мировоззрение отвне полностью готовым нельзя; его нужно выжить всей своей душой»[1].

В повседневной жизни человек остается несовершенным, смертным; у него нередко закреплены искаженные представления о себе (принижение себя, эгоизм), о близких, обществе (нигилизм, равнодушие). Философы признавали, что не каждый человек в разных ситуациях бывает самим собою, не всякий выдерживает трагические стороны жизни; встречаются морально слабые, психологически неуравновешенные люди. В оценке этих сторон православные духовники категоричны: только сама личность является творцом внутреннего мира, а через это – и своей судьбы. Философы также учитывали противоречия в мотивациях личности. К. Леонтьев, отзывается в частном письме о населении центральной России: «Пороков и страстей много во всех классах. Мужики очень развратны, хотя и религиозны»[2]. Но, даже будучи морально падшим, человек способен с помощью высших сил внутренне преобразиться (Н.А. Некрасов: «Вдруг у разбойника лютого совесть Господь пробудил»). Анализ того времени подтверждал – русский человек в массе не уходит от моральной ответственности за свои мысли и поступки в сложных ситуациях. В этом ему помогает любовь к отчизне, вера в то, что Россию объединяет «русский дух». Напомним, что такой веры и любви Пушкин не находил у Радищева, лишая его тем самым возможности адекватно постигнуть Россию и русский народ.

Философам-консерваторам был присущ далеко не сентиментальный интерес к феномену народности. Этот термин

---

[1] *Астафьев П.Е*. Вера и знание в единстве мировоззрения. М., 1893, С.V.

[2] *Фудель И.* Культурный идеал К.Н. Леонтьева // Леонтьев К. Славянофильство и грядущие судьбы России. М.: Институт русской цивилизации, 2010. Приложение, с. 1122.

всегда имел два значения: а) племя, народ; б) народ как неразрывное единство, целостность. Второй смысл этого понятия размыт, ибо его можно трактовать по-разному. Ситуацию не спасал и пришедший с Запада в середине XIX в. его эквивалент – «национальность», значение которого в России было и остается еще более нечетким, ибо он, в отличие от «народности», не имеет в русском языке общепризнанного смысла. В случае «народности» В.Г. Белинский зорко подметил, что это «таинственный символ… какой-то глубоко знаменательной, неизмеримо обширной идеи». Ныне мы фиксируем семантический парадокс: на разных фазах истории неясное значение «народности» не смущало политиков, образованные круги. Понятие скорее трактовалось разными сословиями как нечто интуитивно очевидное, по-другому невыразимое. Ныне, оставаясь нечетким, феномен народности не устарел, что делает его изучение увлекательным, но непростым делом.

В первой половине XIX в. славянофилы связывали рус народность с крестьянством и общиной, относя пик их развития к прошлому. Они видели в такой народности частные или порой нерелевантные свойства – общинный коллективизм, соборность, антигосударственные устремления и др. Поэтому мы не считаем возможным сближать славянофилов (исключая Киреевского) с философами-консерваторами второй половины XIX в. Последние более строго и глубоко исследовали новые формы единства русского народа в целом. Народность понималась ими метафизически, как национальный (термин эпохи Модерна – *авторы*) склад ума; душевно-духовное начало; самоосознающий дух народа; народное коренное мировоззрение; умственная жизнь народа и др. В дополнение к этому А. Григорьев обосновал метод изучения народных типов, их полноту, жизненную силу на примере персонажей известных писателей (пьес А. Островского, произведений А. Пушкина). С тех пор этот метод закрепился не только в художественной критике, но и в социологии, культурологии и др.

Труднее вырабатывалось философское определение народности. И. Киреевский, признавая, что «народность в ее общем начале нами не осознана и не выражена», все же предложил ее формулировку. Он видел в ней метафизическую основу, «национальную крепость» и полноту взаимопонимания всех слоев народа, на которых покоится жизне-

способность русской культуры[1]. А. Григорьев видел в феномене народности несколько иные акценты: это «целая… личность, собирательное лицо, слагающееся из черт всех слоев народа, высших и низших, богатых и бедных, образованных и необразованных, слагающееся… не механически, а органически, носящее общую, типическую, характерную физиономию, физическую и нравственную, отличающую его от других, подобных ему собирательных лиц»[2]. Н. Страхов дополнил эти определения свойствами русского духа: доминанта народности такова, что она сохраняется и обновляется по ходу саморазвития народного духа[3]. Это значит, что феномен народности не статичен. Ныне признано, что корни ее целостности исключительно глубоки; но все же народность, как единое целое, обновляется, во-первых, в силу свободных устремлений русского духа в истории, во-вторых, под влиянием объективных обстоятельств и катаклизмов.

Продолжение следует

[1] *Киреевский И.В.* Избран. статьи. М. 1984, с. 152-155.

[2] *Григорьев А.А.* Апология почвенничества. М.: Институт русской цивилизации, 2008, с. 418.

[3] См.: *Страхов Н.Н.* Роковой вопрос // *Он же*. Борьба с Западом. М.: Институт русской цивилизации, 2010.

УДК 316.485
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51586

П.Я. ЦИТКИЛОВ
доктор исторических наук, профессор кафедры социальных технологий Южного федерального университета*

Пути преодоления политического кризиса в Беларуси, её новый облик

В статье дан научный анализ путей преодоления политического кризиса в Беларуси конца лета – осени 2020 г. Обстоятельно рассмотрены следующие из них: формирование нового идеологического концепта с учётом современных вызовов, вставших перед белорусским обществом; восстановление в экономической сфере приоритета государственного сектора и активное развитие кооперации; использование различных форм обеспечения обратной связи общества и власти; определённое конституционное переформатирование властных институтов и др. Вышеперечисленные способы реформирования общества позволят создать привлекательный для большинства народа образ будущего страны.

Ключевые слова: *Беларусь, политическая дестабилизация, пути преодоления кризиса, новое виденье будущего.*

P.Ya. TSITKILOV
Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Social Technologies, Southern Federal University

Ways to overcome the political crisis in Belarus, its new look

The article provides a scientific analysis of the ways to overcome the political crisis in Belarus in late summer - autumn 2020. The following of them are thoroughly considered: the formation of a new ideological concept taking into account the modern challenges facing the Belarusian society; restoration of the priority of the public sector in the economic sphere and active development of cooperation; use of various forms of

* Циткилов Пётр Яковлевич, e-mail: petrcitkilov@yandex.ru

providing feedback from society and government; certain constitutional reformatting of power institutions, etc. The above methods of reforming society will create an image of the country's future that is attractive to the majority of the people.

Keywords: *Belarus, political destabilization, ways to overcome the crisis, a new vision of the future.*

Совокупность внешнеполитических и внутренних факторов привела в августе 2020 г. к дестабилизации в Республике Беларусь. Под угрозой оказалась устойчивость государства из-за попытки государственного переворота. Властная вертикаль страны в целом выдержала испытание на прочность и верность конституционному долгу. Однако массовые акции протестующих граждан не прекратились. Это свидетельствовало о том, что в белорусском обществе возник большой запрос на обновление.

Сегодня необходимость перемен осознана белорусской властью. Как заявлял президент А.Г. Лукашенко, для него и руководства страны акции протеста стали серьёзным уроком. Процесс выхода из кризисного состояния потребует определённого времени, политической воли, концентрации и напряжения интеллектуальных сил, способности власти услышать и учесть мнение различных групп населения, включая инакомыслящих и радикально настроенных граждан.

Ещё в Святом Писании, в первом послании св. Апостола Павла к верующим Коринфянам отмечалось, что «надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные»[1]. Следовательно, разномыслие – это определённый этап в жизни думающих и ответственных за страну людей на их пути к единомыслию и гражданскому единству, которые необходимы для блага Отечества.

Свидетельством начала диалога власти с широкими слоями общества, включая оппозицию, стала встреча Лукашенко 10 октября 2020 г. с её одиннадцатью представителями, находившимися тогда под арестом. Она проходила в течение 4,5 часов в СИЗО КГБ республики. На встрече обсуждались вопросы конституционной реформы. В ходе неё президент справедливо заметил, что «моя цель –

[1] Новый Завет. Первое послание к Коринфянам Святого Апостола Павла. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Библейское общество, 1995. 1376 с.. с. 1254.

услышать мнение всех»[1]. И это верный шаг в направлении преодоления разногласий и непримиримости в белорусском обществе.

Примерно в то же время в различных городах и районах Беларуси начали работать диалоговые площадки по обсуждению предложений, связанных с предстоящими изменениями в Конституции. В их работе принимала участие и молодёжь, представители студенчества, многие из которых начинают понимать, что стране нужно не противостояние, а конструктивная работа по выработке конституционных предложений на основе уважительного отношения к различным мнениям.

Что же может в нынешних условиях ускорить процесс преодоления кризисной ситуации в Беларуси и стать импульсом для её успешного развития? Наряду с теми действиями, которые уже осуществляютсяруководством страны, *обеспечению устойчивости общества и его прогрессивному развитию может способствовать принятие следующих мер*:

во-первых, формирование нового идеологического концепта с учётом современных вызовов, вставших перед белорусским обществом;

во-вторых, восстановление в экономической сфере приоритета государственного сектора и активное развитие кооперации;

в-третьих, создание автоматизированной системы социально-экономического планирования и её государственного органа;

в-четвёртых, использование различных форм обеспечения обратной связи общества и власти;

в-пятых, определённое конституционное переформатирование властных институтов и др.

Содержательной основой нового идеологического концепта могла бы стать *особая модель социализма с опорой на духовно-религиозную традицию народа, его евразийскую историческую судьбу*. Этот идеологический и цивилизационный концепт сегодня востребован жизнью не только в Беларуси, но и на всём постсоветском пространстве. «Геополитический плюрализм» последних 30 лет привёл к дезин-

[1] Лукашенко в СИЗО пообщался с Виктором Бабарико и другими арестованными оппозиционерами, 10 октября 2020 г. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9683807?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop – 11.10.2020.

теграции и ослаблению нашего единого евразийского Отечества. Без объединяющей народ идеологии не может быть устойчивой и созидательной государственной политики. Как справедливо писал западный философ, профессор Гронингенского университета (Нидерланды) Франклин Анкерсмит, «неидеологическое государство – глупое и неэффективное»[1]. Но идеология должна быть не имитационной, а созидательной, опирающейся на менталитет, традиции, историческую судьбу народа. Лишь тогда она способна формировать привлекательный образ будущего.

В *современном капиталистическом обществе нарастают противоречия*. Они ведут к росту социальной дифференциации людей, периодическому обострению гражданского противостояния, усилению чувства страха, моральному оскудению, кризису традиционных семейных ценностей, снижению темпов экономического роста. Несмотря на манипулирование общественным сознанием и насаждение индивидуалистских, потребительских ценностей, либерализм не может предложить обществу справедливого образа будущего. Напротив, его конкурентный креатив зачастую оборачивается разрушением позитивных традиционных ценностей и растлением душ многих людей.

Сегодня даже видные западные учёные признают, что недостатком современной капиталистической системы является её чрезмерная индивидуализация, некий экономический эгоизм. Так, профессор экономики и публичной политики Оксфордского университета Великобритании Пол Коллиер в одной из своих лекций говорил, что на Западе социальная дифференциация достигла угрожающих для стабильности общества размеров. После этой лекции, отвечая на вопросы, он подчёркивал, что капиталистической системе недостаёт солидарности, общей ответственности людей, свойственных социалистическим обществам и коммунистическому мировоззрению в лучшем её облике[2].

---

[1] *Анкерсмит Ф.Р.* Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности / Пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 432 с., с. 413.

[2] Онлайн-лекция профессора Оксфордского университета Пола Коллиера «Будущее капитализма». Лекторий Российской экономической школы (РЭШ), 29 сентября 2020 г. URL: https://www.youtube.com/-watch?v=mTUG1wgyKsw – 16.10.2020.

Порождением капитализма являются войны за новые территории и рынки сбыта, приобретающие в современную эпоху перманентно-гибридный характер. В апреле 2020 г. патриарх американской политики, в прошлом госсекретарь США и советник по национальной безопасности Генри Киссинджер выступил на страницах «The Wall Street Journal» с аналитической статьёй. В ней он прямо указал, что, несмотря на пандемию коронавируса, важнейшей задачей США является «защитить принципы либерального мирового порядка». И далее он заметил, что в случае провала сохранения либерального порядка во главе со США «мир может оказаться в огне»[1]. А это значит, что страны, противящиеся такому порядку вещей, будут военным путём к нему принуждаться. Вот и свобода, «демократия» по законам глобализма!

Евразийский концепт социализма, идеократический по своей сути, предполагает наличие в обществе *мощных нравственно-духовных скреп*, устойчивость которым придаёт религия. Православный философ С.Н. Булгаков ещё на заре советской эпохи писал, что между христианством и социализмом может и должно существовать положительное соотношение. «Христианство, – продолжал он, – дает для социализма недостающую ему духовную основу, освобождая его от мещанства, а социализм является средством для выполнения велений христианской любви, он исполняет правду христианства в хозяйственной жизни»[2]. Эти мудрые слова православного богослова сегодня приобретают особую актуальность не только для Беларуси.

Общественная модель духовно-нравственного социализма применительно к Северо-Востоку Евразии должна *впитать в себя лучшее из опыта советской социальной организации*. При этом следует уйти от ошибочного, что было в той общественной системе (проповедь атеизма, абсолютизация государственной собственности и классового начала, теоре-

---

[1] Пандемия коронавируса навсегда изменит мировой порядок – Генри Киссинджер, 6 апреля 2020 г. URL: https://yandex.ru/turbo?text=-https%3A%2F%2Frossaprimavera.ru%2Farticle%2F7a4fd384 – 11.04.2020.

[2] *Булгаков С.Н.* Христианство и социализм (1917). // *Булгаков С.Н.* Христианский социализм: [сборник] [Вступ. ст., с. 5-24, сост., подгот. текста, примеч. В. Н. Акулинина]. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1991. 347 с., с. 227. (Споры о судьбах России).

тический догматизм, отсутствие механизмов очищения правящих элит от перерожденцев и демагогов и др.).

Важным аспектом конструктивных перемен на идеологическом поле Республики Беларусь может стать *новая информационная политика*. С одной стороны, она должна быть современной, креативной, наступательной, а, с другой – высокоидейной, т. е. духовно-нравственной, патриотичной, отстаивающей социальную справедливость, евразийское цивилизационное единство, традиционные семейные ценности. И обеспечить это без доминирования государственного ресурса в информационном пространстве, включая Интернет-издания, крайне затруднительно. Государственная контрпропаганда должна быть убедительной, оперативной и непрерывной.

В стране, где обеспечиваются интересы большинства народа, *не может быть нескольких государственных идеологий*. Идеология должна быть одна, но при уважении права людей на разномыслие. Лишь единая государственная идеология будет объединять и при необходимости мобилизовать народ. Это позволит минимизировать риски дестабилизации общества. Вероятно, было бы целесообразным в первом предложении ст. 4 Конституции Беларуси опустить слово «идеологий» и заменить слово «политических» на «общественных». В результате текст этого предложения был бы следующим: «Демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе многообразия общественных институтов и мнений».

Второй мерой, направленной на стабилизацию белорусского общества и его поступательное развитие, могло бы стать ***восстановление приоритета государственного сектора экономики и активное развитие кооперации***. Как справедливо писал по этому поводу белорусский политолог П.С. Петровский, «нужна реализация набора предложений о восстановлении первенства государственного сектора, о государственных инвестициях, вовлечении в них частного сектора, то есть связки его с государственными интересами»[1]. По его мнению, это вернёт нарушенный баланс сил в обществе, а значит, обеспечит его устойчивость.

[1] Пётр Петровский: Белоруссия нуждается в политической модернизации, но не так, как того хочет оппозиция, 2 сентября 2020 г. URL: https://news-front.info/2020/09/02/pyotr-petrovskij-belorussiya-nuzhdaetsya-v-politicheskoj-modernizaczii-no-ne-tak-kak-togo-hochet-oppozicziya/ – 13.09.2020.

Применительно к белорусскому IT-сектору очень важно прочно связать его интересы с интересами государства. Для этого возможно проведение перерегистрации предприятий (компаний) IT-сектора с созданием в дальнейшем двух основных форм хозяйствования: а) совместной государственно-частной и б) инновационная кооперативной. В первом случае могут сохраняться зарубежные совладельцы, но с государственным контрольным пакетом акций, а во втором случае сами члены IT-кооператива будет владеть этим предприятием, распоряжаться продукцией и полученной прибылью.

О большом потенциале кооперативных производств писали ещё дореволюционные российские экономисты. Так, М.И. Туган-Барановский полагал, что целью частного предприятия является минимизация издержек и извлечение максимально возможной прибыли ради наживы и «наибольшего барыша». Цель же кооперации заключается вовсе не в получении максимальной прибыли любым путём, а в достижении «наибольшей степени благосостояния членов кооператива». Средствами этого становятся «увеличение, благодаря общему ведению хозяйства, трудовых доходов своих членов или уменьшение их расходов на потребительские нужды»[1]. Такой подход альтернативен либеральному принципу абсолютизации потребительства и максимально возможного обогащения.

Большое значение кооперации придавал известный русский экономист А.В. Чаянов. Он утверждал, что именно *кооперация должна стать основным хозяйственным укладом справедливого общества*. Эти мысли в 1960-1970-е гг. получили мировоззренческое обоснование в работах философа Э.В. Ильенкова. Он писал, что массовая кооперация в условиях советской социальной организации призвана обеспечить переход от формального к реальному обобществлению и является важнейшим способом преодоления отчуждения человека труда от общественной собственности. «Поэтому, – продолжал Ильенков, – само движение общественной собственности приводит к необходимости «снимать» одну форму отчуждения за другой, передавая их

[1] *Туган-Барановский М.И.* Социализм как положительное учение // К лучшему будущему: Сборник социально-философских произведений. М.: РОССПЭН, 1996, с. 104.

самим непосредственно-кооперированным индивидам»[1]. Но для широкого развития кооперации необходимы системные меры государственной поддержки (льготный кредит и др.), что в скором времени с лихвою окупается.

С учётом вышеотмеченного можно предложить в рамках обсуждения конституционной реформы в Беларуси в ст. 13 Основного Закона республики поднять статус кооперации до одной из основных форм собственности, обозначив приоритет в жизнедеятельности страны общественной собственности. Тогда первое предложение данной статьи звучало бы следующим образом: «Собственность может быть государственной, кооперативной и частной. Приоритетная роль в функционировании экономики отводится общественной собственности на средства производства в форме государственной и кооперативной».

В управленческой сфере драйвером белорусской модели социализма могла бы стать **автоматизированная (цифровая) система планирования экономики в интересах большинства народа**. Для её реализации есть квалифицированные учёные в сфере экономической кибернетики как в России, так и в Белоруссии (профессор Е.Н. Ведута и др.). Такая система инновационного планирования позволила бы постепенно уйти от вынужденной модели ручного или авторитарного управления государством. Применительно к современной Беларуси это, с одной стороны, учитывало бы пожелания конструктивной части протестующих граждан, а с другой – соответствовало бы государственным интересам, которые отстаивает действующий президент страны. Реализация *проекта инновационного планирования* вела бы к примирению и единению белорусского общества. Конституционный статус мог бы быть придан и возрождаемому в таком случае Госплану страны.

Четвёртой мерой политической стабилизации в Белоруссии может стать ***обеспечение устойчивой обратной связи общества и власти.*** Для этого следует активно использовать как возможности мониторинговых социологических исследований, дискуссионных и диалоговых площадок, организуемых в учреждениях, заведениях, на предприятиях, так и совещательно-консультационных советов. Такие советы

[1] *Ильенков Э.В.* Маркс и западный мир. URL: http://caute.tk/ilyenkov/texts/phc/marxww.html - 21.12.2019.

могли бы создаваться при президенте из представителей различных слоёв общества, включая рабочих промышленности, представителей сельского хозяйства, творческой интеллигенции, студенческой молодёжи, малого и среднего бизнеса, производственных кооперативов и др.

Пятым направлением обеспечения общественно-политической устойчивости в Беларуси было бы ***конституционное переформатирование властных институтов***. Руководство страны уже ведёт подготовку к конституционной реформе. Но какими будут её направленность, содержательная сторона? Здесь нужно руководствоваться главным целеполаганием общества. Для Беларуси, её Союзного государства с Россией, а также в целом для СНГ таким ***целеполаганием может стать формирование социально справедливого общественного строя, сохраняющего свою евразийскую культурно-цивилизационную принадлежность, высокую духовность и обеспечивающего гармоничное развитие всех граждан и каждого в отдельности***. Сегодня Белоруссия, несмотря на временное состояние дестабилизации, из стран СНГ наиболее готова к принятию данного целеполагания. Это связано с тем, что здесь отсутствует власть крупного капитала, не стало высоким социальное расслоение общества и само оно тотально не пропитано денежным, потребительским интересом. Всё ещё сильна в Беларуси устремлённость народа к правде, социальной справедливости. Сохраняется здесь и высокий уровень позитивного отношения к углублению интеграции с Россией, другими странами СНГ на основе равноправия и уважения суверенитета.

Каким же будет новый конституционный строй Беларуси применительно к системе власти? Многие аналитики утверждают, что авторитарную систему власти, выстроенную под одного сильного лидера, нужно заменить демократической многопартийностью. Но верно ли это? Как свидетельствует история, на поверку такая система оказывается псевдодемократической, а на деле является плутократией. И граждане современной России, как и многих стран СНГ знают это не понаслышке. Устойчивость многопартийности, дарованной миру западной «демократией», уже не одно десятилетие поддерживается всё более технологичным и креативным манипулированием сознанием избирателей, насаждением ценностей индивидуализма и потребительства.

Партийная выборность, выстроенная по западным лекалам, является игрой в демократию, а на деле театрализованным представлением различных толстосумов, олигархических структур и работающих на них политиков, журналистов, политтехнологов. Видный классик евразийства, князь Н.С. Трубецкой ещё в конце 1920-х гг. верно писал, что «правящий слой при демократическом строе состоит из людей, профессия которых состоит не столько в улавливании и отражении фактического общественного мнения разных групп граждан, сколько в том, чтобы внушать этим группам граждан разные мысли и желания под видом мнения самих этих граждан»[1]. Подобная ситуация сохраняется и сегодня практически во всех странах, где действует «многопартийная демократия». О подлинной сущности этой системы справедливо высказался новый лидер Кыргызстана, заявив, что она пропитана бизнес-интересами. «Это, – отмечал он, – бизнес-система. Во главе поставили олигархов»[2]. Реалии таковы, что во многих странах мира, включая Российскую Федерацию, такая система вызывает у всё большего количества избирателей отторжение путём их массовой неявки на избирательные участки.

С учётом вышеприведённых доводов для Белоруссии было бы ошибкой внедрять в свою политическую систему функциональную многопартийность. Ведь под её внешним демократическим обликом скрывается плутократия. Поэтому необходимо внести определённые коррективы в статьи 4 и 5 Конституции Беларуси.

В странах, где господствуют капитал и сросшиеся с ним олигархические структуры, люди вынуждены мириться с безысходностью и терпеть «демократическую» многопартийность, понимаю её имитационную и постановочную сущность. Для капитала же это очень удобная форма удержания власти, оформляемая снаружи демократическими процедурами. Политический театр в виде многопартийных выборов могут прервать не только революционные процессы, осуществляемые сверху или снизу, но и участие абсолютного большинства избирателей в легитимных выборах с под-

---

[1] *Трубецкой Н.С.* О государственном строе и форме правления // *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2000. 560 с., с. 484.

[2] Садыр Жапаров предлагает одномандатный парламент, 10 октября 2020 г. URL: https://ru.sputnik.kg/politics/20201010/1050009790/kyrgyzstan-parlament-vybory.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop – 12.10.2020.

держкой народной оппозиционной силы, выступающей за системные изменения.

Цветные же «революции» – госпереверотыы, напротив, зачастую борются за утверждение многопартийности, выдавая её за торжество демократии. Поэтому не удивительно, что и нынешняя белорусская оппозиция, отражая интересы усилившегося в стране капитала, выражая мелкобуржуазные, мещанские настроения значительного числа граждан, выступает за либерализацию общества и развитие многопартийности по западному образцу.

Кризисные явления в современной Беларуси свидетельствуют, что нынешняя система власти, замкнутая на одном лидере, себя во многом изжила, но и новая система в виде функциональной многопартийности станет обманом большинства народа. Как же быть? У классиков евразийства был ответ на этот вопрос, который не потерял своей актуальности. Они утверждали, что на смену демократии-плутократии может прийти *идеократический* народный строй, созданный на основе верности его властной и интеллектуальной элит идее-правительнице. Смысл этой идеи для всего нашего большого Отечества заключается в обеспечении блага совокупности народов евразийской культурно-цивилизационной общности. При таком строе управленческий слой государства будет отбираться не под контролем капитала и не по признаку популярности в определённых кругах населения. Ведь популярность – явление неустойчивое и зачастую манипулируемое. В идеократической системе определяющим признаком отбора руководящих кадров, наряду с их профессионализмом, становится преданность *идее-правительнице*, *соответствующей главному целеполаганию общественной жизни.* Как уже отмечалось, смысл его для Беларуси и других стран СНГ заключается в формировании высокодуховного, технологичного общества социальной справедливости, обеспечивающего гармоничное развитие всех граждан страны и возрождение евразийской культурно-территориальной общности.

Если исходить из сущности данного целеполагания, *то конституционное переформатирование властных институтов в Белоруссии может осуществляться на базе определённых принципов*. К основным из них следует отнести:

во-первых, содействие углублению интеграционных связей со странами СНГ и возрождению мощной евразийской

геополитической общности как необходимого условия сохранения суверенитета Беларуси;

во-вторых, формирование общества социальной справедливости – белорусской модели духовно-нравственного социализма;

в-третьих, создание народной партии непарламентского типа как главной носительницы государственной идеологии;

в-четвёртых, обеспечение устойчивости и действенности государственного управления путём сочетания системы советов с сильной президентской властью и др.

В современных условиях лишь евразийская интеграция может быть для Белоруссии реальным гарантом суверенитета. В отрыве от совокупности народов евразийского цивилизационного ареала, объединённых исторической судьбой и культурой, невозможно достичь местечкового, «самостийного» блага для каждой составной части нашего разделённого большого Отечества, включая Беларусь, Россию и другие страны Содружества. Сегодня важно всячески сохранять состояние духовной и культурной близости народов Северо-Востока Евразии, передавать его молодёжи, а также врачевать обиды, недопонимания, некоторые отчуждения в пластах нашей культурно-цивилизационной общности. Говоря словами Н.С. Трубецкого, нашим народам нужно сберечь и приумножить «живое ощущение своей принадлежности к евразийскому многонародному целому»[1]. Без этого не будет достойного будущего ни у нас, ни у наших детей и внуков. Без этого станут и дальше кровоточить, множиться раны на теле, в душах граждан прежнего большого Отечества (Карабах, Донбасс и др.). А итогом общей геополитической трагедии могут стать дробление территорий нынешних государств СНГ и культурно-цивилизационная ассимиляция их народов.

Слишком много противников в мире у евразийского возрождения. Один из главных идеологов нынешнего либерального глобализма Збигнев Бжезинский писал, что в геополитическом отношении евразийские устремления России и других стран СНГ – это иллюзии, «тяжелое заболевание», от которого современная Россия должна избавиться путём европеизации. По его мнению, долгосрочная задача США

[1] *Трубецкой Н.С.* Об идее-правительнице идеократического государства // *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2000. 560 с., с. 522.

заключается в том, чтобы не допустить возрождения вновь евразийской державы, «которая способна помешать осуществлению американской геостратегической цели формирования более крупной евроатлантической системы»[1]. Этот откровенный идейный враг нашей цивилизации, считавший Россию лишней страной, также и Беларуси предлагал отречься от своей евразийско-общерусской культурной общности в пользу той же «демократической» европеизации. Но большинство граждан России, Белоруссии, других стран СНГ не манкурты, потерявшие связь со своими историческими, национальными корнями и готовые за тарелку более сытной похлёбки забыть о своём родстве и культурной общности.

На постсоветском пространстве пока ещё мало правящих и интеллектуальных элит, влиятельных лидеров, воспринимающих процесс евразийского геополитического и межгосударственного возрождения как жизненно важную необходимость. *Сегодняшняя белорусская власть одна из немногих на постсоветском пространстве, осознающая это.* Поэтому именно у Беларуси есть исторический шанс стать в нынешнем столетии центром собирания общерусских земель и всего постсоветского территориального пространства.

Искание правды, стремление жить по справедливости являются важнейшей особенностью белорусского, общерусского и в целом евразийского менталитета, формировавшегося исторически. Конституционное признание социального характера Республики Беларусь недостаточно для утверждения *принципа социальной справедливости*. В необходимой мере позволяют его обеспечить социалистический характер общественного устройства, приоритетная роль общественной собственности.

Социализм является наиболее приемлемой социальной организацией для евразийского идеократического строя и соответствующей ему культурно-цивилизационной общности. Как писал Н.С. Трубецкой, такой общественный строй «не может допустить вмешательства каких-либо не подчинённых ему, неподконтрольных и безответственных факторов – прежде всего частного капитала – в свою политическую,

[1] *Бжезинский Збигнев*. Великая шахматная доска: [Господство Америки и его геостратег. императивы / Пер. с англ. М.: Междунар. отношения, 1998, 254 с. URL: https://bookscafe.net/read/bzhezinskiy_zbignev-velikaya_shahmatnaya_doska_gospodstvo_ameriki_i_ego_geostrategicheskie_imperativy-2421.html#p1 – 18.10.2020.

хозяйственную и культурную жизнь и потому неизбежно является до известной степени социалистическим»[1]. При этом сущностной стороной евразийского идеократического строя является побуждение людей воспринимать своё духовное состояние как определяющий фактор повседневной жизни. А значит, *белорусским обществом может быть принята лишь духовно-нравственная модель социализма*. И здесь не обойтись без уважения, почитания наших религиозных традиций. Ведь нравственное содержание жизни приобретает необходимую устойчивость лишь благодаря религии, прежде всего православию, которое исповедует большинство народа Беларуси. Великим делом Церкви является провозглашение праведных истин, обличение грехов и побуждение людей к исповеданию. Без этого не могут нравственные начала жизни наполниться духовной силой и быть прочными. А раз нет прочных нравственных основ, нет и государственной устойчивости.

Без политического субъекта, организационного носителя государственная идеология не может быть действенной. Как показал опыт лукашенковской Беларуси, функции её достаточно результативно не в силах выполнять управленцы-чиновники. Это должно быть делом единомышленников, объединённых идеей и бескорыстно преданных ей во имя интересов большинства народа. *Такой политической силой в современной Беларуси может стать народная или народно-социалистическая партия*[*] непарламентского типа. Важнейшие особенности такой политической организации были описаны классическими евразийцами. К ним они относили: правительствующий и идеологический её характер; тесную связь с правящим слоем страны, включение части его в состав партии; исключение существования в политической системе общества подобных ей партий и др.

В программном документе «Евразийство. Опыт систематического изложения», подготовленном во второй половине 1920-х гг., отмечалось, что такая партия, будучи союзом единомышленников, «раскидывает сеть своей организации по всей стране и нисходит до низов, не совпадая с государственным аппаратом, и определяется не функцией управления,

[1] *Трубецкой Н.С.* Об идее-правительнице идеократического государства // *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2000. 560 с., с. 519.

[*] Название её, конечно, может быть и другим.

а идеологией»[1]. Непосредственно же социально-экономическими и иными вопросами оперативного управления занимались бы соответствующие органы государственной власти, местные советы.

Правительствующий характер народной партии определяется тем, что она участвует в подборе кадров и по важнейшим вопросам развития общества находится в тесной связи с его правящей элитой. В программном документе классических евразийцев было определено, что такая партия в определённой мере «вырастает из правящего слоя страны, или, по крайней мере, частью впитывает его в себя и с ним сливается»[2]. Это позволяет партии активно участвовать в реализации главного целеполагания развития общества и стать его направляющей политической силой.

Правительствующая партия, по мнению Н.С. Трубецкого[3], может быть единственной в стране политической организацией данного типа. Строится она не только на основе общности мировоззрения её членов, но и на принципах демократического централизма. К *основному функционалу такой партии правомерно отнести*: проведение идеологической работы; разработку научной теории и стратегии развития страны; обеспечение через сеть местных парторганизаций обратной связи властных структур с широкими слоями народа; участие в осуществлении подбора руководящих кадров на основе их духовно-нравственного состояния, профессиональной компетентности и мировоззренческого соответствия идее-правительнице (главному целеполаганию общества).

Народная идеократическая партия не сможет стать авторитетной политической силой общества и гарантом его устойчивости без обеспечения принципа очищения своих рядов. Для этого её контрольные органы целесообразно вывести из подчинения исполнительных органов партии. Кроме того, структуры партийного контроля снизу до верху формировались бы на паритетных основах (50% члены партии и 50% уважаемые, авторитетные люди из числа беспартийных лиц).

---

[1] Евразийство. Опыт систематического изложения, 1926 г. // *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 464 с., с. 58.

[2] Там же, с. 59.

[3] *Трубецкой Н.С.* О государственном строе и форме правления // *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана, с. 488.

Особенностью идеологической работы правительствующей партии, наряду с прочим, было бы её активное взаимодействие с Церковью в сфере духовного воспитания народа, особенно молодёжи. Уставной обязанностью каждого члена такой политической организации стала бы устремлённость соблюдать Евангельские заповеди. Важно и то, что они во многом разделяются представителями других конфессий, проживающих в стране[*].

Следующим элементом конституционного переформатирования властных институтов Беларуси могло бы стать *упрочение системы советов народных депутатов в сочетании с сильной президентской властью*. Возможность такого конструктивного властного симбиоза предвидели классические евразийцы. В частности, они писали, что в будущем «надо исходить из системы советов, сочетающейся с сильной центральной властью»[1]. При этом они полагали, что *выборы в стране должны стать многостепенными*. Такая система гарантировала бы «личную, а не программно-бумажную связь правительства с народом»[2]. Для этого вполне применим принцип местно-профессионального объединения.

По мнению исторических евразийцев, в пользу советской системы говорило то, что она в XX в., несомненно, привилась в нашем Отечестве, «будучи выросшей из народных потребностей»[3]. Советы были приняты большинством народа. И это сегодня нельзя не учитывать при выстраивании в Беларуси новой системы властных институтов.

Советскую систему в неискажённом её виде отличает такой важнейший принцип управления сложных систем общества, как децентрализация полномочий и ответственности. В данном случае право принятия многих властных решений опускается на низовой уровень, где виднее, каким образом нужно поступать. Сегодня это особенно актуально в

---

[*] Десяти Евангельским заповедям соответствуют по содержанию «девять ясных знамений» ислама, дарованных Аллахом пророку Мусе. См.: 10 основных заповедей ислама: памятка и основы вероучения URL: https://fb.ru/article/382220/osnovnyih-zapovedey-islama-pamyatka-i-osnovyi-veroucheniya 16.10.2020.

[1] Евразийство. Опыт систематического изложения, 1926 г. // *Савицкий П.Н.* Континент Евразия, с. 62.

[2] Там же.

[3] Там же.

связи с постоянным ускорением и всё большим информационным насыщением процессов жизнедеятельности.

На уровне села, посёлка, района, необластного города властные полномочия должны принадлежать исключительно советам народных депутатов и подотчётным им исполкомам. Именно у них должно быть и право принятия решений по важнейшим вопросом местной жизни.

Что касается областей и областных центров, то здесь система советов депутатов трудящихся с формируемыми ими исполкомами сочетается с президентской вертикалью власти в лице областных губернаторов. Именно по их представлению областные советы и городские советы областных центров избирают председателей соответствующих исполкомов. Также губернатор столицы страны представляет столичному совету кандидатуру председателя его исполкома. Губернаторы являются высшими должностными лицами и представителями президента на данных территориях. Назначаются они указом главы государства.

Губернаторы на своих управленческих уровнях призваны координировать деятельность основных ветвей власти. Они отслеживают соответствие важнейших решений, принимаемых на уровне области, города, района, интересам государства. При необходимости они могут приостановить выполнение решений и постановлений соответствующих советов и их исполкомов, если они противоречат общегосударственным целям и задачам. Эти должностные лица на соответствующем уровне отвечают за работу силового блока, информационную и образовательную политику, а также решают стратегические вопросы региона, столичного города.

Система советов поднимается до высшего государственного уровня – законодательного Верховного Совета, который по опыту высшей представительной власти Беларуси может быть двухпалатным. Верховный Совет страны принимает законы и формирует высший исполнительный орган власти – правительство. Должности премьер-министра, председателя Центрального банка, руководителя возрождаемого Госплана, председателя Конституционного и Верховного судов, Генерального прокурора, а также руководителей идеологической сферы (министра информационной политики, министра культуры, министра образования) предлагаются на утверждение Верховного Совета президентом страны. Президент непосредственно назначает и при необходимости снимает руково-

дителя внешнеполитического ведомства и руководителей силовых структур (Министерство обороны, МВД, КГБ, Комитет государственного контроля и др.). Кроме учреждения Госплана целесообразным было бы создание и специального министерства по интеграционным связям с Россией и странами СНГ.

Потребовались бы определённые изменения и в избирательной системе. Местное население прямым голосованием продолжало бы избирать низовые советы – села, посёлка. А вот районные, городские, областные советы и Верховный Совет могли бы формироваться путём смешанной системы выборов: частично (примерно от 2/3 до половины состава депутатов совета) от трудовых коллективов предприятий, учреждений, заведений с правом их отзыва этими коллективами, а частично (примерно от 1/3 до половины состава депутатов совета) путём выборов от профессиональных корпораций и общественных организаций (от студенческих, ветеранских, женских организаций, от корпорации машиностроителей, земледельцев, животноводов, мелкого и среднего бизнеса, корпораций учёных, учителей, медработников, представителей IT-сферы и др.). Вышеописанный характер выборов от трудовых коллективов, профессиональных корпораций и общественных организаций в определённой мере соответствует ст. 38 Основного Закона страны, где прописано, что граждане Республики Беларусь имеют право свободно избирать и быть избранными в государственные органы на основе всеобщего, равного, прямого *или косвенного* избирательного права при тайном голосовании[1]. Было бы целесообразным изменить ст. 67 Конституции Белоруссии, которая в определённой мере противоречит данному подходу – возможности косвенного избирательного голосования, допуская лишь прямые выборы депутатов. Необходимо также прописать, какие формы косвенного голосования допустимы.

Президент, будучи носителем идее-правительницы – главного целеполагания общества, является высшим должностным лицом государства. Он избирается прямым голосованием народа страны из кандидатов, в число которых не может

[1] Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). URL: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/ – 17.10.2020.

войти любой гражданин государства, достигший конституционно установленного возраста. Ими могут быть лишь те, кто всей предыдущей жизнью доказал созидательный характер своей деятельности в сочетании с преданностью интересам Отечества (опытные и успешных государственные деятели, видные представители силовых структур, крупные хозяйственники государственной и кооперативной форм собственности, заслуженные организаторы сферы образования, науки).

Президент не только назначал бы главу внешнеполитического ведомства, руководителей силовых органов, губернаторов, но и направлял бы их деятельность, а также координировал работу основных ветвей государственной власти в масштабах страны. В ведение президента находились бы и вопросы евразийской интеграции и стратегии развития общества.

В государстве уже сложилась практика проведения Всебелорусских народных собраний. Очевидно, что таким собраниям следовало бы придать конституционный статус.

Что касается переформатирования *судебной системы*, то повышению её действенности способствовало бы не столько учреждение судов присяжных, сколько возрождение советской практики выборности судей. Как известно, судьи основного звена советской судебной системы – районного (городского) народного суда избирались гражданами этого района (города) на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании сроком на 5 лет. Народные заседатели избирались на общих собраниях рабочих, служащих и крестьян по месту их работы или жительства, а военнослужащих – по воинским частям сроком на 2 года. Соответствующими советами депутатов трудящихся избирались на 5 лет областные суды, а Верховный суд на тот же срок избирался Верховным Советом страны. Думается, что целесообразно было бы возродить эту практику.

В заключение следует отметить, что можно по-разному относиться к действующему президенту Беларуси. На нельзя забывать, что именно он четверть века работал на укрепление страны, способствуя подъёму её престижа, обузданию преступности. Во многом благодаря ему в стране не сложилась пагубная олигархическая система. Действительно, были у него и ошибки, но их не имеет только тот, кто не делает ничего большого и созидательного. Как верно заметил советник ректора Московского государственного педагогического

университета, историк Е.Ю. Спицын, Лукашенко, может, ошибался, но ошибался, любя свою землю, свою страну. «Если бы он не любил Беларусь, – продолжал Спицын, – он бы ещё позавчера отдал её за энную сумму денег на съедение российским олигархам»[1]. К этим словам можно добавить: «Или же выгодно продался бы Западу, сделав свою страну антироссийской». Однако А.Г. Лукашенко не сделал ни первого, ни второго, сохранив суверенитет и достоинство страны.

Не следует забывать, что при активном участии руководителя Белоруссии выстроено социально ориентированное государство. Да, оно несовершенно. В последние годы наблюдался определённый рост социальной дифференциации в стране, упали доходы у немалой части населения. Малоэффективной остаётся кредитно-денежная система. Но во многом это связано с тем, что небольшая территориально Беларусь объективно не может выстраивать свою экономику так, как бы ей хотелось. Она вынуждена встраиваться в хозяйственные системы соседних государств, особенно России, в которой сохраняется олигархический уклад. И тем не менее в неимоверно сложных условиях современная белорусская власть поддерживает минимально необходимый для народа уровень достатка. В вопросах общественной безопасности, ухоженности городов и сёл, поддержки многодетных семей, в деле усиления роли академической науки, доступности и качества здравоохранения, в деле производства одежды, обуви, качества продуктов питания, не только мы – россияне, но и поляки, граждане многих стран мира могут позавидовать лукашенковской Беларуси. И это нельзя не признавать.

Стране, действительно, нужны обновление и созидательные реформы, формирующие светлый образ будущего. Но такое движение не может быть успешным без сохранения всего того положительного, что было достигнуто в Белоруссии за последние 25 лет. Поэтому реформировать страну нужно вместе с А.Г. Лукашенко, путём поддержки преобразований с его стороны и оказания поддержки ему со стороны общества. Пускай эмоции и зачастую справедливые обиды наших белорусских братьев и сестёр не возьмут вверх над интересами государства.

---

[1] *Спицын Е.Ю.* на канале "Свободная Пресса" в программе "Открытая студия. Что ждет Белоруссию?" 2 октября 2020 г. URL: https://www.youtube.com/watch?v=0_o34XBqka8 – 09.10.2020.

В современной России, как, кстати, и в Украине многие воспринимают белорусов не просто как часть общерусского народа, а как его лучшую часть. На них сегодня возлагают особые надежды по объединению разделённого триединого народа. Почему на белорусов? А потому, что они за последние тридцать лет менее других были подвергнуты насаждению эгоистических индивидуалистских ценностей и потребительских устремлений, чувству национальной исключительности и самолюбования. Белорусская элита сегодня значительно меньше великорусской и украинской поражена бациллами имитации, безответственности и продажности. Наконец, Белоруссии удалось избежать пагубной олигархической системы, удушающей силы и творчество народа. Здесь более чем в России и Украине теплится великий дух созидания и бескорыстия, жива ещё и социальная справедливость, подпитываемая общественной собственностью в лице крупнейших государственных предприятий.

Поэтому образ будущего Беларуси, его новый облик может быть связан с *социалистической социальной организацией нового типа*, опирающейся на социальную справедливость, религиозную духовность, идеологию созидания, приоритет общественной (государственной и кооперативной) собственности, на цифровую систему государственного планирования и подлинное народовластие. Такое общество и такой образ будущего будут привлекательны и для большинства народов России, Украины, всего постсоветского пространства. А главное, что такая альтернатива глобальному либерализму сможет остановить сползание человечества к катастрофе новой мировой войны, разжигаемой силами зла в лице главных хозяев денег планеты. Верю в мудрость белорусского народа, в преданность нашим общим историческим корням, в способность преодолеть общественную дестабилизацию и вернуть его поколебленное единство.

УДК 130.2
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51587

В.А. РЕМИЗОВ
доктор культурологии, профессор, кандидат философских наук, заслуженный работник Высшей школы РФ. Эксперт управления научной работой Московского государственного института культуры (МГИК)*

Социокультурные войны и пандемия

В статье проведена процессуальная характеристика «социокультурной войны» через феномен «культурной агрессии». Ее теория рассматривалась в рамках философии Франкфуртской школы, а также представителями «западного марксизма». Особое внимание уделено концепции «критической теории».

Ключевые слова: *война, социокультурная война, пандемия, цифровизация, репрессивная толерантность, культурная агрессия, адепты социокультурной войны.*

V.A. REMIZOV
Doctor of Cultural Studies, Professor, Candidate of Philosophical Sciences, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation. Expert in scientific management at the Moscow State Institute of Culture (MGIK)

Sociocultural wars and pandemic

The article provides a procedural description of the "sociocultural war" through the phenomenon of "cultural aggression". Its theory was considered within the framework of the philosophy of the Frankfurt School, as well as by representatives of "Western Marxism". Particular attention is paid to the concept of "critical theory".

Keywords: *war, sociocultural war, pandemic, digitalization, repressive tolerance, cultural aggression, adherents of sociocultural war.*

* Ремизов Вячеслав Александрович, e-mail: remizov1941@mail.ru

Современные мировые процессы, видимо, окончательно отодвигают в сторону проблему социоэкономической глобализации и актуализируют вопросы цифровой глобалистики[1], а на фоне пандемии крайне политизируются социокультурные аспекты взаимоотношений стран, касающиеся и здоровья населения, и его духовного жизнедействия. Сегодня СМИ, а вместе с ними и ведущие политологи, философы, культурологи заявляют о начале не только «холодной гражданской войны», но и о наступлении с Запада идеологии «репрессивной толерантности», предполагающей «жестокий режим» по отношению к «правым движениям», который действует так же, как и против «Аль-Каиды» (это уже обсуждается в США в рамках закона о «внутреннем терроризме»). Данный «режим» чреват «гражданскими казнями» над идеологическими врагами или просто над невольными символами «старого морального порядка» (что уже продемонстрировали Украина и США), где нельзя получить или сохранить даже приличную работу без сертификата «идеологической лояльности»[2]. Последняя, как легко обнаруживается, непосредственно связана с миром культуры, который включает ценности-смыслы, ценности-цели, ценности-нормы, а также традиционные ментальные установки, символы, фиксируемые в укладе жизни, в верованиях, в духовных ориентациях, в культурных мемах и т. д. Словом, можно сделать вывод, что обозначенное явление «холодной гражданской войны» по сути своей преимущественно сводится к социокультурным явлениям, а «гражданственная ограниченность» перерастает во всеобщность.

Война по своей природе всегда была структурирована: экономическая война, торговая война, дипломатическая, информационная, политическая, мировоззренческая, вооруженная. Как известно, наиболее систематизированное изложение сущности войны было дано немецким теоретиком К. Клаузевицем (1780-1831 гг.). В своем трехтомном труде «О войне» он выдвинул формулу: «… война есть не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами» [3].

---

[1] *Соммер Дарио Салас*. В чем ценность человека? / Пер. с исп. М.: Кодекс, 2018, с. 50.

[2] *Ремизов Михаил*. Сможет ли Россия «отделиться» от Вашингтона? // Литературная газета, 2021, 20-26 января, №3(6768), с. 3. www.lgz.ru

[3] *Клаузевиц К*. О войне. М.: Наука, 1941, т. 1, с. 17.

Опираясь на теоретические положения отечественных ученых, отметим, что сущность войны – сложное социальное явление. Оно имеет несколько уровней. Сущность войны первого порядка заключена в том, что она есть вооруженная борьба, направляемая политикой. Сущностью второго порядка (более глубокого) выступает зависимость войны во всех ее формах именно от внутренней политики. Сущностью третьего (следующего по глубине порядка) является социально-экономическое содержание самой политики как общественного явления и источника войны[1].

Вместе с тем следует отметить и рядоположенные уровни сущности войны. Во-первых, это «вооруженная борьба», связанная с уничтожением идеалов и ценностных ориентаций противоположной стороны. Во-вторых, это «борьба», где целью является если не уничтожение, то «тотальная дискредитация» носителей этих идеалов и ценностей, их организаций. Именно это определяет ее жестокость и бескомпромиссность.

Отсюда можно вести речь о нескольких параллелях сущности войны, в которых отдельной ее стороной выступает социокультурный пласт. Здесь следует и еще один вывод: в разные эпохи человеческой истории качественный характер войн с точки зрения средств ее ведения менялся. Были войны стрел, были войны сабель, были войны огнестрельных орудий, были технические и технологические «железные» войны. Сегодня прежде всего говорят об актуализации «гибридных» и «холодных» войн[2]. Если в «гибридных» войнах все еще применяется «летальное» оружие, то уже в «холодных» войнах используется иное оружие. Так, оружием текущей «холодной» войны стали информационно-цифровые системы, СМИ, искусство, а также социокультурные модификации смыслов, целей, ментальных установок. Суть «войны» здесь заключена в том, чтобы подорвать, дискредитировать, уничтожить иную систему социодуховных ценностей и принудить противника принять свою ценностно-ориентационную систему[3].

---

[1] *Ксенофонтов В.Н., Ксенофонтов В.В*. Политика: война и мир. М.: АГЗМЧС России. 2000, с. 27.

[2] Краткая Российская энциклопедия: т. 1. Москва: Большая Российская энциклопедия. ОНИКС 21 век. 2004, с. 508.

[3] *Чалдымов Н.А*. Антропологическая катастрофа. М.: Национальный Институт им. Екатерины Великой, 2014, с. 124-125.

Собственно такова природа самой войны. Она является принудительным вызовом. Здесь можно бороться или подчиниться. Проигнорировать невозможно. Невозможность и опасность подпитаны тоталитарной содержательностью информационно-цифровой войны. Тоталитарная ее природа проявляется в том, что ее оказывается «аполитично игнорировать». Такова политика ее адептов. Они принуждают делать выбор не сопротивлением, а тотальным подчинением в форме единомыслия, когда человека не просто лишают возможности влиять на общественную жизнь, а предписывают определенную гештальт-мысль, требуют постоянного выражения лояльности на уровне образа мышления и образа жизни. Под тотальной угрозой оказывается не какая-то партия или государство, а духовная автономия человека в обществе[1], а в конечном счете – и само это общество.

Перед лицом данного вызова стихийный консерватизм, воспринимающий традиционную систему ценностей как нечто разумеющееся и привычное – обречен. Это касается и стихийного обывательского консерватизма, и осознанного консерватизма профессиональных политиков, который чаще называют социальным реализмом.

В данном случае логично возникает тема культурной агрессии. Отмеченный аспект в свое время активно разрабатывался в рамках философии Франкфуртской школы: Г. Маркузе, М. Хоркхаймер, Т. Адорно и др., а также представителями теории «западного марксизма»(Грамши и Лукач)[2].

Так, например, А. Грамши утверждал, что тотальная власть без захвата культурной власти невозможна. Он оперировал такими категориями, как «культурный диктат над населением», «необходимость насаждать (иную) культуру сверху». Он подчеркивал важнейшую роль в этом средств массовой информации, систем образования и культурно-досугового обеспечения[3].

Основная цель культурной агрессии – террор для неугодных ценностей; распад духовного национального сознания. Она (цель) направлена на духовный и моральный слом че-

---

[1] *Абдулатипов Р.Г.* Перспективы человека и культуры. Монография. Махачкала: Дагестанский писатель, 2014, с. 324.

[2] *Агапов П.В.* Социальная агрессия: историко-социологический и методологический анализ. Монография. Рязань: Наше время, 2006, с. 233.

[3] *Грамши А.* Искусство и политика: В 2 т. / Пер. с итал. М.: Искусство, 1990, с. 327.

ловека и на перепрофилирование сознания людей по меркам агрессора. Полномасштабная культурная агрессия (война) связана с захватом культурных и политических институтов, с мобилизацией «своих» групп в политику и культуру, а параллельно – с созданием иных культурных и политических институтов. Данный процесс связан с насаждением агрессивного поведения, с дискредитацией атрибутов общественного устройства, с дестабилизацией уклада жизни и моделей взаимосвязей населения.

В этом плане особый интерес представляет разработанная философами Франкфуртской школы культурная по содержанию «критическая теория». Ее сутью является лишение оппонента «всякого духовного престижа… путем постоянной разъедающей критики.., сеющей сомнения, скептицизм.., уничтожающей верования» [1].

По мнению специалистов, тотальная критика традиционной культуры и общественных устоев способствует возникновению депрессии и порождает «культурный пессимизм», ощущение полной безнадежности и отчаяния, когда люди, свободные и преуспевающие, начинают воспринимать свою страну как угнетателя, как общество, не заслуживающее любви и верности. Неомарксисты считали культурный пессимизм необходимым предварительным условием революционных социальных перемен. Сегодняшние идеологи социокультурных войн активно муссируют идеи «неуважения к чужой картине мира», «переосмысления исторического прошлого» (в интересах наличных политических сил), «скрытого управления, манипулирования и игнорирования» [2].

Ведение социокультурной войны связано с приемами: диверсии на лидера; дискредитации символов, святости и героев (в том числе и героических дат, событий); проведения «гуманистических» спецопераций, имеющих целью переиначить манифестируемый гуманитарный смысл; насаждения ложных клише на известное почитаемое и т. д.[3], настойчивого навязывания «правильного» (желательного) позиционирования людей в социокультурной среде[4].

---

[1] *Агапов П.В.* Указ.соч., с. 284.

[2] *Шейнов В.П.* Психологическое влияние. Минск. Харвест, 2011, с. 800.

[3] *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2002, с. 832.

[4] *Флиер А.Я.* Очерки теории исторической динамики культуры. Монография. М.: Согласие, 2014, с. 301.

Особой прицельной группой для адептов социокультурных войн всегда была интеллигенция. Практика показывает, что именно с интеллигенции, выделяющей противоречия и «частности» культурного облика общества, гипертрофирующей их, начинается втягивание этих групп в своеобразные отряды коллаборационистов: по сути – организаторов социокультурных войн. Тактика последних тоже индивидуальна. Коллаборационистов они превращают в «свою артиллерию» или в «снайперскую группу». Как бы то ни было, но и господа Волков, Навальный, Венедиктов; авторы «Дождей», «Собеседников» оказываются в этой наемной колонне, представители которой ведут речь о своей стране с упоенной ненавистью, с удовольствием палача, с отвращением сноба. Между тем интеллектуальная элита, «аристократы духа» (коими они себя считают) – это другие, те, кто сохраняет фундаментальные ценности, обеспечивая бесперебойный процесс преемственности культуры, направленной на возвышение человеческого существа до величины гуманистических значений, что в свое время неоднократно подчеркивал, например, А. Швейцер[1].

Другой целевой социальной группой адептов социокультурных войн являются собрания людей, а также толпа. Отсюда такое внимание уделяется манифестациям, акциям, шоу-арт-действиям, социальному перфомансу и стрит-арту наряду с граффити и даже с тату. Режиссура этих «военных» действий очень часто напоминает «экшн» и «шоу». Конечно, в основу данной режиссуры кладется психология. Автор весьма интересной в данном смысле работы под названием «Стадо. Как изменить поведение, используя энергию подлинной человеческой природы» Марк Эрлс подчеркивает, что в группе человек становится более покорным, легче усваивает внушаемое, он подчинен «единообразию поведения», в нем просыпается «инстинкт слепого подражания» [2].

Вместе с тем организаторы социокультурных войн всегда выискивают для своих целей агрессивных личностей, чтобы превратить их в своеобразных поджигателей акций. В исследовательской литературе выделяется пять моделей таких личностей: 1. модель личности некрофила (Э. Фромм); 2. мо-

[1] *Голик Н.В.* Просвещение как феномен культуры // Альманах научно-образовательного культурологического общества России. Мир культуры и культурологии. СПб., 2015, с. 40-41.

[2] *Эрлс М.* Стадо. Как изменить поведение, используя энергию подлинной человеческой природы / Пер. с англ. М.: ЭКСМО, 2008, с. 64-65.

дель психопата-фанатика; 3. модель фрустрированного человека; 4. модель человека-функции; 5. модель человека из ущербного бытия. С данной структурой сопрягается «теория социального научения», согласно которой на агрессивное поведение оказывают влияние вознаграждения, ассоциирующиеся с агрессией[1].

Сегодня создается впечатление, что пандемия подхлестнула нездоровый евроатлантический англосаксонский азарт зачинщиков тотальной агрессии в форме социокультурной войны – против тех, кто имеет иные взгляды, другие ценностные ориентиры и смыслы жизнедействия. Вопрос ставится жестко: другие в системе «Я – другой» должны и обязаны принять и перейти на позиции духовных ориентаций западнической морали, модели видения «свободы» и сущности человека. Агрессивность западных адептов против России по лекалам войны проявилась уже в январских событиях 2021 г. в ряде городов России, когда целый отряд западных информационных сетей на основе в том числе явных фейков подстрекал молодежь и подростков выйти на «шоу-манифестации» чуть ли не «похода на Кремль», против, якобы, коррупции и несправедливости. Беда в том, что и некоторые отечественные СМИ в лице, например радиостанции «Эхо Москвы» и телеканала «Дождь», активно – коллаборационно примкнули к иностранным «голосам», к тоталитарному социокультурному дрейфу Запада.

Справедливости ради отметим и сформировавшееся в последние десятилетия сквозь идеологему «жить как на Западе», излишнее доверие к Западу некоторой части российской интеллигенции, предпринимательства и молодежи, а также скепсис по отношению к собственной стране. Так, уже в 2008 г. по данным ВЦИОМ жители городов отмечали, что они стали: а) более циничные (57% опрошенных); б) менее доброжелательные (62%); в) менее совестливые (65%)[2]. Параллельно с этим исследователи отмечают «эгоизацию» молодежи, ее отрыв от «социальных групп» [3].

---

[1] *Агапов П.В.* Уаз. соч., с. 445.

[2] *Ремизов В.А.* Культурно-цивилизационные процессы. Монография. М.: МГИК, 2020, с. 81.

[3] *Ирхен И.И.* Региональное образование в сфере культуры и искусства в глобализирующейся России. Монография. М.. Московский государственный университет культуры и искусств, 2012, с. 153.

И еще одно, уже объективное обстоятельство, которое исследователи называют «псевдоморфозность». Она совмещена с постоянным заимствованием западнических идей и концептов со стороны россиян в характеристике «импульсов извне» и «на свой лад» (О. Шпенглер). Политолог, сын известного философа-культуролога, Б.В. Межуев одновременно связывает это явление с блокировкой «чуждого влияния», в которой выделяет государственное и церковное сопротивление, а все остальное-де организуется «по западным лекалам»[1]. Данная картина побуждает к вопросу: сможем ли мы обеспечить в развязанной социокультурной войне свою автономию? Ответ очевиден – мы обязаны это сделать. Здесь необходимо ускорение уже имеющего свои традиции процесса постоянной активации собственных ценностных и технологических платформ. Необходима общественно-ориентированная патриотизация через рассматриваемые вопросы, через национально содержательный контент коллективов театров, кинопродюсеров, телекоммуникационных коллективов и редакторских групп газет, журналов.

Январские пандемийные дни 2021 г. показали, что в школах, средних и высших учебных заведениях необходима разъяснительная работа по когнитивному ориентированию в сложной социокультурной ситуации, функционирующей по законам войны.

Актуальна идея усиления социокультурного контрнаступления. Это связано с работой на опережение акций и манифестаций.

Вероятно, есть смысл пристальней взглянуть на положение дел с собственностью в сфере средств массовой информации, где сложилась ситуация, что региональные СМИ страны принадлежат иностранным бенефициарам.

Здесь же отметим и то обстоятельство, что в сферу экологического, художественно-творческого, психико-рекреационного образования в последние годы внедрилось уж очень много разного рода иноязычных «специалистов», основавших свои базы, клубы, коучинг-залы, в которых отнюдь не всегда идет речь только об образовательных практиках. А в этой сети, с данными агентами контактирует преимущественно «интернетная» молодежь и «прекарии», отряд которых растет

[1] *Межуев Б.В.* Есть ли у России свой «цивилизационный» код и в чем он может заключаться? // Вопросы философии, 2018, № 7, с. 35-43.

и в России в условиях пандемии. Прекарии – это люди, не имеющие постоянной занятости и не защищенные социально. Прекаризация – главный «ковидный» процесс в сфере трудовых отношений, и его последствия опасны. Одним из проявлений данной «опасности» являются новые протестные движения. В конце 90-х гг. это было левое движение «альтерглобализма», когда люди ездили по местам глобальных саммитов и протестовали. Теперь протесты идут справа, «трампизм» – это тоже протестное движение, хотя его и возглавляет миллиардер. Будут и другие движения, расшатывающие существующую систему. Их появление – симптом того, что легитимность капитализма в его неолиберальном издании исчезает, в мире идет напряженный поиск новых моделей более справедливого общественного устройства. Справедливость же состоит прежде всего в более равномерном распределении доходов между богатыми и бедными. Если с середины XIX в. до конца XX в. эта равномерность прогрессировала, то затем ее сменил неолиберальный регресс. Но он больше никого не соблазняет и не успокаивает – вместо него люди ищут более разнообразного, социального, экологичного и справедливого мира. Так характеризует основной тренд пандемийного мира в сфере общественных движений генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения[1]. Данная характеристика настораживает тем – чьи социокультурные сети раскидываются по России и не сети ли это не только «холодной», но и гибридной, а также и «горячей» войны?

Заметим, что в период пандемии повысился интерес молодежи не только к «цифровой информации», но и, например, к радио. Однако и здесь «прописалась» тенденция «увода» внимания аудитории в социокультурное пространство Запада, «отвода» от своего традиционного, корневого, отечественного – в истории и в современности. Анализ, например, содержания музыкального и информационного ряда радиостанции «Маяк» весьма подтверждает этот вывод.

Таким образом, «социокультурные войны» в современном мире – развивающаяся тенденция. Их проявление в России ощущается все явственнее. Анализ сущности, характера и механизма этих войн – задача актуальная и неотложная.

---

[1] *Федоров Валерий*. Больше всего мы страшимся революции. // Литературная газета, 2020, 25 ноября – 1 декабря, № 47(6762), с. 4. www.lgz.ru

УДК 316.752
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51588

В.А. МЕЛЬНИКОВ
соискатель кафедры философии и религиоведения Военного университета Министерства обороны Российской Федерации*

Великая победа как ценность общественной жизни России и ее защита

В статье предпринята попытка обоснования ряда приоритетных направлений противодействия современным технологиям разрушения философии Великой Победы. Выделенные и другие направления выступают, по убеждению автора, основой сплочения и единства общества в современных условиях ценностного противоборства и попыток переписать историю России.

Ключевые слова: *Великая Победа, духовная ценность, народ, подвиг, патриотизм, цивилизация, патриотическое воспитание.*

V.A. MELNIKOV
Applicant for the department of philosophy and religious studies Military university Ministry of defense of the Russian Federation

Great victory as a value public life in Russia and its protection

The article attempts to substantiate a number of priority directions of counteraction to modern technologies of destruction of the philosophy of the Great Victory. The identified and other areas are, in the author's conviction, the basis for the cohesion and unity of society in modern conditions of value confrontation and attempts to rewrite the history of Russia.

Keywords: *Great Victory, spiritual value, people, feat, patriotism, civilization, patriotic education.*

* Мельников Алексей Владимирович, e-mail: info@avmelnikov.ru

Социально-философское осмысление Великой Победы в числе прочих аспектов требует решения важной в ценностном и методологическом плане проблемы, а именно: ее сохранение и защиту от всяческих нападок со стороны западных и отечественных идеологов-фальсификаторов, превративших данный феномен в объект острейшей мировоззренческой, идеологической, научной и информационно-психологической борьбы за умы и сознание российских граждан. В этой связи следует кратко обозначить те положения ценностного значения Великой Победы, которые не дают покоя фальсификаторам истории и которые выступают мощным духовно-ценностным зарядом и основой патриотического воспитания граждан России в современных условиях. К их числу, во-первых, относятся огромные метафизические, социальные, духовные и морально-нравственные смыслы Победы, которые способствовали преодолению мирового зла, помогли справиться с геополитическими последствиями и обрели значимость в деле воспитания современных потомков.

Во-вторых, творческий потенциал созидания, заложенный в Великой Победе, явился способом переосмысления прежней жизни и созданием условий для строительства нового, более справедливого взаимодействия между народами. Так, в начальный период войны особо зримо проявилось единение народов страны, его интернациональная и общегражданская спайка, желание бок о бок сражаться с ненавистным врагом, не жалея для этого никаких сил и средств.

В-третьих, значимость Великой Победы и ее последствия для прогрессивного человечества не дают покоя западным фальсификаторам пересмотреть итоги победы Советского Союза во Второй мировой войне, объяснить их как историческую ошибку, случайность, а самое главное – увести от себя ответственность за сотрудничество с фашистской Германией (прежде всего США и Великобритания).

В-четвертых, необходимость оказания отпора деструктивным технологиям развенчания ценности Победы требует усилий органов государственного управления, общественных организаций и всех граждан-патриотов страны для создания и воплощения в социальных практиках комплекса идей и конкретных информационно-коммуникативных действий в целях борьбы за сохранение величия Великой Победы.

Перефразируя известное высказывание, отметим, что «историю своей страны надо помнить, изучать и любить, а самое

главное – защищать, бороться за ее объективность и правду»[1]. Сохранение и преумножение доблестного наследия российского народа и его предков являются важным условием как экономического, политического, социального, так и духовного возрождения России в современных условиях. Так, по мнению П.В. Петрия, «упрочению в общественном сознании страны значимости и величия Великой Победы как ценности и исторической памяти будут способствовать выработка и обоснование ряда приоритетных направлений противодействия современным технологиям разрушения смысла и величия Великой Победы, ее философии»[2]. К подобным направлениям целесообразно отнести следующие: а) ориентация социального сознания граждан России на осмысление цивилизационной сущности и беспрецедентной значимости Победы в Великой Отечественной войне; б) популяризация славных исторических традиций российского государства, боевых страниц Вооруженных сил, воинских ценностей, героизма армии и народа; в) использование итогов и уроков Великой Победы для формирования патриотизма и гражданственности в современной обществе; г) массовое вовлечение всех граждан, особенно молодежи, в комплексную и системную военно-патриотическую деятельность; д) реализация социальных проектов перманентного улучшения качества жизни поколения победителей; ж) обеспечение духовной безопасности личности, общества и государства, расширение духовно-нравственного пространства в целях активизации воспитательного потенциала Великой Победы, особенно в образовательной сфере, и др.

Так, в числе приоритетных направлений противодействия современным технологиям разрушения философии Великой Победы следует выделить *ориентацию социального сознания граждан России на осмысление цивилизационной сущности и беспрецедентной значимости Победы в Великой Отечественной войне*. Общепризнанно, что ожесточенная схватка с нацизмом носила цивилизационный характер, была борьбой различных мировоззренческих и духовных идеалов, ценностей и взглядов, за которые советские люди отдавали порой самое сокровенное, что у них было – свою жизнь.

---

[1] См.: *Петрий П.В.* Битва на Курской дуге как веха Великой Победы и духовная ценность современной России // Армия и общество, 2013, № 2(34), с. 6-11.

[2] См.: Там же.

Сражаясь казалось бы в самых ужасных условиях и безвыходных ситуациях, зная о сути и последствиях идеологии фашизма, советский человек шел только к победе. Защита цивилизационной идентичности, самобытности, культуры и ценностей своей жизни как раз и продемонстрировала тот мировоззренческий характер и стержень, который позволил советскому народу победить в страшной схватке с фашистской Германией.

Важность и цивилизованную значимость Великой Победы для России и народов Запада можно проиллюстрировать следующими тезисами. Во-первых, в кровопролитной войне советские люди защищали свою независимость, защищали свое Отечество. Победив самую грозную и жестокую военную силу мира, Советский Союз развернул освободительную борьбу в Европе и Азии, способствуя освобождению европейской цивилизации и всего мира.

Победа обошлась Советскому Союзу дорого. «Общее количество жертв в Советском Союзе во время войны составило 26,6 миллиона человек. Враги полностью или частично разрушили и сожгли 1710 городов, более 70 тысяч деревень. Разрушение Советского Союза составило 679 миллиардов рублей»[1]. Потери военной и военно-морской техники во время войны также огромны.

Во-вторых, Великая Отечественная война показала, что окончательная победа принадлежит человеку и народу. Война подтвердила, что сила людей в их единстве, в их глубокой сплоченности, в истинности целей, к которым они стремятся. Столкнувшись «с угрозой уничтожения и порабощения нацистскими захватчиками, все народы в Советском Союзе сплотились, транслируя общие идеи и настроения: «Наша Родина», «Мы победим», «Мы одолеем врага», «За Родину!». Страна стала единой военной и духовной силой»[2].

---

[1] См.: Советский народ сокрушил фашизм: «Энциклопедия Победы. Справочник для обучающихся государственных образовательных учреждений по истории Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.». М., 2010. 480 с. URL: https://stat.mil.ru/winner_may /lessons/win_fash.htm (дата обращения: 10.03.2021 г.).

[2] См.: *Абдыкадырова Э.О.* Единство народов Советского Союза – важнейший источник Победы в Великой Отечественной войне // Великая Отечественная война: нравственные аспекты и историческое наследие. Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015, с. 25-30.

В-третьих, «почти все солдаты Красной Армии и труженики тыла (в отличие от немецких захватчиков) смогли сохранить на полях сражений и самые лучшие качества национальных характеров»[1] и менталитетов. Советская страна несла тяжелейшую ношу во время войны и при этом, народ не только сохранил, но и преумножил чувства дружбы и братства между всеми народами.

В-четвертых, исход войны подтвердил хорошо известный факт, что Советский Союз являлся патриотической цивилизацией. Военнослужащие, партизаны, работники тыла были высоко оценены военным и политическим руководством страны. Славным проявлением советского патриотизма были добровольные пожертвования граждан страны армии и государству. «Это позволило увеличить производство и отправить на фронт 2565 самолетов, тысячи танков и другой военной техники. Сумма сборов денег от граждан посредством займов и лотерей составляла свыше 100 миллиардов рублей. Патриотизм проявился в донорском движении, в которое входило 5,5 миллионов человек, которые сдали примерно 1,7 миллиарда литров крови»[2].

В-пятых, победа над нацистской Германией оказалась поворотным моментом в развитии экономической и военной мощи Советского Союза. Война подтвердила возможность СССР, несмотря на внезапность нападения, беспрецедентные потери, сложные социальные проблемы, в короткий период времени переориентировать национальную экономику на «военные рельсы» с целью мобилизации армии страны на полный разгором могучего врага.

В-шестых, «в результате великой победы Советский Союз значительно повысил авторитет в мире, и улучшил отношения с другими странами (с 25 к 1941 г. до 49 к 1945 г.). Советский Союз вышел из войны как мощная сила, оказавшая доминирующее влияние на всю картину послевоенного мира»[3].

Наконец, в-седьмых, опыт войны показал, что против нее должно сражаться, прежде чем она начнется. Это тре-

---

[1] См.: Там же.

[2] См.: Советский народ сокрушил фашизм: «Энциклопедия Победы. Справочник для обучающихся государственных образовательных учреждений по истории Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.». М., 2010. 480 с. URL: https://stat.mil.ru/winner_may /lessons/win_fash.htm (дата обращения: 10.03.2021)

[3] См.: Там же.

бует объединения всех мирных сил. Было доказано, что такая консолидация не только возможна, но и реализуема.

«Победа далась нам слишком дорогой ценой, чтобы мы позволили её отнять, – заявил глава МИД России С.В. Лавров. – Для нас это – «красная линия». И нашему государству, и обществу пора осознать, какая трагедия ожидает всех нас, если в этой «третьей информационной» мы позволим врагу эту «красную линию» перейти»[1].

Направлением противодействия современным технологиям разрушения философии Великой Победы также должно выступать *формирование гражданственности, патриотизма и других ценностей общественного*. Во все времена и сегодня в том числе основополагающим фактором любых свершений и защиты национальной идентичности является формирование у личности гражданственности как качества и ценности.

Реализация определенных конкретных мероприятий в контексте формирования гражданственности может быть осуществлена путем развития у сограждан высоких духовно-нравственных идеалов, составляющих содержание национальной (или государственно-патриотической) идеологии. К примеру, идеалы гуманизма, человеколюбия, милосердия, заботы об Отечестве и его процветания движут теми, кто успешно и жертвенно борется с мировым терроризмом во все времена и во всех регионах мира. Это было в Чечне, так сегодня обстоит дело в Сирии. Например, всем россиянам памятен подвиг в феврале 2000 г. 6-й роты псковских десантников, которые в течение 19 часов обороняли высоту против многократно превосходящих сил боевиков. Почти все героически погибли, но врага не пропустили через свои позиции. В этой связи на ум приходят слова известного русского поэта С. Есенина, который на заре советской власти писал: «Я завидую тем, кто жизнь отдал в бою, сражаясь за великую идею».

Обязательной стороной подлинного патриотизма является уважение к другим людям, народам, их языку, культуре, истории, ко всему человеческому. В этой области работы еще непочатый край. В частности, в последнее время уходит живая информация о войне из российских семей.

[1] *Лавров С.В*. СССР спас Европу от ее собственного безумия. URL: https://www.rosbalt.ru/ (дата обращения: 19.08.2020 г.).

Так, «только одна четверть студентов хорошо осведомлены об участии в войне своих близких из их рассказов, семейных архивов (писем, фото). 38% что-то об этом слышали, но подробностей не знают. 13% вообще не в курсе, участвовал ли кто-то из их родственников в войне»[1].

Среди приоритетных направлений противодействия современным технологиям разрушения философии Великой Победы стоит выделить *массовое вовлечение всех граждан, особенно молодежи, в комплексную и системную военно-патриотическую деятельность.*

Сегодня такие средства и формы активно внедряются в практику деятельности всех без исключения субъектов общественного развития, набирают обороты и дают ожидаемые результаты. В частности, в целях сохранения величия Великой Победы регулярно проводятся в масштабе страны такие акции, как «Вахта памяти», «Бессмертный полк», «Дорога памяти», «Есть такая профессия – Родину защищать!», агитпоезд «Армия Победы», всеармейский фестиваль «Армия России», марш-броски по местам боевых сражений в годы Великой Отечественной «Курсантский бросок» и др. Что важно, проведение мероприятий стало не обязаловкой и не только в юбилейные дни, а постепенно входят в повседневную жизнь на основе инициативного добровольного участия с привлечением практически всех слоев населения России.

Взять, к примеру, общественную акцию россиян «Бессмертный полк», которая проводится «в России и ряде стран ближнего и дальнего зарубежья для увековечивания памяти участников и жертв Великой Отечественной войны. Так, в 2015 г. в акциях «Бессмертного полка» приняли участие, по разным данным, от 4 до 12 млн человек в России и 20 зарубежных странах, в том числе в Германии и США. В 2018 г. «Бессмертный полк» привлек уже 10,4 млн человек в России и 80 странах мира» [2]. На настоящий момент, кроме суверенных стран и Антарктики, «Бессмертный полк» проходит в непризнанных и частично признанных государствах, таких, как народные республики юго-востока Украины, Абхазия, Южная Осетия. Последними на сегодняшний день к майским шест-

[1] См.: *Новоселова Е*. Российские студенты не помнят героев ВОВ // Российская газета, 2013, 19 июня.

[2] См.: Акция «Бессмертный полк». История и организаторы. URL: https://tass.ru/info/ (дата обращения: 10.03.2021 г.).

виям присоединились прошлой весной в Колумбии и в американском штате Аляска.

По идее организаторов и координаторов данной акции цель состоит в воспитании человека-патриота. В конечном счете, патриотизм проявляется тогда, когда история Великой Отечественной войны будет для каждого не просто страницей из учебника, а когда она будет связана с историей своего родственника, своих друзей, знакомых, которые действительно принимали участие в Великой Отечественной войне.

Итак, «Великая Победа выступает для граждан России тем конкретным духовно-ценностным достоянием, которое не утрачивает своего значения, не становится будничным и пресным по содержанию и направленности. Она всегда будет затрагивать самые сокровенные струнки души человека, помогать преодолевать трудности и вдохновлять его на трудовой и ратный подвиги. Вот поэтому отсюда – яростные и целенаправленные действия западных и отечественных фальсификаторов истории Великой Отечественной, устремленные на очернение и принижение значимости и величия Великой Победы»[1].

Героизм русского народа во все времена, их жертвенность и самоотверженность, наиболее всего значимы в судьбе страны и для безопасности России. Эти ценности являются духовной основой идеи сильного и единого российского государства, основой патриотического и военно-патриотического воспитания в обществе. В этой связи философия Великой Победы служит методологическим руководством к направлениям и средствам развития истинного отношения россиян к своему Отечеству, его процветанию и успехам.

[1] *Петрий П.В.* Великая Победа и образовательное пространство современной России // Педагогическое образование и наука, 2015, № 4, с. 96-100.

УДК:111.32
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51589

В.Ю. БЕЛЬСКИЙ
доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, председатель научного совета Института ЕАЭС

В.А. ЛЕПЕХИН
кандидат философских наук, директор Института ЕАЭС*

Модернизация системы образования как фактор обеспечения цивилизационной безопасности России

В статье такой феномен политической философии, как «цивилизационная безопасность», рассматривается в контексте целей и задач, стоящих перед Россией в эпоху «постглобализации». Авторы разбирают смысл и содержание данной категории на примере обеспечения безопасности РФ в образовательной сфере.

Ключевые слова: *цивилизационная безопасность, постглобализация, глобальная безопасность, государственная безопасность, гибридная война, цивилизационная перекодировка, цивилизационный подход, цивилизационные ценности, национальная система образования, инновации.*

V.Y. BELSKY
Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Moscow University of the MIA of Russia named after V.J. Kikot, Chairman of the Scientific Council of the EAEU Institute

V.A. LEPEKHIN
PhD in Philosophy,
Director of the EAEU Institute

Modernization of the education system as a factor in ensuring the civilizational security of Russia

In this article, such a phenomenon of political philosophy as" civilizational security "is considered in the context of the goals and objectives facing Russia in the era of "post-globalization". The authors analyze the meaning and content of this category on the example of ensuring the security of the Russian Federation in the educational sphere.

Keywords*: civilizational security, post-globalization, global security, state security, hybrid war, civilizational recoding, civilizational approach, civilizational values, national education system, innovation.*

В современном мире, в процессе его перехода от модели глобализации евро-американского образца к постглобализации транснационального типа все более актуальной проблемой – как для государств и сообществ, так и для отдельных индивидов – становится проблема безопасности. Обеспечение личной, коллективной, корпоративной, национальной и государственной безопасности оказывается в современном мире задачей, по своей сути тождественной задаче физического выживания. С учетом же того, что человечество все интенсивней и основательней погружается в совокупность нарастающих гибридных войн и недобросовестных конкуренций, речь все чаще идет о необходимости обеспечения в мире так называемой глобальной безопасности[1].

В таком контексте особенно актуально исследование феномена **«цивилизационной безопасности»** (далее – ЦБ), приобретающего все более важное значение в эпоху «постглобализации».

В настоящей статье мы рассмотрим содержание данного феномена применительно к современной России – к «российской цивилизации» как особой трансрегиональной субъект-

* Бельский Виталий Юрьевич, e-mail: v.belskiy@bk.ru, Лепехин Владимир Анатольевич, e-mail: vlepehin2015@yandex.ru.

[1] Цивилизация и модернизация: история и современность. Монография. / Под ред. Бельского В.Ю., Когай Е.А. М.: изд. СГУ, 2019, 364 с..

ности, по своему географическому, социокультурному, экономическому и геополитическому объему и масштабу более широкому, чем Российская Федерация. Мы рассмотрим также некоторые факторы обеспечения ЦБ в современной России и, прежде всего, такой фактор, как национальная система образования (далее – СО), являющаяся важнейшим её системным основанием.

Полагаем, что главная проблема современной российской системы образования – начавшаяся в 90-е гг. цивилизационная перекодировка этой системы: перекодировка, осуществляемая в ошибочно-ложном направлении и ошибочно-негодными методами[1]. В настоящее время этот процесс несколько замедлился, так как стали очевидными некоторые негативные её последствия. В результате состояние отечественной системы образования можно охарактеризовать как критическое: одна часть этой системы стремится любой ценой (волюнтаристски) продолжить трансформацию в направлении внедрения в РФ западных образовательных стандартов, другая – из последних сил цепляется за советские традиции.

Вместо позитивного синтеза всего лучшего, что досталось нам от многовековой российской, а затем советской системы образования, и всего самого передового, что можно взять за рубежом (не только на Западе), российские «реформаторы» от образования в последние три десятилетия российской истории были сосредоточены на усиленном внедрении в РФ самого простого и худшего.

Начав с продвижения в России принципа вариативности учебного процесса (с 1992 г.), выпуска «альтернативных» учебников по истории и литературе и банальной коммерциализации среднего и высшего образования, в результате чего в РФ появилось огромное количество сомнительных частных лицеев, колледжей, псевдопреподавателей и квазивузов, продолжив «реформу» через внедрение в российской СО не самого оптимального варианта ЕГЭ (с 2001 г.), её перевод на стандарты Болонской системы (с 2003 г.), монетизацию школьного образования (с 2010 г.) и «укрупнение» вузов, в результате чего только за 2 года – с 2014 г. по апрель 2016 г. в России было уничтожено более 40%(!) высших учебных

[1] *Лепехин В.А.* О перекодировках сознания и современных зомби. // РИА-новости, 25.11.2014. Эл. доступ: https://ria.ru/20141125/1035044235.html

заведений[1], российские «реформаторы» (не без подсказок и давления со стороны наших зарубежных «партнеров») добрались и до философии образования, до ключевых положений национальной стратегии образовательной политики.

Во-первых, был решительно изменен сам статус национальной СО. Образование в РФ перестало быть производительной силой и важнейшим фактором формирования нового человека как гармонично и всесторонне развитой личности: оно превратилось в сферу оказания гражданам «образовательных услуг».

Во-вторых, принципиальным образом изменилось в отечественной СО и целеполагание. Задачи подготовки профессиональных кадров для народного хозяйства уступили место иному приоритету – продаже гражданам РФ как потребителям как можно большего объема образовательных услуг (например, коучинга, различных «тренингов личностного роста» и «сенситивности», дополнительного бизнес-образования и пр.) и иной продукции под маркой образования и повышения уровня своей квалификации.

В-третьих, российские «реформаторы» взяли курс на сегрегацию российской СО, на разделение этой системы на элитарную и прочую и, как следствие, подмену основанной на реализации всеобщего права граждан РФ на образование педагогики примитивной педологией, основанной на так называемом дифференцированном подходе: способным (в основном – платежеспособным) ученикам по максимуму, «неспособным» – по минимуму.

В-четвертых, органами власти определенно был взят курс на встраивание российской СО в мировой образовательный рынок без понимания всех возможных рисков и неизбежных последствий для нашей страны.

Последствия не заставили себя долго ждать. Сегодня, по результатам социологических опросов и разного рода тестов, установлен факт неуклонного падения интеллектуального уровня современной молодежи[2]. Практически во всех наукоемких отраслях государство испытывает все более острый дефицит квалифицированных кадров. Соответственно падает также качество государственного и иного управления, сокращается приток молодых специалистов в фундаментальную

[1] См. https://www.interfax.ru/russia/500572
[2] См. https://www.superjob.ru/research/articles/111844/64/

науку и в сферу производства, падают рейтинги российских вузов и престиж университетского образования. И это все связано не только с отчетливым курсом власти на сокращение в стране общего числа учебных заведений всех уровней и типов и объемов их финансирования, довольно значимой эмиграцией самой энергичной и образованной части российской молодежи за рубеж, падением авторитета учителей и т.п., но и с серьезной деградацией и продолжающейся шизофренизацией предлагаемого учащимся контента под видом «вариативности» образования и «свободного выбора» учащимися преподавателей и учебных курсов. И этот список проблем, противоречий, ошибочных решений и откровенного вредительства в российской системе образования можно продолжать и продолжать.

Главный вывод по итогам анализа сложившейся в российской СО к настоящему времени ситуации таков: **общая и неуклонная деградация отечественной системы образования становится важнейшей угрозой для национальной безопасности России**. Мы бы особо подчеркнули: для её цивилизационной безопасности, поскольку образовательная сфера – элемент культуры, а русско-российская культура значительно шире государственных рамок РФ: она носит цивилизационный (трансрегиональный) и цивилизациобразующий характер.

С момента создания на Руси первых школ по обучению грамоте в X-XI вв. и вплоть до последних дней СССР в нашей стране формировалась и развивалась национально-ориентированная система образования, целеполагание в которой целиком и полностью основывалось на задачах, сформулированных властью если и не в интересах большинства граждан страны, то, по меньшей мере, в интересах российской государственности.

В чем заключались эти задачи? Прежде всего – в обеспечении определенного уровня грамотности большинства населения, с одной стороны, и максимально высокого уровня грамотности и образованности элиты – с другой. В этом смысле в истории российского образования можно выделить три основных периода.

Первый: с момента создания первых монастырских школ по обучению грамоте до открытия в 1726 г. первой государственной образовательной школы в Санкт-Петербурге. Второй, «имперский» – с начала XVIII века и до образования СССР. И

третий – связанный со становлением и развитием советской пронародной системы образования.

В каждом из этих трех исторических периодов государством решались задачи, связанные с общими особенностями социально-экономического развития державы, с усложнением всей системы государственного управления и необходимостью защиты национальных интересов страны. Историческая разница заключалась лишь в том, что если до образования СССР в нашей стране существовала сегрегированная система образования, предполагающая наличие, как минимум, двух разных по доступности образовательных систем, частью сориентированных на простое большинство населения и частью на привилегированное меньшинство, то советская система представляла собой уникальное социальное явление, лишенное недостатков сегрегации и обладающее – в силу этого – колоссальными преимуществами в качестве подготовки специалистов в сравнении даже с образовательными системами развитых стран. Впервые в мировой практике была осуществлена идея всеобщего среднего образования.

В позднесоветской системе образования утвердились следующие принципы обучения детей и молодежи, а также подготовки кадров для народного хозяйства:

- государство за счет бюджета обеспечивало все население страны примерно равными (независимо от региона) и реальными возможностями в получении общего, среднего и высшего образования;

- советская система образования была привязана к задачам обеспечения народного хозяйства страны высококвалифицированными кадрами, а также обеспечения государственной безопасности посредством поддержания автономности этой системы и ее способности к конкурентному воспроизводству.

Названные задачи обеспечивались:

- соблюдением конкретных и единых государственных стандартов в системе образования;

- обеспечением высокого уровня преподавания фундаментальных наук и теоретического наполнения учебных курсов, начиная с общеобразовательной школы;

- обеспечением квалифицированной подготовки и плановой переподготовки преподавателей и контролем за методиками преподавания;

- активной воспитательной работой с учащимися в образовательных учреждениях, а также целой системой дополнительного образования в тематических кружках, центрах детского творчества и т.п.;

- закреплением значительной части средних и высших учебных заведений за теми или иными отраслями народного хозяйства в плановом порядке.

Заметим, что советская система образования не была лишена некоторых недостатков, главным из которых являлась ее структурная противоречивость, в первую очередь, несоответствие уровня образования размерам получаемых выпускниками каждой из образовательных ступеней зарплат и пр.[1], но мы в данном случае их не рассматриваем. Отметим лишь, что реформа советской системы образования в начале 90-х гг. прошлого века должна была начаться с устранения названных недостатков и перехода к реальной её модернизации, но она, увы, началась с преумножения новых пороков и противоречий и отказа от явных конкурентных преимуществ советской СО в сравнении с иными зарубежными образовательными системами, т. е. с демодернизации.

С момента упразднения Советского Союза и начала слома советской политической системы разрушительно-преобразовательная тактика затронула практически все сферы российского общества. В системе образования вместо перенастройки идеологической стороны данной системы и, в частности, перевода существующей в рамках отечественной СО практики профессиональной подготовки и воспитания школьников и студентов на оптимальные для своего времени методики и технологии, новый правящий класс взял курс на тотальную прозападную цивилизационную перекодировку и переделку (трансформацию) всей национальной системы образования методом слепого и сплошного прозападного подражания и копирования.

К сожалению, названная трансформация и сопутствующая ей ценностная и идеологическая перекодировка отечественной СО затронула не только содержание учебников по гуманитарным дисциплинам и не только воспитательный процесс. **Она подвергла полному переформатированию и**

[1] Недостатки советской системы образования подробно проанализированы авторами настоящей статьи в специальной разработке для Института ЕАЭС.

искажению сами основания национальной системы образования, а именно:

- был взят курс не на укрепление и развитие оригинальной, самобытной, самодостаточной, автономной и национально ориентированной системы образования (отвечающей задачам обеспечения цивилизационной безопасности РФ), но на подстраивание новой российской СО под западные требования, что означало подчинение российской школы западным центрам установления образовательных стандартов и утверждения образовательных методик, и это полностью соответствовало политическому курсу нового правящего класса по «интеграции» России в западный мир по правилам последнего и на его условиях;

- вместо системы всеобщего, равного и бесплатного образования в РФ стала внедряться и всячески закрепляться система коммерческого и сегрегированного образования; причем основное внимание государства оказалось сосредоточенным на элитном образовании по принципу «для своих», а также на приоритетном обучении «одаренных» детей и финансовой господдержке именно этого сегмента в российской СО (Университет «Сколково», Образовательный центр «Сириус», государственная программа финансирования обучения граждан РФ, поступивших в ведущие зарубежные университеты «Глобальное образование» и т.п.);

- был взят курс на упразднение воспитательного функционала в общеобразовательной и высшей школе, на снижение престижа профессии учителя и преподавателя, на постепенную замену последних тьюторами, а опытных педагогов – психологами; соответственно, в 2020 г. отчетливо обозначился также курс на существенную профанацию российской СО путем перевода значительной части не только вузовского, но и школьного образования на «дистанционку»;

- был взят курс на упрощение образовательного контента для большинства: на отказ от преподавания фундаментальных знаний в пользу узких компетенций и монетаристских по своей методологии прикладных учебных курсов, что означало сведение учебного процесса к овладению учащимися не столько способностями мыслить и запоминать полученные знания, сколько навыками работы с гаджетами, направленными на поиск готовой информации и реализацию программируемых операций.

Сегодня, одновременно с продолжением реализации Министерством науки и высшего образования РФ и другими государственными структурами названного курса на как бы прозападные, а на деле – пролибертарианские «реформы» в российской СО становится все более очевидным, что попытки определенных сил в нашей стране полностью избавиться от «рецидивов» в целом эффективной (одной из самых эффективных в мире) суверенной и самодостаточной постсоветской системы образования в пользу чуждых цивилизационному коду России стандартов не удались. Более того, в последние годы эти попытки все чаще и все однозначнее квалифицируются российской экспертной средой как стремление к проведению в отечественной СО злонамеренной диверсии. Как своего рода спецоперация конкурентных и враждебных по отношению к России сил, намеренных при содействии «пятой колонны» в российской СО подорвать образовательно-воспитательный потенциал Российской Федерации и, тем самым, основы её национальной безопасности.

А между тем важно отметить, что ситуация в мире меняется. Глобальное общество, в которое последние три десятилетия усиленно встраивалась российская система образования, очевидно не состоялось. Отсюда — нарастающее стремление отечественной экспертной среды подвергнуть ревизии все, что происходит сегодня в отечественной СО под видом её модернизации. Ревизии, в том числе, с позиций объективного критического анализа проводимых в сфере образования псевдореформ в направлении смены образовательной стратегии в целях обеспечения национальной и цивилизационной безопасности РФ.

Под цивилизационной безопасностью России авторы этих строк понимают государственную безопасность РФ плюс обеспечение безопасности наших соотечественников за рубежом: как проживающих за границей граждан РФ, так и иного населения стран ближнего зарубежья, обладающего русской или российской идентичностью[1].

Цивилизационная безопасность России во многом зависит от характера образовательных процессов в пространстве так называемого русско-российского мира (российской цивилиза-

[1] В. Лепехин: Отечественная система образования в контексте проблемы цивилизационной безопасности РФ // Зиновьев-инфо, 09.11.2020. Эл. доступ: http://zinoviev.info/wps/archives/5746

ции): от уровня преподавания в пределах этого пространства русского языка, истории, обществоведения, философии и других гуманитарных и фундаментальных наук, от уровня приобщения (через различные образовательные и просветительские программы) представителей названного мира к русско-российской культуре. Отсюда – настоятельная потребность в фундаментальном переосмыслении не только итогов последнего тридцатилетия российских либерально-прозападных экспериментов в образовательной сфере, но и перспектив развития РФ вкупе с частичным восстановлением в нашей стране традиционных для России образовательных методик и технологий. При этом необходимость серьезного переосмысления ситуации, сложившейся в отечественной СО, не означает, что наши педагоги и государственные структуры должны отказаться от поиска и внедрения всего самого лучшего и передового в образовательной сфере[1]. Одна из задач в этой области сегодня состоит в том, чтобы и впредь рассматривать проблему инноваций в образовании с новых мировоззренческих и методологических позиций – на основе «ценностно-смыслового подхода» в обучении детей и молодежи и с учетом цивилизационных интересов Российской Федерации[2].

Новые геополитические вызовы настойчиво требуют от российской власти перехода к реализации в РФ такой стратегии общеобразовательной, средней и высшей школы, которая предполагает не отсечение учащихся от национальной культурной традиции (к чему стремились с момента «перестройки» в СССР либеральные «реформаторы»), но, напротив, опору учебного процесса на эту самую традицию. Опыт многих зарубежных стран свидетельствует, что внедрение в учебном процессе передовых образовательных технологий при непременном и квалифицированном учете особенностей отечественной СО может стать мощным катализатором позитивных перемен в обществе и государстве, а

[1] См.: *Бельский В.Ю.* Глобализация и образование в современной России. Эл. доступ: https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-i-obrazovanie-v-sovremennoy-rossii/viewer; См. также*: Бельский В.Ю., Золкин А.Л.* Современное образование: новации и традиции // Вестник Московского университета МВД России, 2020, № 1, с. 247-250.

[2] См.: *Бельский В.Ю., Майкова В.П., Молчан Э.М*. Традиции и новации в формировании духовно-нравственных ценностей личности в образовании. // Социально-гуманитарные знания, 2019, № 5, с. 60-67.

также мотиватором стремления детей и молодежи к постоянному повышению своего образовательного уровня.

Нужно прямо сказать, что нынешние глобальные вызовы и угрозы для России и всего мира носят системный и долгосрочный характер[1]. Для нашей страны – это очередной цивилизационный вызов, порожденный глубоким системным кризисом западного сверхпотребительского и «трансгуманитарного» общества и его стремлением обнулить нынешний миропорядок переводом человеческой, антропогенной цивилизации на новую, постчеловеческую (технотронно-техногенную) парадигму бытия. И если наша страна сегодня так или иначе отказывается от прозападной «модернизации» (вестернизации) и стремится обрести свой суверенный путь развития, то и национальная система образования должна быть приведена в полное соответствие с новыми целями и задачами РФ как страны-цивилизации.

[1] *Лепехин В.А*. Многополярного мира не будет. Грядет глобализация 2.0. Эл. доступ: http://zinoviev.info/wps/archives/5514

УДК 070
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51590

Н.В. КУНИЦЫНА
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник кафедры
стилистики русского языка факультета
журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова*

Ж.С. АЛЕКСАНЯН
кандидат филологических наук,
доцент кафедры стилистики русского
языка факультета журналистики
МГУ имени М.В. Ломоносова

Двуязычное образование в формате медиакоммуникации

Расширение взаимообмена в системе образования в условиях глобализации объективно обусловливает возрастание роли двуязычного образования. В статье на примере подготовки студентов из Китая на факультете журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова анализируется опыт использования конкретных практик двуязычного образования в формате медиакоммуникации. Лингво-гуманитарные дисциплины спроецированы на расширение навыков иностранных студентов, обретающих журналистские компетенции.

Ключевые слова: *медийные формы коммуникации, принципы структурирования текста, журналистское расследование, travel-журналистика, коммуникативные компетенции, общественно-социальный контекст.*

N.V. KUNITSYNA
PhD in Philology, Senior Researcher at the Chair of
Stylistics of the Russian Language, Faculty of Journalism,
Lomonosov Moscow State University

J.S. ALEKSANYAN
PhD in Philology, Associate Professor at the Chair of
Stylistics of the Russian Language, Faculty of Journalism,
Lomonosov Moscow State University

* Куницына Наталия Викторовна, e-mail: nk_presents@bk.ru

Bilingual education in the format of media communication

The expansion of interchange in the education system in the context of globalization objectively leads to an increase in the role of bilingual education. The article uses the example of training students from China at the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, the experience of using specific practices of bilingual education in the format of media communication is analyzed. Linguistic and humanitarian disciplines are projected to expand the skills of foreign students acquiring journalistic competencies.

Keywords: *media forms of communication, principles of text structuring, journalistic investigation, travel journalism, communicative competences, social and social context.*

Современная экосистема «ИТ – телекоммуникации – медиа» открывает новые возможности для исследовательских практик в разных областях знаний. Двуязычное образование в контексте межкультурной коммуникации[1] интегрирует такие науки, как педагогика, психология, социолингвистика. Кроме того, когнитивная картина мира дополняется и расширяется дискурсивными и интердискурсивными нишами. «Содержание СМИ приобретает ценность именно в процессе “потребления” его аудиторией. В результате современный человек превращается в “человека медийного” (homo mediatus), и это становится сегодня важнейшей особенностью общества»[2]. Иностранцы, обучающиеся на факультете журналистики МГУ, активно вовлечены в процесс всеобщей глобализации. Нельзя не учитывать, что медиатизация имеет как положительную, так и отрицательную сторону. Журналист, работая с новостным материалом, репрезентирует многофункциональный мир коммуникации. «Важными являются требования медиакультуры с ее императивом привлечения внимания и склонностью медиатизировать все»[3]. Сейчас двуязычное образование – это общеязыковая норма, поэтому педагогические разработки имеют особое значение.

---

[1] См.: *Куницына Н.В.* Двуязычное образование в контексте межкультурной коммуникации // Журналист, 2011, 19 мая.

[2] *Вартанова Е., Ажгихина Н.* Диалоги о журналистике, М., 2011, с. 48.

[3] *МакКуэйл Д.* Журналистика и общество, М., 2013, с. 318.

Формирование журналистских навыков, успешная профессиональная результативность – все это расширяет кругозор современного человека, активного пользователя информации. Речь идет о лексико-тематических тренингах, которые целенаправленно спроецированы на создание медиапродукта. В 2012 г. на факультете журналистики в рамках двухсеместрового обучения китайских стажеров было разработано образовательно-педагогическое направление «Edutainment в формате дайджест»[1]. Мы предложили специализированный вариант программы Edutainment (англ. education – образование и entertainment – развлечение). Сейчас, в эпоху развития конвергентных и интерактивных медиажанров, дайджест активно интегрируется в журналистской и социальной сфере общения. Цели курса «Edutainment в формате дайджест» следующие:

– составить грамотный, лаконичный дайджест-текст, максимально реализовать журналистские навыки;

– визуализировать текст, подобрать изобразительный материал;

– соотнести текст и изображение по принципу конструирования образа, создать дайджест-путеводитель[2].

Моделирование edutainment-формата можно рассматривать в контексте стилевой направленности известных международных издательств, которые производят качественный медиапродукт – путеводители: Thomas Cook, Berlitz, A. Dorling Kindersley Book. Компания Berlitz не только издает путеводители, но и предлагает методику преподавания языков. Все эти тенденции подтверждают мысль о том, что целенаправленное edutainment-обучение – «формула успеха» в сфере современного образования. Творческий подход к работе, когда необходимо соотнести слово и изображение в дайджест-формате, – идеальный пример развития медиамышления в условиях конвергентности и интерактивности. Прежде чем подняться на более высокую ступень журналистского мастерства, соединить творческие навыки и профессиональную практику, студентам необходимо освоить новостную журналистику, научиться работать с фактическим материалом, соотносить такие

[1] См.: *Куницына Н.В.* Дайджест-путеводитель. Столицы мира. Стиль жизни. Русский язык для иностранцев. М., 2012.

[2] См.: там же.

понятия, как «факт» и «факт-новость». И конечно, дайджест-путеводитель открывает пути медиаразвития личности.

Цели и задачи курса «Edutainment в формате дайджест» соотносятся. Необходимо закреплять сертификационный уровень иностранцев. Логические и грамматические навыки и умения первостепенны. Некоммуникативные (языковые) и коммуникативные (речевые) упражнения-тренинги выстраивают поэтапную модель освоения тематического материала. Лингвострановедческая задача дайджест-путеводителя – синтезировать журналистские и коммуникативные компетенции обучаемых. Когнитивная деятельность не что иное, как выбор нужной стратегии и тактики в процессе познания. Авторский курс «Edutainment в формате дайджест» расширяет кругозор современного человека, вовлеченного в публицистическую картину медиамира.

Важно отметить практикующий характер обучения: лексико-стилистические задания сопровождаются подготовкой к использованию словоформ в коммуникативной сфере. Приведем пример. Выбираем текстовую модель, которая спроецирована на тематическое расширение смыслового ядра. «Франция. Париж. Лувр расположен в центре Парижа на правом берегу Сены. Здание музея – старинный королевский дворец, а статуя Людовика XIV – исторический символ Парижа. Французский стиль классицизма замечательно вписывается в архитектуру Елисейских полей и площади Согласия». Понятия «памятник», «история» детерминированы: выстраивается родо-видовая парадигма «королевский дворец – французский классицизм – архитектурный ансамбль»[1]. Далее, на всем развороте путеводителя, визуализированный дизайн сопровождается небольшими текстовыми комментариями. Студенты вовлекаются в познавательный контент, основной принцип обучения – популярность и простота. Не стоит употреблять сложные синтаксические конструкции: запомнить, выучить – это не значит правильно адаптироваться в речевой ситуации. Без сомнения, путеводитель, составленный по методу наглядности и доступности, – это образец комплексной дидактики (он простого к сложному). Введение новых слов и понятий на базе усвоенной лексики обусловливает типологию

[1] Цикл передач о классической музыке «Партитуры не горят», аккаунт Олега Андреева // YouTube. 2017. 18 нояб. URL: https://www.youtube.com/watch?v=eE9aG6Doi9k

уроков-тренингов, уроков-бесед. Цели и методы обучения соотносятся, таким образом совершенствуется теория и практика научно-педагогического сообщества.

Стоит сделать акцент на том, как иностранцы-журналисты приобщаются к процессу конвергентности медиажанров. Создавая путеводитель, можно осмыслить особенности таких жанров, как travel-дайджест, дайджест-обзор, дайджест-очерк. Культурологический аспект исследования помогает студентам сопоставить информационный и оценочный потенциал журналистики. Телевизионный канал Discovery в YouTube повышает рейтинг познавательного контента. Стиль travel-дайджест доступен и понятен широкой аудитории. Информационный текст-лид подводит адресата к авторской интенции. «Западные Гаты – это сеть водопадов, древних болот и джунглей, ставших домом для самых разнообразных существ. Что скрывается в глубинах лесов? Откуда пришли эти животные и как существуют друг с другом? Смотрите прямо сейчас!»[1]. Что особенно привлекает пользователя YouTube? Конечно, сюжетная интрига. Прочитать краткий комментарий – и отправиться в увлекательное путешествие! «Не ходите, дети, в Африку гулять… Любите шоу “Золото джунглей”? Хотите узнать, что остается за кадром? Смотрите, как Скотт и Джордж преодолевают опасные наводнения, нападения с мачете и вооруженные ограбления в процессе съемок и поиска золота в Гате. Вы узнаете больше в этом специальном выпуске шоу “Золото джунглей” на канале Discovery! Заходите на наш сайт»[2].

Travel-журналистика печатного медиаформата ничуть не уступает новым медиа. Серийный журнал «Атлас. Целый мир в твоих руках»[3] – это путеводитель по всему миру. Система рубрикаций, структурирование текста и изображения, дизайн картографии, рекламных вставок и комментариев – не что иное, как продолжение новаций Long-form journalism, что отличает путеводитель от классического российского научно-популярного журнала «Вокруг света»[4]. Дайджест-обзоры, дайджест-очерки – контентное ядро «Вокруг света». Иност-

[1] Западные Гаты. Планета мутантов // YouTube. 2020. 29 апр. URL: youtube.com›watch?v=7mvf_sO5Mv0

[2] За кадром. Золото джунглей // YouTube. 2021. 19 апр. URL: youtube.com›watch?v=a6bK13Yn3kY

[3] В Москве выпускается издательским домом «Де Агостини» с 4 ноября 2013 г.

[4] Журнал Русского географического общества.

ранцы могут ознакомиться с отечественными российскими традициями страноведения, что позволяет лучше составить «Дайджест-путеводитель. Страны мира. Стиль жизни».

Освоение медийных форм коммуникации, без сомнения, соотносится с разработкой новых семестровых планов и курсов. «Учебные планы, выстроенные вокруг базовых каналов распространения информации (радио, ТВ, газеты и т.д.), уступят место учебным планам, основанным на функциях, которые журналистика выполняет в XXI веке: мониторинге, расследованиях, поиске конструктивных решений. Студенты должны будут обучиться работе со всеми платформами и ознакомиться со всеми функциями профессиональной журналистики в обществе»[1].

Статус двуязычного образования возрастает в контексте современной модели межкультурной коммуникации. Курс «Современная медиаречь» в формате модуля «Мультимедийная журналистика» повышает журналистские компетенции и создает условия для продвижения сертификационного уровня иностранцев. Программа курса структурируется по двум направлениям. Первое направление включает тематические разделы:

– «универсальный журналист»: задачи, цели, традиции, новаторство;

– «журналистика погружения»: оценочный план авторского «я»;

– факты, новости: комментарий журналиста или специалиста?

– умрет ли журналистский текст? Новые технологии, медиатизация и технократия.

Второе направление спроецировано на освоение жанров и новых медиаформатов.

– конвергентные жанры и медиаформаты;

– поликодовые коммуникативные модели;

– сетевые платформы: целевая аудитория, пользовательский контент;

– интервью – ток-шоу – подкастинг – рейтинг репутации и популярности.

Для современного потребителя информации ответ на вопрос: «Какой формат выбирать – онлайн или офлайн?», – как

[1] *Дрок Н.* Журналистское образование в цифровую эпоху // Медиа-Тренды, 2018, № 3, с. 2.

правило, будет в пользу онлайн. Такое предпочтение оправдано: привлекает не только широта технологического охвата, но и ценовая политика – платишь за Интернет и все. Кроме того, рекламой, которая так назойливо встраивается в контент, можно в какой-то степени управлять – искушенный homo mediatus научился исключать из памяти ненужную информацию. Всегда остается стилеобразующим такое понятие, как конкурентоспособность: онлайн-формат обладает беспрецедентной характеристикой – оперативностью. Термин «медиаформат» активно вошел в языковую и понятийную систему ценностей. Жанры и медиатексты интегрируются в коммуникативном пространстве. Качественная журналистика ориентирована на создание стилевого медиаформата, когда учитывается жанровая конвергенция.

«Медиаформат – это некая журналистская “величина”, определяющая качество медиатекста, который, в свою очередь, создается с соблюдением классических законов жанроведения. Возможна синонимическая замена – медиаформат или стилевой облик медиа»[1]. Типологические характеристики СМИ были разработаны в отечественной школе журналистики и по сей день остаются основным методологическим руководством в профессиональной деятельности. Понятие «стилевой облик», или «медиаформат», возникло в результате современной интерпретации тех процессов, которые проис-

[1] *Куницына Н.В.* Медиаформат как стилевой облик современной журналистики // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орел, 2013, с. 192.

ходят в сфере журналистики. Речь идет о том, что жанровые и типологические границы медиа расширяются, требуется новые оценочные характеристики в контексте конвергентности и интерактивности. Изучение типологических особенностей медиаформата актуально для современной журналистики. Не случайно на факультете журналистики МГУ делается акцент на том, как приблизить теоретические знания к реальной ситуации. «Важна роль факультета во взаимодействии с медиакомпаниями, журналистами и редакциями, журналистами и редакторами, чтобы выработать общую ценностную площадку. Профессиональные и этические стандарты журналиста неразделимы, и их важность неоспорима»[1]. Без сомнения, студенты-иностранцы, работающие с медиатекстами, вовлечены в коммуникативное пространство, наша задача – показать, как выбранный журналистами жанр соответствует медиаформату. Приведем некоторые примеры коммуникативных тренингов. Музыкальная авторская программа Артема Варгафтика в эфире «Радио России» – пример «журналистики погружения». «Конвергентная журналистика и журналистика погружения придают новое (более авторское) звучание уже существующим журналистским жанрам. С объекта репортажа (персоны/события) акцент смещается на фигуру журналиста, субъективное мнение которого превращается в основное событие текста»[2]. Конечно, нельзя не согласиться с этим утверждением, но, на наш взгляд, понятие «субъективное мнение» требует некоторой корректировки. Публичная сфера массмедиа учитывает сбалансированный механизм «фактов и мнений»: коммуникативный тип информирования не может достичь наивысшей степени субъективизации. Имплицитный и эксплицитный план авторского «я» коррелирует результаты коммуникации – определяет успех «обратной связи». Невозможно представить, что журналист увлекается своими интенциями и забывает о своей стратегии и тактике, не соблюдает принцип информационного единства «событие – медиасобытие – медиатекст». Только «универсальный журналист» готов реализовать свой творческий потенциал в многофункциональной картине мира, выбрать нужный медиаформат и соот-

[1] *Вартанова Е.Л.* Университетский формат журналистики // Независимая газета, 2011, 8 ноября.

[2] *Грибачева Н.В., Глушкова Н.М.* Конвергентная журналистика и журналистика погружения: обзор стратегий (де)легитимации // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орел, 2019, с. 46-47.

ветствующий жанр. Не забывать об эффекте целевой коммуникации – это важная составляющая медиапланов, которые стимулируют развитие социально-гуманитарной сферы.

Вопрос «Комментарий специалиста или журналиста?» – в современном медиамире неоднозначный. Что выбирает пользователь: научную аргументацию специалиста или журналистскую интерпретацию событий? И специалист в определенной области знаний, и журналист, знающий законы масс-медиа, – эти профессии интегрируются в медиаконтексте авторских программ. Студентам предлагается изучить авторские передачи «Цикл музыкальных расследований» о классической художественной музыке Артема Варгафтика – «Партитуры не горят»[1]. Человек потрясающей эрудиции и великолепный рассказчик, Артем переносит нас в увлекательное путешествие по волшебному миру художественной музыки. Действительно, мы погружаемся в жизнь творческих ассоциаций и фантазий, ведь музыка не что иное, как наша душа. Российский виолончелист, педагог, телеведущий – эти интегрированные профессии мы воспринимаем как нечто целое, когда слушаем и смотрим программы А. Варгафтика. Тематический план детерминирован по мини-темам: музыкальные циклы посвящены конкретным композиторам. Цикличность и контентное единство создают динамику сетевого пространства. Несомненно, целевая аудитория комфортно чувствует себя в гостях у телеведущего. Например, семь тематических циклов о жизни, творчестве и судьбе В.А. Моцарта просвещают, вдохновляют людей разных профессий. Рассказ о создании оперы «Дон Жуан» – это дорога к истине, предназначению и духовным откровениям. Варгафтик выбирает не назидательный, пафосный стиль, а жанр «журналистского расследования» и не скрывает бытовых, повседневных сторон жизни. Юмор, легкий и мягкий, отражает вкус высококультурного человека. «Чтобы разобраться в истории оперы, нужно, во-первых, остановить мгновение, во-вторых, возвысить добродетель и, в-третьих, развенчать порок». Авторская интенция подготавливает интересный сюжет: речь идет о рождении пражских и венских партитур оперы Моцарта «Дон Жуан». Тайну творческого вдохновения нельзя постичь, к ней можно только прикоснуться. Эту истину знает и понимает

[1] См.: URL: https://www.youtube.com/playlist?list=PLg55D6u8NNFgOdJM40r-NNy80X1-WbpVOj

телеведущий, тонко чувствующий грани искусства. Легенда о великом грешнике обретает трагикомическую окраску, А. Варгафтик погружает слушателя в пространство музыкального времени, остановить которое на миг может такой мастер, как Моцарт. Таким образом, известная в литературе и искусстве тема похождений Дон Жуана звучит особенно в музыкальной интерпретации композитора. Мотив легенды, мифа не доминирует, а влечет к размышлениям об иерархии ценностей, которые могут разрушиться независимо от воли человеческого разума. К таким умозаключениям приходишь, будучи вовлеченным в когнитивную картину мира, созданную и Моцартом, и телеведущим, который передает жизнь и природу музыкальных творений.

Пользовательский контент в сетевом сообществе YouTube многофункциональный. Рейтинг репутации и популярности интернет-платформ напрямую зависит от качества авторских эксклюзивных программ. Видеоподкасты Артема Варгафтика привлекают не только любителей музыки, но и людей других гуманитарных и социальных пристрастий. Участие в разных телепрограммах, ток-шоу, премьерных презентациях – все это многогранная публичная деятельность «универсального журналиста». И конечно, авторские подкасты заслуживают особого внимания и уважения. Персонификация пользовательского контента – один из важных медиаинструментов – помогает, с одной стороны, наладить «обратную связь», и коммерциализировать сетевой спрос и потребление, с другой стороны. Структурирование подкастов А. Варгафтика по принципу конвергенции видеоизображения, звучащего слова, поликодового текста на посте развивает традиции лонгрид-формата. Пользовательские аккаунты, которые отсылают к подкастам А. Варгафтика, действуют по принципу цикличности и жанровой интерактивности и обретают медийную значимость. Не только соблюдение законов медиатизации, воплощение коммуникативных целей и задач, но и личностные качества телеведущего (чувство стиля и художественный вкус) определяют работу «на результат». Все это знаменует новую эпоху авторской журналистики. Для социально-гуманитарного сообщества идея «личностного начала» первостепенна[1]. Несомненно, дискурсивные практики – составляющая часть двуязычного

[1] *Дрожжин А.В.* «Новая журналистика» и тенденции неогуманизма в современном обществе // Вестник Чувашского университета, 2009, № 1, с. 274-282.

образования. Студенты-иностранцы, разбирающиеся в современной медийной ситуации, смогут совершенствовать языковые навыки, не механически повторять учебный материал, а целенаправленно повышать шкалу знаний.

Далеким прошлым кажется то время, когда Я.А. Коменский – чешский педагог-гуманист[1] – заложил основы технологий обучения «чужому» языку: 1) классно-урочная организация труда; 2) предметно-визуальный принцип обучения; 3) правила изложения учебного материала (наглядность, системность, последовательность, доступность).

«Классно-урочная организация труда» и современные интерактивные педагогические технологии[2]; «предметно-визуальный принцип обучения» и современные возможности визуализации, – такая соотнесенность педагогического опыта не может не вселить оптимизм и укрепить веру в то, что нельзя забыть. Мы понимаем, что, чем больше наша память обращается к прошлому, тем лучше становится качество наших знаний и исследований. Систематизируя правила изложения учебного материала – наглядность, системность, последовательность, доступность, – Я.А. Коменский выделяет такое понятие, как «преемственность» в передаче и усвоении знаний, и сейчас многоуровневая система обучения РКИ поэтапно развивает и совершенствует навыки и умения обучаемых. Основа педагогических практик – это взаимодействие поэтапного и комплексного обучения. Нельзя не согласиться с утверждением Е.И. Пассова: «Я убежден, что методика – одна из важнейших наук о человеке. Я бы хотел, чтобы Методика создала для него образовательное пространство, по-человечески уютное, содержательно культурное, мотивационно увлекательное. Я уверен, что такая методика способна сделать это»[3]. Без сомнения, современные методики не могут не учитывать процесс освоения коммуникативных навыков: речь идет о таком понятии, как «речевое общение». Не зазубривать, а понимать, вести беседу, отвечать на вопросы – наипервейшая задача обучения. Подстраиваясь под сложившуюся коммуникативную ситуацию, важно найти правильный методологический подход, выбрать эффективную педагоги-

[1] См.: *Коменский Я.А., Локк Д., Руссо Ж.-Ж., Песталоцци И.Г.* Педагогическое наследие. М., 1988.

[2] Термин «педагогические технологии» расширил свое значение в контексте современных интерактивных новаций.

[3] Из лекции Е.И. Пассова, 2015 г.

ческую стратегию. Нельзя не обратить особое внимание на «командный» метод преподавания, когда учитывается специфика аудитории, соблюдаются так называемые правила игры, которые целенаправленно разрабатываются ведущим-модератором. Таким образом, преподаватель становится активным участником медийного сообщества. Мы понимаем, что самое сложное в образовательной программе – это закрепление навыков говорения. Обновление и совершенствование курсов, расширение педагогических практик коррелирует потенциальные возможности говорящего. Многофункциональная, интерактивная программа «Современная медиаречь» структурирует накопленный технологический опыт в области гуманитарного и журналистского (специализированного) образования. Иностранные студенты, обретая коммуникативные компетенции, как совокупность дискурсивных (лингвистических, социокультурных, лингвострановедческих) компетенций, становятся активными участниками медийного сообщества.

УДК УДК 101.1:316
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51591

А.Ю. ТРУБЕЦКАЯ
кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин и истории права МГУУ Правительства Москвы*

Государственная культурная политика в идеальном государстве Платона

В статье предпринята попытка теоретического моделирования государственной культурной политики в идеальном государстве Платона. Рассматриваются подходы к определению культурной политики, анализируются пространство ценности и цели, а также механизмы реализации культурной политики, нашедшие отражение в диалоге «Государство».

Ключевые слова: *культурная политика, государство, Платон, общество.*

A.Yu. TRUBETSKAYA
PhD in Philosophy, Assistant of Professor the Chair of Social and Humanitarian Disciplines and History of Law of Moscow Metropolitan Governance Yury Luzhkov University

State cultural policy in Plato's ideal state concept

The article attempts to theoretically model the state cultural policy in Plato's ideal state. Approaches to the definition of cultural policy are considered, the space of values and goals is analyzed, as well as mechanisms for implementing cultural policy, which are reflected in the "State"dialogue.

Keywords: *cultural policy, state, Plato, society.*

* Трубецкая Анастасия Юрьевна, e-mail: trubetskay@gmail.com

Культура уже давно не просто сфера духовной жизни человека, но и объект государственного интереса и управления. Общественные дискуссии вокруг того, что является предметом государственного управления в сфере культуры, какова необходимая степень государственного участия и роль культуры в социально-экономическом развитии, усиливаются, особенно в контексте рассмотрения Закона о культуре взамен действующих сегодня Основ законодательства о культуре 1992 г. В то же время интерес исследователей и государственных деятелей фокусируется вокруг конкретных инструментов и механизмов реализации государственного управления культурой, в том числе и зарубежного опыта.

Видится принципиально важным, что управление в сфере культуры напрямую зависит от самой модели государственного устройства, а для понимания её сущностных особенностей необходимо обратиться к идеям, которые в ней заложены. Очевидно, что модель современного государства является носителем множества идей: античных, средневековых, эпохи Просвещения и Нового времени, поэтому необходимо рассматривать их не только во взаимосвязи, но и по отдельности. Наиболее значимые античные идеи о государственном устройстве представлены Платоном, поэтому к ним следует обратиться в первую очередь. Разумеется, понятия государственной культурной политики в его идеальном государстве еще не существовало, однако, используя его современные определения, мы можем сформировать теоретическую модель государственной культурной политики.

Институализация сферы культуры достигла наибольшего развития в 50-60-х гг. XX в., именно тогда вопросы государственного управления сферой культуры вошли в международную повестку, а в большинстве развитых стран были созданы уполномоченные государственные органы (министерства культуры в СССР – 1953 г., Франции – 1959 г. и др.). Данный процесс был связан, с одной стороны, с поиском в русле доминирующей в то время философии модерна инструментов регуляции общественного сознания и жизни каждого отдельного человека, способных нивелировать антигуманную составляющую человеческой натуры (вера в способность человека построить разумный и рациональный мир была последовательно разрушена двумя мировыми войнами, что повлекло за собой кризис философии модерна). С другой стороны – потребностью государств в расширении степени

влияния на новые сферы общественной жизни (искусство, литература и наука), внешней (концепция глобализации) и внутренней (управление ранее недоступной для государственного влияния духовной жизнью человека) политики[1].

Первым определением государственной культурной политики считается данное на заседании круглого стола ЮНЕСКО в 1967 г.: «культурная политика – комплекс операционных принципов, административных и финансовых видов деятельности и процедур, которые обеспечивают основу действий государства в области культуры, всю сумму сознательных и обдуманных действий (или отсутствие действий) в обществе, направленных на достижение определенных культурных целей посредством оптимального использования всех физических и духовных ресурсов, которыми располагает общество в данное время»[2]. В нормативно-правовой плоскости сегодня в России под культурной политикой понимаются «действия, осуществляемые органами государственной власти Российской Федерации и общественными институтами, направленные на поддержку, сохранение и развитие всех отраслей культуры, всех видов творческой деятельности граждан России и формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей»[3].

В то же время, если говорить о целевой направленности культурной политики, связанной с той ролью, которую культура играет в развитии общества, а не о конкретных инструментах и механизмах реализации, можно выделить два ключевых подхода к её определению:

– экономоцентричная культурная политика, направленная на формирование у населения сходных ценностных ориентаций, которые обеспечивают устойчивость властвующих структур или решение определенных экономических и политических задач (здесь отражен материалистический подход к первопричине общественного развития);

---

[1] *Трубецкая А.Ю*. Государственная культурная политика как фактор модернизации России (социально-философский анализ: Автореферат дисс. ... канд. филос. наук: М., 2016. – 27 с.

[2] Культурная политика. Круглый стол ЮНЕСКО. Монако, 1967 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://unesdoc.unesco.org/images/0000/000011/-001173eo.pdf.

[3] Основы государственной культурной политики (утверждены указом Президента Российской Федерации № 808 от 24 декабря 2014 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a-877638a8730eb.pdf.

– антропоцентричная культурная политика, направленная на всестороннюю и всеобъемлющую поддержку и развитие культуры и приобщение к ней человека в целях его духовного развития (здесь отражен идеалистический подход к первопричине общественного развития).

Рассмотрение любой модели культурной политики (теоретической, как в данном случае, или практической) сопряжено с поиском и анализом данных о множестве факторов, однако наиболее значимыми для понимания ключевой идеи являются пространство и ценностно-целевые установки, лежащие в основе действий государства в области культуры. Пространство культурной политики определяет действующих в её поле субъектов и объектов, место человека в ней, т.е. какие элементы духовной сферы общества попадают под действия культурной политики (только лишь сфера культуры и исполнительских искусств, либо дополнительно сфера образования, средства массовой информации и пр.). Ценностно-целевые установки включают цели, ценности, принципы, направления и социальный результат от их достижения. Первые два фактора определяют конкретные административные, финансово-экономические, кадровые и другие механизмы реализации культурной политики.

Прежде чем перейти к выявлению описанных выше факторов культурной политики в модели государства, предлагаемой Платоном, необходимо обозначить его основные характеристики. Определяющую роль играет принцип справедливости, т.е. приоритет общего над частным и целесообразность деятельности человека его природе. В таком государстве реализуются принципы разделения труда (стражники, философы, ремесленники и земледельцы должны заниматься каждый своим делом), воплощения определенного образа жизни для каждого сословия и целесообразного воспитания, отсутствия собственнических отношений (как в экономико-хозяйственном плане, так и в отношениях между людьми). Идеальная модель государственного устройства, наиболее близкая к аристократии или монархии, воплощает все указанные принципы и направлена на достижение идеала справедливости, прочие же модели (тимократия, олигархия, демократия и тирания) их утрачивают, в той или иной степени. В рассматриваемом диалоге «Государство» (как, впрочем, и других диалогах), главным действующим героем которого является Сократ, не встречается напрямую термин «культу-

ра», однако философ в своих рассуждениях неоднократно обращается к духовной или идейной сфере, воспитанию и другим его составляющим.

Пространственные характеристики культурной политики в идеальном государстве Платона можно определить следующим образом: культурная политика пронизывает абсолютно все сферы общественной жизни, не выделяясь в обособленный государственный институт. Причина этому в самом государственном устройстве, которое предполагает достаточно строгую целесообразность труда, образа жизни и процесса воспитания граждан. Каждое сословие берет на себя определенные функции (стражники – обеспечение внутренней и внешней безопасности, философы – правление, ремесленники и земледельцы – снабжение государства всеми необходимыми ресурсами), реализация которых сопряжена с определенным образом жизни (достаточно аскетичным в материальном плане, насыщенным духовно, направленным на достижение общего блага), который закладываются в процессе воспитания. При этом правитель должен строго следить за соблюдением установленных общественных норм.

Субъектом культурной политики можно назвать философов-правителей, которые обладают мужеством, великодушием, способностью к учению и памятью, они также являются носителями идей и стремятся к истине. Они воплощают в себе античные идеалы гармонично развитой личности и через систему воспитания транслируют их в общество. Объект культурной политики двойственен, с одной стороны им становится система гимнастического и музыкального воспитания, с другой – система общественных отношений. Первое измерение объекта традиционно и для современных моделей культурной политики, многие из которых помимо традиционной сферы культуры включают системы образования, средства массовой информации, религиозные институты и пр. Второе – нетрадиционно, так как в «Государстве» предполагаются директивные механизмы реализации (прямые механизмы искусственного отбора людей по способностям к тому или иному труду и подбора брачных пар), в то время как сегодня реализуется модель «мягкой силы»: трансляция средствами культуры желаемых форм общественного поведения, а не их регламентация и отслеживание непосредственного использования.

В несколько пренебрежительном ключе рассматриваются традиционные для современных моделей культурной политики объекты, а именно творцы исполнительских искусств: «его [город] следует начинить и обременить множеством таких лиц, которые в городах бывают не ради необходимости, – например, всякими ловчими и мимиками, из которых иные подделывают наружный вид и цвет, иные музыку, – также поэтами и их исполнителями, то есть рапсодистами, актерами, плясунами …»[1]. То есть отрасль культуры в современном понимании не является необходимой для идеального города, но допустима для города роскошествующего. Здесь важно отметить, что трансляцию ценностей и смыслов, формирующих общество, античные мыслители возлагали на словесность и философию, традиционные же средства культуры, в их понимании, лишь подражали истине, а не являлись её носителями.

Ценностно-целевые установки культурной политики в идеальном государстве Платона скорее можно определить как антропоцентричные, но в фокусе внимания не сфера культурного производства, а воспитание такого человека, который не способен к воспроизводству несправедливостей. Государство создается не для достижения экономического или политического превосходства, а ради достижения идеалов общего блага и справедливости, а соответственно и «законодатель заботится не о том, как бы сделать счастливым в городе особенно один какой-нибудь род, но старается устроить счастье целого города, приводя граждан в согласие убеждением и необходимостью, – в той мысли, что они будут вообще приносить друг другу пользу, какую кто может, и сам поставляет в городе таких людей, не пуская их обращаться куда кто хочет, но располагая ими приспособительно к связности города»[2].

К механизмам реализации культурной политики в идеальном государстве Платона можно отнести создание и распространение социальных мифов и систему воспитания, включающую приобщение к искусству.

Общность целей и ценностей идеального государства в том числе выражается в мифологической форме, а именно в воспроизводстве представлений о братстве всех людей, но не

[1] *Платон*. Государство / Пер. В.Н. Карпова. М.: Эксмо, 2019, с. 133-135.
[2] Там же, с. 411.

их равенстве (используется гесиодовский прием объединения истории поколений человеческого рода с металлами разного достоинства – золотом, серебром, медью и железом). Если люди в общем смысле являются родственниками, то они должны заботиться и друг о друге, и о своем государстве, не отвлекаясь на искушения, связанные с понятием собственности (отсюда идеи общности жен и детей). От всеобъемлющей трансляции данных представлений зависит эффективность реализации рассматриваемой идеальной модели государства, так как они формируют необходимые задатки для целесообразного труда.

Искусство становится ключевым элементом воспитания, так как «рифм и гармония особенно внедряются в душу, весьма сильно трогают ее и делают благопристойно ...»[1]. При этом Платон не предлагает чего-то принципиального нового в организации воспитательного процесса, а говорит о необходимости воспитания тела (гимнастического) и духа (музыкального), которые оказывают друг на друга взаимное влияние. Осознавая, с одной стороны, степень воздействия искусства на человека, а с другой – то, что искусство может быть носителем пагубных для принципов идеального государства идей, Платон предлагает строгую регламентацию тех произведений, которые могут быть использованы в воспитательном процессе. Например, мотивы и сюжеты, связанные с враждебными действиями между людьми или богами, божественным происхождением зла и многие другие «… не должны быть допускаемы в город …, потому что юноша [будущий страж] не в состоянии различить, что иносказательно говорится, а что нет, но какие в молодости принимает мнения, те любит оставлять неизмытыми и без изменений»[2].

Выявление конкретных механизмов государственного управления, в том числе в области культуры, в идеальном государстве Платона видится достаточно трудным. Это связано с различиями в историческом контексте, понятийном аппарате, а также с тем, что описывается модель, принадлежащая к миру идей, а не связанная с конкретными историческими примерами (конечно же, исследователи сходятся во мнении, что Платон ими вдохновлялся, но не дотошно описывал). Это некий идеальный образ, который при проекции в область

[1] *Платон*. Государство, с. 194.
[2] Там же, с. 143-144.

человеческой практики вряд ли может быть реализован в полной мере. Важно отметить и то, что, по его мнению, идеальное государство не должно быть большим по размерам, так как тогда снижается эффективность управления, и должно быть относительно закрытым, так как существует риск распространения ложных ценностей извне. В то же время уже в этой ранней модели используется ключевой и сегодня механизм культурной политики – воспитание, в том числе через приобщение к искусству. Отличие же в том, что в современных государствах понимаемый Платоном комплексный процесс воспитания дробится между сферами образования, культуры и институтом семьи.

Таким образом, Платон предлагает строго регламентированную модель государственного устройства, подчиненную высшей цели – достижению идеалов справедливости и общего блага. Механизмы реализации этой модели достаточно трудоемки и требует наиболее полного включения государства во все сферы общественной жизни. Прямо не обращаясь к культуре, а тем более к культурной политике (оба понятия появятся позже), он отводит им ключевую роль в процессе воспитания граждан идеального государства. За культурой признается важнейшая роль формирования ценностно-смыслового ядра личности, но в то же время и её опасность, если транслируемые идеи будут противоречить сущности справедливости. Выход из этой ситуации, предлагаемый Платоном, – регламентация духовной сферы общества.

УДК 008+001.1
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51592

Е.Н. ЯКИМОВА
соискатель кафедры социально-культурной деятельности Казанского государственного института культуры*

Значение культуры в жизни современного человека

Культура общества включает в себя общие ценности, усвоенные от предыдущих поколений, принятые нынешними членами общества и переданные последующим поколениям.
Ключевые слова: *культура, мораль, ценность.*

E.N. YAKIMOVA
Applicant of the Department of Social and Cultural Activities Kazan State Institute of Culture

The value of culture in the life of a modern person

The culture of a society includes common values, learned from previous generations, adopted by current members of society and passed on to subsequent generations.
Keywords: *culture, morality, value.*

Культура состоит из всех усвоенных, нормативных моделей поведения, т. е. всех общих способов или моделей мышления и чувств, а также действий. Слово "культура" происходит от латинского слова "cultura", связанного с культом или поклонением. В самом широком смысле этот термин относится к результату человеческого взаимодействия. Иногда человека описывают как высококультурного человека, имея в виду, что у него есть определенные особенности, такие как его речь, манеры и вкус к литературе, музыке или живописи, которые отличают его от других. Культура в этом смысле

* Якимова Елена Николаевна, e-mail: alena.yakimova.1981@mail.ru

относится к определенным личностным характеристикам индивида. Однако это не тот смысл, в котором слово "культура" используется и понимается в социальных науках. Иногда культура используется в популярном дискурсе для обозначения праздника или вечера развлечений, например, когда говорят о "культурном шоу", в этом смысле культура отождествляется с эстетикой или изящными искусствами, такими как танец, музыка или драма.

Это также отличается от технического значения слова культура. Культура используется в особом смысле в философии, антропологии и социологии. Она относится к сумме жизненных путей, поведения, убеждений, чувств и мыслей людей; она означает все, что они приобрели как социальные существа. Культура была определена несколькими способами. Среди социологов и антропологов нет единого мнения относительно определения культуры. Культура – это всеобъемлющий термин, который включает в себя то, что мы узнали о нашей истории, ценностях, морали, обычаях, искусстве и привычках. Культура – это комплекс ценностей, идей, установок и других значимых символов, созданных людьми для формирования человеческого поведения и артефактов этого поведения, передаваемых от одного поколения к другому.

Из вышесказанного можно выделить три важных признака культуры индивида. Во-первых, она "создана людьми", развивается в результате человеческой деятельности и передается последующим поколениям. Во-вторых, воздействие культурного влияния является как нематериальным, так и осязаемым. Базовые установки и ценности людей оказываются прямым результатом их культурного окружения. В-третьих, культурная среда эволюционирует, и чаще всего она эволюционирует в течение длительных периодов. Это созданная человеком часть окружающей среды, общий образ жизни народа, социальное наследие, которое индивид получает от своей группы. Культура, в которой мы рождаемся, предоставляет множество готовых решений проблем, возникающих из географической, биологической и социальной среды, в которой мы живем.

Эти готовые решения представлены в виде культурных образцов, относящихся к идеологии, ролевым определениям и процедурам социализации в обществе. Эти культурные паттерны передаются индивидам через социальные институты,

такие как семья, образовательные учреждения, религиозные институты, а также социальные классы, языки, отношение родителей, поведение и чтение. В результате, культурные модели влияют на идеи и ценности.

Культура – это всеобъемлющее понятие, которое включает в себя почти все, что влияет на мыслительные процессы и поведение индивида. Культура не включает в себя наследственные реакции и предрасположенности. Понятие культуры обсуждается в антропологической литературе не менее двух столетий и приобрело почти столько же определений, сколько и тех, кто пытается его определить.

На наш взгляд, в последнее время определения культуры постепенно становятся все более формальными и абстрактными. Культура часто определяется как поведение, наблюдаемое через социальные отношения и материальные артефакты. В более глубоком антропологическом смысле культура включает в себя образцы, нормы, правила и стандарты, которые находят выражение в поведении, социальных отношениях и артефактах. Сущностное ядро культуры состоит из традиционных (т. е. исторически сложившихся и отобранных) идей, в особенности связанных с ними ценностей. Культура – это обусловливающие элементы поведения и его продукты.

Таким образом, культура состоит из поведения общества, которое принято его членами. Большинство из них следуют этим образцам. Например, большинство южноазиатских женщин носят "шери", и это устоявшаяся модель поведения в этой культуре. Есть и исключения из этой схемы. Женщины могут носить футболки и брюки, но это не будет считаться образцом, поскольку он не встречается в поведении большинства. Культура была определена в некотором смысле как усвоенное и разделяемое поведение сообщества взаимодействующих людей.

В понятии культура, можно выделить три аспекта: 1) культура – это образец поведения; 2) культура изучается; 3) культура передается от одного поколения к другому.

Рассмотрим культуру как образец поведения. Культура относится в основном к стилю поведения. Этот стиль присутствует в поведении большинства людей, живущих в определенной культуре. Эта модель варьируется от культуры к культуре, и в результате потребление изменяется в разных странах. Модель поведения, которую вы увидите в южноазиатской культуре, определенно не будет замечена в других

культурах. Поведение, установленное культурой, оказывается практикуемым большинством, поскольку оно удовлетворяет их потребности. Тот, кто не следует установленному образцу поведения, скорее всего, будет осужден другими членами общества. Поскольку большинство придерживается одного и того же стиля поведения в определенной культуре, он становится образцом.

Культура изучается. Второй важный аспект, связанный с культурой, заключается в том, что мы изучаем ее через опыт и взаимодействие. Аспекты культуры не обнаруживаются в человеке с самого его рождения. Он скорее узнает их от других членов общества, наблюдая за ними и взаимодействуя с ними. Поскольку опыт людей разных обществ различен, они учатся разным вещам, что приводит к различиям между культурами. Например, южноазиатский ребенок растет в европейской стране среди европейцев и обязательно будет изучать не южноазиатские культурные аспекты, а европейские культурные аспекты, влияющие на его поведение. Это ясно указывает на то, что культура изучается, а не присутствует с рождения, поэтому люди разных культур видят один и тот же объект или ситуацию по-разному. Причина в том, что их обучение отличается. Например, ношение мини-юбок женщинами негативно воспринимается в Южной Азии, но положительно воспринимается в западных странах. Поскольку люди двух разных культур учатся по-разному, они, скорее всего, будут по-разному смотреть на один и тот же объект. Люди узнают о своей культуре от своих родителей и различных социальных организаций и групп. Культура передается от одного поколения к другому. У нас есть в нашей культуре ценности, идеи, установки, символы, артефакты, и мы, скорее всего, будем соответствовать им. Мы следуем образцам наших культур и учим их представителей следующего поколения, чтобы направлять их. Этот процесс передачи культурных элементов от одного поколения к другому известен как «инкультурация». Культурные элементы не сохраняются в одном поколении, а передаются следующему поколению и сохраняются на протяжении всей жизни индивида. Вот почему между людьми двух разных поколений обнаруживается большое сходство в поведении.

Третий аспект – составляющие культуры. Рассматривая культуру, современную или отсталую, в ней выделяют три важных компонента: 1. когнитивный компонент; 2. мате-

риальный компонент, и 3. нормативная составляющая. То есть культура конкретного общества состоит из трех отдельных элементов или компонентов.

Когнитивный компонент состоит из ценностей и норм общества, которые направляют и регулируют поведение. Другими словами, культура состоит из ценностей, убеждений и правил, посредством которых общество управляет взаимодействием людей. Понимание культуры означает понимание ее ценностей. Основной компонент любой культуры – это знание людей о сотворении и существовании Вселенной. Этот аспект основан либо на наблюдениях людей, либо на определенных фактических данных, которыми они располагают. Индивид отсталой культуры верит в богов, суеверия и другие объекты как часть своего когнитивного аспекта. Но в технологически развитом обществе когнитивный аспект основан на научных экспериментах и их применении. Когнитивная составляющая культуры развитого общества совершенно отличается от культуры примитивного общества благодаря совершенствованию знаний путем систематического тестирования и наблюдения.

Другой важной составляющей любой данной культуры является материальная характеристика общества. Она состоит из всех материальных вещей, которые люди делают, используют и придают ценность материальному компоненту, варьирующемуся от культуры к культуре как когнитивному компоненту. Поскольку он связан с уровнем технического прогресса общества, материальные особенности культур очень разнообразны, так как технологические достижения различны. Ценности – это общие стандарты приемлемого и неприемлемого, хорошего и плохого, желательного и нежелательного, также они абстрактные, и выражаются нормами. Нормы – это правила и руководящие принципы, устанавливающие правильное отношение и поведение в конкретных ситуациях.

Среди ценностей, которыми обладает культура, одни являются основными или центральными, а другие – периферийными. Основные ценности – это глубоко укоренившиеся устойчивые убеждения, которые управляют нашими действиями, суждениями и конкретным поведением, поддерживая наши усилия по достижению важных целей. Хотя наши периферийные ценности не так глубоко укоренены или фундаментальны, как центральные, они отражают наши централь-

ные ценности. Если вы цените свое здоровье, вы можете ценить регулярные физические упражнения и диету с низким содержанием соли и холестерина. Вы также можете воздержаться от курения сигарет и употребления алкогольных напитков.

Таким образом, культура состоит из общих привычек и моделей поведения людей в жизни и повседневной деятельности, а также общего интереса к развлечениям, спорту, новостям и даже рекламе. Все организации имеют свою культуру, потому что они встроены в определенные социальные культуры и являются их частью.

Культура имеет различные характеристики. Из различных определений мы выделили следующие характеристики культуры – это усвоенное поведение, она абстрактна, включает в себя установки, ценности и знания, материальные объекты, разделяется членами общества. Культура – это образ жизни, она идеалистична, интегрирована, динамична, передается среди членов общества, постоянно меняется, варьируется от общества к обществу.

УДК 37.018
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51593

Л.М. АЛЛАХВЕРДИЕВА
доктор экономических наук, профессор Московского государственного гуманитарно-экономического университета, профессор Гжельского государственного университета*

А.Т. ГАСПАРИШВИЛИ
кандидат философских наук, доцент МГУ имени М.В. Ломоносова, Российского университета дружбы народов, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

Информатизация образования и сохранение гуманитарного характера российской образовательной системы

В статье анализируются проблемы развития российского образования в условиях широкого применения и активного использования информационно-коммуникационных цифровых технологий. Авторы рассматривают вопросы о необходимости сохранения гуманитарного характера российской системы образования в условиях формирования информационного общества и цифровой экономики.

Ключевые слова: *образование, система образования, информатизация образования, информационные образовательные технологии, гуманитарный характер образования.*

* Аллахвердиева Лейла Мадат кызы, e-mail: leila26uz@mail.ru; Гаспаришвили Александр Тенгизович, e-mail: gasparishvili@yandex.ru

L.M. ALLAHVERDIYEVA
Doctor of Economics, Professor
of Moscow State University for the Humanities
and Economic, Professor of Gzhel State University

A.T. GASPARISHVILI
Candidate of Philosophy, Associate Professor
of Lomonosov Moscow State University, Peoples' Friendship University of Russia, Senior Researcher at the Institute of Sociology of FCTAS RAS

Informatization of education and preservation of the Humanitarian Character of the Russian education system

The article deals with the problems of the Russian education development in the context of extensive reliance and active use of information and communication technologies. The authors consider the issue of the need to preserve the humanitarian character of the Russian education system under the conditions of the information society and digital economy formation.

Keywords: *education, education system, informatization of education, information educational technologies, humanitarian nature of education.*

В современном обществе развитие системы образования невозможно без использования информационно-коммуникационных цифровых технологий. Их применение в учебном процессе стало особенно актуальным в условиях вынужденного массового перехода на дистанционный формат обучения, вызванного пандемией COVID-19. Несмотря на необходимость осуществления профилактических мероприятий в чрезвычайно короткие сроки и отсутствие у многих учебных заведений опыта работы в удаленном формате, в целом система образования довольно удачно справилась с чрезвычайно сложной и масштабной проблемой перехода на дистант. Во многом осуществление этого перехода связано с проводимой в стране политикой в сфере применения информационных и коммуникационных технологий, в первую очередь направленной на развитие информационного общества,

формирование национальной цифровой экономики, обеспечение национальных интересов и реализацию стратегических национальных приоритетов.

Основные направления этой политики были сформулированы в Указе Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы»[1].

Этот политический документ определил «цель, принципы и основные направления государственной политики в области использования и развития информационных и телекоммуникационных технологий, науки, образования и культуры для продвижения страны на пути к информационному обществу»[2]. В Указе Президента РФ сформулированы цели формирования и развития информационного общества в Российской Федерации: «повышение качества жизни граждан, обеспечение конкурентоспособности России, развитие экономической, социально-политической, культурной и духовной сфер жизни общества, совершенствование системы государственного управления на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий»[3].

Постановка таких целей отражает особое значение информатизации в жизни современного общества, поскольку информация является самым востребованным товаром на современном рынке в условиях продолжения развертывания процессов глобализации. Соответственно, процессы информатизации различных сфер жизни общества рассматриваются сегодня в качестве стратегического направления его развития. И система образования в данном случае никак не может оставаться в стороне от этих процессов, так как она принципиально определяет перспективы и возможности дальнейшего развития общества.

Сами процессы информатизации неразрывно связаны с инновациями, которые распространяются не только в сфере технологий, способствующих экономическому росту, но неиз-

[1] Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203. «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919 (дата обращения 30.01.2021).

[2] Стратегия развития информационного общества в России (проект) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3383 (дата обращения 30.01.2021).

[3] Там же.

бежно проникают и в сферу образования. Здесь они проявляются во все более широком внедрении и использовании новых образовательных технологий. В образовании также предпринимаются попытки активного внедрения технологий искусственного интеллекта, использования цифровых платформ, применения в образовательных процессах возможностей глобальных сетевых коммуникаций и др. И все это в условиях развития технологического прогресса приводит к тому, что «информатизация образования влияет на изменение его приоритетов: происходит уточнение целей образования, трансформация его содержания, изменение деятельности обучающего и обучающегося, формируется новая информационная культура личности»[1].

Происходящие в развитии образования изменения учитывались при разработке российского национального проекта «Образование»[2], ставшего приоритетным национальным проектом, целью которого является обеспечение качественного и доступного онлайн-обучения граждан страны на основе цифровых технологий. При этом особые надежды возлагались на информатизацию образования и на внедрение информационных образовательных технологий. Считалось, что расширение использования информационных компьютерных технологий и электронных ресурсов неизбежно будет способствовать повышению качества образования, а модернизация традиционного образовательного процесса, характерного для отечественной образовательной системы, приведет к достижению более высоких образовательных результатов и повышению конкурентоспособности российского образования.

Действительно, современная образовательная ситуация в мире в целом характеризуется тенденцией перехода от традиционного обучения к инновационному, связанному, как правило, с использованием возможностей новых информационных компьютерных технологий и интернет-ресурсов. Вместе с тем не следует забывать и о том, что проект «Образование» был нацелен на достижение не этой одной, а еще

---

[1] *Полякова В.А.* Обзор научных исследований в сфере информатизации образования в условиях глобальной коммуникации и сетевого взаимодействия [Электронный ресурс] // Научное обозрение. Педагогические науки, 2016, № 3, с. 86.

[2] Национальный проект «Образование» [Электронный ресурс] // Министерство просвещения Российской Федерации. Официальный сайт. – URL: https://edu.gov.ru/national-project (дата обращения 04.01.2021).

двух ключевых взаимосвязанных целей. Первая из них – это обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования и вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования. Вторая – воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций. Иными словами, данный проект был нацелен не только на значительное повышение уровня конкурентоспособности отечественного образования посредством применения информационно-коммуникационных технологий, но и на реализацию воспитательных задач, решаемых на основе традиционных в российском обществе ценностей.

Оценивая значение внедрения информационно-коммуникационных технологий в систему российского образования, следует отметить, что это, несомненно, является объективным положительным процессом. Но у него есть и обратная, проблемная сторона, поскольку, как отмечают многие специалисты, «практики онлайн-обучения серьезно трансформируют организационные принципы и формы обучения, виртуализируют образовательное пространство»[1]. Кроме того, сама система взаимоотношений педагога и обучаемых, и их реального взаимодействия в образовательном процессе опосредуется цифровыми технологиями и превращается в онлайн-общение. Оно порой вытесняет и заменяет традиционную систему общения в процессе преподавания, что далеко не всегда положительно сказывается на качестве образования.

Цифровой формат обучения в системе образования, конечно же, имеет своей важной положительной стороной облегчение затрат труда студентов, однако вовсе не способствует получению ими крайне необходимых навыков социального общения. И «цифровая социализация», «без которой сегодня немыслима любая деятельность современного человека в формирующейся новой социальной системе информационного общества»[2], не может заменить собой реальный

[1] *Кротенко Т.Ю.* Цифровая социализация в образовании. // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования, 2020, № 2(44), с. 48.

[2] *Солдатова Г.У.* Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире [Электронный ресурс] // Интернет-проект «CYBERPSY». – URL: http://cyberpsy.ru/articles/soldatova-cifrovaya-socializaciya-v-kulturnoistoricheskoj-paradigme/ (дата обращения 04.12.2020).

опыт социального общения, приобретаемый в рамках традиционного образовательного процесса.

В этом вопросе многие специалисты придерживаются такого мнения, что «у образования как одной из древнейших форм социальной деятельности человека существуют конкретные цели: приобщение к культурному наследию, достижениям предыдущих поколений, их сохранение и дальнейшая трансляция»[1]. Следовательно, для сохранения образования как особого социального института и его способности формировать реальных, а не виртуальных членов общества, принимающих и осознающих необходимость сохранения и осуществления выработанных человечеством базовых социальных правил и норм, необходима адаптация информатизации к этим базовым параметрам образования. Иными словами, информатизация должна быть лишь средством решения задач и достижения целей образования, а не отдельной его самоцелью.

Показательным и во многом характерным в этом отношении представляется факт обращения в мае 2020 г. группы ученых и общественников с открытым письмом к Президенту РФ В.В. Путину, в котором они просили пересмотреть стратегию развития образования в России. Они утверждали, что внедрение и развитие практики цифровых технологий ни в коем случае не может выступать целью образовательной политики, поскольку истинной целью системы образования является всестороннее и гармоничное развитие человека, вооружение его мировоззрением, адекватным сложности глобальных проблем, которые ему предстоит решать[2].

Подобное беспокойство имеет свои основания, так как развитие информатизации в сфере образования и, соответственно, расширение практики использования в ней цифровых технологий, может приводить и к возрастанию влияния негативных аспектов киберпространства на социализацию молодых людей. Специалисты часто указывают и на то, что «технологизация современной жизни в целом и образования, в

[1] *Герасимов А.В.* Миссия и функции образования в современных условиях развития информационной культуры. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология, 2020, вып. 1(254), с. 75-76.

[2] Обращение к Президенту Российской Федерации В.В. Путину [Электронный ресурс] // Межрегиональная общественная организация "Петровская академия наук и искусств". Официальный сайт. URL: http://www.петрани.рф/новости/1708-обращение-к-президенту-российской-федерации-в-в-путину.html (дата обращения 25.08.2020).

частности, приводит к расколу между чувствами и мышлением, разумом и переживаниями, все большей рациональности и прагматичности людей. Технологические новшества способны снижать порог восприимчивости и чувствительности к другому человеку и, как следствие, формировать духовную пустоту людей»[1]. В связи с этим цифровая образовательная среда в образовательных учреждениях не должна ограничиваться только технологическими составляющими, а должна включать в себя и гуманитарный, в том числе ценностно-смысловой компонент.

Учитывая все это, можно согласиться с тем, что «цифровая революция» в образовании является неизбежной и необходимой. Но в то же время она проявляется как недостаточно подготовленный и, в некотором смысле, даже негативный способ развития системы образования в современном обществе, поскольку пока еще лишена гуманитарного аспекта. Представляется вполне обоснованным поддержать точку зрения, что будущее отечественного образования не столько за формированием навыков, «которые помогут нам программировать роботов, сколько за теми навыками и качествами, которые делают нас людьми – в первую очередь, это способность к сопереживанию, эмпатия»[2]. Поэтому и сам по себе важный и полезный процесс информатизации российского образования должен быть дополнен усилением гуманитарных составляющих и расширением гуманитарного содержания существующих образовательных программ. Это будет формировать жизненную позицию молодых людей в реальном, а не в виртуальном мире, чему исследователи пока еще не уделяют достаточного внимания.

---

[1] *Строков А.А.* Гуманитарная безопасность России в условиях цифровизации образования // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2020, № 1(33), с. 161-162.

[2] Образование для сложного мира: зачем, чему и как [Электронный ресурс]. // Доклад о форуме «Образовательные экосистемы для общественной трансформации». Global Education Leaders' Partnership Moscow. М., 2018. – 212 с. URL: https://futuref.org/educationfutures_ru (дата обращения 02.02.2021).

УДК 378
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51594

М.А.КАЧЯН
аспирант факультета глобальных процессов
МГУ имени М.В. Ломоносова*

Об экспорте российского образования

Статья посвящена основным мировым тенденциям в области образования. Приводится американский опыт экспорта образовательных услуг. Основное внимание уделяется приоритетному проекту «Экспорт образования», который рассмотрен с точки зрения важнейшего механизма обогащения бюджета и геополитического влияния.

***Ключевые слова**: международные отношения, глобализация, образование, экспорт образования, геополитика.*

M.A. KACHYAN
Postgraduate student of the Faculty of Global Studies,
Lomonosov Moscow State University

About export of education

The article is devoted to the main world trends in the field of education. The American experience of exporting educational services is provided. The main attention is paid to the priority project "Export of education", which is considered from the point of view of the most important mechanism for enriching the budget and geopolitical influence.

***Keywords**: international relations, globalization, education, export of education, geopolitics.*

Отличительной чертой XXI в. являются процессы глобализации, которые охватывают все сферы общественной жизни. Глобализация отражает динамику социально-экономических и политических перемен в мировом масштабе[1].

* Качян Марина Аршаковна, e-mail: marinakachyan@gmail.com

[1] *Чумаков А.Н.* Теоретико-методологические основания исследований процессов глобализации // Век глобализации, 2013, № 2.

Социальные и культурные изменения, являющиеся следствием глобализации, не свидетельствуют о возникновении чего-то кардинально нового, скорее лишь увеличивают масштаб и скорость процессов, происходивших и прежде[1]. В свою очередь, современные тенденции развития мира лишь открывают новые возможности в образовательном пространстве.

Неотъемлемой составляющей глобализации выступает интернационализация образования, которая является теперь задачей и стратегией каждой образовательной организации. Более того, интернационализация образования все чаще рассматривается в контексте развития международных отношений и внешней политики отдельных государств. Такие страны, как США, Великобритания, Китай, Германия, Австралия, Франция, уже давно рассматривают экспорт образования как ключевой элемент выстраивания своей внешней политики. Кроме того, многие страны пришли к осознанию, что образование может выступать в качестве инструмента геополитического влияния, а также дополнительного источника доходов для национальной экономики.

Так, согласно данным, опубликованным Бюро экономического анализа Министерства торговли США, в 2019 г. экспорт образовательных услуг занял шестое место среди экспорта всех услуг[2]. В то время как экспорт российских образовательных услуг не отображается в официальной статистике ни Банка России, ни других международных институтов и организаций[3].

По данным из открытых источников, в течение 2018/2019 учебного года США приняли более миллиона студентов и тем самым доход в национальную экономику от образовательных услуг составил 44,04 млрд долл., что позволило обеспечить более 458 000 рабочих мест в стране[4].

Одним из факторов конкурентоспособности и стабильного роста экспорта американских образовательных услуг является согласованная политика США в сфере образования, в

[1] *Науменко Т.В*. Информационное общество и глобализация: проблемы идентификации // Информационное общество, 2017, № 3.

[2] U.S. Education Service Exports, [сайт]. URL: https://www.trade.gov/education-service-exports

[3] *Могилевская А., Копалкина Е*. Россия предложит миру свое учение [Электронный ресурс] // Ежедневная деловая газета РБК, № 092 (2589), 31 мая 2017 г.

[4] U.S. Education Service Exports, [сайт]. URL: https://www.trade.gov/education-service-exports

частности наличие меморандума США, утвержденного президентом Биллом Клинтоном в апреле 2000 г. Внимание к данному документу не является случайным, так как он определяет международное образование в качестве одного из приоритетных направлений государственной политики на внешнем рынке и действенного инструмента утверждения политического и экономического лидерства страны[1].

В настоящее время российская система образования претерпевает этапы трансформации, связанные с изменениями тенденций мирового развития. Российская Федерация реализует проекты в области образования, такие какнациональный проект «Образование», федеральный проект «Экспорт образования», приоритетный проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования».

С целью реализации приоритетных проектов сформирована Концепция экспорта образовательных услуг Российской Федерации (далее Концепция), определяющая принципы, основные цели и задачи Российской Федерации в области предоставления образовательных услуг иностранным гражданам в России и за ее пределами. Концепция – основной документ, разработанный с целью планирования и реализации мероприятий по развитию экспорта образовательных услуг Российской Федерации. Кроме того, в документе отражены основные меры по обеспечению привлекательности и повышению конкурентоспособности российской системы образования.

Предполагается, что расширение международного сотрудничества в сфере образования напрямую связано с реализацией геополитических задач России. Накопленный опыт СССР, особое географическое положение, а также культурное единство с большинством стран СНГ и некоторыми странами дальнего зарубежья являются благоприятными предпосылками для экспорта российских образовательных услуг.

В настоящее время Россией предпринимаются меры по оказанию образовательных услуг иностранным студентам, в том числе обеспечиваются условия для получения образования на равных правах для соотечественников. Такие меры поощрения способствуют и увеличению "мягкого" влияния России на международной арене посредством достижений

[1] *Косевич А.В.* Международный институт экономики и права. Конкурентные стратегии мировых лидеров экспорта образовательных услуг // Вестник МГОУ. Серия: Экономика, 2010, № 4.

российского образования и науки, распространения русского языка, культуры и ценностей.

Будучи одним из самых масштабных социальных институтов функционирования общества, образование должно таким образом изменить содержание и форму своего собственного развития, чтобы способствовать дальнейшему выживанию цивилизации, выходу ее из пока углубляющегося системно-глобального кризиса[1].

Именно поэтому следует рассматривать экспорт образования, в первую очередь высшего образования, в качестве одного из направлений политики Российской Федерации. Данный подход позволит значительно усилить политическое и экономическое влияние страны.

Справедливо отметить, что одним из серьезных барьеров, который значительно усложняет приток иностранных студентов, развитие экспортного потенциала российского образования, является языковая проблема. Языковой барьер приводит к более низкой успеваемости иностранных студентов. Около 70% студентов знают русский язык недостаточно хорошо, что порождает сложности адаптации и освоения учебных дисциплин.

Для решения такой сложной задачи следует задействовать другие инструменты с целью увеличения привлекательности российских вузов, такие как дополнительные меры поощрения и льготы талантливым студентам, открытие филиалов за рубежом, проведение мероприятий, направленных на продвижение русского языка и культуры.

Таким образом, для устранения других факторов, осложняющих экспорт российского образования, в частности сдерживания интересапо политическим и экономическим причинам, необходимо особо обратить внимание на:

- повышение привлекательности и продвижение российского образования, науки, развитие спорта и досуга для иностранцев, в том числе развитие внутреннего туризма;
- открытие филиалов и отделений российских вузов за рубежом;
- повышение уровня языковой подготовки иностранных студентов «на местах», за счет открытия кафедр изучения русского языка или центров российской культуры.

[1] *Урсул А.Д., Урсул Т.А*. Российское образование в контексте стратегии устойчивого развития // Экономика в промышленности, 2018,11(1), с. 95-105.

Важность описанных в данной статье мер, а также решений уже рассматривается как руководством российских образовательных организаций, так и в профильных ведомствах. Адекватное понимание и дальнейшая работа в данном направлении несомненно приведут к успещной реализации приоритетного проекта «Экспорт образования».

В заключение хотелось бы напомнить слова Президента Российской Федерации: «…предлагаю создать максимально удобные, привлекательные условия для того, чтобы талантливая молодежь из других стран приезжала учиться в наши университеты… Нужно создать условия, чтобы лучшие иностранные выпускники наших вузов оставались работать в России»[1].

[1] Послание Президента Российской Федерации от 01.03.2018 г. б/н. [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902

УДК: 340.114.5

О.М. ГУСЕЙНОВ
доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально – политических наук Дагестанского государственного университета*.

Г.О. ГУСЕЙНОВ
кандидат биологических наук, доцент кафедры общей и биологической химии Дагестанского государственного медицинского университета**.

Правовое воспитание как фактор формирования позитивного правосознания личности

Статья посвящена теоретическому осмыслению проблемы исследования места и роли правового воспитания в деле формирования у личности позитивного правосознания как фактора, определяющего сознательное отношение индивида к праву, законодательству и в целом к законодательной системе, его готовность соблюдать в реальной жизни основные принципы, нормы и требования права.

***Ключевые слова**: позитивное правосознание, правовоспитательная работа, уважительное отношение к праву, правовой нигилизм.*

O.M. HUSEYNOV
Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and socio-political Sciences of Dagestan state University

* Гусейнов Омар Меджидович, e-mail: hamann16@yandex.ru
** Гусейнов Герман Омарович, e-mail: germ.67mail.ru

G.O. HUSEYNOV
Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of the Department of General and biological chemistry of Dagestan state medical University

Legal education as a factor in the formation of a positive legal consciousness of the individual

The article is devoted to the theoretical understanding of the problem of researching the place and role of legal education in the formation of a positive sense of justice in the individual as a factor that determines the individual's conscious attitude to law, legislation and, in general, to the legislative system, his willingness to comply in real life with the basic principles, norms and requirements of law.

Key words*: positive sense of justice, legal educational work, respect for law, legal nihilism.*

Совместная жизнь людей в обществе немыслима без наличия в нем определенных правил, заключенных в нормах права. Объективное восприятие людьми правовой действительности, свидетельствующее о том или ином их отношении к праву, об их оценке права, о том, что в действующем праве они считают правомерным, а что неправомерным, выступает не чем иным, как их правосознанием. Исследование правосознания как одной из специфических форм общественного сознания имеет своей целью получить объективную картину правовой системы общества, выявить конкретные требования людей к праву, увидеть недостатки действующего права и наметить конкретные направления работы по его совершенствованию и развитию.

От характера правосознания индивида, составляющего ядро структуры базовой культуры личности, от того, как человек осмысливает право как социальное явление, какие при этом знания он приобретает о действующем праве, от этого зависит и направленность его правового поведения, готовность или неготовность соблюдать в реальной жизни основные принципы и требования права.

В цивилизованном обществе, где право выступает как ценность, как основной регулятор социальных отношений, правосознание характеризуется укоренением «в сознании

абсолютного большинства граждан правовых ценностей и установок позитивного характера, устойчивых ориентаций на соблюдение закона, правомерное поведение»[1]. Но там, где правовая система несовершенна, неопределённа, где она даёт серьезные сбои, отношение людей к праву может приобрести характер дефектного правосознания с явными элементами правового нигилизма. Степень проявленности у людей этих дефектов, по свидетельству П.С. Самыгина, Ю.И. Исаковой, И.В. Печкурова, «может рассматриваться в качестве косвенного индикатора масштабов имеющих место в обществе отклонений в правовой социализации»[2].

Формирование позитивного правосознания личности – сложный процесс, включающий в себя воздействие на индивида самых разнообразных факторов, среди которых важнейшее место принадлежит правовому воспитанию, показатели и качество которого напрямую влияют на выработку прочного правового сознания граждан, отсюда и на развитие страны, что особенно важно для строительства правового государства, цель построения которого провозглашается в ст. 1 Конституции Российской Федерации.

Актуальность проблемы выяснения места и роли правового воспитания как основного средства в деле формирования позитивного правосознания личности не вызывает сомнения, особенно в нынешних условиях, когда в стране происходит смена ценностных ориентаций современной молодежи, а её правовая и духовно-нравственная культура переживает период кризиса. Отсюда нарастание в молодёжной среде всякого рода отступлений от норм и требований права и морали: жестокость, насилие, порнография, попрание элементарных человеческих прав, антигуманизм, экстремизм и терроризм. Раскол общества на бедных и богатых, расхождение ценностных систем элиты и массы населения России привели, как отмечает психиатр, заместитель директора Государственного научного центра клинической и судебной психиатрии им. В.П. Сербского Ю.А. Александровский, «к распаду привычных социальных связей, множеству мелких конфликтов внутри человека и при общении с другими членами общества. Пережи-

[1] *Загутин Д.С., Самыгин П.С., Самыгин С.И.* Проблемы формирования позитивного правосознания молодёжи в современной России // Философия права, 2017, № 3(82), с. 80.

[2] *Самыгин П.С., Исакова Ю.И., Печкуров И.В.* Правовая социализация современной российской молодёжи: монография. М., 2016, с. 96.

вания личного опыта каждого человека сформировали общую картину общественного неблагополучия. Переосмысление жизненных целей и крушение устоявшихся идеалов и авторитетов способствовало утрате привычного образа жизни, потере многими людьми чувства собственного достоинства. Отсюда – тревожная напряжённость и развитие «кризиса идентичности личности» … Развиваются чувство неудовлетворённости, опустошенности, постоянной усталости, тягостное ощущение того, что происходит что-то неладное. Люди видят и с трудом переносят усиливающиеся жестокость и хамство сильных»[1].

Имея в виду всё это, сегодня важно, используя все возможные методы и средства правового воспитания, повысить в обществе роль и значение права как важнейшего регулятора социальных отношений, призванного вносить в жизнь людей начала справедливости, гарантию реального достижения личностью её приоритетных прав и свобод. «На этой основе, – отмечает Л.Н. Берг, – строится уважение к правовым законам, укрепляется доверие к ценностной силе права, что и становится главной базой развития высокого уровня правосознания и правовой культуры личности и общества в целом»[2].

Правосознание – сложный феномен, в структуре которого, в зависимости от степени глубины и полноты осмысления индивидом права, его практического воплощения в правовом поведении, следует выделить следующие компоненты: осознанное отношение индивида к праву, отражающее мир правовых явлений на уровне мышления в форме идей, взглядов, теорий, что выступает центральным элементом правового сознания; эмоционально-оценочное отношение индивида к праву, проявляющееся в виде личностных чувств, эмоций, настроений и переживаний через призму категорий законного и незаконного, справедливого и несправедливого, морального и аморального и т. д; и, наконец, практическое воплощение правовых идей, взглядов, чувств, настроений и установок в каждодневном поведении личности.

Если первый компонент правосознания, являющийся его ведущим и зримым пластом, входит в так называемую систему правовой идеологии, характеризующейся системностью

---

[1] *Александровский Ю.А.* Социальные катаклизмы и психическое здоровье // Социологические исследования, 2010, № 4, с. 101.

[2] *Берг Л.Н.* Правовые ценности в структуре системы правового воздействия // История государства и права, 2017, № 14, с. 38.

и в значительной степени научностью, то два других компонента правосознания являются структурными элементами правовой психологии, характеризующейся своей неустойчивостью, спонтанностью, эмоционально-чувственной формой реагирования индивида на правовую среду, выражающимися в чувствах удовлетворения или неудовлетворения правосудием, состоянием законности и готовностью в соответствии со своими привычками и настроениями воздействовать на конкретную правовую ситуацию.

При этом следует заметить, что правовая идеология и правовая психология как две важнейшие части правосознания, при всём их несовпадении, не отделены друг от друга китайской стеной, ибо элементы правовой идеологии и правовой психологии взаимосвязаны и взаимопереплетены между собой. По справедливому замечанию И.В. Клочко, «принято считать, что становление правового сознания осуществляется на основе правовых знаний, которые, формируясь изначально с помощью правового мышления индивида, впоследствии под воздействием индивидуальных чувств, эмоций и настроений трансформируются в правовые убеждения человека, присущее ему правовое мировоззрение. На базе правового мировоззрения осуществляется формирование ценностных личностных ориентаций и установок в правовой сфере, находящих практическое воплощение в индивидуальном правовом поведении, детерминируя характер и направленность последнего»[1].

Идеальный вариант становления в обществе положительного типа правосознания – это когда правовая идеология, на страже которой стоит государство, всей совокупностью своих систематизированных, теоретически обоснованных юридических идей и оценок права оказывает на явления правовой психики решающее влияние, способствуя целенаправленному формированию у личности правовых чувств, настроений, желаний, привычек, в которых идеи и теории получают своё воплощение в практическом поведении индивида. Но в реальной жизни, как показывает практика, без участия государства и его различных социальных институтов, без их усилий, направленных на организованное и систематическое

[1] *Клочко И.В.* Теоретико-методологические основы проблемы формирования правосознания учащейся молодёжи // Мир науки, культуры, образования, 2013, № 6, с. 132.

воздействие на личность, трудно себе представить процесс формирования у индивида прочного правового сознания. На этом предположении и основывается необходимость правовоспитательной работы государства и его важнейших институтов как системы мер, направленных на формирование у личности положительного типа правосознания.

Понятие “правовое воспитание”, в нашем понимании, – это социально-положительное воздействие на личность с целью выработки у неё необходимого обществу правомерного поведения. Однако социологи под воспитанием часто подразумевают совокупность всех стихийных и целенаправленных влияний на формирование личности. Мы склонны придерживаться мнения, что стихийные процессы, объективные условия жизни, влияющие на личность, с узко научной точки зрения не всегда могут выступать в роли факторов, положительно влияющих на формирование позитивного правосознания. Более того, воздействие стихийных процессов, связанных со спонтанным повседневным взаимодействием человека с разными социальными группами и структурами, в нестабильные, кризисные периоды развития общества может противоречиво, чаще всего негативно влиять на правосознание личности. Кроме того, не следует упускать из виду и то обстоятельство, что воспитание в прошлом многими социальными мыслителями ошибочно сводилось лишь к воздействию на человека внешней среды, объективных условий его жизни, при этом они забывали о деятельности самого человека, способного изменить как собственный характер, взгляды, убеждения, так и среду своего обитания. И если учесть, что в современных условиях повышения активности личности значение субъективного характера в воспитании личности необычайно возрастает, то станет понятно, что правовое воспитание в узком, научном значении этого слова есть прежде всего процесс целенаправленного воздействия общества и его социальных институтов на правовое сознание и поведение человека для формирования у него высокой правовой культуры[1].

Основное назначение правового воспитания как организованного воздействия общества и его институтов на человека – это целенаправленное формирование у личности позитивного

[1] *См.: Гусейнов О.М., Гусейнов Г.О.* К вопросу о путях и средствах формирования првовой культуры личности // Социально-гуманитарные знания, 2020, № 5, с.123-133.

правосознания, прочных правовых знаний, уважительного отношения к праву и закону, выработка у неё привычки и внутренней потребности к соблюдению правовых требований в жизни, в каждодневной своей деятельности. Арсенал способов, форм, методов и путей правового воспитания личности в деле формирования у неё позитивного правосознания может быть самым разнообразным. Тут и работа средств массовой информации в распространении правовых знаний, и работа по пресечению отступлений от норм действующего права, и активное применение в этой сфере методов убеждения и поощрения, и воспитание у граждан чувства непримиримости к разного рода правонарушениям и многое другое.

Подчёркивая важность правового воспитания в становлении человека как правового существа, К.Е. Сигалов и Т.Э. Петрова отмечают, что «собственно, любое обучение подрастающего поколения даже в животном мире начинается с закрепления в сознании потомков того, что делать можно, а что делать нельзя, без какого опыта невозможно обойтись в окружающем мире и что из нового может быть принято. Выработанные протоправовые вехи позволяли выжить и сохранить себя в окружающем мире»[1].

Сегодня семья, школа, общество как никогда раньше ощущают острую потребность в правовом воспитании молодёжи. Наблюдения показывают, что психофизиологическая организация молодежи в целом отстаёт от изменений в социально-экономических условиях её жизнедеятельности. И если добавить к этому отсутствие у неё достаточного жизненного опыта и способности контролировать собственное поведение, выработать в себе развитое и устойчивое позитивное правосознание, то станет понятно, что без научно-обоснованной системы правового воспитания молодежи обществу не обойтись в решении стоящих перед ним задач.

Актуальность проблемы правового воспитания молодежи, формирования у неё позитивного правосознания объясняется сегодня не только тем, что молодежь растет численно и становится внушительной силой в обществе, но и тем, что она изменяется и качественно, происходит необычайное повышение её социальной активности. Это особо следует иметь в виду, ибо активность молодежи нашей страны в прошлом была во

[1] *Сигалов К.Е., Петрова Т.Э.* Человек юридический и его правовая определённость // История государства и права, 2017, № 20, с. 29.

многом санкционированной, направляемой сверху. Сегодня же, когда с молодежи сняты многие ограничения, прежде сковывавшие её силы, а правовоспитательные возможности общества в силу разных причин во многом снижены, у молодых людей бурно развилась так называемая деструктивная активность и возникло повальное увлечение материально-эгоистическими интересами в ущерб духовно-нравственным. Всё это может привести к созданию предпосылок для попадания молодежи под влияние людей преступного мира, их морали, права и психологии, что ведет к воспроизводству законопослушания со стороны молодых людей.

Это тем более надо иметь в виду, ибо молодежь сегодня в большинстве своем не имеет работы, слоняется без дела и в поисках куска хлеба легко может стать добычей для разного рода преступных элементов. Вот почему общество не должно оставаться безразличным к тому, на что направлена сегодня активность молодёжи, на какие ценности она ориентирована в жизни, какой она станет завтра.

Значимость правового воспитания молодежи в современных условиях возрастает и в связи с тем, что утвердившиеся в нашей стране рыночные отношения всё ещё развиваются у нас с нарушением основных требований права, что порождает у людей скептическое отношение к возможностям их правового регулирования. Такое отношение людей к праву, как правило, характеризует периоды социальных перемен, когда старые правовые ценности не работают, отвергнуты обществом, а новые ещё прочно не утвердились, не стали совершенным способом регулирования общественных отношений. Всё это может привести к девальвации права и законности в глазах молодежи, породить у неё неуважение к закону, судебным учреждениям, всей правовой сфере. Правовоспитательная работа в этих условиях должна в первую очередь учитывать такой дефект правосознания у сегодняшней молодежи, как недостаточное знание ею норм права и их роли в регулировании социальных отношений. Поэтому одними из важнейших задач правового воспитания выступают сегодня вскрытие роли юридических норм в жизни общества и каждого его члена, показ, обоснование и разъяснение необходимой связи, которая существует между знанием человеком основных требований права и возможностью удовлетворения им своих насущных потребностей и интересов. Только таким образом можно сформировать позитивное правосознание инди-

вида, его уважительное отношение к праву, осознание им важности и нужности права в его каждодневной деятельности, которая без права просто немыслима.

Работа по формированию у молодежи позитивного правосознания не может достигнуть своей цели, если в обществе решительно не пресекается безнаказанная правонарушающая практика. Причём совращающее воздействие на человека незаконной практики часто оказывается более результативным, чем воздействие правового воспитания, которое по этой причине должно быть ориентировано на показ бесперспективности и невыгодности такой практики, на её губительное влияние на личность. Поэтому государство, его правовые институты, общество в целом должны активно заниматься, с одной стороны, упрочением законности, обеспечением должного качества принимаемых законов, а с другой – работой по воспитанию у молодежи уважительного отношения к закону, законности и правопорядку, к правам и свободам других людей.

Личность с высоким уровнем правосознания характеризует прежде всего внутреннее приятие ею правовых норм как принципов и норм собственного поведения. Однако о положительном влиянии на человека правового воспитания можно говорить только тогда, когда под воздействием последнего у личности в процессе её жизнедеятельности вырабатывается положительная связь между знаниями и чувствами, устанавливается прочное единство в его правосознании требований правовой идеологии и правовой психологии.

Действительно, правовое воспитание личности необходимо предполагает в первую очередь знание ею правовых норм и положений о правомерном поведении. Но этого недостаточно для формирования у неё позитивного правосознания. Необходимо, чтобы в этот процесс включились действия психологических механизмов, могущих превратить правовые требования, предписания во внутренние побуждения личности, в её собственные предписания. Это возможно только тогда, когда овладение внешними предписаниями затрагивает эмоциональную сферу человека, т.е. явления правовой психологии личности, рождающей эмоциональные переживания, чувства, которые в сочетании с требованиями правовой идеологии превращают те или иные правовые нормы во внутренние побуждения человека к действию, мотивирующие начало поступка.

Но чувства чувствам рознь. Если правовые чувства носят формальный, поверхностный характер, воспринимаются человеком на уровне простых переживаний, то они не могут стать внутренней побудительной силой к действию, так как они не превратились в составное целое внутреннего мира личности. Правовые же чувства, настроения, переживания, пронизанные правовой идеологией, ставшие во внутреннем мире человека компонентом его правосознания, показателем внутреннего принятия человеком правовой нормы, превращаются в существенное звено человеческих поступков. Именно такие правовые чувства, обладающие известной значимостью для личности, являются подлинными чувствами, частью правового сознания человека, определяющего не только его отношение к существующему праву, но и к себе самому и своим поступкам. Таким образом, правовое воспитание молодежи, будучи нацелено на формирование у неё позитивного отношения к закону и устойчивые ориентации на правомерное поведение, должно быть, как отмечают Е.С. Жидяева, П.С. Самыгин, С.И. Самыгин, «направлено на формирование не только когнитивно-познавательного, но и эмоционально-ценностного и деятельностно-практического компонентов правосознания»[1].

Цель правового воспитания – не формирование бездумных исполнителей, а обеспечение высокого уровня правового развития личности, подготовка людей, которые со знанием дела, осознанно исполняли бы требования права. Это тем более необходимо, ибо требования эти не остаются раз и навсегда данными. Как справедливо отмечает Б.А. Осипян, «вся система международного и национального права и государственных законов не только целенаправленно действует, но и постоянно духовно, нравственно, идеологически и политически развивается, вбирая в себя более совершенные законодательно-правовые положения, административные и судебные решения»[2]. Поэтому глубокое осознание, осмысление индивидом подлинного места и значения предъявляемых

[1] *Жидяева Е.С., Самыгин П.С., Самыгин С.И*. Особенности формирования правосознания учащейся молодёжи в современном российском обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2015, № 3, с. 72.

[2] *Осипян Б.А*. Верное правосознание как путеводитель надлежащего развития законодательной и судебно-правоохранительной системы правомерного государства // Право и государство, 2017, № 12(156), с. 44.

к нему со стороны права требований, понимание их роли в той или иной конкретной ситуации являются непреложными условиями правильного правового воспитания личности.

Формирование позитивного правосознания личности предполагает полноценное участие в её воспитании самых разнообразных институтов общества, таких, как семья, школа, вуз, неформальные группы, трудовой коллектив, среда ближайшего окружения человека и т.д. Причем роль и соотношение этих факторов в правовом воспитании человека не остаются неизменными. На разных этапах развития личности одни из них отодвигаются на задний план, а другие, находившиеся до этого как бы в тени, выдвигаются на передний край и начинают играть в формировании её правосознания доминирующую роль. Задачи формирования у личности позитивного правосознания требуют комплексного воздействия на индивида самых различных средств, методов и форм правового воспитания. Причём воздействие этих средств должно носить систематический характер и охватить собой все сферы жизнедеятельности человека. Кроме того, все формы воздействия на личность призваны способствовать превращению личности в правового субъекта управления собственным поведением, иметь своей целью активизацию процессов правового самовоспитания личности. Тут нельзя не согласиться с мнением К.Е. Сигалова и Т.Э. Петровой, которые отмечают, что “человек обязан критично относиться и к самому себе, обновлять свои знания, причём не только в количественном, но и в качественном смысле, пересматривая те или иные положения, впитывая в себя свежие мысли и новые положения”[1].

В заключение отметим, что правовое воспитание, способствуя правильному осознанию индивидом права, его основных требований, может оказать положительное влияние на формирование рационального отношения человека к праву, что облегчает, когда необходимо, коррекцию этого поведения в нужном обществу направлении. Однако не следует и переоценивать воспитательные функции правовых знаний, думать, что они играют решающую роль в формировании правового сознания и поведения людей. Важно, чтобы правовые знания человека превратились в его глубокие и стойкие убеждения, применялись им в реальном своём каждодневном

[1] *Сигалов К.Е., Петрова Т.Э.* Человек юридический и его правовая определённость // История государства и права, 2017, № 20, с. 31.

правовом поведении. Кроме того, следует иметь в виду и то обстоятельство, что позитивное правосознание и правовое поведение обеспечиваются с помощью нетолько правового воспитания, но и других общественных регуляторов, учёт соотношения и взаимосвязи которых может во многом помочь в определении места и роли правового воспитания человека в формировании его позитивного правосознания.

УДК 101.1
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51595

А.Т. КАЮМОВ
доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философских наук Московского государственного лингвистического университета*

Р.Р. ГАЗИЗОВ
кандидат технических наук, доцент кафедры информационных технологий и компьютерной математики Башкирского государственного университета**

Социально-философский анализ информации как символической программы мышления и поведения человека

В данной статье исследуется усилившаяся острота взаимодействия субъекта и объекта, «Я» и «не-Я», которая ставит в затруднительное положение процесс развития самой информации и информационной культуры в современном системном и сложном мире. Человек при этом призван к тому, чтобы иметь мужество для познания скрытых, экзистенциальных пластов социального знания, которое отличается от простой информации, которая не учит думать и отличается от знания слабыми связями между социальными корпускулами.

Ключевые слова: *информация, информационная культура, социальное пространство и время, социальные пределы знания, трансцендентальный субъект, трансцендентальное картинное восприятие мира.*

A.T. KAYUMOV
Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Moscow State Linguistic University

* Каюмов Айдар Талгатович, e-mail: atkayum@gmail.com
** Газизов Раиль Робертович, e-mail: rael888@mail.ru

R.R. GAZIZOV
Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Information Technologies and Computer Mathematics Bashkir State University

Socio-philosophical analysis of information as a symbolic program of human thinking and behavior

This article explores the intensified severity of the subject-object, "Me"-"not-Me" interaction, which puts in a difficult position the process of development of the information itself and of the informational culture in the modern systemic and complex world. A person thus is called to have the courage to explore the hidden, existential layers of the social knowledge, which differs from simple information, does not teach thinking and differs from knowledge by weak connections between the social corpuscles.

Keywords: *information, informational culture, social space and time, social boundaries of knowledge, transcendental subject, transcendental picture perception of the world.*

Информация как символическая программа мышления и поведения человека, связана с эластичной структурой исторического, социального пространства и времени. Это в свою очередь предполагает поворот к человеку как гармоническому ансамблю всех своих сущностных сил. При этом информация как способ социального бытия человека, как способность ориентироваться в современном мире, направлена на осмысление надежды как стремление реализовать чувство Родины. Информация как форма бытия человека, а не как форма обладания знанием, не связана с нейтральным отношением человека и общества к существующему положению дел. Информация, как нечто аллегорическое и символическое, существует только для человека, который в принципе оппозиционен социальному пределу знания и раздвигает в данном отношении границы мозаичного и трансцендентального, картинного восприятия сложного социального мира.

Знание в своей символической ипостаси выступает в своей двойственности. Абсолютное знание, видимо, есть знание того, что «всякое познание есть самопознание», а «абсолютное самосознание есть самосознание, знающее себя как са-

мосознание»[1]. При этом познание, как человеческая способность, есть некое понимающее себя самопознание. В данном отношении любое знание – это становящееся абсолютное знание, а информация при этом проходит свой путь до конца. Она в своей знаниевой ипостаси означает само становление знания как «бытия свободы»[2]. Фихте в «Наукоучении» (1801 г.) говорит о том, что «свобода» есть просто по тому, что существует «созерцание», которое просто есть[3]. Информация как некое «созерцание» есть именно то знание, которое вытекает из бытия свободы. Эта свобода, видимо, тождественна с рефлексией, которой так не хватает современному человеку. Но, как бы то ни было, знание отличается от информации интенсивными связями между своими элементами.

Если знание не оказывается связанным с экзистенцией культуры и духовной жизни, то его невозможно сопоставить и с Абсолютом, который трансцендентен самому знанию. При этом чистая «трансценденция» абсолютного в его непостижимости и сокрытости, есть идея, которая пронизывает собой дальнейшие творческие потенциалы человека в сложные времена. Утрачивается связь абсолютного с мировыми эпохами: прошлого, настоящего и будущего. Не будем забывать, что сам путь, который характеризует сознание до точки зрения «абсолютного знания», является путём не только теоретического, но и практического познания.

Методологической основой настоящего исследования информации выступает трансцендентальный метод в своей социально-символической ипостаси. Вхождение человека в трансцедентальный мир, столь необходимое до всякого познания, оказывается совершенно открытым духу человека, причём, и вне религиозной сферы. Однако речь здесь идет всё же о трансцендентальном как символическом познании. Заметим, что И. Кант понимает, по словам Гегеля, под «трансцендентным» то, «что выходит за пределы определённости рассудка и в этом смысле встречается впервые в математике»[4]. В геометрии «мы говорим, что следует представлять

[1] *Kroner R*. Von Kant bis Hehel. Bd. 2. Tübingen, 1924, s. 366.
[2] *Fichte J.* G. Sämtliche Werke, hrsg. Von I. H. Fichte. Berlin, 1845-1846. Bd. 7, s. 8.

[3] *Fichte J*. G. Werke. Auswahl in sechs Bänden, hrsg. von F. Medicus, Leipzig, 1908-1911. Bd. 4, s. 39.
[4] *Гегель*. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1975, с. 158.

себе периферию круга как состоящую из бесконечно многих бесконечно малых прямых линий»[1]. Определения, которые рассудок полагает различными (прямое и кривое), «явно полагаются тождественными»[2]. Гегель отмечает, что бесконечное и тождественное с собой самосознание «также представляет собой такое трансцендентное», которое разнится от обыденного сознания. «Кант, однако, называл это единство самосознания лишь трансцендентальным, полагая, что это единство лишь субъективно, а не принадлежит также и самим предметам, как они существуют в себе»[3].

Трансцендентальное можно представить себе как некий образ, воплощающий какую-либо идею. Сам смысл символа, который не должен быть понятным для людей, которые не посвящены в значении символа, является неким намёком на то, что находится «сверх» или за чувственно воспринимаемой внешней образованностью. Повседневная жизнь человека оказывается наполненной символами, которые напоминают ему что-либо, что духовно покоряет его.

Социально-философский анализ информации, как символической программы поведения и мыследействия человека, отталкивает нас в «дух», который невозможно осязать. В связи с этим информация есть некий посредник между «материей» и «духом», единство того и другого[4]. Смысл бытия информации есть в этом плане не столько продуманная мысль, сколько само движение мысли, некое направление в сторону свободы человека.

Человек, строго говоря, существует как некий вопрос. Человек устал сегодня от того духовного напряжения, которое связано со становлением «самости». «Примат» субъекта над его природным и социальным окружением является фундаментом трансцендентально-символического метода. Информация, как символ бытия человека, всегда оказывается нечто большей, чем указание на то, что не есть он сам, т. е. символ. Но мы должны учесть тот момент, что символическое бытие есть некое самостоятельное, обладающее собственной ценностью обнаружение знаниевой реальности. Объединяя различные пласты реальности, информация видит в них некое

---

[1] Там же, с. 159.
[2] *Гегель*. Энциклопедия философских наук. Т. 1, с. 159.
[3] Там же.
[4] *Бергсон А*. Философская интуиция // Новые идеи в философии. Сб. 1. Спб., 1912, с. 14-17.

единое целое. При этом социальная символическая реальность созидает, воспроизводит собственную многослойную структуру, где «трансценденция» оказывается связанной со смысловой, экзистенциальной перспективой.

Множественность смыслов информации свидетельствует далеко не о релятивизме, но о некоей предрасположенности к диалогу информационного человека с воспринимающим знаниевым субъектом. Человек не в силах мнить себя безличным наблюдателем. Чисто человеческое определение границы между объективным и субъективным представляет собой некий спонтанный акт, а сама информация состыкуется с серией социальных решений человека. Вместе с тем идея дополнительности прокладывает себе дорогу тем, что обеспечивает достаточно широкие рамки для описания информации, которая не в силах оказаться охваченной какой-то единственной картиной мира. Чтобы осмыслить смысл идеи дополнительности знания и информации, которые отличаются друг от друга тем, что знание пронизывает различные аспекты экзистенциального существования человека, мы должны помнить о том, что информация всё же связана с тем, что сам человек постоянно ограничивает своё право на неё. Поскольку в информации содержится нечто, что не должно останавливаться на своем пути, что движет человека к возможной экзальтированности, а, следовательно, к малой гарантированности спасения мира, то это, безусловно, указывает на понятие социальной «опасности». Слишком далекая и высокая цель более всего соотносится с информацией, а не с понятием «знания», оппозиционного абстрактной социальной утопии.

Идея дополнительности, взятая в контексте формирования символической программы мышления человека, имеет свои основания в ситуации, согласно которой исследователи должны быть солидарными с концепцией Нильса Бора по поводу обоснования самой социальной жизни как нечто «элементарного»[1]. Научная и религиозная информация являются, конечно, дополнительными друг к другу. Но мы, как правило, обеспокоены тем, что информация часто является описанием одного того же знания. Информация при этом является зачастую чем-то излишним. Но она все же представляет собой альтернативу знанию, которая оказывается

[1] *Grünbaum A*. Complementarity in quantum physics and its philosophical generalization. Journal of Philosophy, 1957, vol. 54, № 23, p. 727.

ориентированным на социальные и нравственные компоненты духовного мира человека.

Для этого мы должны признать эффективность идеи дополнительности. Но «дополнительность» не является панацеей, которую можно соотнести с символической программой поведение и мыследействия человека. Ее следует использовать с осторожностью[1]. Когда мы говорим об информации, то это также не избавляет нас от осторожности в разрешении вопроса о том, а над подлинными ли проблемами мы ломаем себе голову?

Прежде чем что-то мыслится, сначала возникает некий знаниевый идеал. Но этот идеал определяется местом и временем эпохи и выступает социально-ориентированным. Он сами чувства людей пытается подогнать к культурной ситуации, а, в сущности, является «продуктом практического чувства»[2].

Научная фантазия является весьма продуктивной в исследовании ускользающих феноменов. Об этом пишет В. Чалидзе в работе «Иерархический человек»[3]. Идея научной фантазии предполагает использование «гипотетических» моделей. При этом знание связано с тем обстоятельством, как это «может или могло быть». Информация, напротив, на наш взгляд, практически исключает воображение. Она является нейтральной к самосознанию. Она, правда, ничего не утверждает относительно того, что происходит. Информация, практически, не привязывает себя ни к чему, она не связана с последствиями принимаемых человеком решений. Информация, тем не менее, не может принизить счастья самой гипотезы о незыблемости установки на фантазию и воображение. Тем не менее, информационный подход к реальности соотносится с правилами игры, т. е., в принципе, ориентирован на взвешенные социальные решения.

Научная фантазия не может быть чем-то фальшивым или серым. Она, хотя и заложена в бытии вещей и процессов, тем не менее, она сторонится уплотнения самого социального пространства и времени. Научная фантазия, проступающая в знании человека, оказывается, как бы овеянной далью.

---

[1] *McKay D.M.* Complementary descriptions. Mind, 1957, vol. 66, № 263, p. 394.

[2] *Бурдье П.* Социальное пространство: поля и практики. М.-Спб.: Алетейя, 2005, с. 384.

[3] *Чалидзе В.Н.* Иерархический человек. М.: Терра, 1991, 220 с.

Информация, напротив, хотя и входит в каждое «теперь», тем не менее, приподнимает в человеке бодрствующие мечты. Но, более того, как бы «путешествует сквозь мгновения по пространственным «линиям» всех вещей». В этом плане проблема российской истории обретает в информационном пространстве новое культурно-историческое бытие. Сам прогресс человеческого рода не может быть уподоблен в этом плане «восходящему движению по духовной лестнице. В своём стремлении к совершенству это движение проходит трудный путь испытания знанием». Но осознание исторического времени (особенно в античном мышлении) «отличается всё же специфическими чертами»[1].

Информация связана с кризисом «фрагментации» современного обществознания, с целепостановкой и целереализацией систем деятельности «трансцендентального субъекта», а тем самым со стимулами и механизмами становления человека и общества. При этом социально-философский анализ информации связан с символическими программами мышления и поведения человека. «Трансцендентальный субъект» связан с эпохой открытых смыслов, содержащихся в нем. Этот субъект, который по большому счёту, не имеет в себе ничего «колеблющегося», подает себя как нечто полностью готовое. Но «трансцедентальный субъект» демонстрирует дух соревнования пространств «культурного зрения» человека. Отсюда сама символическая программа осуществления «трансцендентального субъекта» не достигается, в принципе, никакими сравнениями. Тем самым, далеко не от мифологического фона исходит духовный «ореол» социальных явлений, а от расширения культурного пространства «трансцендентального субъекта», блеск которого всё же не является чем-то абсолютно застывшим. В этом отношении И. Марек раскрыл соотношение «бесконечного» и «границы». Сам фихтевский ответ движется в пределах онтологии знания[2]. В этом плане истина выступает как бытие «единства» и это получает развитие в фихтевской феноменологии.

Х. Трауб и П.Л. Остеррайх развивают ту мысль, согласно которой основоположения и перспективы фихтевских «науко-

[1] *Лосев А.Ф.* Античная философия истории. М.: Мысль, 1977. 205 с.

[2] *Marek J. Siemek*. Unendlichkeit und Shranke. Zum Fichteschen Entwurf einer transzendentalen Ontologie des Wissens // Fichte-Studien. Grund und Methodenfragen in Fichtes Spätwerk. Günter Zöller / Hans Georg von Manz (Hrsg.). Bd. 31. Amsterdam – N.Y., 2007, s. 59-68.

учений» связаны с ясным осознанием современности[1]. Однако А. Кузьмин в этом плане оттеняет идею трансцендентальной свободы, причем ее анализирует в контексте фихтевской философии современности[2]. Ф. Фабианелли рассматривает центральное положение метафизики духа в контексте сочинений Б. Спавента[3]. Это позволяет анализировать более широкий контекст идеи «трансцендентального субъекта», причем в смысле функционального пространства экзистенции такого субъекта[4] и в плане проблемы «грехопадения» у Фихте и других представителей русской философии, например, Ф. М. Достоевского. Фихте и его «Накоучение» устремлено в будущее, что предполагает верность надежде на лучшее переустройство общества, а значит апелляцию к энергетическим духовным ресурсам России.

Социально-философский анализ информации, как символической программы мыследействия и поведения человека наталкивается на рассмотрение форм социальной динамики, на историю как событийную жизнь людей в социальном пространстве и времени. При этом, проблема направленности истории, оказывается связанной с гипотезой социального, духовного и нравственного прогресса.

То, что всегда означает большее, не должно останавливаться на своем пути. Поэтому в «зеркале» простых и незастывших значений речь идет не только об аналогии событий, но и об аллегории и первоначальном смысле символической программы мышления.

Одни авторы отталкиваются от образов, которые не должны быть выдуманными, причудливыми и символическими[5]. Но символическая программа действия человека слагается далеко не из «абстрактных понятий», когда одно выражается

---

[1] *Peter L., Oesterreich H.T*. Die ganze Fichte. Grundlegung und Perspektiven einer integrierenden Fichte-Deutung in der Gegenwart // Fichte-Studien. Bd. 38. Amsterdam – N.Y, 2013, s. 3-27.

[2] *Kuzmin A*. Die Idee der transzendentalen Freiheit in der Philosophie Fichtes und die Gegenwart // Fichte-Studien. Bd. 38. Amsterda - N.Y, 2013, s. 61-70.

[3] *Fabbianelli F.* Fichtes transzendentaler Ansatz in der Metaphysik des Geistes von Bertrando Spaventa // Fichte-Studien. Bd. 38. Amsterdam – N.Y, 2013, s. 113-124.

[4] *Шергенг Н.А.* «Трансцендентальный субъект» и проблема его философской концептуализации: Монография. М.: ЗАО «Алкор»; Наука, 2008. 232 с.

[5] *Блох Э.* Тюбингенское введение в философию. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1997, с. 331.

через другое. При этом другое действие оказывается рассеянным и лишенным своей «инаковости».

Таким образом социальная реконструкция исторического пространства и времени оказывается связанной с нечто колеблющимся в сравнении. Речь идет о длящемся ряде «рассеиваний» того, что означает наступление исторического, следовательно, социального времени.

Дискуссия между сторонниками сопротивления историческому времени и теми, кто поддерживает наиболее открытию онтологию времени, состоит в том, что мы далеко не всегда имеем открытый мир, мир, в котором реализуются исторические смыслы.

Эксклюзивное бытие, на наш взгляд, связано со сторонниками идеи латентной возможности развития, куда, безусловно, включается объективно-реальная, латентная возможность. Любая мысль, нацеленная на «движимое» есть объективно-реальная. Она гарантирует наиболее открытую онтологию, куда включается еще не сорвавшееся в пропасть социальное бытие. Сам человек «нуждается в имманентном благословении» при выполнении данного дела[1]. Социально-философский анализ информации, как символической программы мысли и действия человека, кристаллизует мышление, остро нацеленное на связь «движимого» и самой творческой возможности, которая иногда ослабевает. Человек оказывается нацеленным на гуманное освобождение своей мысли от сопротивления, находящегося в данной реальности. Когда же это не удается, то речь начинает идти о недостаточном теоретическом прояснении, если не о ложном начале. Сами трудности программы мышления и поведения человека исходят в основном из нерешенного, недостигнутого. Что же касается надежды на преодоление трудностей, то необходимо исходить из движущей силы самого духовного бытия. Уже каждая постановка проблемы символической программы мыследействия, выступает как проблема, которая ориентирована на духовное спасение человека, которой связано с осуществлением мозаичности и трансцендентально-картинного восприятия современного сложного мира.

[1] *Блох Э.* Тюбингенское введение в философию, с. 315.

УДК 316.4
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51596

Я.Н. КАЛИНИЧЕНКО
научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института МВД России*

Состояние и динамика наркоситуации среди молодежи Красноярского края

В статье проанализирована наркоситуация в молодежной среде Красноярского края на основании изучения статистических данных по госпитализации пациентов в организации Минздрава России с диагнозом «наркомания». Анализируемый период охватывает 2018-2019 гг., что позволяет не только оценить остроту проблемы, но и ее динамику. В статье предлагаются некоторые меры, которые могут улучшить наркоситуацию в крае.

***Ключевые слова**: наркомания, наркоситуация, оборот наркотических средств, молодежь, Красноярский край.*

Ya.N. KALINICHENKO
Scientific researcher of Scientific-research and Editorial and Publishing Department of Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

State and dynamics of drug situation among youth in the Krasnoyarsk territory

The article analyzes the drug situation among youth in the Krasnoyarsk territory based on the study of statistical data on hospitalization of patients in the organizations of the Ministry of Health of the Russian Federation diagnosed «with drug addiction». The analyzed period covers 2018-2019, which makes it possible to assess not only the immediacy of the problem, but also its dynamics. The author suggests some measures that can improve the drug situation in the territory.

***Keywords:** drug addiction, drug situation, drug trafficking, youth, the Krasnoyarsk territory.*

* Калиниченко Яна Николаевна, e-mail: ya_kalinichenko@mail.ru

В современном мире употребление наркотиков является одной из ярко выраженных и опасных для существования общества социальных проблем. Организация Объединенных Наций ежегодно констатирует увеличение числа наркопотребителей во всем мире. Так, в 2020 г. общее число лиц, потребляющих наркотики периодически или постоянно, уже достигает 300 млн человек[1]. Из проблемы отдельного человека и его семьи наркомания стала всеобъемлющей проблемой, которая затрагивает общество в целом. Сегодня наркомания и ее последствия в Российской Федерации представляют собой одну из основных угроз для экономики страны, демографических процессов, протекающих в ней, и национальной безопасности российского общества. Наркомания, затрагивая теневые сектора современного общества, представляет также опасность как для внешней, так и для внутренней политики нашего государства, отвлекая усилия общества от поступательного строительства демократического правового государства. Настораживает прежде всего тот факт, что объемы и масштабы распространения наркомании на сегодняшний день таковы, что представляют опасность для социальной стабильности и благополучия нашей страны, для физического и морального здоровья молодежи как трудоспособной и перспективной ее части.

Несмотря на то, что в последние годы отмечается снижение распространения наркомании в Российской Федерации, ее субъектах, опасность наркотизации общества остается актуальной и требует к себе пристального внимания всех субъектов антинаркотического противодействия. О важности противодействия наркоугрозе, о ее опасности для общества говорит то, что в ноябре 2020 г. указом Президента Российской Федерации была утверждена очередная Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2030 г.

Особой заботой государства является принятие профилактических мер, направленных на противодействие распространению наркомании в молодежной среде. Употребление наркотиков подростками и молодежью всегда носит потенциально опасный характер. Наблюдается тенденция «омоложения» наркозависимых, снижение возраста первого знакомства с наркотическими веществами. Первая проба все чаще прихо-

[1] https://wdr.unodc.org/wdr2020/index.html

дится на младший и средний школьный возраст. Президент Российской Федерации во вступительном слове на заседании Совета Безопасности 16 ноября 2020 г. отметил, что «ежегодно наркотики калечат и убивают тысячи наших граждан; ломают судьбы детей, молодых людей, приносят в семьи боль и горе, разрушают нравственные основы общества. Прибыль, полученная от наркобизнеса, служит финансовой подпиткой криминалитета, трансграничной преступности, коррупции, террористических и экстремистских структур, с которыми сталкивается и которым противостоит Россия и другие страны»[1].

Проблема употребления различных психоактивных веществ, в том числе наркотических средств, актуальна как для России в целом, так и для ее субъектов. Нельзя говорить, что проблема имеет одинаковую остроту в различных регионах, но она есть, и это вызывает озабоченность, так как сегодня между практически всеми регионами России существуют различные экономические, культурные и иные социальные связи, способствующие реализации намеченных обществом планов поступательного развития. При попустительстве или бесконтрольности общества эти же связи могут быть использованы наркодельцами, в погоне за прибылью, чтобы сделать доступным предложение наркотиков, поступающих извне, и увеличить местное их производство.

Проработав статистические данные[2], а также результаты социологических исследований наркоситуации в Красноярском крае, организуемых и проводимых по единой общероссийской методике, проанализируем состояние и динамику данного разрушающего российский социум явления. В ходе проведения исследования использовались методы первичного и вторичного анализа документов, а также методы математической статистики.

Среди проблем в регионе, требующих немедленного решения, молодые люди называют улучшение качества дорог, борьбу с алкоголизмом, безработицей, повышение уровня медицинского обслуживания и др. В 2019 г. подростки в возрасте 14-17 лет решению проблем, связанных с наркоманией, от-

[1] Заседание Совета Безопасности. http://www.kremlin.ru/events/ president/news/64424 (Дата обращения: 19.01.2021)

[2] При подготовки статьи использовались материалы ежегодного статистического учета состояния наркоситуации в Российской Федерации по Статформе 2-МВ-ЗДРАВ.

вели шестое место, а молодежь от 18 до 29 лет – лишь девятое. Полученные данные доказывают тот факт, что в регионе проблема наркомании недооценена, ее разрушающий эффект на общество не в полной мере учитывается. По мнению около 60% опрошенной молодежи, наркомания в регионе либо «не распространена», либо «распространена, но не более, чем в других регионах».

Согласно данным опроса, проведенного среди молодежи Красноярского края, были выявлены следующие детерминанты, способствующие распространению наркомании на территории края в последние годы: неудовлетворенность жизнью, социальное неблагополучие – 19,8%; моральная деградация общества, вседозволенность – 19,2%; влияние наркобизнеса, доступность наркотиков – 16,6%; излишняя свобода, отсутствие организованного досуга – 12,9%; безработица, экономические проблемы – 10,8%. Как видим, экономические и социальные проблемы, с которыми сталкивается человек, не умеющий найти из них достойного выхода, имеют существенное значение. Но не менее существенное значение имеет и снижение моральных требований к самому себе, ответственности перед собой, своими близкими и обществом.

Несмотря на то, что в нашей стране наблюдается некая положительная динамика, выражающаяся в снижении количества лиц, употребляющих наркотические вещества, все же имеет место некоторый прирост количества лиц с синдромом зависимости от каннабиноидов и психостимуляторов. По-прежнему более всего в учреждениях здравоохранения края регистрируется лиц с диагнозом «наркомания» как следствие зависимости, вызванной употреблением наркотиков опийной группы. Чаще всего наркотики этой группы вызывают как быстрое привыкание (зависимость), так и ведут к социальной, интеллектуальной, физической деградации личности с самым печальным исходом – к передозировке и смерти.

Количество пациентов, зарегистрированных в медицинских организациях Минздрава России с диагнозом «синдром зависимости от наркотических веществ (наркомания)» на территории Красноярского края в 2018 г. составило 4807 человек, что на 13,6% меньше по сравнению с 2017 г. Из общего числа пациентов в возрасте от 0 до 14 лет – 2 человека, ни спада, ни прироста не наблюдается; в возрасте от 15 до 17 лет – 41 человек (-41,4%, удельный вес от общего числа пациентов 0,9%); в возрасте 18-19 лет – 89 человек (-2,2%, удельный вес

от общего числа пациентов 1,9%); в возрасте от 20 до 39 лет – 3594 человека (-9,6%; удельный вес от общего числа пациентов 74,8%).

В 2019 г. подобных пациентов на территории края зарегистрировано 4513 человек, что на 6,1% меньше, чем в 2018 г. Среди зарегистрированных пациентов: в возрасте от 0 до 14 лет – 1 человек (-50%); в возрасте от 15 до 17 лет – 36 человек (-12,2%; 0,8%); в возрасте 18-19 лет – 60 человек (-32,6%; 1,3%); в возрасте от 20 до 39 лет – 3244 человека (-9,7%; 71,9%). По возрасту чаще всего нуждаются в медицинской помощи наркопотребители 20-30 лет. Среди пациентов этой возрастной группы относительный показатель превышает общероссийский (65,7%) и составляет 69,6%. Для наркозависимой категории граждан перестает иметь значение жизненно важная и общественно значимая цель, деятельность по ее реализации. Все разумное и рациональное вытесняется одномоментным навязчивым желанием – достать деньги и получить дозу. Пропадает интерес к семье, друзьям, коллегам, если они не являются такими же наркозависимыми. Явно выражены угрозы социальному и экономическому секторам. Более того, при анализе данных социологических исследований в рамках ежегодного мониторинга можно с уверенностью отметить, что полученные данные не отражают в полной мере реальное состояние наркотиситуации в регионе, так как феномен наркомании отличается существенной латентной составляющей.

Сравнение ежегодных результатов социологических исследований и официальных статистических наблюдений по заболеваемости за наблюдаемый период позволило вычислить коэффициент латентности наркоситуации в крае, который может составлять 4,5, с учетом допустимой погрешности результатов социологического изучения уровня наркотизма в Красноярском крае. Мы провели сравнение результатов социологических исследований, которые позволили рассчитать число лиц, имевших хотя бы разовый опыт употребления наркотических средств и психотропных веществ, и число пациентов, официально зарегистрированных организациями здравоохранения, расположенных на территории края.

Красноярский край входит в состав Сибирского Федерального округа, уникальность которого заключается в том, что он географически соединяет север и юг страны, имеет значимые транспортные узлы – его пересекает ТрансСибирская магистраль; на востоке граничит с Иркутской об-

ластью, где начинается Байкало-Амурская железнодорожная магистраль. Также на востоке край граничит с Якутией, на юге – с Тувой и Хакасией, на западе – с Кемеровской, Томской областями, Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами. Красноярский край является вторым по площади субъектом Российской Федерации и крупнейшим из краев, его площадь составляет 2 366 797 км². Население края насчитывает 2 866 255 человек. Близость расположения с Республикой Казахстан, Монголией, Китайской Народной Республикой делает регион привлекательным для зарубежных поставщиков различных видов наркотиков с целью использования его как одного из возможных мест складирования и транзита наркотиков в удаленные регионы России. Из южных регионов в край большегрузными машинами везут сезонные овощи и фрукты, они же могут использоваться как средства нелегальной доставки на территорию края и России наркотических средств и психотропных веществ, в том числе опийной группы.

Результаты изучения социологических исследований и статистических материалов ежегодного мониторинга наркоситуации позволяют оценить остроту и динамику наркоситуации в Красноярском крае и определить ее направленность.

Число пациентов, зарегистрированных с диагнозом «наркомания» вследствие потребления опиоидов, на территории Красноярского края в 2018 г. составило 2188 человек, что на 19,9% меньше по сравнению с 2017 г. Из общего числа: пациентов в возрасте от 0 до 14 лет и от 15 до 17 лет не зарегистрировано (-100%); в возрасте 18-19 лет – 10 человек (100%, удельный вес от общего числа пациентов 0,5%); в возрасте от 20 до 39 лет – 1520 человек (-17,3%; удельный вес от общего числа пациентов 69,5%).

В 2019 г. подобных пациентов на территории края зарегистрировано 1846 человек, что на 15,6% меньше, чем в 2018 году. Среди пациентов: не было зарегистрировано подростков в возрасте от 0 до 14 лет и от 15 до 17 лет; в возрасте 18-19 лет – 9 человек (-10%; 0,5%); в возрасте от 20 до 39 лет – 1180 человек (-22,4%; 63,9%).

Несмотря на то, что явно прослеживается тенденция снижения количества наркозависимых, в том числе и среди употребляющих опиоиды, количество зарегистрированных случаев продолжает оставаться высоким. Из вышеизложенного можно сделать вывод о распространении данного вида

наркотиков на территории края и его доступности. Несмотря на то, что правоохранительными органами Красноярского края принимаются значительные меры по противодействию распространению и транзиту наркотических и психоактивных веществ, число пациентов с впервые в жизни установленным диагнозом «синдром зависимости от наркотических веществ (наркомания)» остается существенным.

Всего в 2018 г. на территории Красноярского края был зарегистрирован 441 наркобольной с впервые в жизни установленным диагнозом «синдром зависимости от наркотических веществ «наркомания», что на 14,9% меньше по сравнению с предыдущим годом. Из общего числа: пациентов в возрасте от 0 до 14 лет – 1 человек; от 15 до 17 – 10 человек (-35,7%); в возрасте 18-19 лет – 13 человек (-38,1%, удельный вес от общего числа пациентов 2,9%); в возрасте от 20 до 39 лет – 325 человек (-22,4%; удельный вес от общего числа пациентов 73,7%).

В 2019 г. на территории края зарегистрировано 438 подобных наркобольных, что на 0,7% меньше, чем в 2018 году. Среди пациентов: от 0 до 14 лет – 1 человек; от 15 до 17 лет – 9 человек (-10%; 2,1%); в возрасте 18-19 лет – 9 человек (-30,8%; 2,1%); в возрасте от 20 до 39 лет – 314 человек (-3,4%; 71,7%).

Таким образом, научное обоснование комплекса мероприятий, направленных на противодействие наркомании в Красноярском крае, необходимо выстраивать на основе выработки антинаркотической стратегии и принятия организационных решений, определяющих оптимальную систему противодействия наркорынку, стимулирующую профилактическую, лечебную и реабилитационную работу, совершенствование существующих и апробацию новых ее направлений и методик. К основным направлениям противодействия и профилактики наркомании в Красноярском крае необходимо отнести:

культивирование социально одобряемых ценностей, таких как семейный досуг, творчество, познавательная активность, умение принимать решения и планировать рациональную деятельность в условиях различных видов затруднений, вызванных жизненными и профессиональными ситуациями;

вырабатывание самодисциплины и ответственности перед ближним и дальним социальным окружением за возможные негативные последствия, исходящие от внешней

агрессивной среды, формирование умения сказать «нет» наркотикам;

создание системы комплексного противодействия наркорынку на территории края, которая должна учитывать не только принимаемые меры по совершенствованию противодействия предложению, но и меры, направленные на снижение спроса, а следовательно, на совершенствование системы реабилитации и ресоциализации лиц, потребляющих наркотические средства и психотропные вещества в немедицинских целях;

расширение форм и методов креативной пропаганды здорового образа жизни как одного из направлений первичной профилактики наркомании с учетом возрастных и психологических особенностей молодежи;

постоянное совершенствование системы проведения ежегодного мониторинга наркоситуации, акцентирование внимания на качество отработки рекомендаций нормативных документов по формированию выборки и сбору эмпирической информации;

развитие досуговой инфраструктуры края, ее компонентов шаговой и ценовой доступности, расширение форм и методов коллективных направлений проведения досуга различных групп населения и прежде всего молодежи и пр.

Реализация мероприятий обозначенных направлений антинаркотической деятельности должна естественно сопровождаться наращиванием усилий правоохранительных органов по противодействию предложению наркотиков, по пресечению различных механизмов и приемов незаконного распространения наркотиков в социальной среде, в том числе с использованием сети Интернет.

УДК 32.019.51
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51597

А.М. АЛЕКСЕЕНКО
старший преподаватель факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова*

Влияние коллективизма и индивидуализма на восприятие имиджа политического лидера

В статье рассматривается влияние культуры, заложенных в ней норм и ценностей на восприятие обществом имиджа политического лидера. Культура рассматривается как феномен, определяющий образ жизни людей, дающий необходимые ориентиры для эффективного взаимодействия членов общества. Имидж лидера представляется как один из важнейших элементов реализации власти в социуме. Культура характеризуется в зависимости от проявления черт коллективизма и индивидуализма. Методологической основой статьи послужила теория культурных измерений Г. Хофстеде.

Ключевые слова: *коллективизм, индивидуализм, лидерство, имидж, теория культурных измерений Г. Хофстеде, культура, ценности, нормы.*

A.M. ALEKSEENKO
lecturer at the Faculty of Global ProcessesMoscow State University named after M.V. Lomonosov

Influence of collectiveism and individualism on perception of the political leader's image

The article examines the influence of culture, the norms and values inherent in it on the perception of the image of a political leader by the society. Culture is viewed as a phenomenon that determines the way of life of people, giving the necessary guidelines for effective interaction between members of society. The image of a leader is presented as one of the most important elements of the implementation of power in society. Culture is characterized depending on the manifestation of the traits of collectivism

* Алексеенко Анна Михайловна, e-mail: polozova.am@gmail.com

and individualism. The methodological basis of the article is the theory of cultural dimensions by G. Hofstede.

Key words: *collectivism, individualism, leadership, image, G. Hofstede's theory of cultural dimensions, culture, values, norms.*

Существует огромное количество факторов, которые определяют социальное развитие и изменения в культуре, но культура и общественная жизнь неразрывно связаны друг с другом, они влияют друг на друга и предопределяют взаимное развитие во времени и пространстве.

Современная наука насчитывает огромное количество определений культуры, в зависимости от того, с точки зрения какой науки мы смотрим на феномен культуры. В предлагаемой статье культура рассматривается с точки зрения социологической науки. Дело в том, что социология, в первую очередь, обращает свое внимание на функции культуры в обществе и на ее связь с общественной жизнью.

Социологи определяют феномен культуры как на систему норм, правил и ценностей, организующих человеческое поведение[1], совокупность форм социального поведения человека, обусловленные его принадлежностью к конкретной общности[2]. Иными словами, социальная культура – это система социально значимых знаний, ценностей, традиций, норм и правил поведения, посредством которых люди организуют свою жизнедеятельность в обществе.

В целом социальная культура определяет образ жизни людей, дает им необходимые ориентиры для эффективного взаимодействия в обществе. Она дает людям представление о правильном и неправильном, хорошем и плохом, об ожидаемом и одобряемом или наказуемом способе поведения.

Как можно видеть из приведенного выше определения, социологи определяют культуру, в первую очередь, с точки зрения ее функций в обществе. В различной литературе выделяется ряд функций культуры, которые помогают социальной системе адекватно функционировать и развиваться, однако с учетом тематики данной статьи особую

[1] *Кравченко А.И.* Культурология. М: Академический Проект, 2002. – 496 с.

[2] *Антинази А.* Энциклопедия социологии. М., 2009. [Электронный ресурс] http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/socio/index.htm (дата обращения: 23.02.2021).

важность представляют коммуникативная и регулятивная (также известная как нормативная) функции.

Коммуникативная функция культуры заключается в организации общения в рамках культуры, а также ее способности сохранять, передавать и распространять культурные ценности и архетипы поведения.

Регулятивная функция выражена, прежде всего, в системе норм, правил, ценностей, принятыми и разделяемыми в конкретном обществе. Благодаря подобной системе общество остается стабильным и гармоничным, а социальное поведение его членов – предсказуемым, то есть соответствующим социальным ожиданиям относительно конкретных ролей.

Одна из таких социальных ролей – это роль лидера в обществе. От политического лидера ожидается представление интересов широких масс людей, реализация политических требований, эффективная коммуникация с широким кругом людей. Имидж, в свою очередь, помогает лидеру реализовывать свою социальную роль.

Имидж лидера, прежде всего, служит для налаживания коммуникации с членами общества, но, вместе с тем, он базируется на ценностях, принятых в этом обществе, чтобы соответствовать его социальным ожиданиям. Таким образом, с одной стороны имидж связан с коммуникативной функцией культуры, а с другой – с регулятивной функцией.

Значение имиджа политического лидера в общественных отношениях сложно переоценить в силу того, что в информационном обществе имидж зачастую может являться единственным (или, по крайней мере, главным) источником информации относительно личностных, деловых, социальных и биографических качеств лидера. Он служит ресурсом формирования общественного мнения относительно лидера и формируется на основе его реальных, в том числе и культурных, ценностных, качеств.

Ценностные ориентации и культурная принадлежность лидера, которые он, преднамеренно или нет, транслирует в массы оказывают очень сильное влияние на готовый сформированный имидж, поскольку целевая аудитория может обладать схожими ценностями ориентациями, что улучшает восприятие имиджа. Именно поэтому при формировании имиджа политического лидера, в основу следует закладывать культурные ценности и нормы, характерные для представителей целевой аудитории.

Особо важен и тот факт, что стабильном информационном обществе важно, чтобы готовый имидж политического лидера обладал способностью к незначительным изменениям, если этого требует внезапные внутренние или внешние обстоятельства. имидж нуждается в целенаправленном построении, постоянной актуализации, дополнении, с помощью поверхностных социальных характеристик субъекта[1].

Но, вместе с тем, в стабильной социальной среде у грамотно построенного имиджа политического лидера обязательно должна быть прочная база, построенная на культурных ценностях, как самого субъекта формирования имиджа, так и целевой аудитории.

Одним из важнейших параметров изучения культурных ценностей является разделение культур на традиционно коллективистские и традиционно индивидуалистические. Данный параметр очень ярко проявляется в социальной жизни, и поэтому представляет большой интерес для исследователей кросс-культурной коммуникации.

Одним из таких исследователей стал голландский социолог Г. Хофстеде, который создал теорию культурных измерений. Данная теория была разработана в 70-х гг. прошлого столетия и направлена на изучение ценностных характеристик представителей различных культур. На основе теории культурных изменений можно выстроить ценностную картину мира представителя какой-либо культуры и составить представление о том, как эта картина мира повлияет на их поведение. Безусловно, остаются такие факторы влияния на поведение конкретного индивида, как семья, психика, социализация, биография и многие другие, но ценностные ориентации играют немалую роль.

Всего Г. Хофстеде выделял шесть типов культурных измерений, среди которых также присутствуют дистанция власти, маскулинность и феминность, избегание неопределенности, ориентация на будущее и индульгенция[2]. Однако место пара-

---

[1] *Курманина Т.С.* Понятие "медиаимидж" и его формирование с помощью СМИ у политических лидеров // Вестник науки и образования, 2017, № 8(32). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-mediaimidzh-i-ego-formirovanie-s-pomoschyu-smi-u-politicheskih-liderov (дата обращения: 24.02.2021).

[2] *Науменко Т.В., Морозова Д.А*. Теория межкультурных измерений Г. Хофстеде как методологическая основа исследования современных социальных процессов // Международный журнал исследований культуры, 2018, №1(30). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-mezhkulturnyh-izmereniy-g-hofstede-

метров коллективизма и индивидуализма в данной теории сложно переоценить. Этот параметр наиболее ярко из всех предложенных проявляется в социальной жизни. В основе этого измерения лежит фундаментальный вопрос различных социальных групп: роль индивида в сравнении с ролью группы[1].

Прежде, чем обращаться к описанию сущностных характеристик коллективизма и индивидуализма, стоит отметить, что Г. Хофстеде рассматривал эти параметры исключительно как социокультурные, а не политические несмотря на то, что они часто ассоциируются с политикой[2].

В индивидуалистических культурах предполагается, что человек будет в первую очередь заботиться о себе и собственных интересах, интересах собственной семьи и самых близких ему людей.

В коллективистских культурах, напротив, нормой полагается принадлежать через рождение или через социализацию к одной или нескольким крупным социальным группам, от которых индивид не может отделиться или отстраниться. Именно в группе происходит защита интересов индивидов, но, вместе с тем, интересы группы ставятся выше интересов отдельных ее членов[3].

Коллективистское общество тесно интегрировано, тогда как индивидуалистическое общество разобщено.

Иными словами, этот показатель раскрывает ту степень, с которой члены общества склонны образовывать группы и искать поддержку и защиту в рамках своей группы, а также отдавать ей приоритет по сравнению с собственными интересами.

Коллективизм и индивидуализм в различных культурах часто очень ярко представлен, и можно сказать однозначно, к какому типу культуры можно отнести ту или иную. Так к тра-

---

kak-metodologicheskaya-osnova-issledovaniya-sovremennyh-sotsialnyh-protsessov (дата обращения: 04.03.2021).

[1] *Hofstede G, Hofstede G.J., Minkov M*. Cultures and Organizations: Software for the Mind / Third Edition. N.Y.: McGRAW-HILL 2010, P. 90

[2] Культура как препятствие для демократизации [Электронный ресурс] URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/05/18/kultura-kak-prepyatstvie-dlya-demokratizatsii (дата обращения: 28.02.2021); *Hofstede G.* Cultural Differences in Teaching and Learning // International Journal of Intercultural Relations, Vol.10, Issue 3. Amsterdam: Elsevier Science Ltd., 1986.

[3] *Hofstede G*. Dimensionalizing cultures: The Hofstede model in context // Online readings in psychology and culture. 2011, т. 2, № 1.

дицонно индивидуалистическим странам относятся США, Великобритания, Канада, Австралия и другие.

В США, например, индивидуализм выражен в американском стремлении к «свободе и справедливости для всех». Общество является слабо сплоченным, в котором считается нормальным заботиться в первую очередь о себе и своих ближайших родственниках и самим нести за себя ответственность, не перекладывая ее на других. Суждения о человеке и решения относительно его основываются на заслугах или свидетельствах того, что человек сделал или может сделать. В подобных обществах члены исключительно индивидуалистические и закрытые. В основе понимания о счастье лежит личное удовлетворение[1].

Традиционно коллективистские общества мы, как правило, можем видеть в странах Азии. Тем самым, можно сказать, что коллективизм-индивидуализм коррелирует с цивилизационным противостоянием Востока и Запада. К коллективистским культурам можно отнести такие страны как Тайвань, Китай, Сингапур, Малайзия. Представители этих культур действуют в интересах группы, а не в собственных. Система идей внутри группы влияет на принятие решений, тогда как отношения в группах основаны на сотрудничестве, они демонстрируют холодность и неприятие по отношению к чужим. Личные отношения в таких обществах преобладают над практическими задачами группы. Внутригрупповая лояльность в подобной культуре имеет первостепенное значение и преобладает над большинством других социальных правил и положений. Такое общество формируется в идее крепких социальных уз, а ответственность за благополучие не индивидуальная, а групповая[2].

Особенности восприятия имиджа в зависимости от принятых в культуре норм индивидуализма и коллективизма имеют существенные отличия, поскольку данный параметр, как было сказано выше, очень ярко проявляется в общественной жизни.

В коллективистских обществах мы видим более предвзятое, строгое отношение к личности лидера, чем в индивидуалистических. Люди склонны возлагать бóльшую ответствен-

[1] Hofstede insights [Электронный ресурс] https://www.hofstede-insights.com/ (дата обращения 28.02.2021)

[2] Там же.

ность на лидера, так как он является главным представителем их социальной группы, которая представляет для них высокую ценность. Ошибки чаще всего не прощаются, поэтому имидж воспринимается более благоприятно, если он более строгий и традиционный, чем имидж лидера в индивидуалистических обществах. Иными словами, ценности, транслируемые и разделяемые лидером коллективистского общества, должны быть общегрупповыми, т. е. хорошо понятными для большинства его членов и разделяемыми ими.

Напротив, в индивидуалистических обществах мы можем видеть в лидерстве такие проявления как эксцентричность, яркость имиджа, его инновационность. Общество с большей вероятностью готово принимать уникальность личности лидера, ведь традиционные групповые ценности в таких обществах не так важны, как индивидуальность самого лидера. Хорошим примером такого имиджа послужил имидж Д. Трампа, лидера-бунтаря, независимого кандидата, со своими особенными целями[1], пришедшего к власти в тот период времени когда американское общество наиболее нуждалось в подобном лидере.

Имидж политического лидера не может быть абсолютно стабильным, он реформируется в зависимости от социальных изменений. Тем не менее, база имиджа остается неизменной, в ее основу заложены общечеловеческие ценности. Тогда как потенциально изменяемые составляющие можно выбирать исходя из национальных ценностей и норм, с одной стороны, и потребностей современного социума – с другой. В результате имидж получится адекватно воспринимаемым как на международной арене, так и внутри социума.

Различные показатели коллективизма и индивидуализма в обществе при формировании имиджа политического лидера серьезно влияют на конечный результат.

Коллективизм и индивидуализм в высокой степени предопределяет позитивность или негативность восприятия имиджа политического лидера, поскольку, будучи очень ярко выраженными в общественной жизни, быстро и легко считывается в образе поведения как лидеров, так и членов группы.

---

[1] *Давыборец Е.Н.* Имидж Дональда Трампа в президентской предвыборной кампании // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 2(41). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-donalda-trampa-v-prezidentskoy-predvybornoy-kampanii (дата обращения: 02.03.2021).

УДК 342.8
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51598

М.М. СИМОНОВА
кандидат социологических наук, доцент департамента психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации*

Анализ основных элементов ролевой теории общения в деятельности руководителя организации

Раскрывается роль делового общения в деятельности руководителя, проводится анализ элементов ролевой теории общения в деятельности руководителя организации.

Ключевые слова: *управление, взаимодействие, общение, роль, руководитель.*

M.M. SIMONOVA
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Federation

Analysis of the main elements of the role theory of communication in the activities of the head of the organization

The role of business communication in the activities of the head is revealed, the analysis of the elements of the role theory of communication in the activities of the head of the organization is given.

Keywords*: management, interaction, communication, role, leader.*

* Симонова Маргарита Михайловна, e-mail: MMSimonova@fa.ru

Организация эффективной системы управления в любой организации предполагает в первую очередь повышение личной культуры руководителя, как и трудового коллектива в целом.

Культура управления предполагает и соответствующий процесс общения руководителя и подчиненного, всех участников трудового процесса. Еще нередки попытки руководителя решать спорные вопросы не убеждением, а приказом. Это, как правило, приводит не только к неудаче, но и к созданию невидимой полосы отчуждения между руководителем и большей частью коллектива. Руководитель, вступающий с подчиненным в спор по непринципиальным вопросам, снижает уровень своего авторитета в коллективе. Требование совершенствования стиля и форм общения руководителя с подчиненным определяется необходимостью формирования сознательного отношения к выполняемой работе у каждого сотрудника, повышения производительности труда, творческого отношения к своим обязанностям. Осознанная производственная задача воплощается для каждого в конкретной цели, достижение которой становится внутренней потребностью, способствует формированию убеждений.

Известно, что управление деятельностью людей осуществляется на двух уровнях − институциональном и психологическом. В первом случае – это ориентация на формальную сторону организации трудового процесса, и человек здесь достаточно обезличен. Управление на этом уровне осуществляется по известной кибернетической схеме «стимул – реакция», где управляемый объект (человек, группа, коллектив) представляется в виде «черного ящика».

Психологический уровень управления предполагает ориентацию на поведенческие процессы, побуждающие людей к высокой активности, приводящие в движение их творческие силы, и требует согласования всех средств и методов управленческого воздействия с психологическими закономерностями людей. В основе любого вида управленческой деятельности лежит деловое общение. Ценность процесса общения зависит от конкретных условий, в которых оно осуществляется, от его содержания, направленности.

Культура взаимоотношений руководителя с подчиненными несовместима, например, с высокомерием, грубостью, жестким администрированием. В процессе общения руководитель должен уметь не только говорить, но и внимательно слушать

собеседника, стремиться понять его точку зрения, что повышает эффективность общения руководителя с подчиненными, способствует созданию комфортных условий для реализации трудового потенциала всего коллектива. В неформальных группах постоянно, иногда неосознанно, формируется общность взглядов, мнений и суждений, определяется ценностно-ориентационное единство. Поэтому руководителю важно знать лидеров неформальных групп, их взгляды, суждения по основным проблемам развития коллектива, уметь влиять на настроения неформальных групп, учитывать их мнения в повседневной работе, особенно при принятии управленческих решений. Воспитательный эффект процессов общения определяется в конечном итоге уровнем духовного и нравственного развития как руководителя, так и коллектива в целом. С повышением уровня духовного развития личности руководителя возрастают возможности его нравственно-психологического и общевоспитательного воздействия на подчиненных.

Как показывает опыт, у каждого руководителя имеются свои специфические трудности в организации процесса общения. Исходным условием целенаправленного управления своим поведением (что помогает увязывать свои возможности с предъявляемыми жизнью требованиями) является максимально точная оценка своих личностных качеств, осознание своих достоинств и недостатков в практике работы с людьми. Чем точнее человек оценивает причины своих трудностей и понимает свое поведение, тем быстрее он адаптируется в конкретном коллективе, преодолевает сложные в управленческом отношении ситуации.

Руководители не всегда способны оценивать свои личностные качества объективно, что затрудняет процесс совершенствования управления своим поведением. Условием формирования адекватной самооценки является анализ своего поведения с учетом положительных и отрицательных реакций других людей на те или иные их действия. Для лидера чрезвычайно важно стремиться к наиболее полному и глубокому пониманию значения таких реакций, источников и причин различного рода мнений о себе, которые формируются другими в ходе делового общения.

Получение реакции на выданную информацию есть обратная связь, представляющая собой важный момент процесса общения. Обратная связь помогает увидеть себя такими, какими нас видят другие, узнать, как воспринимают нас коллеги,

она необходима для обеспечения эффективного делового общения. Двустороннее взаимодействие, направленное на установление обратной связи между его участниками, снижает психологическую напряженность, уничтожает фрустрацию и непонимание. Отсутствие ее может быть причиной значительных нарушений, трудностей в процессах активного делового общения.

Для того чтобы обратная связь могла быть действительно эффективной, вступающие в общение должны быть сенситивны друг к другу и соблюдать определенные «правила игры». Эти "правила" касаются формы, в которой осуществляется обратная связь.

Нередко мы, высказывая мнение о других людях, прилагаем мало усилий к тому, чтобы оно было правильно понято теми, кого оно касается. Категоричные, безапелляционные, оценивающие замечания чаще всего воспринимаются каждым как нападение на личность и могут вызывать реакцию защиты и контрнаступление. Обратная связь в таких случаях не оказывает своего влияния и не дает должного эффекта. Напротив, любые усилия, способствующие взаимопониманию, формированию обстановки взаимной поддержки, свободного доверительного общения, открытого информационного обмена, увеличивают «открытую зону» каждого участника взаимодействия.

Для понимания других людей и выработки правильных решений в трудных ситуациях руководителю важно знать и учитывать положения ролевой теории общения. Эта теория сформировалась на базе знаний о регламентированности поведения человека в соответствии с занимаемым местом в обществе. Поэтому к каждой социальной позиции, которую занимает руководитель, предъявляются определенные требования.

Роль – это поведение, которое ожидается окружающими от каждого, кто занимает данную позицию в соответствии с суммой требований, ассоциируемых с этой позицией. Выполнять роль − это значит действовать согласно с тем, что определено социально закрепленными нормами, требованиями, ожиданиями.

Требования роли могут расходиться с желаниями человека. Невыполнение этих требований может вызвать конфликт с людьми, организациями, предъявляющими соответствующие этой роли требования, и повлечь за собой примене-

ние определенных социальных санкций по отношению к этому человеку.

В процессе взаимодействия с другими людьми личность действует в рамках разных ролей: социальных, внутригрупповых, межличностных и индивидуальных.

Личность в системе общественных отношений занимает определенное положение, в соответствии с которым на нее возлагаются определенные социальные функции. Социальная роль – это поведение, которого вправе ожидать от конкретного человека окружающие в связи с реализацией определенных социальных функций. Выполнять социальную роль означает делать то, что установлено законом и социальными нормами в данном месте и в данных обстоятельствах. Социальные роли различаются по характеру функций, выполняемых человеком в определенной позиции. Среди этих ролей можно выделить служебные (начальник, подчиненный, коллега по работе, партнёр); житейские (посетитель, сосед, гость, пассажир); семейные (родитель, ребенок, муж, жена, родственник, кормилец, иждивенец) и др.

Ролевые ожидания могут касаться не только нормативных, одобряемых форм поведения, но и неодобряемых, недопустимых для человека в данной социальной позиции. Вести себя в соответствии с такими ожиданиями – означает выполнять негативные роли (например, роли бюрократа, перестраховщика, кляузника и т.д.).

В ходе взаимодействия и общения между людьми помимо официальных, деловых и других социальных отношений складываются межличностные (человеческие) отношения, проявляющиеся в виде соответствующих межличностных ролей (друг, приятель, враг, недоброжелатель, подопечный, покровитель и др.).

Межличностная роль – это поведение, которое ожидается от нас другими согласно сложившимся отношениям. Межличностные роли распределяются в соответствии с реальными ситуациями, возникающими в процессе взаимодействия людей. После распределения ролей начинают складываться определенные привычки, традиции взаимоотношений и соответствующие ролевые ожидания. По мере изменения отношений чувства людей друг к другу могут измениться, в то время как установившиеся межличностные роли требуют соответствующего поведения (например, поздравление тех, с кем вы больше не хотите поддерживать отношения, улыбка, когда вы

этого не хотите, и т. д.). Когда отношения изменились в значительной степени, может произойти перераспределение ролей. Так, недоброжелатель может стать приятелем, а подчиненный – покровителем.

Социальные и межличностные роли часто выполняются одновременно и могут соответствовать или противоречить друг другу (например, руководитель-покровитель или руководитель-недоброжелатель).

Одной из важнейших задач руководителя в работе с людьми (деловое общение) является управление коллективной деятельностью, движущей силой которого выступает умение распознавать в конкретной обстановке специфические социально-психологические закономерности, действующие в группе, позитивные и негативные внутригрупповые роли. В процессе совместной деятельности внутри группы происходит распределение таких ролей, как лидер, соперник, последователь, союзник. Внутригрупповая роль – это поведение, которого ожидают от человека члены группы, к которой он принадлежит, в соответствии с его приобретенной репутацией (мнение, которое формируется в отношении него в соответствии с выполняемыми функциями). Если человек в группе играет роль последователя, он не сможет действовать как арбитр, пока не произойдет резкое изменение ситуации и разрушение существующих отношений.

Группа, как правило, состоит из людей с разными интересами, способностями и потребностями, но при реализации общих групповых целей она должна функционировать как единое целое. Это требует приложения специальных усилий, направленных на организацию эффективной совместной деятельности, а, следовательно, и необходимости исполнения ее членами соответствующих групповых ролей.

Рациональная организация коллективного труда требует дифференциации членов группы по функциям, выполняемым в ходе совместной работы, по характеру задач, решаемых работниками в процессе реализации общей для группы программы деятельности. Эти функции определяют функционально-деловые внутригрупповые роли.

В длительно существующих коллективах происходит процесс специализации их членов по выполняемым функциям. Однако в конкретных ситуациях любая роль может выполняться и другими членами группы. Кроме того, одни и те же члены группы могут выполнять несколько ролей, хотя и с

неодинаковой эффективностью. Специализация по функциональным ролям обеспечивает лучшие возможности для реализации личных мотивов работников благодаря передаче части менее привлекательных для данного сотрудника функций другим. Так, «генератор идей» освобождается от необходимости поиска и хранения в памяти значительного количества информации, что осуществляется в основном «эрудитом». Как правило, носители взаимодополняющих ролей (например, «критик» и «генератор») находятся в более доброжелательных отношениях, оценивают друг друга гораздо выше по личным качествам, чем носители дублирующих друг друга ролей. В процессе совместной деятельности люди обычно не осознают коллективного характера получаемых ими решений, приписывая их тому, кто сформулировал окончательный вариант, без учета значения подсказок, полученных им от «генератора», «критика», «эрудита», «совершенствователя» и др.

Проанализировав ролевую структуру группы, руководитель может вносить в нее определенные изменения, создавая более благоприятные условия для успешной совместной деятельности.

Группа, как правило, функционирует как одно целое не только в деловом, но и в эмоционально-психологическом отношении. В ходе совместной деятельности происходит дифференциация ролей, которые в совокупности должны обеспечивать в необходимой мере благоприятные психологические взаимоотношения, поддерживать интерес к группе, формировать у ее членов направленность на общие цели. Эти роли занимают важное, хотя и подчиненное по отношению к функционально-социальным ролям положение в процессе совместной работы.

В практике коллективной деятельности различаются следующие социально-экономические роли: поощеритель; гармонизатор; согласователь; коммуникатор; последователь; выразитель норм».

Члены группы, стремящиеся к достижению индивидуальных целей независимо или даже вопреки основным целям группы, препятствуют эффективной совместной деятельности, являются источником возникновения в группе климата недоверия, вызывают у других сотрудников, первоначально увлеченных совместной работой, стремление защитить свои идеи и личные интересы, выполняя таким образом негативные роли в процессе функционирования груп-

пы. К этим ролям относятся: «агрессор», «блокирующий», «ищущий признания», «повеса», «беспомощный», «доминатор», «представитель».

Возникновение подобных типов поведения свидетельствует о неблагополучии в коллективе и требует серьезного анализа со стороны руководителя. Причина появления подобных типов поведения кроется в неудачно выбранных или неправильно определенных групповых задачах, неверно подобранном составе группы или в самом стиле руководства.

Помимо перечисленных выше ролей порою выделяют также индивидуальные роли. Это те роли, которые стали для человека постоянными и привычными. Индивидуальная роль – это поведение, которое человек ожидает от себя при различных обстоятельствах в соответствии со сложившимся у него образом «Я», определяющим форму его приспособления к окружающей среде. Индивидуальные роли чрезвычайно многообразны и проявляются в самых различных областях повседневного и делового общения. Причем некоторые из этих ролей проявляются у человека на протяжении всей жизни. Главным критерием выявления индивидуальной роли выступают повторяемость и постоянство определенного типа поведения в различных по содержанию объективных условиях общения с разными людьми.

Любому современному руководителю в зависимости от конкретной ситуации приходится исполнять разнообразные роли. По мере повышения его статуса изменяются характер и число видов взаимосвязей, в которые он вступает. Руководитель выполняет требования разных ролей внутри и вне организации, он может быть в одних официальным представителем, в других – председателем комиссии, в третьих – лицом подотчетным и т.д.

В каждом трудовом коллективе основная роль руководителя может быть дополнена целым списком ролей. Так, во взаимоотношениях с подчиненными руководитель может исполнять следующие роли:

– «организатор», «лидер», «инструктор»;

– «оценщик», «критик», «судья», «контролер», «надсмотрщик»;

– «наставник», «воспитатель», «опекун»;

– «информатор», «докладчик», «оратор»;

– «собеседник», «слушатель», «доброжелатель», «утешитель»;

– «консультант», «специалист», «эксперт».

Помимо перечисленных социальных ролей руководитель может исполнять и ряд других (например, наблюдателя, исследователя и пр.). Кроме того, непосредственно в своем трудовом коллективе он исполняет различные межличностные, групповые и индивидуальные роли. Каждому руководителю следует знать не только содержание своих ролей, но и то, насколько на практике они будут соответствовать ожиданиям подчиненных. Для этого важно постоянно оценивать выполнение аналогичных ролей другими лицами, что дает возможность увидеть иную трактовку предписаний роли. Не следует думать, что какая-либо роль остается неизменной на протяжении долгого времени и всегда выполняется полностью. Руководителю необходимо делать определенные усилия для подготовки к выполнению вновь возникающих ролей, систематически анализировать сложившиеся ролевые отношения, чтобы увидеть нет ли в них изменений, с тем чтобы понять, почему одни роли исчезают, а другие появляются. Нужно уметь анализировать роли, которые играют партнеры по деловому общению, причины, по которым актуализируется в данной ситуации делового общения именно эта, а не иная роль.

УДК 32.019.5
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51620

Л.Б. МОСКВИН
доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН*

О новых явлениях в современном сетевом социуме и их влиянии на взаимоотношения власти и общества в России

В статье рассматриваются новые явления в ходе развития сетевой структуры России, которые содействуют развитию общества или затрудняют, сдерживают или даже подрывают его настоящее и будущее. В этой связи актуализировалась проблема борьбы с пандемией коронавируса и создания такого нового направления научного знания, как «инфекционная безопасность».

***Ключевые слова**: сетевое общество, политические отношения, социальная сфера, инфекционная безопасность.*

L.B. MOSKVIN
Doctor of History, Professor, Chief researcher, Institute of sociology, FCTAS RAS

About new phenomena in the modern network society and their impact on the relationship between government and society in Russia

* Москвин Лев Борисович, e-mail: m_moskvina@mail.ru

The article examines new phenomena in the course of the development of the network structure of Russia, which contribute to the development of society or hinder, restrain or even undermine its present and future. In this regard, the problem of combating the coronavirus pandemic and creating such a new area of scientific knowledge as "infectious safety" was updated.

***Keywords**:* network society, political relations, social sphere, infectious safety.

Изучая особенности развития сетевого общества, необходимо обращать внимание и делать выводы не только на основе положительных факторов его развития, но и тех, которые негативным образом влияют на условия жизни россиян. Иначе говоря, важно чётко представлять себе, какие новые явления содействуют развитию общества или затрудняют, сдерживают или даже подрывают его настоящее и будущее.

Наибольшее воздействие на все сферы жизни нашей страны и практически всех других стран мира в течение последнего года сыграл такой невиданный и коварный враг, как пандемия коронавирусной инфекции. Сначала казалось, что это, хотя и крайне опасное, но временное явление. Эти прогнозы, к сожалению, не оправдались. В настоящее время положение осложняется ещё и тем, что в ходе борьбы с этим злом, как подчеркивает главный эпидемиолог Министерства здравоохранения РФ Николай Брико, обнаружилось, что существует уже несколько десятков видов этой болезни и продолжают появляться всё новые и новые, до сих пор неизвестные её варианты[1]. Реальность показала, что, к сожалению, всемирная пандемия 2020 г. это не кратковременное явление и что мир не может вернуться в прежнее положение.

Как известно, пандемия коронавирусной инфекции уже нанесла серьезный урон всему социально-экономическому и иному развитию России, негативно отразившись и на уровне жизни её населения. Если в последние годы бюджет нашей страны был профицитным, то теперь в связи с огромными затратами на преодоление последствий пандемии он стал дефицитным и вряд ли сможет в скором времени вновь достичь своего прежнего уровня. По данным Росстата, из-за пандемии значительно снизились реальные располагаемые доходы россиян. По итогам января-сентября 2020 г. они

[1] Мир пенсионера, 2020, 31 августа, с. 4.

уменьшились на 4,3%; в данном случае речь идет о денежных доходах за минусом обязательных платежей (налоги, поборы, проценты по кредитам), корректируемых на инфляцию. Причем расширились очаги бедности из-за роста цен в стране на продукты и товары первой необходимости. Увеличилось число безработных до 4,8 млн человек, и заметно сократился средний класс.

Учитывая, что в ходе пандемии условия жизни большинства населения значительно осложнились, правительство РФ предприняло ряд мер по поддержке, прежде всего, граждан, находящихся в зоне бедности. Так, например, в начале 2021 г. был издан указ президента РФ о сокращении к 2024 г. уровня бедности в стране вдвое с учетом переноса срока завершения национальных целей с 2024 г. до 2030-го, что, естественно, можно расценить как справедливые меры, предпринятые властью. Речь идет о проведении максимально продуманной и эффективной государственной социальной политике, целенаправленной системе проводимых государством мероприятий по поддержке наименее обеспеченных граждан, на повышение их уровня жизни. Адресная социальная помощь в России – это важный инструмент по справедливому выравниванию доходов; который второй год пребывает в режиме трансформации и изменения, корректировки по требованию времени.

Одновременно декларируемые меры по поощрению или созданию благоприятных условий для обогащения весьма ограниченного круга привилегированной части населения страны представляются необоснованными, ничем не ограниченной благотворительностью на государственном уровне за счет общего бюджета. И это уже не имеет никакого отношения к справедливому выравниванию доходов между различными слоями населения, а лишь ведет к углублению пропасти между ними. Разве не об этом неоднократно говорил президент РФ, рекомендуя представителям наиболее богатых элитных семей отказаться от сверхприбыли и сверхпотребления и призывая их к разумной достаточности. Однако пока эти призывы не возымели каких-либо практических последствий.

Характеризуя масштабы неравенства доходов различных слоев населения в нашей стране и его размеры в сравнении с некоторыми ведущими странами мира, академик РАН Абел Аганбегян приводит следующие данные: 10% населения Рос-

сии, а это меньше 15 млн. человек, имеют среднедушевой доход в месяц 120 тыс. рублей и владеют большей половиной сбережений и частной собственности, т.е. 50% всех богатств страны. Для сравнения: в Германии и других европейских странах, а также в США – 10 % богатого населения владеют вдвое меньшей долей богатств, а в Китае – втрое меньшей.

Отметим также, что в отличие от многих других стран, в России существует своеобразная бедность, которую называют *«бедностью работающего населения»*, чей заработок на 2020 г. всё ещё остаётся на уровне минимальной оплаты труда – 2013 рублей. Всё возрастающее неравенство в доходах различных слоёв населения в нашей стране и невозможности использования многих плодов современной цивилизации людям, находящимся в зоне бедности, ведёт к серьёзному росту социальной напряженности.

Таким образом, несмотря на предпринятые властями России в ходе пандемии конкретные действия по поддержке наиболее экономически уязвимых слоев населения, в стране продолжают развиваться и обостряться процессы неравенства. В этой связи в 2020 г. правительством РФ был одобрен проект одного из самых значимых изменений в системе социальной поддержки – коррекции принципа установления прожиточного минимума и МРОТ. Согласно этому проекту, в 2021 г. предлагается отказаться от расчета прожиточного минимума (ПМ) как статистической стоимости корзины потребления и определить его как часть (44,2%) среднедушевого дохода.

Переход от «карточной системы» расчета прожиточного минимума к общемировому стандарту обойдется в 2021 г. в 125 млрд рублей дополнительных расходов, а в 2025 г. – в 429 млрд. Это и должно, по мнению специалистов, привести к уменьшению неравенства доходов между различными слоями населения России. «В целом переход к относительной линии бедности, устанавливаемой в долях от медианного душевого дохода – это правильный путь, – отмечает проректор Высшей школы экономики Лилия Овчарова. – Такой подход соответствует мировой практике определения порога бедности на основе соотнесения с преобладающим стандартом потребления»[1]. Причем, как подчеркивает известный экономист Дмитрий Бутрин, социальный смысл

[1] См.: *Юдина М.А*. Влияние цифровизации на современное неравенство // Социологические исследования, 2020, № 1, с. 97-108.

установления минимального размера оплаты труда – защита наиболее уязвленных, низко оплачиваемых групп работников. Таким образом, увязка МРОТ с медианной заработной платой, которая растет более быстрыми темпами, чем стоимость потребительской корзины, будет «подтягивать зарплату уязвимых категорий работников»[1].

Внедрение в различные сферы современной жизни новых цифровых платформ и создание соответствующего инструментария для их использования потребовали больших финансовых и материальных затрат. Соответственно, производимые в результате новейших достижений науки и техники товары будут по очень высоким розничным ценам и явно не могут быть доступны широким слоям населения. Многие российские семьи не имеют в доме даже компьютера, а если и имеют, но в семье несколько детей, то возникают сложности в дистанционном образовании. И как следствие – неизбежное обострение чувства социальной несправедливости.

Представляется также целесообразным обратить внимание на то влияние, которое оказала пандемия коронавируса на сферу народного и профессионального образования. Как известно, был заметно ускорен в этой связи процесс перехода к дистанционному обучению. Окончательного научно обоснованного мнения о достоинствах и недостатках такой модели образования пока нет; рассматриваются самые различные и противоречивые подходы. Но, так или иначе, стало очевидным, что возникло значительно больше возможностей для получения знаний в отдаленных районах страны.

Тем не менее из нашей привычной жизни практически ушло живое общение преподавателей со своими учениками. Кроме того, многим детям на «удалёнке» сложно учиться самостоятельно и постоянно сидеть дома. С одной стороны, как отмечают специалисты, с развитием современных технологий приобрести знания становится всё легче, с другой – заметно снижается интерес к элементарному чтению книг и бумажных средств массовой информации. Согласно проведенному в 2019 г. опросу ВЦИОМ, только 53% россиян читают в настоящее время книги[2]. Сегодня люди не просто стали меньше читать, они почти отучились читать серьезные

[1] *Бутрин Д.* Настройка бедности // Коммерсантъ, 2020, 24 сентября, с. 1-2.

[2] *Дегтярева А.* Беспокойный век: обучение и цифровой метод // Знание-сила, 2020, № 4, с. 29.

книги. И это сразу сказалось на уровне мышления, на языке. Современная литература тоже значительно упростилась, прежде всего по языку. А ведь это в литературе самое главное!

Исследования показывают, что постепенно дети, проводившие около двух часов около экрана, стали получать более низкие оценки по языковым тестам и снизили способность рассуждать. К тому же выяснилось, что при оценке некоторых детей, которые проводят много времени с гаджетами, было зафиксировано преждевременное истончение коры головного мозга. Иначе говоря, активное распространение цифровых услуг приводит к созданию новой реальности, распространению «нечеловеческого» взаимодействия.

В этом контексте заслуживает внимания высказывание известной писательницы Дины Рубиной о том, как и в какой мере в современном сетевом обществе изменились интересы и даже физиология людей; поменялся не только способ человеческого общения, меняется на наших глазах способ мышления, восприятия реальности. Сознание людей приобретает «клиповость». Автор отмечает, что раньше читатель сам выбирал для себя информацию о мире, книге. Теперь же на смену ему приходит читатель, погруженный в ежедневные «вулканические извержения Интернета».

В своей книге «Одинокий пишущий человек» Д. Рубина пишет: «Он, конечно, гениально ориентируется в виртуальном мире, не подозревая, что уже нуждается в психологической помощи, ибо лишился главного: он уже не способен надолго остаться наедине с собой, своим миром, своими мыслями. Сознание его расфокусировано, ненасытно, требует все более частых информационных и прочих «доз», которые Интернет услужливо впрыскивает в его мозг. <…> К тому же, Интернет, пока не обжит запахами и ветрами, тебе для картины летнего полдня в маленьком городке нужны как раз запахи, звуки, глубина синего неба, и чье-то детство, напоенное всем этим нектаром жизни. <…> И я поняла, что искусство, к сожалению, никогда не сможет поменять живую жизнь»[1].

Однако это отнюдь не означает отрицания возможности и необходимости использования новейших достижений науки и техники для приобщения граждан к плодам современной

[1] См.: *Рубина Д.* Одинокий пишущий человек. М., 2020, с. 227-228, 276, 341.

цивилизации. Даже когда пандемия, в конце концов, завершится, всем нам – и учащимся, и родителям, и большой армии преподавателей, – нравится новая система образования или нет, придется приспосабливаться к ней. Так, к примеру, в октябре 2020 г. сотрудники компании Кремниевой долины пожаловались на «удалёнку»; большинство опрошенных (68%) заявило, что чувствуют себя более измотанными, чем до начала пандемии во время работы в офисе. Большая часть таких респондентов оказалась среди сотрудников Facebook – 83% и Google – 79%. Среди появившихся на «удалёнке» проблем участники опроса назвали трудности найти баланс между работой, личной жизнью и усталостью от видеоотчетов. Кроме того, многие отметили, что на «удалёнке» они работают дольше.

Что касается влияния пандемии на работу театров и других культурных заведений, то, по словам режиссера Марка Розовского, «театр вообще не может существовать на удаленном общении со зрителем». Выступающие на сцене артисты должны чувствовать реакцию зала, видеть глаза зрителей и соответственно на это реагировать. В кино своя специфика – там такого взаимодействия нет. В спортивной сфере с трудом стали привыкать к выступлениям на пустых стадионах, так как в обычных условиях спортсмены выступают не только для себя, но и для зрителей.

***

Коронавирусная пандемия, поразившая современный мир, привела к таким негативным социально-экономическим, политическим, правовым, духовным и морально-этическим пос-ледствиям, что до сих пор с трудом просматриваются какие-либо компенсирующие факторы, которые могли бы в ближайшее время вывести экономику и социальную сферу многих государств на траекторию устойчивого роста. А без умножения человеческого капитала весьма проблематично и, больше того, невозможно добиться успешного социально-экономического и иного развития общества.

При решении Россией этой задачи нельзя не учитывать, какой урон нашей экономике и материальному положению большинства населения страны нанесли и продолжают наносить санкции ведущих стран Запада. В ходе выступления на Гайдаровском экономическом форуме основной владелец «Северстали и силовых машин» Алексей Морда-

шев рассказал, почему экономическая изоляция приводит к катастрофическим последствиям. «Если завтра, – заявил он, – прекратится внешнеэкономическая деятельность, то национальная экономика сожмется раза в два. Мы просто физически встанем. А отказ от импорта многих товаров, таких, как автомобили, продукты питания и информационные услуги, нанесет по российским потребителям тяжелейший удар»[1]. По данным швейцарского банка Credit Swisse, только в первом полугодии 2020 г. благосостояние россиян сократилось почти на 11% в долларовом выражении. И это, естественно не могло не отразиться на их покупательной способности[2].

Информационное агентство Интерфакс в начале января 2021 г. опубликовало последние данные Росстата о численности населения России, из которых видно, что оно впервые за 15 лет сократилось более чем на 0,5 млн человек и составило 146 млн 238 тыс 185 человек[3]. Смертность населения с января по ноябрь 2020 г., по данным Росстата, из-за падения рождаемости и пандемии оказалась максимальной за десятилетие – 1,8 млн человек.

Другим фактором, серьезно обострившим социальную напряженность в стране, стало вступление в силу новой пенсионной реформы. Это оказалось большой неожиданностью для нашего народа, поскольку в ходе её обсуждения руководство страны заверяло россиян, что правительство не допустит увеличения срока выхода граждан на пенсию. Тем не менее пенсионная реформа, которая непосредственно затрагивает интересы представителей практически всех возрастных категорий населения, вступило в силу. В результате обеспечить благополучные условия жизни в старости стало значительно сложней, чем в прежние времена. Всё это также не могло не вызвать серьёзное недовольство миллионов граждан, особенно предпенсионного возраста.

Учитывая реально осложнившееся социально-экономическое положение в нашей стране, неизмеримо возросло значение проблемы усовершенствования и повышения эффективности социальной политики России. В условиях перехода России от либерально-монетаристской к государст-

[1] Коммерсантъ, 2020, 11 ноября.
[2] Там же.
[3] Информационное агентство «Интерфакс», 2021, 28 января.

венно-капиталистической экономике, от целевой её модели и всей структуры занятости к цифровой, особое значение приобретает фактор дальнейшего развития социальной сферы, введение безлюдных технологий и вытеснение огромного числа людей из процесса производства. Это неминуемо приведёт к расширению состава и радикализации протестного движения в стране.

Чтобы не довести напряженную социально-экономическую ситуацию до точки кипения и точки невозврата, реально чреватых тяжелыми для страны последствиями, особое значение приобрела такая важная задача, как выявление реальной границы, за пределами которой мирные до последнего времени настроения масс могут стихийно привести к непредсказуемым последствиям. Таким образом, логично было бы оценивать политику находящихся у власти правительства с точки зрения социальной ответственности перед обществом. Ибо отказ от принятия каких-либо конкретных мер против снижения реальных доходов граждан может при достижении определенной степени недовольства населения, привести к тому, что её скрытые проявления приведут к открытой форме протеста[1].

В связи с этим особое значение приобретает вопрос не только о политической и экономической, но и о *социальной безопасности* России как об одной из важнейших составляющих её государственной безопасности. Социальная безопасность – это совокупность мер по защите интересов народа, семьи и отдельной личности в социальной сфере от внутренних и внешних угроз, а также развитие социальной структуры, социальных отношений в обществе. Только таким образом при успешном развитии экономики, медицины, культуры и образования можно удовлетворить потребности граждан, обеспечить достойное качество их жизни и создать условия для разностороннего развития личности и оздоровления общества.

При оценке всего комплекса проблем, связанных с политическими, экономическими и иными преобразованиями в России, в том числе процессами цифровизации, приоритетным должен быть их анализ не только с позиции новейших

[1] См.: *Шульц Э.* Социальный протест как фактор дестабилизации политической системы современной России // Политем. Политическая перспектива, 2017, № 4, с. 110-115.

достижений науки и техники, но и с учётом их социальных последствий для миллионов людей. Политику находящихся у власти правительств необходимо оценивать прежде всего с точки зрения их социальной ответственности перед обществом, придерживаясь традиционных принципов провозглашенной Конституцией РФ социального государства.

В целом ряде стран Запада в таких целях создают особые научные и практические государственные организации, которые специально занимаются определением так называемой *«национальной социальной сетки безопасности»,* и они после тщательного анализа представляют правительствам своих стран достоверную информацию для своевременного реагирования на чрезвычайную ситуацию. Дело в том, что проблемы с пандемией, начавшись в одной стране, тут же становятся аналогичными в других странах. А граждане любого другого государства, где бы они ни находились, не могут не опасаться заразиться коронавирусом сами и завезти эту болезнь в свою страну.

В условиях пандемии, когда большинство стран мира закрыли свои границы, особое значение для России приобретает проблема организации защиты наших граждан от различных вариантов дальнейшего проникновения к нам этой болезни. И если в ближайшее время не случится нечто более невероятное, то 2021 г. также пройдет под знаком борьбы с коронавирусом, его разновидностями и последствиями. Как считают специалисты, для того, чтобы настал коллективный иммунитет, нужно привить 60% населения, включая тех, кто уже переболел – около 11-12% населения. Осталось еще 50%, которые должны переболеть либо привиться.

Поскольку пандемия, судя по масштабам её распространения, закончится еще не скоро, то людям придется научиться разумно сосуществовать с этим злом. В дальнейшем многое будет зависеть от того, насколько эффективно станет действовать вакцинация, особенно в связи с тем, что продолжают появляться всё новые типы вируса Covid-19. Речь идет о предотвращении на территории нашего государства эпидемий и о создании *«системы инфекционной безопасности»,* которая должна стать важной составной частью всей государственной безопасности в целом, а также новой областью научных исследований в сфере международной безопасности с учетом мирового опыта. Ибо «у человечества

объявился новый коварный и безжалостный противник – Covid-19, и бороться с ним лучше сообща»[1].

В этом контексте, отвечая на вопрос, чего же, в конце концов, стало больше от развития социальных сетей и других новейших технологий – пользы или вреда, при всей противоречивости развития этих процессов, представляется, что пользы, несомненно, больше, но при условии проведения ответственной компенсирующей социальной политики властей. Только такую, разумно сбалансированную, справедливую политику в сетевом социуме граждане нашей страны воспримут с пониманием.

[1] См.: *Антонов В.* Бактериологическая мировая // Слово, 2021, 15, 28 января, с. 11.

УДК 316.334.22
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51624

О.М. МИХАЙЛЕНОК
доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН*

Л.В. МАКУШИНА
кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН**

Сетевизация сферы труда – как «новая нормальность»

Сфера занятости и социально-трудовых отношений стремительно переходит к сетевым структурам организации и управления, зачастую оказываясь вне традиционных социальных структур. При этом, с одной стороны, существенно возрастают возможности и мобильность человека труда, а с другой – появляются риски превращения его в прекариат. Важнейшая проблема – как будут строиться отношения между субъектами социально-трудовых отношений в системе трипартизма в условиях сетевизации.

***Ключевые слова**: сетевизация; проблемы занятости; сетевые объединения; профсоюзы; трипартизм.*

O.M. MIHAJLENOK
Doctor of Political Science, Professor, Head of Department of Research on the socio-political Relations Center of politics and political sociology of the Institute of Sociology FRSC RAS

L.V. MAKUSHINA
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher on the socio-political relations Centre of politics and political sociology of the Institute of Sociology FRSC RAS

* Михайленок Олег Михайлович, e-mail: m-oleg-m@yandex.ru
** Макушина Лариса Викторовна, e-mail: maklav2006@yandex.ru

Networkization of the labor sphere as a "new normal"

The sphere of employment and social and labor relations is rapidly moving to network structures of organization and management, often finding itself outside of traditional social structures. At the same time, on the one hand, the opportunities and mobility of a working person increase significantly, and on the other, there are risks of turning him into a precariat. The most important problem is how the relations between the subjects of social and labor relations will be built in the system of tripartism under the conditions of networkization.

Keywords: *networkization; employment problems; network associations; unions; tripartism.*

Одним из мегатрендов развития общества рубежа XX-XXI вв. стал его переход от вертикальных, иерархических структур организации и управления к горизонтальным, сетевым. Сетевое – это то сообщество «которое создается вокруг персональных и организационных сетей. Они в свою очередь поддерживаются цифровыми сетями и осуществляют коммуникацию посредством Интернета и компьютерных сетей»[1]. В России невиданное ускорение эти процессы получили в последнее время в связи с так называемым «коронакризисом». И, как представляется, больше всего они затронули сферу занятости и социально-трудовых отношений. Едва ли не единственным препятствием для быстрого и окончательного перехода к сетевому взаимодействию здесь оказалась проблема контроля над работником и его работой в условиях дистанционной занятости. Но преодоление этого препятствия скорее всего – вопрос времени, так как в сетевых организациях эффективность достигается не благодаря тотальному контролю, а через всемерное повышение результативности труда работника.

На наших глазах вследствие цифро-сетевизации происходят радикальные изменения в экономике, политике, меняется сфера труда – она перемещается в сети, зачастую оказываясь вне традиционных социальных структур.

[1] Интернет и культура свободы. Фрагмент книги М. Кастельса «Власть коммуникации» URL: https://iq.hse.ru/news/364238205.html – 09.03.2021мент книги «Власть

Объективно повышаются требования к самому работнику: его квалификации, уровню не только его профессиональных компетенций (hard skills), но и очень важных надпрофессиональных компетенций (soft skills), таких как управленческие и коммуникативные навыки (в том числе нетворкинг), эмоциональный интеллект. При этом в топ самых востребованных попадают навыки удаленной работы (в первую очередь, самоорганизация, таймменеджмент).

В обществе начинает меняться отношение к работе как постоянному, жестко регламентированному занятию. Выступая на Международной конференции труда МОТ в Женеве в июне 2019 г. – почти за год до «коронакризиса», Д. Медведев (бывший тогда премьер-министром РФ) заявил, что наше время требует новых подходов, в том числе к таким базовым в сфере труда понятиям, как рабочий день и рабочее место. Приобретают актуальность гибкие графики и дистанционные форматы работы, создаются нетворкинги и коворкинги. Более гибкими становятся процедуры найма, делопроизводства и т.д. По оценке политика, те системы мотивации работников, которые были эффективны раньше, абсолютно не годятся для нового времени. И чтобы не столкнуться с фундаментальным недовольством работников, бизнесу уже сейчас необходимо перестраиваться под новые требования и условия[1].

Таким образом при сетевой организации возможности и трудовая мобильность человека существенно увеличиваются, возрастает «гибкость» занятости. Вместе с тем появляются риски превращения «гибкой» занятости в «нестабильную». В условиях современного кризиса предприниматели все чаще практикуют использование таких форм привлечения рабочей силы, как оформление работников на проектную работу, а не в штат; увеличение доли работающих по временным контрактам; оформление работника не по трудовому договору, а по договору гражданско-правового характера; привлечение самозанятых и прочее. По сути это не что иное, как формы занятости, характерные для прекариата, со всеми

[1] *Юлия Рыженкова*. Премьер-министр РФ выступил за дебюрократизацию трудовых отношений. Центральная профсоюзная газета «Солидарность» ©11 июня 2019. URL: https://www.solidarnost.org/news/premer-ministr-vystypil-za-deburokratizaciu.html – 09.03.2021

вытекающими из этого негативными последствиями для работника.

За время самоизоляции и ограничений в экономике, связанных с эпидемией, количество россиян, работающих удаленно, в сети увеличилось более чем в сто раз. При этом после кризиса выразили готовность перейти на фриланс 65% жителей страны, тогда как до кризиса таких было 72%. В ходе опроса пятая часть респондентов заявили, что от перехода на работу вне штата их удерживают отсутствие пенсионных отчислений и невозможность получать государственные выплаты в старости. Кроме того, только 17% опрошенных рассчитывают на стабильный доход от работы на фрилансе, остальные ответили, что не смогут прогнозировать величину своего месячного заработка[1].

В условиях сетевизации социально-трудовых отношений объективно необходима их основательная дебюрократизация. Профсоюзы в принципе согласны с тем, что от чрезмерной бюрократии действительно нужно отказываться, однако предостерегают, что это может привести к нарушению работодателями норм трудового законодательства, ухудшению ситуации с охраной и условиями труда, а в целом – к снижению качества трудовой жизни. Сейчас уже обозначился кризис системы социального страхования, которая в основном базируется на стандартной и стабильной занятости. Поэтому профсоюзы настаивают на том, что нельзя допускать излишней «гибкости» в сфере социально-трудовых отношений. Минимизировать эти риски позволило бы движение государства в сторону предоставления больших возможностей организациям работников, профсоюзам для участия в партисипативном управлении на предприятии.

Развитие новых форм занятости и обучения, прежде всего дистанционных, создаёт потенциал для серьезных и долговременных изменений на рынке труда, в сфере образования и переквалификации. Поэтому для массового и активного внедрения этого формата работы важно максимально защитить права людей в соответствии с законом. Как представляется, речь здесь должна идти о социальной за-

[1] *Владислав Гордеев*. В пандемию россияне изменили отношение к переходу на фриланс. 06.11.2020. URL: https://www.rbc.ru/society/06/11/2020/5fa4559f9a7947a635a5ec7c?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop - 09.03.2021.

щите человека в плане возможностей изменяться, а не о защите определенного места человека в традиционной системе трудовых отношений. А пока на рынке труда чувствуют себя уверенно только 15% россиян.

Удаленная работа сказывается на сотрудниках российских компаний по-разному, однако при опросе оказалось, что почти половина респондентов на первое место среди ее последствий поставили падение мотивации к продуктивному труду (опрос проводился среди сотрудников и руководителей малого и среднего бизнеса)[1]. Так называемый синдром профессионального эмоционального выгорания обнаруживается у большинства работающих во всем мире. Вследствие чего, например, четверть семейных мужчин в России заявили о готовности вообще оставить работу и стать «домохозяинами»[2]. ВОЗ даже обозначила Burnout-Syndrom как заболевание, которое характеризуется нарастающим эмоциональным истощением человека.

Научно-технический прогресс не всегда сопровождается прогрессом социальным. Появляются многие технологии, вытесняющие человека из экономической сферы. Представители бизнеса говорят об использовании сетевых технологий как инструменте повышения эффективности для компании и о стимуле работать «на результат» для работника. Но в реальности технологические новинки зачастую внедряются не столько для того, чтобы облегчить людям труд или заменить работника, сколько для усиления контроля над работниками, ужесточения ритма их труда. Поэтому многие начинают противиться нововведениям, возникает опасность появления неолуддизма в наши дни.

Потеря рабочих мест из-за использования ИТ, робототехники и блокчейна неизбежна. Весь вопрос в том, что будут делать люди, лишенные работы и дохода. Экономика может достичь такого уровня, чтобы содержать «лишних» людей, платить им за изоляцию от общества. Но опыт Европы показывает, что люди, которые не «зарабатывают», а

---

[1] *Владислав Гордеев*. Почти половина работников в России заявили о падении мотивации.02.02.2021. URL:https://www.rbc.ru/society/02/02/2021/60145d409a794772770ed336?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop)– 09.03.2021.

[2] Четверть женатых мужчин в России заявили о готовности стать «домохозяинами».17.11.2020. URL: https://iz.ru/1087816/2020-11-17/chetvert-zhenatykh-muzhchin-v-rossii-zaiavili-o-gotovnosti-stat-domokhoziainami - 09.03.2021.

живут на пособия (в том числе и на «безусловный базовый доход»), становятся источником социальной и криминальной напряженности в быту и обществе в целом.

Сегодня для решения посткризисных проблем рынка труда российские политики рассматривают три основных направления:

– проведение активной политики государства; – развитие системы социальной защиты; – адаптацию системы трипартизма к новым условиям. Особые надежды возлагаются на социальный диалог (положение о нем внесено в поправки в Конституцию). Основными задачами в сфере социально-трудовых отношений становятся: сохранение трудовых коллективов; регламентация новых форматов занятости, предупреждение социальной изоляции работников. Однако пока трудно представить, как будет реализовываться система трипартизма в ее теперешнем виде в условиях нарастания процессов сетевизации.

Важнейшими вопросами в условиях сетевизации социально-трудовых отношений в современном обществе остаются следующие: как будут организованы работники в условиях сетевизации? Как будут строиться отношения между сторонами социально-трудовых отношений (СТО)? Проблема в том, что традиционно социальный диалог в сфере СТО предполагает взаимодействие формально организованных наемных работников, бизнеса и государства. Но сейчас постоянно увеличивается доля «нестабильно занятых» – а это огромная неструктурированная группа людей. Если они ad hoc объединяются, то получают реальную возможность заявлять о своих правах и требовать их исполнения. И первые примеры подобной партисипативной демократии уже есть: в июне 2020 г. в социальной сети «ВКонтакте» организовалась группа «Курьер», созданная левыми активистами, которые решили заняться проблемами около 300 курьеров Delivery Club. А уже в начале июля прошла их первая уличная акция: московские курьеры объявили бессрочную забастовку из-за невыплаты зарплат. При этом в другой сетевой организации «Союз курьеров России», созданной за год до этого,

посчитали, что происходящее похоже на «пиар на чужих проблемах», и что можно было бы обойтись без забастовок[1].

Подобные сетевые объединения отвергают принципы социального партнерства с бизнесом и государством: заключение коллективных трудовых договоров, соблюдение законов при организации забастовок. Предполагается, что трудящиеся, участвуя в забастовочном движении, развивают у себя навыки самоорганизации. При этом вместо коллективных договоров (как атрибута системы взаимоотношений между наемными работниками и работодателем) используются временные соглашения. В этом случае бастующие вновь приступают к работе только после того, как их требования выполнены, а на себя при этом не берут никаких обязательств перед руководством предприятия. Политологи отмечают, что в России только зарождается то рабочее движение, которое реально способно отстаивать коллективные интересы работников различных организаций, при этом радикальность действий профессиональных сообществ зависит от того, насколько эффективным будет их взаимодействие с другими субъектами социально-трудовых отношений.

Неоднозначно складываются отношения между новым и старым рабочим движением. Современные сетевые профессиональные объединения и протестные движения, как правило, считают традиционные профсоюзы рудиментом индустриальной эпохи. Вместе с тем можно наблюдать и противоположную тенденцию, когда они (в первую очередь это «желтые жилеты») начинают рассматривать профсоюзы, с их авторитетом и опытом защиты коллективных интересов и прав трудящихся, в качестве своего стратегического партнера. Это происходит в тех случаях, когда речь идет о политических проблемах: критике капиталистической системы и негативных последствий глобализации, поиске цивилизованного, нереволюционного отказа от капиталистического способа производства и других.

Традиционные профсоюзы во всем мире, стремясь соответствовать духу времени, расширяют сферу своих интересов, которые теперь выходят за рамки чисто «цеховых»,

[1] *Роман Кирьянов, Анастасия Скрынникова, Евгений Калюков*. Профсоюз сообщил о забастовке курьеров Delivery Club. 07.07.2020. URL:https://www.rbc.ru/society/07/07/2020/5f048c0a9a79478e576333f7 – 09.03.2021.

экономических. Создаются новые организации, защищающие права работников; увеличивается число участников социально-трудовых отношений за счет организаций гражданского общества, системы трипартизм-плюс и т.д. Некоторые профсоюзы (в их числе крупнейший профсоюз металлургов Германии IG-Metall) берут на себя заботу по защите прав прекариата, а канадский профсоюз почтовых работников, например, уже несколько лет во главу угла ставит проблемы климата. В сферу интересов профсоюзов наряду с критикой капиталистической системы отношений начинают входить проблемы классовых противоречий, сексизма, шовинизма и другие[1].

Возникают новые партии, которые декларируют в своих программах защиту прав людей труда. В России это, например партия «Новые люди» – российская правоцентриская политическая партия, образованная в Москве в марте 2020 года. Ее цель (по информации электронных СМИ) – «переориентировать государство с заботы о чиновниках на службу гражданам». Партия рассматривает в качестве своей социальной базы самозанятых, а также представителей малого бизнеса. Значимой частью партийной позиции является обновление и актуализация систем управления и политических институтов[2].

Российский бизнес (в лице РСПП) также заявляет о своем активном участии в разработке Общенационального плана восстановления экономики страны. Речь, в частности, идет об ускорении цифровизации бизнес-процессов, использовании современных технологий социального инвестирования, более широком применении новых форм занятости и образования, включая удаленную работу, дистанционное обучение. Чтобы содействовать устойчивому развитию России в новых экономических условиях, используются все новые подходы к организации бизнеса. Так в ноябре 2020 г. состоялся online-форум «Сильные идеи для нового времени» (предполагается, что он будет проводиться регулярно). Его соорганизаторами выступили Агентство стратегических

[1] *Friederike Habermann*. Gewerkschaft als transformative Kraft. Rosa Luxemburg Stiftung. Mai 2020. URL: https://www.rosalux.de/publikation/id/42351/gewerkschaft-als-transformative-kraft?cHash=02066aebd9667df34169b97f8b9edb8a 09.03.2021.

[2] *Михаил Тульский* "Новые люди" в политике. Будут ли они лучше старых? // Независимая газета. 8.08.2020.URL: https://www.ng.ru/vision/2020-08-28/100_155328082020.html - 09.03.2021.

инициатив (АСИ) и Фонд Росконгресс. Задачи Форума – сформировать сообщества инициативных людей, способных генерировать сильные идеи, которые могут воплотиться в реальные стартапы. Все это может создать возможности для перезагрузки экономики и социальной сферы, выработать технологическую стратегию развития страны, а также организовать команды, готовые приступить к реализации как своих идей и проектов, так и использованию существующих эффективных практик[1].

Претерпевает изменения и система социального партнерства. С 2020 г. в России началась работа над формированием новых модулей к программе «Инновационные механизмы социального партнерства» (этот проект реализуется при поддержке комитета общественных связей и молодежной политики правительства Москвы). Пандемия позволяет «обкатать удаленку» как в работе, так и в обучении, показать важность создания социальных сетей в сфере социально-трудовых отношений, которые, как считают разработчики программы, должны остаться и после пандемии.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что процессы, связанные с глобальной цифро-сетевизацией, либо будут способствовать формированию новой культуры свободы и благополучию населения или, наоборот, увеличат и без того рекордный уровень неравенства и нестабильности. А решение этой проблемы – вопрос политический. Мобильный образ жизни современного работника приводит к тому, что стираются межкультурные и национальные границы между народами и странами. «Цифровые кочевники», становятся в некотором смысле космополитами. Они, как правило, индифферентны по отношению к специфическим национальным чертам других народов, их традициям и образу жизни. Социологи отмечают, что главный признак цифрового кочевника – это не познание мира, а постоянное подключение к сети и отсутствие привязки к определенной локации. Для них важен не сам факт передвижения по миру, а наличие такой возможности.

Вместе с тем, несмотря на стремительный процесс глобализации, мир не становится единым. Изменения в разных странах зачастую представляют собой разнонаправленный

[1] Online-форум «Сильные идеи для нового времени».11.11.2020. URL: https://ideasforum.ru/) - 09.03.2021.

адаптивный процесс. В национальных государствах сохраняются различные исторически сложившиеся институциональные системы и малоподвижные социальные структуры. Они создают свои паттерны общественных проблем, которые требуют различных институциональных стратегий управления. В конце мая 2020 г. в Лейпциге прошел крупный международный конгресс, на котором обсуждались проблемы «глобальной солидарности». Представители самых разных движений, политики, ученые, деятели культуры дискутировали на тему, как мог бы выглядеть «новый интернационал»? Интерес к этой проблеме объясняется тем, что во многих странах активизируются право-националистические движения, возникают авторитарные режимы. Левые пытаются противостоять этим вызовам, в том числе и борясь за права трудящихся[1].

В этом контексте «новый интернационал» подразумевает глобальную интеграцию демократических сил «снизу», практику политического действия, которое в большей степени нацелено не на государственность, а на транснациональную солидарность. Речь при этом может идти об основах самоорганизации социума. При ней становится возможной колоссальная по масштабам координационная деятельность без создания официальных иерархических структур, осуществления бюрократических формальностей. На их место приходят сетевые сообщества с возможностями быстрой мобилизационной деятельности. Все это и дает возможность сформировать транснациональное сетевое движение.

[1] Globale Solidaritaet. Maldextra International 2020. URL: https://www.rosa-lux.de/fileadmin/rls_uploads/pdfs/maldekstra/Maldekstra__spezial_deutsch_neu.pdf

УДК 327
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51623

А.В. ГАЛУХИН
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории и философии
Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова*

Тень кибервойны в фокусе геополитического метанарратива

С учетом современных геополитических тенденций раскрывается актуальное значение проактивного и реактивного подходов, применяемых в рамках стратегии обеспечения информа.-ционного суверенитета и противодействия кибернетическим угрозам, возрастающим в условиях гибридных войн нового поколения. Определяются содержательные моменты трансформации концепта войны, отражающие сложную топологию современных конфликтов и возрастающее значение информационного и когнитивного противоборства.

Ключевые слова*: геополитика, информационная безопасность, кибернетическая война, экспертный дискурс, стратегические приоритеты.*

A.V. GALUKHIN
PhD in Philosophy, Associate Professor,
Department of history and philosophy,
Plekhanov Russian University of Economics,

The shadow of cyberwar in the focus of the geopolitical metanarrative

Taking into account the prevailing geopolitical trends, the author demonstrates the value of the proactive and reactive approaches used within the strategy of protecting information sovereignty and countering cyber threats that are increasing in the context of contemporary hybrid wars. Substantive transformation of the concept of war is revealed as

* Галухин Андрей Владимирович, e-mail: mystolbard@gmail.com

reflecting the complex topology of modern conflicts and the increasing power of information and cognitive confrontation.

***Keywords**: geopolitics, information security, cyber warfare, expert discourse, strategic priorities.*

Понимание роли информационных технологий в деле развития стратегического потенциала и защиты национальной критической инфраструктуры стало мощным стимулом *планирования политики информационной и кибернетической безопасности России*. Концепция *информационной и кибернетической безопасности* реформируется и восполняется актуальным содержанием под воздействием нескольких взаимосвязанных факторов, которые учитываются при реализации как ***проактивного,*** *так и* ***реактивного*** подходов к развитию системы противодействия информационно-кибернетическим угрозам в рамках общей стратегии обеспечения национальной безопасности и управления геополитическими рисками.

ПРОАКТИВНЫЙ ПОДХОД. Для формирования концепции безопасности в информационной области принципиально значимо выработка системы превентивных мер на основе распознания и восприятия актуальных ***угроз нового типа***, возникающих вследствие развития современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Современные информационно-коммуникационные технологии могут применяться для *достижения различных целей*, некоторые из которых могут быть несовместимы с условиями формирования безопасного информационного пространства и защиты национального суверенитета:

(а) для разработки *новых видов оружия*, осуществления нелегальной разведывательной деятельности, технического обеспечения функций оперативно-тактической координации и управления в условиях реальной конфронтации;

(б) для подготовки и осуществления *актов «кибернетической агрессии»,* направленной против жизненно важных объектов военной и гражданской инфраструктуры («кибернетическая война» и «кибер-терроризм»),

(в) для *социально-информационного воздействия*, трансформирующего когнитивные установки потенциального противника («информационная война»), на основе комбинации кибернетического, информационного и оперативного противоборства образуется сложная мозаика гибридной войны.

Так, на основе статистических данных, представленных на сайте http://www.internetworldstats.com, группа европейских экспертов составила *рейтинг стран, отражающий для каждой страны уровень возможностей нерегулируемого проникновения извне посредством сети Internet.*

Индекс уязвимости для различных стран определялся на основе ряда показателей:

- количество пользователей сети Internet, отражающее уровень зависимости общества от ИКТ, специфически – уровень вовлеченности в киберпространство, который коррелирует с уровнем чувствительности к кибератакам;
- уровень экономического и технологического развития страны, а также уровень политической и экономической открытости по отношению к миру;
- наличие потенциальных целей или точек входа в национальные сегменты сети Internet;
- наличие развитых систем информационной защиты и безопасности, поддерживаемых на уровне государства и частных корпораций;
- уровень информационно-технологической грамотности населения.

Группировка стран по индексу уязвимости

Страны распределяются по группам, выделяемым на основе индекса уязвимости (ИУ), отражающего уровень возможностей нерегулируемого проникновения извне посредством сети Internet, определяемый коррелятивно процентными показателям вовлеченности национальной инфраструктуры в киберпространство[1].

- G1: ИУ между 80 и 100%
- G2: ИУ между 60 и 79%;
- G3: ИУ между 40 и 59%;
- G4: ИУ между 20 и 39%
- G5: ИУ между 10 и 19%;
- G6: ИУ между 1 и 9%;
- G7: ИУ менее 1%.

В группу 1 и 2 входят государства, которые способны эффективно защищать себя в информационно-кибернетическом пространстве и действовать наступательно, применяя

[1] *Ventre Daniel.* Cyberconflict: Stakes of Power. In: Cyberwar and information warfare. Edited by Daniel Ventre. ISTE Ltd and John Wiley & Sons, Inc. 2011, pp.164-165.

информационные технологии в условиях конфронтации (США, некоторые государства Евросоюза, Австралия).

В группы 3 и 4 входят страны, в которых интенсивно развиваются и массово распространяются информационные технологии, но система информационной безопасности также находится в процессе формирования (например, Китай, позиции которого тяготеют к уровню групп 1 и 2).

Согласно оценкам западных экспертов, **по уровню развитости систем защиты Россия занимает промежуточное положение между группами 3 и 4**.

В России функции информационной и компьютерной безопасности выполняются различными службами (Спецсвязь ФСО России; СВР России; ФСТЭК России; Роскомнадзор и ряд других служб). Актуальной является проблема координации деятельности специальных служб и адаптации их к новым условиям, требующим обновления и развития доктрины информационной безопасности РФ.

Развитие систем информационно-сетевой безопасности предполагает оценку потенциальных угроз, начиная с ***угрозы несанкционированного проникновения и использования информационных ресурсов*** *российского сегмента сети Internet* в рамках

- криминальной активности;
- подготовки террористических актов;
- ведения нелегальной разведывательной деятельности;
- осуществления информационного воздействия и кибернетической агрессии, направленной на жизненно важные объекты инфраструктуры.

В рамках ***проактивного подхода*** стратегия *защиты информации и критической инфраструктуры* с каждым годом наполняется новым содержанием. Актуальным примером является принятие т. н. «*закона о создании и совершенствовании суверенной системы управления российским сегментом сети "Интернет"*», вступившего в силу 1 ноября 2019 г.. Этот нормативно-правовой акт вносит изменения в федеральный закон «О связи» и федеральный закон «Об Информации». Принятие этого закона является результатом *оценки рисков и проработки сценариев защиты суверенитета в информационной сфере* на случай дальнейшего

ухудшения внешнеполитических отношений между Россией и западными партнерами и стратегическими противниками[1].

РЕАКТИВНЫЙ ПОДХОД. Обновление концепции информационной безопасности России осуществляется в порядке развертывания инициатив и практических решений, которые формируются как симметричный ответ на реализацию политики в области информационной борьбы и кибернетической безопасности в США и в ряде стран Западной Европы. Выделение и усиление реактивного вектора политики в области национальной безопасности все чаще воспринимается экспертами сфере международных отношений как признак наступления новой волны идеологически мотивированного геополитического противостояния.

Легализация международного информационного противоборства в «Национальной киберстратегии США»

В сентябре 2018 г. в США была официально принята Национальная киберстратегия («National Cyber Strategy of The United States of America»), выделявшая в качестве приоритетов государственной политики обеспечение безопасности и распространение американского влияния в области киберпространства. В этом документе именно Россия и Китай, а также Иран и Северная Корея квалифицируются в качестве «стратегических противников» («*strategic adversaries*»), от которых исходит спектр не только потенциальных, но и реальных кибернетических угроз, наносящих урон интересам безопасности, обороны, экономического развития и социального благополучия в США. В частности, Россия, Иран и Северная Корея откровенно обвиняются в совершении «дерзких кибератак» и использовании незаконных средств противодействия американским национальным интересам и интересам партнеров и союзников США, а Китай – в осуществлении экономического шпионажа и краже интеллектуальной собственности. Соответственно, декларируется необходимость принятия защитных мер, развертыва-

[1] Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О связи" и Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации". URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201905010025?index=0&rangeSize=1 [дата обращения 01.04.2021]

ния упреждающих инициатив и определения мер возмездия для «предотвращения будущей киберагрессии со стороны стратегических противников, государств-изгоев, террористических групп и криминальных сообществ»[1].

Представление России как стратегического противника, использующего те же инструменты, что и агенты криминалитета, преследующие преступные цели, несет определенные идеологические коннотации (отнесение России к категории «государств-изгоев») и является эффективным приемом систематической информационной войны.

Информационная война всегда ведется ради достижения комбинированных целей: одни цели относятся к категории внутриполитических установок (информационное воздействие на общество в целях идеологической интеграции и мобилизации), другие – к категории стратегических ориентаций, отражающих понимания геополитических интересов государства.

Утверждение новой стратегической ориентации на систематическую разработку средств противодействия кибернетическим угрозам вполне естественно может восприниматься стратегическими противниками США как открытая фаза мобилизации информационных, технологических, организационных и экономических ресурсов, которые могут эффективно использоваться не только для обеспечения безопасности национальной инфраструктуры, но и для превентивных оперативных действий и операций возмездия (формула «отражать и наказывать»), которые выходят за рамки целенаправленной активности киберпространстве и подходят для решения конкретных оперативно-тактических задач в условиях эскалации реального конфликта.

Экспертный дискурс как расширение информационного противоборства

Некоторые представители американского экспертного сообщества стереотипно воспроизводят представления, укоренившиеся со времен стратегического противостояния больших геополитических блоков периода Холодной войны: возлагая на Россию ответственность за инициирование и прове-

[1] National Cyber Strategy of The United States of America. URL: https://www.dni.gov/files/NCSC/documents/supplychain/20190328-National-Cyber-Strategy-Sep2018.pdf [дата обращения 01.04.2021].

дение кибернетических атак на Эстонию в 2007 г. и Грузию в 2008 г., а также эксплуатируя мифологему использования информационных технологий для вмешательства в политический процессы в США в 2016 г. ("*Russiagate*") и в других странах, политически ангажированные американские эксперты усматривают в этом акты репетиции стратегического действия Российского государства и высказывают предположение, что «Россия приберегла свое кибернетическое оружие для ситуации, когда оно действительно понадобится, а именно – в конфликте, в который непосредственно будут вовлечены НАТО и США»[1]. Следует заметить, что в структуре НАТО действуют 15 оперативных центров, включающих объединение киберзащиты («cyber-defence cooperative» (CCDCOE)).

Российские дипломаты и аналитики систематически предупреждают западных партнеров о том, что выстраивание геополитического дискурса в парадигме стратегем Холодной войны является делом бесперспективным и может иметь деструктивные последствия не только для развития межгосударственных отношений, но и для системы международной безопасности в целом. Для оптимизации международных отношений и рационализации внешней политики государства в рамках грамотного менеджмента геополитических рисков актуальным является *взаимный отказ от предустановленных парадигм восприятия стратегических противников* и разработка *методов и техник альтернативно-многофакторного анализа*[2], которые позволили бы критически пересматривать предвзятые аналитические установки, прорабатывать альтернативные сценарии и реалистично оценивать риски геополитических решений. Даже западные эксперты признают, что в ряде случаев восприятие намерений других государств на основе информации, которая получена по различным каналам, включая внешнюю разведку, может быть тенденциозным и радикально ошибочным, так было при использовании ложных разведывательных данных относительно уровня развития военных технологий и запасов ОМП в Ираке, что послужило фактором

[1] *Clarke R., Knake R.* Cyber War: The Next Threat to National Security and What to do About It. Ecco, USA, 2010, p.18.

[2] *George R.Z.* Fixing the Problem of Analytical Mindsets: Alternative Analysis // International Journal of Intelligence and Counterintelligence. 2004, №17, p. 385-404.

формальной легитимизации вторжения в эту страну, дестабилизировавшего обстановку в целом регионе.

Другие эксперты, проанализировав Доктрину информационной безопасности РФ (в современной версии эта доктрина утверждена Указом Президента РФ № 646 от 05.12.2016), отметили моменты концептуального сходства этого документа с американским документом «Электронная Борьба» (“Electronic Warfare”) 2012 года в той части, где речь идет о защите информации, обеспечении безопасности критической инфраструктуры и принятии комплексных мер для предотвращения или нейтрализации действий потенциальных противников, которые могли бы использовать технические средства и информационные технологии в целях, несовместимых с интересами национальной безопасности. Так, например, К. Гильс утверждает, что тематика потенциальных кибератак обсуждается в России преимущественно в контексте развития системы *оборонительных инициатив*, направленных на обеспечение информационной безопасности – государственной, общественной и личной[1]. Озабоченность проблемами кибербезопасности возрастает пропорционально признанию уязвимости информационно-сетевой инфраструктуры России, зависимости функционирования ряда социальных и экономических институтов от зарубежных технологий и сравнительно невысоким уровнем внедрения отечественных разработок в этой области[2].

Информационная безопасность в перспективе войн нового поколения

Существенное обновление Доктрины информационной безопасности РФ (с момента принятия ее первой версии в 2000 г.) свидетельствуют о том, что в России на государственном уровне актуально оформилось сознание реальных кибернетических угроз, которые исходят не только от международных преступных сообществ, экстремистских групп и террористических организаций, но и от государств – геополитических конкурентов, усиливающих разведывательную

[1] *Giles K*. Information Troops – A Russian Cyber Command? In: C. Czosseck, E. Tyugu and T. Wingfield (eds). Proceedings of the 3rd International Conference on Cyber Conflict. Tallinn: Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence, 2004. p. 47.

[2] *Anderson J*. The HUMINT Offensive from Putin’s Chekist State // International Journal of Intelligence and Counterintelligence, 2007. 20, p. 267.

деятельность, наращивающих информационное воздействие, развивающих технологии, которые могут быть использованы в военно-политических целях – в войне нового («четвертого», как полагал У.С. Линд) поколения.

Войны нового поколения относится к категории *гибридных войн*[1], которые имеют несколько измерений:

- традиционное *оперативно-тактическое* измерение (планирование и осуществление операций с применением кинетического оружия, «conventional warfare» в терминологии западных аналитиков);

- *информационное* измерение (не только информационное воздействие на аудиторию противника, т.е. информационная борьба, но и борьба за информационные ресурсы, которые можно использовать для обеспечения и легитимизации военной политики);

- *технологическое* измерение (использование современных военных и компьютерных технологий, включая кибернетическое оружие, – “cybernetic warfare”);

- *социально-сетевое* измерение (использование оперативных и стратегических социально-сетевых ресурсов, «сетевая война», – “netfare”).

Термин «гибридная война» не является термином формального языка официальных документов, но имеет семантические эквиваленты, примером которых может быть термин «Операции полного спектра» (“Full Spectrum Operations”), используемый Департментом Обороны США в рамках «Стратегия действий в информационной среде» (документ этот также представлен в открытом доступе на сайте ДО США).

Современная трансформация концепта войны

Определение средств оперативно-тактического взаимодействия и выбор стратегии и тактики поведения в условиях локальных конфликтов в значительной согласуются с объективно логикой развития таких процессов как глобализация, модернизация, технологический прогресс и формирование информационно-сетевого общества.

[1] *Williamson M, Mansoor P.(eds.)* Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present, Cambridge University Press, Cambridge, 2012.

В современных условиях ***трансформируется само понятие войны***:

- военная конфронтация осуществляется преимущественно в формате топологически дифференциированных конфликтов и характеризуется большой асимметрией военно-политических потенциалов, которая имеет тенденцию к топологической трансформации;
- конфронтация может начинаться с единичного конфликта и разворачиваться посредством серии локальных операций, имеющих как моноцентрическую (единый центр планирования и управления), так и полицентрическую координацию;
- возрастают подвижность и дискретность линий и форм соприкосновения с противником (использование дистанционного управления), при этом усложняется проблема идентификации самого противника (например, проблема атрибуции источника военного или информационного воздействия);
- военное противостояние осуществляется как в физически реальном пространстве, так и в информационном поле и предполагает также использование возможностей и ресурсов, заложенных в структуре кибернетического пространства;
- военный конфликт имеет комплексное информационное сопровождение, средствами масс-медиа и социомедийной коммуникации создаются когнитивные и идеологические установки, определяющие восприятие;
- военные действия ведутся использование высоких технологий, характерных для эпохи информационного общества, специально разработанных или адаптированных для военных целей;
- фактором успеха является комбинация альтернативных видов вооружения (кинетического и кибернетического оружия), а также применение различных тактических приемов и способов оперативного воздействия на противника в реальном и виртуальном пространствах.

Проблема квалификации кибернетических угроз.

С одной стороны, кибернетическое оружие относится к классу ***нелетального оружия***: основной целью применения оружия несмертельного действия является *нейтрализация* противника. В ситуации реального военного конфликта такое

оружие может применяться в дополнение к летальному оружию, чтобы ослабить и дезорганизовать противника, ввергнуть его в ситуацию возрастающих рисков, обусловленных повышением асимметричности силового противоборства.

С другой стороны, действия, в которых используется кибернетическое оружие, т.е. кибератаки могут квалифицироваться как *акты военной агрессии*, если они осуществляются при непосредственном участии или под патронажем враждебных государств и направлены на *разрушение критической информационной и иной инфраструктуры*, необходимой для функционирования системы государственного управления, обеспечения общественной безопасности и оперативного развертывания вооруженных сил; при этом следствия таких актов агрессии могут иметь *крайне деструктивный характер* и оборачиваться реальными угрозами для жизни людей.

Таким образом, *кибернетическое оружие*

- допускает *как индивидуальное, так и групповое использование* при наличии минимально достаточной квалификации;
- *широкий спектр дистрибутивных возможностей* и, как следствие, относительно открытый доступ и более широкое распространение (посредством ИКТ), чем обычное оружие;
- *невысокие финансовые затраты* на разработку (сравнительно с другими видами оружия);
- производит *массовый сбой систем* (аналог массового поражения) и другие эффекты на инфраструктурном, программном и когнитивном уровнях;
- не *является непосредственно смертоносным*, но в исключительных случаях применение КО может иметь *последствия*, в спектре которых возрастает опасность для жизни.

Эффективность использования КО пропорциональна объему реальных трудностей в плане отслеживания вредоносной кибернетической активности, определения источника и предотвращения потенциального деструктивного воздействия:

(1) *снимаются физические – пространственные ограничения, которые значимы в случае применения традиционных видов кинетического оружия*: в случае кибернетической атаки удар может быть нанесен из любой точки пространства

в любую другую точку пространства, находящуюся в сфере действия информационных технологий;

(2) кибернетические атаки могут *начаться в любое время* (фактор неожиданности), развиваться *стремительно* и *интенсивно*, что имеет два следствия:

(а) сокращается спектр возможностей проведения расследования и сбора информации для оценки возможного ущерба (*хронологическая диффузия*: реальная последовательность событий является скрытой);

(б) вследствие размытости системы временных координат сокращается спектр возможностей *своевременной* реакции в виде эффективных ответных действий, т.е. *хронологическая диффузия* ослабляет оборонительный потенциал;

(3) *кибернетические атаки могут исходить из разных источников, намеренно скрытых, но связанных в сеть*, что затрудняет идентификацию агрессора и его локализацию; кибернетический агрессор использует *криптографические схемы* и средства *виртуального менеджмента* идентичности для того, чтобы маскироваться и выдавать себя за другого, подставляя другого под удар.

Исходя из того, что имеются условия, при которых кибератаки могут расцениваться как акты военной агрессии, ***понятие кибернетической войны*** *может быть непустым, т.е. иметь вполне определенное содержание*.

Понятие кибернетической войны

Одно из первых определений понятия кибернетической войны дано в статье Арквилла и Рондфельда 1993 г. «Грядет кибервойна!» (“Cyberwar is Coming!”): «Кибервойна означает проведение или подготовку к проведению военных операций в соответствии с принципами информационного воздействия. Речь идет о целенаправленном нарушении работы или разрушении информационных и коммуникационных систем, включающих также элементы военной культуры (“military culture”), на которой основываются знания противника… Кибервойна включает, таким образом, информационную борьбу, в основе которой – стремление добыть максимальные знания о противнике, препятствуя ему в достижении

знания о нас…»[1]. В представлении Арквилла и Рондфельда кибервойна – это война знаний. Основной целью является достижение преимущества в обладании информацией и знанием, которое может быть трансформировано в реальной преимущество над противником. Данное определение выходит за рамки *техноцентрической концепции* и трактует *кибервойну* как специфическое выражение информационной войны, усиливая значение *когнитивного аспекта* оперативных и стратегических действий.

В своем выступлении на тему «Стратегическая культура России в условиях информационных войн: проблемы кибернетической безопасности», которое состоялось в рамках работы Всероссийского круглого стола «Россия в изменяющемся мире: вызовы, опасности, угрозы и противодействие им», проходившего в Военной Академии Генерального Штаба Вооруженных Сил Российской Федерации 28 ноября 2019 г., я предложил следующее определение понятия кибернетической войны: *Кибернетическая война в широком смысле – это информационная война с применением кибернетических сил и средств (компьютерных технологий), которая предполагает планомерное и организованное осуществление системы специальных операций – действий разведывательного, оборонительного или наступательного (например, кибернетические атаки) характера, обеспечивающих оперативно-тактическое преимущество посредством воздействия на информационные системы и объекты критической инфраструктуры противника и опосредствующих достижение стратегически значимых целей традиционной войны*.

В официальном военно-политическом лексиконе понятие кибернетической войны практически не используется, поскольку в содержание его не входят явные признаки тех ситуаций, которые подпадают под традиционное понятие войны. Между тем, понятием кибернетической войны активно оперируют при обсуждении *сценариев будущих конфликтов*, когда имеется в виду дополнительное измерение военной конфронтации, которое определяется активными действиями и системным противоборством в информационном поле и киберпространстве.

---

[1] *J. Arquilla and D. Ronfeldt*. Cyberwar Is Coming! // Comparative Strategy, 1993, № 12/2, p.141-65.

Понятие кибернетической войны выполняет, таким образом, инструментальную роль, – посредством этого понятия описывается *спектр возможностей усиления оборонительной мощи и обеспечения стратегического и тактического преимущества за счет применения информационных технологий, входящих в арсенал альтернативных средств воздействия на потенциального противника, которые могут быть использованы как на стадии подготовки, так и в условиях реальной военно-политической конфронтации*[1].

Кибербезопасность является важнейшим аспектом национальной безопасности, поэтому для противодействия и предотвращения кибернетической активности, которая может нанести ущерб интересам личности, общества и государства, одного использования технических средств и механизмов контроля и защиты информации недостаточно, ***необходима интеграция различных потенциалов***, включая проведение систематической разведывательной деятельности, профилактическое применение правоохранительных инструментов, использование медийных и социально-сетевых ресурсов, задействование рычагов финансово-экономического влияния, налаживание международного сотрудничества в области информационной и кибернетической безопасности[2].

[1] *Richard J.* Cyber-War: The Anatomy of the Global Security Threat. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014, pp. 23-25.

[2] См., напр.: Заседание Совета Безопасности 26 марта 2021 года. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/65231 [дата обращения: 01.04.2021

УДК 32.019.5
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51599

Е.В. БРОДОВСКАЯ
доктор политических наук, профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ, научный руководитель Лаборатории аналитики больших данных ВОФ молодых политологов «Дигория 2020» [*]

В.А. ЛИФАНОВА
магистр политологии, стажёр Лаборатории аналитики больших данных ВОФ молодых политологов «Дигория 2020» [**]

В.А. ЛУКУШИН
студент Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ, стажёр Лаборатории аналитики больших данных ВОФ молодых политологов «Дигория 2020»

М.С. СЕМЕНОВА
студент Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, стажёр Лаборатории аналитики больших данных ВОФ молодых политологов «Дигория 2020»

Цифровые инфраструктуры традиционных и новых российских политических партий: масштаб и функциональность (2020)[1]

[*] Бродовская Елена Викторовна *(e-mail: brodovskaya@inbox.ru)*
[**] Лифанова Виктория Александровна *(e-mail: viktoriyalifanova@yandex.ru)*
[1] (Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31407 «Интернет-коммуникации российских политических партий: масштаб, содержание и динамика информационных потоков в социальных медиа»)

В статье представлены результаты прикладного исследования цифровых инфраструктур российских политических партий в марте-октябре 2020 г. На основе применения социально-медийной аналитики и когнитивного картирования определены особенности организации и управления партийными онлайн-ресурсами (официальные сайты, цифровые сообщества и представительства в социальных медиа), зафиксированы различия в процессе выстраивания цифровых инфраструктур между традиционными парламентскими партиями и новыми партийными проектами.

***Ключевые слова**: цифровые инфраструктуры, политические партии, цифровые коммуникации, цифровая среда, цифровые сообщества, социальные медиа, информационные потоки.*

E.V. BRODOVSKAYA
Doctor of Political Science, Professor of the Department of Political Science of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Scientific Director of the Laboratory of the Laboratory of Big Data Analytics of «Digoria 2020» Scientific Forum

V.A. LIFANOVA
Master of Political Science, intern of the Laboratory of Big Data Analytics of «Digoria 2020» Scientific Forum

V.A. LUKUSHIN
Student of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, intern of the Laboratory of Big Data Analytics of «Digoria 2020» Scientific Forum

M.S. SEMENOVA
Student of the Institute of History and International Relations, Chernyshevsky Saratov State University, intern of the Laboratory of Big Data Analytics of «Digoria 2020» Scientific Forum

Digital infrastructures of traditional and new russian political parties: scale and functionality (2020)

The article presents the results of an applied study of the digital infrastructures of Russian political parties in March – October 2020. Based on the use of social media analysis and cognitive mapping, the features of the organization and management of party online resources

(official sites, digital communities and agencies in social media) are revealed, differences in the process of building digital infrastructures between traditional parliamentary parties and new party projects were recorded.

***Keywords**: digital infrastructures, political parties, digital communications, digital environment, digital communities, social media, information flows.*

Введение. Увеличение роли онлайн-платформ и расширение масштабов цифровых коммуникаций приводят к проникновению социальных медиа в политическую сферу. Почти 60% мировых Интернет-пользователей в 2019 г. утверждали, что социальные медиа улучшили их доступ к информации и облегчили процесс повседневной коммуникации[1]. Современные политические партии активно используют цифровые сервисы не только в качестве средства оповещения граждан и поддержания необходимого информационного фона, но и для вовлечения пользователей в партийную повестку с целью достижения электоральных результатов. Использование мобилизационного потенциала социальных медиа политическими акторами возможно только в условиях выстроенной цифровой инфраструктуры, включающей в себя официальный сайт партии, сеть цифровых сообществ в социальных медиа, персональные аккаунты руководителей, активистов, волонтеров и лидеров мнений.

Исследовательский вопрос состоит в определении структурных и функциональных характеристик цифровых инфраструктур российских политических партий двух категорий: традиционных парламентских партий, обладающих широким коммуникативным опытом в цифровой среде, но менее адаптивных к использованию всего объема возможностей, предоставляемых современных сервисами, и «новых» партий, появившихся на политическом ландшафте в течение последнего года, успешно заявивших о себе в ходе региональных избирательных кампаний, для которых проблема выстраивания собственной архитектуры цифровых коммуникаций является наиболее актуальной.

Теоретический обзор. В фокусе внимания зарубежных авторов находятся следующие темы: электоральный потен-

[1] CIGI-IPSOS Global Survey Internet Security & Trust. Part 3: Social Media, Fake News & Algorithms [Электронный ресурс]. URL: https://www.cigionline.org/internet-survey-2019 (дата обращения 15.02.2021).

циал политических партий; развитие новых партийных проектов; партийная повестка в цифровой среде и др.

Так, Дж. Лихтеблау, Х. Гиблер, А. Вагнер[1] исследуют восприятие партиями своего избирательного потенциала и электоральной конкуренции. Ряд исследователей отмечают то, что новые партии идентичности действуют иначе по сравнению с традиционными партиями интересов (И. Койранен, А. Койвула, А. Сааринен, Т. Кейпи)[2]. Исследователи из Финляндии указали на то, что, согласно результатам их исследований, новые политические движения с более молодыми сторонниками добились успеха благодаря социальным сетям и, скорее всего, получили больше преимуществ от цифровизации и появления социальных сетей. С точки зрения П. Норрис, Р. Инглхарт[3], новые виды политики основаны на культурных вопросах, проблемах идентичности, проблемах качества жизни и постматериалистических ценностях, которые являются наиболее заметными проблемами в цифровой среде.

В отечественной научной литературе можно выделить несколько направлений исследования трансформации политических партий и партийных систем в цифровую эпоху. Так, авторы обращают внимание на ослабление роли традиционных политических партий, неспособных к эффективной мобилизации электората, что ведет к росту влияния сетевых партий (О.С. Морозова)[4], которые становятся новым компонентом трансформирующейся партийной системы (Л.В. Сморгунов)[5].

Помимо этого, рассматриваются основные тенденции трансформации символической репрезентации политических партий в контексте перехода от Интернет-технологий Веб 1.0 к Веб 2.0, в частности, переход от традиционной текстовой информации к системе символов (изображения, иконки) и заме-

---

[1] *Lichteblau J., Giebler H., Wagner A.* Do parties perceive their voter potentials correctly? Reconsidering the spatial logic of electoral competition // Electoral Studies, 2020, vol. 65.

[2] *Koiranen I., Koivula A., Saarinen A., Keipi T.* Ideological motives, digital divides, and political polarization: How do political party preference and values correspond with the political use of social media? // Telematics and Informatics, 2020, vol. 46.

[3] *Norris P., Inglehart R.* Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism. Cambridge University Press, 2019.

[4] *Морозова О.С.* Онлайн-партии как новое явление партийной и избирательной системы [Электронный ресурс] // Nauka-rastudent.ru. [Электронный журнал]. URL: http://nauka-rastudent.ru/19/2827/ (дата обращения: 15.02.2021).

[5] *Сморгунов Л.В.* Сетевые политические партии // Полис. Политические исследования, 2014, № 4, с. 21-37.

щение вербальной репрезентации аудиовизуальными средствами выражения (Е.М. Степовенко)[1].

Особое значение имеют концепции, анализирующие Интернет-технологии в качестве фактора повышения эффективности деятельности политических партий (А.Н. Балашов)[2]; влияния технологических трансформаций в сфере Интернет-коммуникаций на общественно-политические процессы (С.В. Володенков)[3]; становления сетевых политических идентичностей в ракурсе наложения процесса виртуализации политического сегмента и встречного становления сетевых политических идентичностей, а также в ракурсе наложения процесса виртуализации политического сегмента и встречного процесса социализации Интернета (С.Н. Федорченко)[4].

Исследователи отмечают, что степень эффективности Интернет-коммуникаций политических партий прямо пропорциональна уровню их электорального потенциала (Ж.А. Алиаскарова)[5]. В то же время на практике российскими политическими партиями допускаются многочисленные просчеты, в том числе, при выборе площадок продвижения (Т.А. Невская)[6].

Методология и методика исследования. Методология исследования опирается на принципы социально-медийной предиктивной аналитики – исследовательского подхода, базирующегося на интеллектуальном поиске и анализе цифровых следов в социальных медиа для моделирования и прогнозирования социально-политических процессов.

Методика исследования включает в себя применение методов социально-медийного анализа и когнитивного картирования. Выборка включила в себя восемь партий: «Единая Россия», «ЛДПР», «КПРФ», «Справедливая Россия», «Новые

---

[1] *Степовенко Е.М.* Символическая репрезентация партий в online-пространстве // Вопросы политологии, 2019, т. 9, № 4(44), с. 680-685.

[2] *Балашов А.Н.* Сетевые политические партии: особенности и перспективы в российском политическом процессе // Среднерусский вестник общественных наук, 2015, № 1(37), с. 47-55.

[3] *Володенков С.В.* Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы: сценарии, вызовы и акторы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2019, № 5, с. 341-364.

[4] *Федорченко С.Н.* Политические идентичности в социальных сетях Интернета // Вестник Пермского университета. Политология, 2017, № 2, с. 29-46.

[5] *Алиаскарова Ж.А.* Социальные сети в арсенале популистских партий Европы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, 2019, т. 15, № 4, с. 537-548.

[6] *Невская Т.А.* Роль социальных сетей в избирательном процессе современной России // Политика и общество, 2018, № 9, с. 31-39.

люди», «За правду», «Партия прямой демократии», «Зеленая альтернатива». Эмпирическую базу исследования составляет датасет объемом 2 млн. 100 тыс. сообщений, собранных при помощи сервиса «IQBuzz» по итогам автоматизированной обработки более 30 социальных медиа в период 01.03.2020-01.11.2020. Объектами когнитивного картирования выступили публикации в цифровых сообществах исследуемых партий в социальных сетях «ВКонтакте», «Facebook», «Одноклассники» и «Twitter», а также на официальных партийных веб-сайтах.

Результаты исследования. Наиболее распространенным каналом взаимодействия с аудиторией для российских политических партий являются официальные веб-сайты. В структуре партийных сайтов можно выделить несколько общих блоков: информация о партии (нормативные документы, устав, программа), информация о лидерах, новостная лента, контактная информация федерального и регионального уровня. Существенно разнятся способы представления информации такого типа. Для традиционных партий характерно комплексное использование различных форм контента, что в большинстве случаев не приводит к повышению эффективности коммуникаций, а наоборот, перегружает информационный поток, оставляя значительную часть контента не замеченной широкой аудиторией. Следующей проблемной зоной сайтов парламентских партий является излишняя формализация контента, сложная для понимания и неинтересная большинству пользователей. Перечисленные ошибки характерны в большей степени для партий «КПРФ» и «Справедливая Россия».

Сайты новых партий заметно легче для восприятия, отличаются концентрированным представлением информации, визуализацией наиболее важных материалов, балансом между «событийным» и «персонифицированным» контентом. Преимуществом сайтов новых партий является также их высокая интерактивность, использование форм обратной связи или их наиболее современного варианта – чат-ботов с возможностью оперативного получения ответа или готовой информации (реализован на сайте партии «Новые люди»). Среди парламентских партий открытостью и интерактивностью отличается только сайт партии «Единая Россия».

Результаты автоматизированной выгрузки свидетельствуют о преобладании крупнейших цифровых сервисов в информационных потоках как традиционных, так и новых партий

– российские социальные сети «ВКонтакте» и «Одноклассники» являются центральными площадками онлайн-активности политических партий *(см. таблицу 1).* Данный факт объясняется высокой популярностью указанных сервисов среди отечественных пользователей, что в свою очередь обуславливает возможность партийной работы с широкими электоральными группами.

В то же время наблюдается ряд отличий между показателями традиционных и новых партий. Во-первых, средняя доля «Одноклассников» в общем распределении публикаций с упоминанием новых партий почти в два раза ниже, чем такой же показатель среди парламентских партий. При этом доля остальных сервисов значительно выше. Это свидетельствует об особом внимании новых партий к молодой аудитории, сосредоточенной в «Instagram» и «Twitter», а также реализации тактики вовлечения в партийную повестку аполитичного деидеологизированного электората через платформы с преимущественно развлекательным и познавательным контентом. Во-вторых, публикации с упоминанием новых партий примерно в 4 раза чаще встречаются на менее крупных тематических платформах. Например, на популярный русскоязычный блог «Хабр», посвященный технологиям, бизнесу и Интернету, приходится около 15% сообщений с упоминанием «Партии прямой демократии». Публикации с упоминанием партий «За правду» и «Новые люди» в 10% случаев приходятся на развлекательный форум «Пикабу». Этот показатель также демонстрирует попытку новых партий не ограничиваться крупнейшими социальными сетями в процессе выстраивания собственных цифровых инфраструктур.

Таблица 1

Распределение информационного потока партий по источникам публикаций, %

Источник / Партия	VK	FB	Twitter	Instagram	OK	Иные
Единая Россия	46	7	7	7	28	5
КПРФ	49	4	5	3	36	3
ЛДПР	44	2	4	13	31	6
Справю Россия	51	6	6	2	31	4
Среднее по парл. партиям	*47,5*	*4,8*	*5,5*	*6,3*	*31,5*	*4,5*

Новые люди	40	9	14	7	15	15
За правду	37	8	8	14	20	13
Зеленая альтернатива	37	23	6	4	16	14
Партия прямой демократии	33	12	13	6	12	24
Среднее по новым партиям	*36,8*	*13*	*10,3*	*7,8*	*15,8*	*16,5*

Анализ формата публикуемых сообщений в целом, коррелирует с результатами распределения по социально-медийным платформам *(см. таблицу 2).* Средняя доля микроблогов *(коротких сообщений, «твитов»)* с упоминанием новых партий в несколько раз превышает показатель парламентских партий. Традиционные партии ориентированы на полноценные публикации (посты, записи), которые составляют треть всего информационного потока и встречаются вдвое чаще, чем сообщения с упоминанием новых партий. Отметим, что когнитивное картирование цифровых сообществ новых партий продемонстрировало высокую активность администраторов в ходе прямой коммуникации с пользователями в комментариях к публикациям, что может объяснить полученную разницу. Подобная форма взаимодействия с участниками сообществ представляется наиболее удобной и эффективной, демонстрирует открытость, доступность и «близость» партии к пользователям.

Таблица 2

Распределение информационного потока по формату публикаций, %

Формат / *Партия*	*Комментарий*	*Запись*	*Микроблог*	*Иное*
Единая Россия	*62*	*34*	*3*	*1*
КПРФ	*66*	*31*	*2*	*1*
ЛДПР	*59*	*37*	*2*	*2*
СР	*63*	*35*	*1*	*1*
Среднее по парл. партиям	*62,5*	*34,3*	*2*	*1,3*
Новые люди	*74*	*16*	*8*	*2*
За правду	*73*	*21*	*5*	*1*
Зеленая альтернатива	*81*	*13*	*3*	*3*
Партия прямой демократии	*73*	*13*	*13*	*1*

Среднее по новым партиям	*75,3*	*15,8*	*7,3*	*1,8*

Заключительным этапом исследования стал анализ локализации информационного потока по сетевым сегментам. Выгруженные данные по источникам наибольшего числа публикаций с упоминаниями партий были распределены на несколько групп, в зависимости от содержания: новостные сообщества, тематические сообщества, партийные сообщества, персональные страницы пользователей *(рис. 1).* Если упоминания парламентских партий чаще встречаются в сообществах крупных СМИ, то новые партии не обладают доступом к ним, ориентируясь на тематические политические блоги, а также на персональные аккаунты. Большую часть последних составляют блогеры – локальные лидеры мнений, с меньшим численным охватом, но большей вовлеченностью аудитории, формирующей необходимый для партий эффект неформального косвенного воздействия.

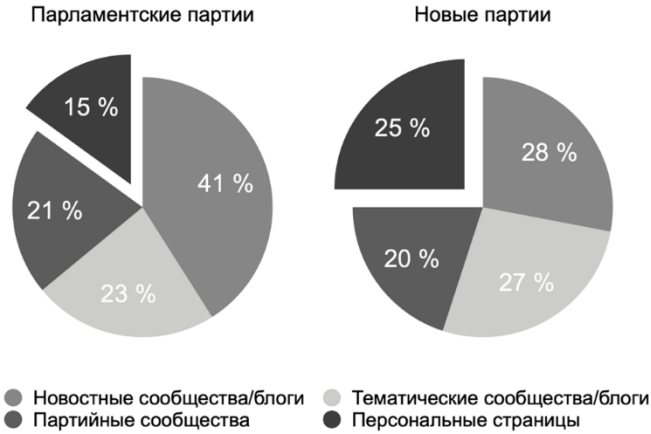

Рис. 1. Распределение информационного потока по локализации публикаций

Заключение и перспективы исследования. Анализ структурных особенностей цифровых инфраструктур традиционных и новых политических партий в России позволяет сделать следующие выводы.

Цифровые инфраструктуры парламентских партий отличаются большим масштабом, а также локализацией преимущественно в таких сегментах социальных медиа, как «Вконтакте» и «Одноклассники». Тогда как для новых политических партий в большей мере свойственна ориентация на представителей молодой аудитории, сосредоточенной в «Instagram» и «Twitter». Кроме этого их отличают большая открытость и интерактивность коммуникаций, применение тактики вовлечения в партийную повестку аполитичного деидеологизированного электората через платформы с преимущественно развлекательным и познавательным контентом.

С точки зрения оценки функциональности цифровых инфраструктур исследуемых политических партий можно отметить, что традиционные парламентские партии чаще игнорируют или нарушают следующие правила управления информационными потоками в социальных медиа:

– применение визуализации и использование айстоперов;

– создание условий для превалирования неформального контента над формальным;

– контроль над превалированием неполитического контента над политическим;

– обеспечение адресности информационных касаний;

– дифференциация контента для внутренних и внешних целевых групп;

– управление ритмом информационных касаний;

– дифференциация каналов, платформ и форматов Интернет-коммуникации с целевыми группами.

Новые партийные проекты, вошедшие в выборку исследования, несколько дисфункциональны при реализации следующих задач Интернет-коммуникаций в условиях электорального цикла:

– обеспечение целостности информационного потока;

– поддержание масштаба информационных касаний;

– привлечение ЛОМов, создание ЦОМов.

Перспективы исследования связаны, в первую очередь, с автоматизацией интегральной оценки цифровых инфраструктур политических партий. Важным аспектом продолжения исследования также является обнаружение зависимостей между электоральным потенциалом и функциональностью цифровых инфраструктур партийных акторов.

УДК 81-2
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51600

О.В. КУБАЕВА
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры методики преподавания русского языка и литературы филологического факультета ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»*

Употребление англицизмов в русском молодежном сленге

В связи с появлением глобального интернета и увеличением объема информации, обрабатываемой современной молодежью, все чаще можно наблюдать употребление англицизмов. Таким образом, этот вопрос является актуальным. В данной статье дается определение сленга, рассматривается проблема заимствования англицизмов в русском молодежном сленге.

***Ключевые слова**: сленг, молодежный сленг, заимствование, англицизм, моносемантичные слова, полисемантичные слова.*

O.V. KUBAYEVA
Candidate of pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of methods of teaching Russian language and literature, Faculty of Philology, Dagestan State University

The usage of anglicisms in Russian youth slang

In connection with the emergence of the global Internet and the increase in the amount of information processed by modern youth, the use of anglicisms can be increasingly observed. Thus, this question is relevant. This article defines slang and examines the problem of borrowing anglicisms in Russian youth slang.

***Keywords:** slang, youth slang, borrowing, anglicism, monosemantic words, polysemantic words.*

* Кубаева Ольга Валерьевна, e-mail: olgakubaeva@mail.ru

В сравнении с другими уровнями языковой системы лексический уровень наиболее подвержен изменениям. Меняется количественный состав лексики, происходят процессы деполитизации, деидеологизации, реинтерпретации и т. д.

Среди всех факторов, способствовавших изменениям в русском языке после распада СССР, важную роль играет «новый языковой вкус эпохи». Образованию и продвижению нового языкового вкуса во многом способствовала либерализация, затронувшая все сферы жизни общества. Русский язык как средство общения также не мог оставаться равнодушным к изменениям, происходившим в обществе. Носители русского языка больше не соблюдают строгих языковых норм и в своей речи стремятся не только что-то сообщить, но и произвести определенное впечатление. В попытке освободить свою речь от прежней скованности и сделать ее более выразительной и красноречивой они ищут подходящие инструменты для достижения этих целей.

Очевидно, что современная молодежь использует особую разновидность речи, называемую сленгом. Лингвисты по-разному трактуют это понятие. Согласно определению, данному в Оксфордском словаре, под сленгом понимается чисто разговорный язык, который считается ниже стандарта речи образованных людей и состоит либо из новых слов, либо из общераспространенных, употребляемых в специальных значениях, а также совокупность особых лексем, используемых группой лиц, принадлежащих к низшим слоям общества[1].

Сленг постоянно обновляется. Заимствование слов, главным образом из английского языка, является одним из способов его пополнения. Такие типы заимствований называются англицизмами. С.И. Ожегов сформулировал понятие англицизма как слова или оборота речи в каком-либо языке, заимствованного из английского языка или созданного с использованием корня английского слова или выражения[2].

На современном этапе развития русского языка в молодежном сленге можно проследить две различные тенденции.

1. Проникновение большого количества англицизмов, американизмов, создание псевдоанглицизмов с последующим

[1] Оксфордский словарь английского языка. Издательство Оксфордского Университета, 2010.

[2] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка, 1992.

проникновением слов в другие компоненты русского национального языка.

2. Полный отказ от заимствований и изобретение новых русских слов, однако для такого рода лексем характерны сниженная коннотация и элементы просторечия. Подобным словам суждено остаться в молодежном сленге или проникнуть в просторечие, но не подняться выше[1].

Почему используются англицизмы? С.В. Максимова указывает на ряд причин. Во-первых, они употребляются тогда, когда в русском языке нет подобного слова. Около 15% всех англицизмов закрепились в русском языке из-за отсутствия аналога. Во-вторых, заимствованное слово может выразить весь описательный оборот фразы одним словом. В-третьих, они могут реализовать желание выглядеть современно и, конечно же, соответствовать сверстникам.[2]

Новые заимствования слов появились в связи с развитием международной торговли, туризма и культурных связей. Молодежь является неотъемлемой частью любого общества. Это социально-демографическая группа, объединенная определенными характеристиками: возрастом, социальным статусом и социально-психологическими свойствами, а молодежная культура – одно из самых сложных явлений. Современная молодежная культура является одним из следствий процесса культурной социализации. Её происхождение связано с желанием молодых людей самоутвердиться, выразить себя, реализовать свой потенциал, однако эти намерения не всегда получают необходимую поддержку. Основным стремлением молодежной субкультуры является закрепление наиболее важных мировоззренческих концепций в яркой экспрессивной форме, зачастую остающейся непонятой большинством людей в обществе.

Русский молодежный сленг – интересное языковое явление, существование которого ограничено не только установленными возрастными ограничениями, но и социальными,

---

[1] *Ланская И.А.* Вопросы изучения молодежного сленга в курсе "русский язык и культура речи" // АНИ: педагогика и психология, 2019, №1(26). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-izucheniya-molodezhnogo-slenga-v-kurse-russkiy-yazyk-i-kultura-rechi (дата обращения: 29.06.2020).

[2] *Максимова С.В.* Англицизмы в современном русском языке // молодой ученый (англицизмы в современном русском языке // молодой ученый) [Электронный ресурс]. 2019, № 4, с. 440-442. URL: https://moluch.ru/archive/242/55871/ (дата обращения: 11.06.2020).

временными и пространственными рамками. Стремительное появление субкультур и неформальных движений и зачастую последующее их угасание также оставляют след в сленговом разнообразии.

Неизменные эмоциональность, экспрессивность, оценочность и образность речи являются характерными чертами молодежного сленга. Они вносят свой вклад в общую динамику развития русского литературного языка. По мнению молодых людей, использование сленга в подростковой речи придает ей выразительность и эмоциональность.

Англицизмы, как правило, представляют собой моносемантичные слова английского языка, обладающие в русском языке тем же значением. В случае полисемантичных слов их значение в русском сленге соответствует хотя бы одному из их значений в языке-источнике:

Буллинг (bullying) – травля, в том числе в интернете. Школьный буллинг может плохо отразиться на самооценке подростка.

Фейк (fake) – что-либо лживое, не соответствующее действительности, поддельное. Это фото слендермена – фейк.

Фейл (fail) – неудача, оплошность. Премьера фильма «Взломать блогеров» обернулась настоящим фейлом.

Вайб (vibe) – атмосфера, настроение; ощущение от человека, места, мероприятия. Мне понравился его последний альбом, чувствуется новый вайб и посыл.

Изи, на изи (easy) – легко, без труда. Я сдал тест по математике на изи.

Мерч (merch or merchandise) – товары, которые выпускаются с символикой (логотипом) определённого бренда, музыкальной группы, фильма, компьютерной игры, известной личности и т.п. Почему мерч с Blackpink такой дорогой?

Челлендж (challenge) – вызов, задание, которое необходимо выполнить и снять на камеру. Какие челленджи можно снять на YouTube?

Хайп (hype) – шумиха вокруг какого-либо события. Производными словами являются глагол хайпить (создавать ажиотаж вокруг чего-то, привлекать внимание) и прилагательное хайповый (находящийся в тренде, модный). Почему TikTok стал таким хайповым?

Сегодня в русском языке можно встретить множество примеров заимствованных русифицированных слов. Такая

адаптация происходит следующими способами: путем добавления русских суффиксов, укорочения, игры слов, склонения и т. д. Этот метод не делает новые слова более понятными, но помогает «одомашнить» их и сделать звучание более родным. С помощью русской грамматики они легко интегрируются в систему русского языка:

Агриться (to angry) – злиться, раздражаться. Ребят, хватит агриться!

Криповый (creepy) – страшный, пугающий. Посмотрел один криповый фильм, теперь не смогу уснуть.

Кринжовый (cringe) – вызывающий чувство неловкости, «испанский стыд». Этот трейлер был суперкринжовым.

Лайкать (to like) – нравиться. Я лайкнул все их посты в соцсетях.

Лайтовый (light) – легкий, приятный. С тобой лайтово общаться.

Хейтить (to hate) – ненавидеть, ругать. Игроки захейтили последнее обновление.

Чекать (to check) – проверять, изучать. Чекни его страницу в Википедии.

Чиллить (to chill) – пассивно отдыхать, расслабляться. Мы с друзьями круто чиллили в кафе.

Кроме того, существуют англицизмы, которые в русском молодежном сленге наделяются дополнительным, самостоятельным значением:

Френд (friend) – 1. Друг, приятель. Ко мне сегодня придут два моих френда. 2. Иностранный студент. У неё в комнате сидит какой-то френд.

Флексить (to flex) – 1. Танцевать, веселиться, шумно отдыхать. Вчера мы с друзьями весь вечер флексили в клубе. 2. Считать себя лучше других. Хватит флексить своей одеждой!

Среди грамматических особенностей англицизмов необходимо отметить, что во многих случаях форма множественного числа выступает как форма единственного числа, от которой по правилам русского языка образуется форма множественного числа:

Трабл (trouble) – траблы (мн.ч.) – проблема, неприятность. У меня траблы с ЕГЭ по химии.

Краш (crash) – краши (мн.ч.) – человек, который вам нравится. Ким Намджун из BTS – настоящий краш.

Также в сетевом общении в молодежном сленге зачастую используются английские аббревиатуры в русской версии:

ОМГ (OMG – Oh My God – о боже мой) – удивление, потрясение. ОМГ, зачем ты это сделал?

РОФЛ (ROFL – Rolling on the floor – катаюсь по полу от смеха) – шутка. Производным словом является глагол рофлить – подшучивать над кем-то, саркастически насмехаться. Это что – рофл? Звучит несмешно.

ЛОЛ (LOL – Laughing out loud – громко смеяться вслух). ЛОЛ, это было смешно!

Англицизмы, вошедшие в русский молодежный сленг за последние двадцать лет, все еще находятся в процессе усвоения. Значения многих сленговых выражений довольно размыты, еще не устоялись их грамматические, орфографические и орфоэпические нормы. Предполагаемое сходство значений англицизмов в исходном языке и в русском молодежном сленге может привести к их некорректному употреблению и, следовательно, вызвать недопонимание, поэтому необходимо с большой осторожностью относиться к англицизмам, функционирующим в системе молодежного сленга.

Использование англицизмов стало своего рода модой, это связано со стереотипами и идеалами, созданными в молодежном обществе. Англицизмы, используемые молодыми людьми, помогают утвердиться в определенных кругах, подчеркивают уровень осведомленности и превосходства над остальными. Молодежь зачастую использует иностранные слова в своей речи в качестве своеобразных цитат: термин, относящийся к какой-либо специальной области, может цитироваться, намеренно искажаться и обыгрываться. Англицизмы, относящиеся к этой группе, как правило, имеют русское или просто неправильное прочтение. Следовательно, происхождение этих слов связано с искажением звука в процессе усвоения этих заимствований, т.е. имеет место своеобразная игра звуков[1].

Подводя итог, можно сказать, что русский молодежный сленг действительно находится под влиянием английского языка. Мы можем выделить как положительные, так и отрицательные стороны заимствованной лексики. С одной

[1] *Чигина Н.В., Лескина К.С.* Англицизмы в современном русском языке // Символ науки, 2016, № 10-3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/anglitsizmy-v-sovremennom-russkom-yazyke (дата обращения: 16.08.2020).

стороны, англицизмы пополняют словарный запас родного языка, помогают более точно выражать различные понятия, а некоторые люди используют заимствованные слова в своей речи, потому что считают их более привлекательными. Такие лексемы могут быть полезны, когда в русском языке нет названия для объекта, но в некоторых случаях их можно заменить подходящими русскими словами. С другой стороны, частое и неуместное употребление такого рода лексем засоряет наш язык, он теряет свою оригинальность, однако язык – это динамическая система, которая постоянно развивается, трансформируется и изменяется, а это значит, что процесс заимствования будет продолжаться и дальше.

УДК 001.94
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51601

С.Ю. ЕРМОЛАЕВА
кандидат педагогических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций МПГУ*

С.В. ВОРОБЬЕВА
Магистрант Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ**

Эстетика диджитал-арт в социокультурном пространстве

В статье рассматривается эволюция цифрового искусства; поднимаются вопросы о феномене направления в медиареальности, которое дает новые возможности для творчества и его восприятия, и об эстетике «искусства новых форм», его задачах и функционировании в социокультурном пространстве.

Ключевые слова: *диджитал-арт, цифровое искусство, искусство, медиа, технологии, искусство новых медиа, дизайн, интерактивность, мир искусства, наблюдение, участие, композиция, компьютерное искусство.*

S.Ju. ERMOLAEVA
PhD in Pedagogy, Associate Professor at the Chair of Journalism and Media Communications, Moscow Pedagogical State University

S.V. VOROB'EVA
1st year master's Student of Journalism and Media Communications, Moscow Pedagogical State University

Aesthetics of digital art in the socio-cultural space

The article discusses the evolution of digital art; raises questions about the phenomenon of direction in media reality, which gives new op-

* Ермолаева Светлана Юрьевна, e-mail: syu.ermolaeva@mpgu.su
** Воробьева Софья Вячеславовна, e-mail: sonyavorobeva@inbox.ru

portunities for creativity and its perception, and about the aesthetics of «art of new forms», its tasks and functioning in the socio-cultural space.

Keywords: *digital art, art, media, technology, new media art, design, interactivity, art world, surveillance, participation, composition, computer art.*

Мы живем в обществе, которое ежедневно взаимодействует с Интернетом. Цифровое искусство относится к разнообразным творениям, возникающим в результате взаимодействия техник, процессов и материалов, использующих особенности электронных устройств, таких как компьютеры, цифровые камеры, программное обеспечение для графического дизайна, смартфоны, мобильные телефоны или планшеты и, наконец, Интернет и сети. На сегодняшний день цифровые изображения заполняют нашу повседневную жизнь – билборды на улицах, цифровые рекламные щиты, популярные мероприятия по проекционному картированию, экраны смартфонов, видеоигры. Каждый может создавать контент и размещать его в Интернете. Но что должны делать художники в такое время и в такую эпоху и какова роль искусства в цифровую эпоху?

Когда мы перешли из эпохи, где телевизоры и камеры были аналоговыми, а сотовые телефоны не существовали, общество претерпело изменения и перешло к цифровому обществу, в котором мы живем сейчас[1]. Художники лидировали в реагировании на новые технологии, такие как компьютерная графика, Интернет, искусственный интеллект, робототехника и виртуальная реальность, и в передаче изменений в нашей жизни и нашем мировоззрении через их произведения искусства. Подобно научно-фантастическим романам и фильмам, искусство наглядно демонстрировало, что могло произойти в будущем и в прошлом, даже предлагая смоделированный опыт этих идей.

Цифровое искусство является категорией, определенным набором произведений, областью исследований и экспериментов. Его также можно назвать «электронным искусством», «интерактивным искусством» или «искусством с использованием новых технологий». Из-за нехватки финансовых ресурсов «медийное» искусство в некоторых странах начало развиваться поздно, но достаточно стремительно.

[1] *Пол К.* Цифровое искусство. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2020, с. 30.

Компьютерное искусство приняло более четкую форму, когда Вера Мольнар и другие пионеры, занимающиеся концептуальным искусством, заинтересовались свойствами автоматизации компьютеров[1]. Это позволило им продолжать работу на основе комбинаторики. Историк-искусствовед Фрэнк Поппер также прославил диджитал-арт выпуском книги «Искусство в электронный век», в которой рассказал, как при помощи компьютера и голограмм можно было создать эстетику, опираясь на науку и новые технологии.

Цифровое искусство является медиумом, опирающимся на работу машин, и возможности, которые он предлагает, кажутся неисчерпаемыми. Американский писатель и куратор Джордж Фифилд полагал, что «в пространстве компьютера, где не действуют ни силы трения, ни закон тяготения, художник может запросто перегруппировать и совместить несколько изображений, фильтров и цветов, ощущая такую свободу творчества, о которой раньше нельзя было и мечтать»[2]. Технологии диджитал-арт обеспечили развитие компьютерного искусства, нет-арта, цифровой фотографии и цифрового видео, экспериментальной скульптуры, почти всего современного стандарта и множества других практик своей историей и сообществом авторов. Методики попрежнему продолжают развиваться, последователи «цифрового искусства» выстраивают собственную коммуникацию, обсуждают и оценивают работы, образуя тем самым нишу общего интереса. Используя их всегда по-новому, художники раскрывают различные возможности видения этого искусства людьми, а также нашу реальность в мире, где преобладает сила средств массовой информации. Общество стремительно меняется благодаря цифровым медиа. Мог ли кто-нибудь представить себе, что с появлением смартфонов такие вещи, как фотоаппараты, адресные книги и энциклопедии, станут устаревшими? Мы не знаем точно, что эти изменения означают для нашего будущего. Медиа-художники используют свою технику и опыт, чтобы создать пространство, в котором люди могут творчески использовать различные

[1] *Edmond C., Norbert H*. L'art numérique: Comment la technologie vient au monde de l'art. Paris: Flammarion, 2009, p. 48-50.

[2] Статья «Как компьютеры приручали искусство: глава из книги «Новые медиа в искусстве» [Электронный ресурс]. URL: https://discours.io/articles/theory/kak-kompyutery-priruchali-iskusstvo-glava-iz-knigi-novye-media-v-iskusstve (дата обращения: 11.04.2021).

формы медиа. Они также меняют наше повседневное видение, используя самые передовые технологии, предлагая новый взгляд на вещи, которые были нам неизвестны. Требуется время, чтобы новая технология появилась в мире в виде востребованного на рынке продукта. Однако на ограниченных художественных выставках с этими методиками можно экспериментировать на гораздо более ранней стадии. Новые идеи, созданные художниками, полезны и для экспертов в области технологий. В последние годы возможности для сотрудничества между художниками, учеными и инженерами стали распространяться по всему миру, тем самым открывая возможности для нового художественного образования. Оно рассматривалось в контексте постинституциональных преобразований[1]. Мобильность и нетворкинг стали важными в теории образования и учебном планировании. Эти тенденции привели к большей взаимосвязи между художниками, дизайнерами и другими профессионалами, создав новые гибриды, например, квантовых художников, биоэстетиков и специалистов по планированию диджитал-арт. Возникающий в настоящее время способ участия в искусстве будет развиваться дальше, что приведет к соединительной, сетевой парадигме для искусства и его теории, требующей контаминационной критики. Такое развитие искусства потребует и в конечном итоге приведет к радикальным изменениям в нашем подходе к художественному образованию[2].

Ведь компьютерные сети открывают возможность своего рода планетарного творчества, которое не удалось достичь никакими другими средствами коммуникации. Эти идеи, порожденные разнообразием мест, расположенные в самых разных культурных контекстах и передаваемые, конечно, через уникально противоположных индивидуумов, могут стать очень важными по значению и подтексту. Сетевое взаимодействие порождает переплетение воображений, которое дает термину «ассоциативное мышление» наиболее развернутое толкование[3]. Визуальный дискурс искусства, воплощенный в живописи, скульптуре, кино и фотографии,

[1] *Omar K.* I Was Raised on the Internet. Munich: Prestel Publishing, 2018, p. 94.
[2] *Oliver G.* Museum and Archive on the Move: Changing Cultural Institutions in the Digital Era. Berlin: De Gruyter, 2017, p. 76-78.
[3] *Ерохин С.В.* Эстетика цифрового изобразительного искусства. Спб.: Алетейя, 2010, с. 310-312.

имеет собственное закрытое общение. При всей очевидной свободе от ограничений, способы художественного решения произведения искусства (как «отправитель» или «получатель») составляют набор правил, изучение которых позволяет войти в разрешенный дискурс. Контроль, отбор, организацию и перераспределение искусства следует понимать, как часть больших процессов упорядочивания в обществе, где искусство является подмножеством более широкого дискурса, подчиняющегося институциональному управлению желаниями и властью.

Цифровое искусство все еще невероятно ново, а люди, которые задействуют его с максимальным потенциалом, выходят за рамки «нормы»[1]. Цифровое искусство бросает вызов традиционным отношениям между активными наблюдающими субъектами и пассивными объектами искусства, создавая интерактивные поведенческие контексты для удаленных эстетических встреч.

Объединяя разум и дух с техникой, опираясь на разнообразные идеи из различных дисциплин и применяя их в искусстве, диджитал-арт предвосхитил и отреагировал на возможности сетевых коммуникаций и вопросы, которые становятся все более важными для искусства и культуры[2]. Художники сыграли важную роль в разработке идей, которые имеют широкие культурные разветвления, даже несмотря на то, что процесс историзации обычно не происходит в визуальных формах искусства. Скорее, используя формулы и слова, научная, историческая и другие формы литературы являются основными местами, где более общепринятые языки конкретизируют возникающие культурные конфигурации в исторических повествованиях. В результате научные и философские модели обычно считаются предшественниками последующего развития изобразительного искусства. Однако процесс культурного становления зависит от взаимосвязанного обмена идеями между дисциплинами, так что во многих случаях неверно приписывать ту или иную область происхождения какой-либо общей концепции. Диджитал-арт отразил интеграцию эстетических и научных интересов, основанных на кибернетике. Отдельные произведения ис-

[1] *Цилински З.* Археология медиа. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2019, с. 108.

[2] *Манович Л.* Язык новых медиа. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018, с. 25-31.

кусства стали рассматриваться как творческие системы, поведение которых можно изменять и регулировать посредством интерактивного обмена информацией[1].

Таким образом, цифровые данные невозможно увидеть глазом. Мы больше не выясняем, что происходит в огромном сетевом ландшафте. Здесь искусство может стать для нас ключом к размышлениям о мире сегодня и в будущем. Поскольку медиаискусство помогает творчески подходить к инновациям, созданным цифровыми технологиями, оно также предлагает порассуждать о состоянии нашего цифрового медиаобщества с различных точек зрения[2]. По мере того как мир медиа меняется, медиаискусство так же будет трансформироваться, порождая новое видение критического сознания художников. Искусство, достойное белостенных галерей, не всегда требует холста и красок. Есть не менее талантливые художники, использующие торрент-программы и обновленные пиктограммы, стремящиеся оставить свой след в истории. Фактически, сейчас Интернет является одновременно сценой и метафорическим инкубатором для одного из самых увлекательных видов современного искусства нашего времени – диджитал-арт[3]. Обмен между пользователями, художниками и влиятельными учреждениями, контролирующими Интернет, делает его особенно интересным и, казалось бы, безграничным в качестве средства массовой информации. В скором времени контекст и состояние контента будут кардинально отличаться от всего, что мы действительно можем себе представить в данный момент.

[1] *Ascott R*. Telematic Embrace: Visionary Theories of Art, Technology, and Consciousness. Berkeley, CA: University of California Press, 2003, p. 112-115.
[2] *Dominique M*. Art Beyond Digital. Link Editions, Brescia, 2018, p. 52-54.
[3] *Jay David B*. The Digital Plenitude: The Decline of Elite Culture and the Rise of New Media. Cambridge, MA: MIT Press, 2019, p. 123-125.

УДК 130.3
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51602

Э.Г. СИМОНЯН
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и истории
Вологодской государственной
молочнохозяйственной
академии им. Н.В. Верещагина*

Феномен подражания как результат осознанного восприятия личностью образов межличностных отношений

В статье осмысливается тезис о подражании как результате осознанного восприятия личностью образов межличностных отношений в социокультурном пространстве. Делается попытка показать, как отражение воздействий личности и общества отдельными людьми осуществляется разнообразными способами. Характер сочетания этих способов определяется тем образом подражания, который проявляется через призму психического склада каждого человека как итога его осознанного восприятия образов межличностных отношений в социокультурном пространстве.

Ключевые слова: *осознанное подражание, социокультурная атмосфера, образ межличностных отношений, способ отражения.*

E.G. SIMONYAN
PhD in Philosophical sciences,
Associate Professor at Vologda State
Dairy Farming Academy named
after N.V. Vereshchagin

The phenomenon of imitation as a result of an individual's conscious

* Симонян Элеонора Гамлетовна, e-mail: eleonora8@mail.ru

perception of images of interpersonal relations

The main purpose of this article is to reflect on the phenomenon of imitation as a result of an individual's conscious perception of images of interpersonal relations in socio-cultural environment. The author considers variety of patterns, which impact interactions between individuals and society. The nature of these patterns is determined by the imitation based on mentality of each individual, as a result of an individual's conscious perception of images of interpersonal relations in a socio-cultural environment.

Keywords: *conscious imitation, socio-cultural environment, image of interpersonal relations, patterns, impact.*

Одним из наиболее важных условий для успешного самовыражения, самореализации и адаптации личности в современной социокультурной обстановке является ее способность к осмысленному подражанию как процессу, имеющему определенную специфику и предпосылки, способствующие созданию нового. При этом внутренним ресурсом, потенциалом, обеспечивающим этот процесс, является внутреннее стремление к подражанию[1].

Социокультурная обстановка не есть некая абстракция; она складывается в процессе межличностных отношений в обществе и действует на каждую личность через образы этих отношений, которые создают поле для подражания.

В.Н. Куликов отмечает: «Эмоции одного человека, передаваясь другому, меняют свою силу: радость, переданная другу, становится удвоенной радостью, а горе – половинным»[2].

Повседневная жизнь свидетельствует о том, что при положительном настроении у человека повышается жизненный тонус, активизируются умственные и физические силы. Более того, в медицинской практике установлено, что при положительном, оптимистическом эмоциональном настрое даже инфекционные заболевания протекают в более легкой форме, чем при угнетенном состоянии.

---

[1] *Бабаева Ю.Д., Варваричева Я.И.* Роль подражания в развитии творческих способностей // Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен. М., 2020, с. 302.

[2] *Куликов В.Н.* Проблемы социальной психологии. Иваново, 1979, с. 40.

Социокультурная обстановка воздействует на личность посредством установившихся в обществе образов норм отношений между людьми. Там, где господствуют образ отношения товарищеского сотрудничества и взаимопомощи, уважение друг к другу, человек испытывает удовлетворенность трудом, радость при встрече с товарищами по работе, удовольствие от совместного труда. И, наоборот, в коллективе, где господствуют образы формальных отношений, равнодушие, личность испытывает эмоциональную ущербность, отчужденность или тоску по теплоте человеческих взаимоотношений и даже стрессовое состояние, если имеют место скрытые или явные конфликты. При такой социокультурной обстановке личность теряет интерес к обществу, что невольно снижает ее общественную и трудовую активность.

Психологические воздействия партнера по общению отражаются в сознании человека в виде социокультурных образов и прямо или в переработанном виде проявляются в его высказываниях, поступках и действиях.

Отражение этих образов происходит в различной форме. В современной психологии часто употребляется термин «психологическое заражение», под которым понимается прямая передача от одного к другому или многим лицам тех или иных психических состояний. Однако выражение «психическое заражение» является метафорой, а потому в науке обычно используется понятие «подражание», которое раскрывает процесс непосредственного заимствования личностью образов мыслей, эмоций или в целом образа жизни других людей. Они передаются не напрямую, а опосредованно. Каждый новый образ имеет большое количество предшествующих, новые идеи и соответствующие им образы, которые человек сознательно или бессознательно усваивает, творчески переосмысливает и применяет. В процессе творческого переосмысления и создания новых образов большую роль играют психологические процессы подражания, идентификации, эмпатии.

Подражание исследовалось как физиологами (В.М. Бехтеревым, И.П. Павловым, Р.М. Пэн и др.), так и философами, и психологами (Г. Тардом, А.А. Богдановым, Н.К. Михайловским, А.В. Запорожцем, Л.С. Выготским, Л.И. Божович, В.А. Просецким и др.). По подражанию, указывал И.П. Павлов, у человека формируется индивидуальное и социальное поведение. Р.М. Пэн экспериментально установила, что в про-

цессе подражания у ребенка образуются условные рефлексы быстрее, чем классическим способом[1].

Зарубежные социологи и психологи склонны считать подражание всеобщим законом взаимодействия, на котором основана вся социальная жизнь (Г. Тард и др.). При этом подражание объявляется простым копированием или эхом, «попугайничанием».

В полемике с Г. Тардом по проблеме о роли процессов подражания русский ученый Н.К. Михайловский отмечал, что данный феномен существует не в «безвоздушном пространстве» а, наоборот, на фоне индивидуальных мотивов выгоды, нравственной обязанности, тщеславия соревновательности, страха наказания и т. д.

Таким образом, помимо эффекта подражания, на формирование образов и действий людей влияние оказывает целый комплекс не только социальных, но психологических факторов, которые нуждаются в особом рассмотрении.

Многие авторы отмечают описанный нами парадокс подражания: с одной стороны, оно рассматривается как противоположность творчеству и интеллектуальному решению задач. С другой стороны, анализируя развитие творческих способностей человека, мы не можем исключить элементы подражания из этого процесса, так как они реально присутствуют в создании нового продукта.

К этому парадоксу обращаются в исследовании общепсихологических аспектов подражания Л.С. Выготский, Л.И. Божович и Л.С. Славина. Они указывали на «методологическую ошибку» в попытках анализа феномена подражания, когда подражание ограничивалось лишь примитивной формой воспроизведения. Результаты их исследования подражания показали, что оно «не всегда является актом, чуждым интеллектуальному способу поведения, но часто, наоборот само перерастает в интеллектуальный и творческий процесс»[2]. Подражание рассматривается ими как сложный процесс, который в своем генетическом становлении проходит ряд этапов. На каждом из них оно обладает разными функциональными и структурными особенностями.

---

[1]. См.: *Тард Г.* Преступления толпы. Казань,1893.

[2] *Божович Л.И., Славина Л.С.* Психология детского подражания (экспериментально-психологическое исследование) // Культурно-историческая психология. 2007а, т. 3, № 2, с. 101-107; 2007б, т. 3, № 3; 2008, т. 4, № 1, с. 103.

Подражание – сложное, динамическое явление. Оно качественно изменяется в процессе онтогенетического развития личности. Как было установлено, подражание проходит ряд стадий и развивается от слепого копирования к сознательно мотивированному избирательному подражанию[1]. По мере развития личности, накопления ею жизненного опыта подражание усложняется. Человек вносит в подражательное действие свои личностные особенности. Платон рассматривал творчество как подражание вечному идеальному образцу, уже существующему в сфере трансцендентного. Аристотель в «Поэтике» говорит о том, что человек как природное существо обладает исключительной способностью к подражанию, получает с помощью этой способности знания о мире и других людях. На подражании основано искусство и переживание катарсиса. Поэт, автор трагедий, по Аристотелю, подражает тому, «как должно быть», выявляя типическое в жизни[2].

По утверждению Н.К. Михайловского подражательная деятельность индивидов неодинакова. Некоторые люди непосредственно отражают эмоциональное состояние другого. Они отличаются способностью к сопереживанию. Другие, наоборот, более рациональные, они анализируют состояние другого человека и сопоставляют его с личными убеждениями, требованиями ситуации, и если считают подражание целесообразным, то следуют чужому примеру. Если же сложившиеся в его психике под воздействием социокультурных факторов образы действия объекта подражания противоречат установкам воспринимающего, то он отвергает их[3].

Следует отметить, что могут быть самые различные варианты отраженных эмоций. Все зависит от образов, которые возникли на основе межличностных отношений через призму социокультурного опыта личности. Так, при конфликтных межличностных отношениях радость одних может вызвать у других эмоции негодования или огорчения, при безразличных отношениях – равнодушия. Настроение одних может воздействовать на других прямо или косвенно, всему коллективу оно не всегда передается.

---

[1] *Ковалев А.Г.* Подражательная деятельность и ее изменение в связи с возрастным развитием ребенка // Вопросы возрастной педагогики. Л.:1959, с. 31.

[2] *Аристотель*. Поэтика // Соч. В 4 т. М.: Мысль, т. 4, 1984, с. 646-680, с. 676.

[3] *Михайловский Н.К.* Сочинения. В 6 т. СПБ.,1896, т. 2, с. 360.

Психологическая основа подражательного действия заключается в способности человека легко поддаваться внушению. Следует добавить, что подражание, или непроизвольное «копирование», чаще характерно для лиц, имеющих одинаковую базу психологических образов (общность интересов, взаимная симпатия и т. п.), а также у людей, находящихся в одинаковом социокультурном пространстве либо в длительной совместной деятельности.

Заимствование может иметь конформный характер. В отличие от подражания или, если определить по А.А. Богданову, искреннего стремления уподобиться образу, конформное заимствование означает скорее внешнее приспособление без какого-либо согласия с отражаемым[1].

Самым распространенным способом отражения влияния социокультурных образов и их воздействия на людей является сознательное критическое усвоение и принятие их влияний. Внутреннее стремление личности осмыслить, понять окружающий мир, в том числе человеческие взаимоотношения, желание следовать понравившимся образцам поведения проявляются уже в подростковом возрасте.

В сознательном возрасте люди, прежде чем соглашаться или отказаться от какого-либо мнения, осмысливают поступки, поведение других людей, определяют их общественную и личную ценность и необходимость, сравнивают с собственными убеждениями. Человек не автоматически воспроизводит чувства, мысли и поступки других, не копирует чужое поведение, а внутренне переосмысливает полученную информацию в соответствии с личным образом восприятия жизни. Человек, усвоивший соответствующие черты поведения другого индивида, ощущает их как свои собственные свойства. Осмысленное усвоение не исчерпывается идеями, категориями, определяющими поведение личности, оно предполагает идентификацию эмоциональных состояний других людей. При этом человек не механически копирует эмоциональное состояние, как при подражании, а разделяет с другими членами коллектива настроение как осознанный акт социального действия. Поэтому управлять настроением человека можно с помощью формирования общественного мнения через призму анализа социокультурных образов.

---

[1] *Богданов А.А.* Познание с исторической точки зрения. СПб.,1901 – 217 с., с. 102.

Зарубежные исследователи (физиологи и психологи) анализировали возможности адекватного восприятия эмоций по выразительным движениям (мимике и пантомимике). Так, американские ученые Э. Боринг и Э. Титченер просили испытуемых определить эмоции по мимике, изображенной на рисунке. Оказалось, что правильно определили состояние ужаса только 57% испытуемых, а остальные эмоции – того меньше[1].

Подобное исследование было проведено с фотографиями актеров, изображавших различные эмоции. Ландфильд установил, что число правильных оценок чувств составляет от 17 до 58%[2].

На наш взгляд, эти данные нельзя переносить на реальный процесс восприятия эмоциональных состояний по их мимическому выражению у живых людей. Как показывают наблюдения, в большинстве случаев люди безошибочно определяют характер переживания человека, поскольку мимика воспринимается в конкретной социальной ситуации, которая помогает понять состояние человека. Мимика часто воспринимается на фоне речи и ее эмоциональной выразительности в виде интонации. Кроме того, такие звуковые реакции, как вздохи, смех, стон, плач и т. п., позволяют безошибочно судить о характере переживаний.

Следовательно, для более точного и полного восприятия и понимания эмоционального состояния другого человека необходимо учитывать социокультурные образы межличностных отношений, на фоне которых воспринимается сложившаяся ситуация, в которой проявляются его переживания, вступать с ним в речевой контакт и т. д.

Иногда для понимания поведения человека требуется знание его характера, биографических данных, особенно степени его чувствительности к положительным и отрицательным оценкам, отношения к личному престижу, эмоциональной ранимости и т. д.

Еще одним важным способом отражения главным образом эмоциональных состояний является эмпатия, т. е. интуитивное восприятие психических состояний другого или даже группы лиц. Способность к эмпатии объясняется тем, что у человека на основе жизненного опыта сложилась оптималь-

[1] См.: *Рейковский Я.* Экспериментальная психология эмоций. М., 1979, с. 136.
[2] Там же, с. 102.

ная программа расшифровки выразительных движений и вокальной стороны речи. Вот почему, как только поступает информация через сенсорную систему, так мгновенно, как в кибернетической машине, срабатывает «решающее устройство», и личность начинает не только сознавать, в каком состоянии находится общающийся с ней человек, но и испытывать сама подобное состояние. Безусловно, у разных людей сформированы разные образы межличностных отношений по качеству программы восприятия и оценки состояния другого. Поэтому одни мгновенно, безошибочно и осознанно определяют мысли, состояния и даже намерения другого уже при однократном контакте с ним, в то время как другие постоянно ошибаются в оценке как временных состояний, так и устойчивых свойств личности даже при длительном общении с ней. Это и позволяет определить эмпатию не столько как умение, сколько как способность, сформированную на основе межличностного опыта[1].

Итак, отражение воздействий личности и общества отдельными людьми осуществляется разнообразными способами, характер сочетания которых определяется тем образом подражания, который проявляется через призму психического склада каждого человека как итог его осознанного восприятия образов межличностных отношений в социокультурном пространстве (жизненного пути и воспитания). Образ для подражания как результат влияния социокультурной атмосферы оказывает разностороннее влияние на личность, на интеллектуальную, эмоциональную и волевую ее стороны. Если образ положительный, то он активизирует личность, повышая ее работоспособность и жизнеспособность. При отрицательном образе, наоборот, наблюдается снижение тонуса активности.

Исследование разных форм и сторон подражания, его динамики, структурных и функциональных изменений на разных этапах развития личности, проблема идентификации с образцом и анализ психологических особенностей у подражающего субъекта, выявление приемов исследования типов подражания – это неполный список тем, требующих изучения в рамках общекультурных и общепсихологических теорий межличностных отношений.

[1] *Рейковский Я.* Экспериментальная психология эмоций, с. 94.

УДК 328. 1
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51603

А.В. МАТЮХИН
доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений института международных отношений и социально-политических наук (факультет) Московского государственного лингвистического университета*

Идея парламента в русской либеральной мысли XIX века

В статье прослеживается генезис идеи парламента в отечественном либеральном наследии XIX века. Позиции по вопросу практической реализации парламентаризма в России крупнейших представителей либеральной философии – М.М. Сперанского, К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина, как и либерально настроенного высшего чиновничества носили консервативно-умеренный характер.

Ключевые слова: *идея парламента, русский либерализм XIX века, парламентаризм, Государственная Дума, Государственный Совет, М.М. Сперанский, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин.*

A.V. MATIUKHIN
Doctor of political sciences, Professor of the Department of theory and history of international relations at the Institute of international relations and socio-political Sciences (faculty), Moscow state linguistic University

The idea of parliament in Russian liberal thought of the XIX century

The article traces the genesis of the idea of parliament in the domestic liberal heritage of the XIX century. The positions on the practical implementation of parliamentarism in Russia of the largest representatives of liberal philosophy – of M.M. Sperans-

* Матюхин Андрей Викторович, e-mail: avmpl@mail.ru

ky, K.D. Kavelin, B.N. Chicherin, as well as the liberal-minded top officials were conservative and moderate.

Keywords: *the idea of parliament, Russian liberalism of the XIX century, parliamentarism, the State Duma, the State Council, M.M. Speransky, K.D. Kavelin, B.N. Chicherin.*

Идея парламента в русской либеральной мысли закономерно выросла из европоцентристских корней самого отечественного либерализма. Европейский либерализм, рожденный в период Нового времени в борьбе с традиционным обществом, сословной системой, доминированием церковных институтов и религиозного сознания, уже с XVIII в. оказывал заметное влияние на русскую общественно-политическую мысль. Весьма авторитетный исследователь отечественной либеральной традиции В.В. Леонтович подчеркивал, что «и идеологически, и практически русский либерализм был склонен к тому, чтобы получать и перенимать от других, извне»[1]. Но если на протяжении XVIII в., от петровской эпохи, открывшей активное проникновение европейских идей в Россию, до Павла I отечественная либеральная мысль (русское Просвещение, молодая Екатерина II, А.Н. Радищев и т.д.) транслировала в основном философский пафос западных концепций прав, свобод (вольностей), религиозной терпимости, гражданского равенства перед законом, ограничения абсолютизма и т.д., то уже с начала XIX в. стали возникать проекты встраивания либеральных институтов в политическую систему Российской империи. При этом одной из ключевых стала идея парламента, продвигавшаяся российскими либералами как обязательный атрибут «просвещенного», «цивилизованного» и «прогрессивного» общества.

Сама идея парламента русскими либералами рассматривалась в контексте западноевропейской теории разделения властей и ассоциировалась с одной из трех ветвей государственной власти, выполняющей функции народного представительства и законодательной, или законосовещательной деятельности. Именно в таком виде идея парламента появилась в начале XIX в. в ряде проектов государственных реформ статс-секретаря Михаила Михайловича Сперанского (1772-1839), представленных российскому императору Алек-

[1] *Леонтович В.В.* История либерализма в России 1762-1914. М.: Русский путь, 1995, с. 3.

сандру I. Важнейшим из этих проектов являлось «Введение к Уложению государственных законов» (1809 г.), где Сперанский указывал на принципиальную невозможность правового состояния государства, «если одна державная власть будет и составлять закон и исполнять его»[1]. Предлагая свою систему социально-политических преобразований, он выделил законодательную, исполнительную и судебную сферы государственной власти, распределил ответственность за данные сферы в независимых друг от друга учреждениях, но при закреплении за российским императором общей главенствующей и координирующей роли. В этой связи Сперанский выделил два парламентских института, предложив назвать их Государственной Думой и Государственным Советом.

Государственной Думе, избираемой населением, передавались полномочия законодательной власти. При этом избирательное право предоставлялось дворянам, а также людям «среднего состояния» – горожанам и жителям сельской местности, обладавшим определенным имущественным цензом. Работа Государственной Думы предлагалась Сперанским не на постоянной основе, а ее созывы планировались ежегодно в сентябре месяце и могли продолжаться в зависимости от количества законопроектов и рассматриваемых дел. При этом за императором предусматривалось право отсрочки созыва и досрочного роспуска Государственной Думы. Не обладая правом законодательной инициативы (она принадлежала монарху как главе государства и органам исполнительной власти), Государственная Дума имела возможность внесения поправок и дополнений в текст предварительно обсуждаемых ею новых законопроектов, которые далее передавались на утверждение императору. Однако без одобрения Государственной Думы ни один законопроект не мог поступить на утверждение и получить силу закона.

Согласно проекту М.М. Сперанского, Государственный Совет представал в виде коллегиального законосовещательного органа при российском императоре, состоявшего из лиц, им назначаемых. Государственный Совет выполнял функции согласования деятельности законодательной, исполнительной и судебной властей, являясь своеобразным связующим звеном

[1] *Сперанский М.М.* План государственного преобразования (Введение к Уложению государственных законов 1809). М.: Типо-литография товарищества И.Н. Кушнерев и К. Пимен, 1905, с. 31.

между императором, Государственной Думой, Комитетом министров и Сенатом. Государственный Совет имел возможность первоначального рассмотрения (но без права утверждения) законопроектов, служебных уставов, вопросов, связанных с введением чрезвычайных мер, отчетов министерств, а также ежегодных государственных бюджетов. При этом лишь рассмотренные Государственным Советом и одобренные императором законопроекты могли поступать на дальнейшее обсуждение и доработку в Государственную Думу.

Для Государственной Думы и Государственного Совета М.М. Сперанским предусматривались контроль за системой исполнительной власти, возможность требований отчетов и публичной критики действий министерств, а также привлечения чиновников к ответственности. Сперанский подчеркивал, что «законодательное сословие» должно быть устроено так, «чтобы оно не могло совершить своих положений без державной власти, но, чтобы мнение его было свободно и выражало мнение народное[1].

Первые парламентско-представительские институты в русском либерализме, предложенные М.М. Сперанским, оказались и наиболее «долгоиграющими» в российской политической традиции. Если при жизни Сперанского реализовался лишь проект Государственного Совета, то в 1906 г. была учреждена Государственная Дума, пережившая четыре своих созыва вплоть до революционных событий 1917 г. Уже в постсоветской России и Государственная Дума, и Государственный Совет вновь утвердились в политической системе, а после внесения в 2020 г. поправок в Конституцию Российской Федерации их роль существенно увеличилась.

Здесь важно подчеркнуть, что политическое творчество М.М. Сперанского оказало огромное влияние на все последующее развитие русской либеральной мысли[2]. При этом либеральная позиция Сперанского отличалась определенной умеренностью, рациональностью и консерватизмом[3]. В XIX в. прямыми продолжателями данной консервативно-либеральной традиции стали как ряд представителей отечественной

---

[1] Там же, с. 34.

[2] *Матюхин А.В.* М.М. Сперанский: у истоков российского либерализма // Журнал политических исследований, 2020, т. 4, № 1, с. 54-69.

3 *Платова Т.В., Давыдова Ю.А.* Парламентаризм в царской России: идеи и попытки реализации // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики, 2015, № 4, с. 88.

либеральной философии (прежде всего – К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин), так и часть российской бюрократии.

Это имело прямое отношение и к идее парламента. В частности, Константин Дмитриевич Кавелин (1818-1885) указывал на большое значение формирования парламентских институтов в процессе либерализации социально-политической жизни общества. Он выявлял определенные исторические закономерности возникновения идеи парламента, отмечая, что у «древних и новых народов, в жизни которых замечается какое-нибудь движение и стремление к улучшению общественных и политических форм, рано или поздно, непременно вводится, в том или другом виде, выборное государственное представительство, заменяя и исключая у одних народов существующую государственную организацию, у других только дополняя ее новым элементом»[1]. Согласно Кавелину, парламентско-представительская система возникает на зрелых этапах общественного развития как неизбежная политическая потребность. «Введение выборного государственного представительства, – замечал он, – не есть прихоть отдельных личностей, а вызывается потребностями государственной жизни. Не будь их, и оно не было бы таким распространенным, всеобщим явлением. Стало быть, нельзя считать его излишним и бесполезным, а того менее вредным и опасным»[2].

По убеждению К.Д. Кавелина, само появление института парламентаризма «служит признаком мощи и здоровья государственного тела, ибо появляется при правильном ходе государственной жизни, когда правительственный механизм вполне сложился и окончательно выработался»[3]. Парламентская система, таким образом, способствует гармонизации социально-политических интересов разных слоев населения, поскольку «представительство вносит в правительственный механизм живое непосредственное знание тех потребностей, общих и местных, которые назрели в государстве в данное время, и вместе знакомит частные лица, попавшие в число выборных представителей, с потребностями и условиями государственного механизма, далеко не похожими на

[1] *Кавелин К.Д.* Мысли о выборном начале // Собрание сочинений К.Д. Кавелина: В 4 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898, т. 2, с. 916.
[2] Там же.
[3] Там же, с. 919.

требования и условия местной, корпоративной, сословной и частной жизни»[1].

Но важно отметить, что К.Д. Кавелин был противником «резких движений» в политике[2], он говорил об осторожности и поэтапности как появления в российских условиях самого парламента, так и введения избирательных прав населения. Без длительного просвещения, без политического воспитания, без формирования необходимых навыков политической культуры народа ускоренная реализация института парламентаризма и всеобщего избирательного права неизбежно превратится «в театральные декорации, в намалеванные кулисы, ничего не значащие, ничего не стоящие»[3]. А бездумно-либеральное требование немедленного воплощения парламентской системы в России, по убеждению Кавелина, аналогично поклонению любому абстрактному политическому принципу, «если он не уложен в данные условия, не одет в плоть и кровь, другими словами, если точно не измерены и не взвешены средства и условия, данные действительностью, в какой мере применим и какими путями может быть водворен, проводим, осуществим этот принцип»[4].

Развитие идеи парламента в русской либеральной мысли было продолжено учеником К.Д. Кавелина Борисом Николаевичем Чичериным (1828-1904), также выделявшим исторические и социально-практические закономерности появления парламентских институтов. Являясь приверженцем прогрессистской концепции неизбежной либерализации общественной жизни, он писал: «Не только распространение либеральных идей... но и самая практическая необходимость ведет к водворению представительного правления[5].

Сам Б.Н. Чичерин был сторонником конституционной монархии и в связи с этим отмечал большое значение появления парламента как особого прогрессивного этапа в развитии монархической системы, а также ее дальнейшей эволю-

---

[1] Там же, с. 920.

[2] *Матюхин А.В.* Методология политических реформ К.Д. Кавелина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия История и политические науки, 2013, № 5, с. 99-104.

[3] *Кавелин К.Д.* Дворянство и освобождение крестьян // Собрание сочинений К.Д. Кавелина: В 4 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898, т. 2, с. 138.

[4] Письма Кавелина к Грановскому. Публикация Ш.М. Левина // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1959, т. **67, с.** 599.

[5] *Чичерин Б.Н.* Конституционный вопрос в России. Рукопись 1878 года. СПб.: Тип. «Товарищества Печатного Станка», 1906, с. 7.

ции. Отсутствие парламента – это признак абсолютной монархии, потенциально склонной к деспотизму. Промежуточной стадией является монархия «дуалистическая», где парламент, состоящий из представителей высших сословий, уже появляется в политической жизни, но его роль остается скорее вспомогательной по отношению к доминирующей силе – исполнительной власти во главе с монархом. А на высшей стадии, названной им «парламентарной монархией», за институтом парламента закрепляется уже ведущая роль. «Парламентское правление, – подчеркивал Чичерин, – служит признаком политической зрелости народа. Это высший цвет конституционной монархии. Это самоуправление народа со всеми задержками и гарантиями, которые требуются целями государства» [1].

Выделяя значение парламента для успешной либерализации общественной жизни в условиях монархии, Б.Н. Чичерин писал: «Воображать, что сколько-нибудь широкое развитие свободы возможно без представительного правления, не что иное, как праздная мечта... Без представительного порядка верховная власть никогда не выйдет из своего уединенного положения. Она не найдет и людей, способных быть исполнителями тех великих задач, которые ей предстоят»[2]. Рассматриваемая позиция актуальна и для современной России. Как отмечает В.О. Кротков, «к факторам риска, которые могут детерминировать изменение сложившегося политического режима, следует отнести деинституционализацию плебисцитарных механизмов, выражающуюся в недоверии к ним существенного числа представителей общества»[3].

Наличие системы парламентаризма, согласно Б.Н. Чичерину, создает благоприятные условия для вовлечения населения в государственные дела, для прямого или косвенного влияния на политические решения, для эффективного контроля административно-бюрократической вертикали, для пресечения возможностей чиновничьего произвола. По природе своей парламент создает «живое единство между прави-

---

[1] *Чичерин Б.Н.* О народном представительстве. М., 1866, с. 175.

[2] *Чичерин Б.Н.* Конституционный вопрос в России. Рукопись 1878 года. СПб.: Тип. «Товарищества Печатного Станка», 1906, с 26.

[3] *Кротков В.О.* Перспективы изменения авторитарной режимной консолидации в условиях либерализации российской политической системы // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал), 2013, № 2, с. 32.

тельством и народом»[1], способствует широкому политическому просвещению общества, развитию печати и гласности. А живая социальная целостность, в том числе во взаимоотношении между народом и властью, была всегда в русской мысли важнейшим проектом: и политическим, и философским[2].

Ссылаясь на английский опыт, Б.Н. Чичерин считал, что в идеале необходима пропорциональная представленность в парламенте всех общественных сил, социальных и территориальных групп, профессиональных страт, совокупных интересов всей нации. «В самом деле, – писал он, – если даже принять, что народное представительство должно быть выражением не общего мнения об общем деле, а совокупности отдельных, существующих в народе интересов – земледельческих, торговых и т.п., то все же каждый элемент должен быть представлен в парламенте сообразно со своей значимостью»[3].

В то же время, понимая условия российской социально-политической жизни, Б.Н. Чичерин писал о постепенности развития парламентского процесса в гармонии с формированием политической зрелости, политической культуры народа – потенциального избирателя. Например, он выступал против избирательного законодательства, допускающего в российских реалиях XIX в. максимально широкие слои населения к голосованию, так как это приведет к «политическому хаосу», способно «произвести всеобщее потрясение и надолго устранить возможность прочного порядка»[4], и формулировал свою позицию так: «Постепенное расширение прав, по мере развития политической жизни и образования, представляется всегда желанным»[5]. Чичерин был убежден, что воспитание «зрелого» массового избирателя – это длительный исторический процесс, идущий в контексте с формированием институтов гражданского общества[6], широким развитием образования, постепенным становлением среднего класса, «который

---

[1] *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки: В III т. М.: Типография товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1898, т. III, с. 237.

[2] *Ишутин А.А.* Идея целостности как российский социально-политический феномен // Журнал политических исследований, 2020, т. 4, № 2, с. 129-137.

[3] *Чичерин Б.Н.* Очерки Англии и Франции. М.: К. Солдатенков и Н. Щепкин, 1858, с. 23.

[4] *Чичерин Б.Н.* О народном представительстве. М., 1866, с. 417.

[5] Там же, с. 148.

[6] *Матюхин А.В.* Концепция гражданского общества Б.Н. Чичерина // Журнал политических исследований, 2019, т. 3, № 1. с. 83-91.

являлся бы той политической силой, при которой возможны и общественное единство и разумная государственная жизнь»[1]. Поэтому Чичерин выступал против ускоренного внедрения в политическую систему Российской империи парламента западноевропейского типа: «Парламентское правление требует политической опытности, сложившихся партий. Ничего этого у нас нет»[2].

Б.Н. Чичерин полагал, что политические, в том числе и избирательные права у разных сословий, различных общественных групп на первом этапе парламентского процесса должны быть строго дифференцированы, «распределение прав между ними должно сообразовываться не с отвлеченными началами равенства, а со способностью их участвовать в общественных делах».[3] Поэтому важны строгие избирательные цензы, учитывающие уровень образования (даже элементарной грамотности), профессиональные, имущественные, возрастные критерии, так чтобы «перевес имела мыслящая и образованная часть общества»[4], понимающая свою политическую ответственность. А наиболее высокие цензы, учитывающие уровень политической грамотности и общественной состоятельности, должны быть введены для кандидатов в депутаты, поскольку «представители должны отличаться большей способностью, нежели избиратели, ибо они имеют непосредственное влияние на правление»[5]. Поэтому для первого этапа появления парламента в России Чичерин выступал за доминирование в нем дворянства как объективно наиболее образованного, профессионально подготовленного и независимого в плане собственности сословия[6].

Можно при этом отметить, что в XIX в. и в западноевропейских государствах сохранялись значительные цензовые ограничения представительских политических институтов – по

---

[1] *Чичерин Б.Н.* Русское дворянство // Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов. М.: Типография В. Грачева и комп., 1862, с. 93.

[2] *Чичерин Б.Н.* Сборник статей и выступлений. М., 1904, с. 131.

[3] *Чичерин Б.Н.* Русское дворянство // Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов. М.: Типография В. Грачева и комп., 1862, с. 112.

[4] *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки: В III т. М.: Типография товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1898, т. III, с. 260.

[5] *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки: В III т. М.: Типография товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1894, т. I, с. 171.

[6] *Чичерин Б.Н.* Что такое охранительные начала? // Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов. М.: Типография В. Грачева и комп., 1862, с. 175.

половому, возрастному, национальному и имущественному признакам. Практика всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права уже более характерна для XX в. на Западе.

Для начала постепенного парламентского процесса Б.Н. Чичерин считал приемлемым учреждение совещательного народного представительства при Государственном Совете, функционирующем еще со времен М.М. Сперанского. Для этого «достаточно созвать в столице собрание выборных, например, по 2 или по 3 человека от каждого губернского земства и дать ему обсуждение законов и бюджета. Если рядом с этим преобразовать Государственный Совет в Верховную палату, очистить его от тех элементов, которые там находятся по чину – конституционное устройство готово»[1]. Чичерин говорил о четырех формах участия народных представителей в законосовещательном органе: «вызов экспертов по частным вопросам; вызов в отдельных случаях депутатов от сословий; постоянное присутствие депутатов в прениях Государственного Совета; особенное совещательное собрание из представителей от сословий»[2]. При этом Чичерин выражал уверенность, что постепенное либерально-эволюционное развитие политической жизни в России приведет к появлению всеобщего избирательного права и формированию «зрелого» парламента в качестве полноценного представительного и законодательного органа государственной власти.

Идея парламента, впрочем, занимала умы не только крупных русских либеральных теоретиков, но и значительную часть российского чиновничества, включая министров. Особенно это проявилось в атмосфере либеральных реформ Александра II. Кроме того, опыт М.М. Сперанского, регулярно представлявшего свои проекты государственных преобразований еще молодому и либерально мыслящему Александру I, стал восприниматься как актуальный.

Свой парламентский проект разрабатывал, например, военный министр Дмитрий Алексеевич Милютин (1816-1912), но все же предложить его Александру II он не решился. Согласно проекту Милютина, существующему Государственному Совету придавалась роль полноценного законодательного собрания. В его состав вводился «избирательный

[1] *Чичерин Б.Н.* Сборник статей и выступлений. М., 1904, с. 126.
[2] Там же.

элемент земства» – наполовину Совет состоял из членов по назначению, другая часть – из выборных от губернских земств. Решения и государственные законы должны были приниматься по большинству голосов, но за императором сохранялось «право вето». Учреждалась также Верховная контрольная палата, которая должна была выполнять роль высшего блюстителя закона, следить за правильным его исполнением[1].

В отличие от Милютина, министр внутренних дел Петр Александрович Валуев (1815-1890) в 60-70-х гг. XIX в. лично представил Александру II ряд служебных «Записок», отражающих идею парламента. Но в них шла речь о преобразовании существующего Государственного Совета не в законодательный, а в законосовещательный орган. Призывая «дать пищу внутренней активности общества»[2], Валуев при разработке земской реформы ставил вопрос и о центральном представительстве наряду с местным. Им предусматривалось учреждение при Государственном Совете Съезда государственных гласных как необходимого законосовещательного звена между местным самоуправлением и центральной властью[3]. Обосновывалось это так: «Во всех европейских государствах разным сословьям предоставлена некоторая доля участия в делах законодательства или общего государственного управления, и что если так везде, то так должно сбыться и у нас. Установление начал сего участия считается признаками политического совершеннолетия»[4].

Согласно проекту народного представительства П.А. Валуева, съезд государственных гласных становился своеобразной законосовещательной «нижней палатой». Большую его часть (101 депутат) должны были составлять представители земств, избранные на губернских земских собраниях; вторую часть (32 депутата) представляли российские окраины, где отсутствовал институт земства – Сибирь, Кавказ, Прибалтика, Земля Войска Донского и другие районы ка-

---

[1] *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х гг. М.: Издательство Московского университета, 1964, с. 132-133.

[2] Предложения и проекты П.А. Валуева по вопросам внутренней политики (1862-1866) // Исторический архив, 1958, № 1, с. 144.

[3] Всеподданнейшая записка статс-секретаря Валуева // Вестник права, 1905, кн. 9, с. 235-270.

[4] Российский государственный исторический архив. Ф. 908. Оп.1, Д. 198. Л. 87.

зачьих войск; третьей частью (18 депутатов) являлись представители наиболее крупных городов страны, избранные либо городскими думами, либо собраниями городских обществ из среды домовладельцев. Кроме того, предусматривалась назначаемость «высочайшей властью» пятой части от общего состава выборных (30 человек), включая утверждение императором председателя Съезда из числа членов Государственного Совета. Состав Съезда, в случае необходимости, мог быть и расширен за счет увеличения числа депутатов от губерний и городов (до 212 человек)[1]. Съезд должен был созываться ежегодно Высочайшим указом к определенному сроку, рассматривать в основном вопросы государственного бюджета и налогов. Окончательное решение по вопросам, поднимавшимся на съезде, принадлежало Государственному Совету. По меткому замечанию советского историка Л.Г. Захаровой, Съезд государственных гласных в проекте Валуева становился органом «совещательным по отношению к совещательному же Государственному Совету»[2].

Проекты организации народного представительства великого князя Константина Николаевича (1827-1892) и Михаила Тариеловича Лорис-Меликова (1825-1888) являлись своеобразным развитием идей П.А. Валуева. Например, если у Валуева было предусмотрено представительство только от земств, то у Константина Николаевича при Государственном Совете (председателем которого он сам являлся в 1863-1881 гг.) предполагались и земский и дворянский съезды «для составления предположений и проектов по делам, относящимся до хозяйственных польз и нужд»[3]. Последний министр внутренних дел при Александре II М.Т. Лорис-Меликов в начале 1880-х гг. проектировал «конституцию»[4], согласно которой первоначально предполагались образование подготовительных комиссий по вопросам административно-хозяйственной и финансовой политики, подготовка соответствующих законопроектов с последующей передачей на

[1] *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х годов XIX в. Л.: Наука, 1978, с. 40.

[2] *Захарова Л.Г.* Переписка министра внутренних дел П.А. Валуева и государственного секретаря С.Н. Урусова в 1866 году // История СССР, 1973, № 2, с.115.

[3] Российский государственный исторический архив. Ф. 908. Оп.1. Д. 198. Л. 49-50.

[4] *Голицын Н.В.* Конституция графа Лорис-Меликова. Материалы для ее истории // Былое, 1918, № 4-5, с.125-186.

обсуждение представительной Общей комиссии. Помимо председателей подготовительных комиссий, Общая комиссия должна была состоять из выборных местных представителей от губернских земских собраний и больших городов в качестве «голоса» общественности. Лорис-Меликов обосновывал это так: «Необходимым условием для успешного выполнения предстоящих правительству задач является привлечение выборных представителей общественных учреждений к участию в совещательном обсуждении или подготовительной разработке некоторых особенно важных правительственных законопроектов»[1].

Однако с воцарением Александра III, крайне негативно относившегося к самой идее парламента в России, либеральный энтузиазм отечественного чиновничества практически иссяк.

Проекты реализации идеи парламента в России XIX в., как в лице крупнейших представителей отечественной либеральной теории (М.М. Сперанский, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин), так и либерально настроенного чиновничества носили в целом консервативно-сдержанный, умеренный и даже охранительный характер. Но во второй половине XIX – начале XX в. и проекты, и попытки практического воплощения парламентаризма со стороны «либеральной общественности» все более радикализировались, что не в последнюю очередь изменило и ход российской истории. Этому будет посвящена отдельная статья в журнале «Социально-гуманитарные знания».

[1] Государственный архив Российской Федерации. Ф. 677. Оп. 1. Д. 538. Л. 3.

УДК 1, 2
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51604

И.В. КОРЕНЬ
адъюнкт кафедры философии и религиоведения Военного университета Министерства обороны Российской Федерации*

Религиозный фактор: сущность и современная специфика

В статье исследуется сущность религиозного фактора и специфика его проявления в общественной жизни. Характеризуются различные точки зрения ученых на дефиницию «религиозный фактор». На основе анализа современных религиозных процессов показана положительная и отрицательная роль воздействия религиозного фактора на общественную жизнь. Отмечается особая роль государства и традиционных религий в укреплении межэтнических и межрелигиозных отношений.

Ключевые слова: *социальный фактор, религиозный фактор, сущность религиозного фактора, специфика проявления религиозного фактора.*

I.V. KOREN
Adjunct of the Department of Philosophy and Religious Studies of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Religious factor: essence and modern specificity

The article examines the essence of the religious factor and the specificity of its manifestation in public life. The different points of view of scientists on the definition of "religious factor" are characterized. Based on the analysis of modern religious processes, the author shows the positive and negative role of the influence of the religious factor on public life. The special role of the state and traditional religions in strengthening interethnic and interreligious relations is noted.

Keywords: *social factor, religious factor, the essence of the religious factor, the specifics of the manifestation of the religious factor.*

* Корень Игорь Валериевич, e-mail: corenihor@yandex.ru

С конца XX в. религия как один из важнейших социокультурных институтов стала оказывать огромное влияние на происходящие преобразования в российском обществе. Усиление роли религии в этот период было обусловлено всей совокупностью происходивших социально-экономических и политических изменений. Развал СССР, кризис в экономике и социальное расслоение, крах идеологии и потеря фундаментальных ценностей многочисленным слоем населения способствовали усилению роли религиозного фактора в жизни страны.

Огромное влияние на оживление религии в российском обществе оказало смягчение государственно-конфессиональных отношений. В этой связи потребовалось переосмысление места и роли религии как на общественно-политическом, так и на духовно-культурном уровне страны. Социально-философская мысль стала предлагать свои концептуальные воззрения на религию как на важнейший элемент культуры. Все более употребимым становится термин «религиозный фактор», в частности в философии, религиоведении, политологии, социологии, психологии, истории, культурологии, этнологии. У истоков анализа сущности и содержания данного понятия стояли такие ученые, как В.Н. Рагузин и Ю.Г. Носков[1].

Приобретя статус научного понятия на рубеже XX и XXI вв., «религиозный фактор» лишь в самое последнее время стал не только часто употребляться, но и анализироваться в научных трудах, посвященных данному общественному явлению. К числу таких трудов относятся монографии О.Ф. Лобозовой, Н.В. Тузова, М.П. Мчедлова, Е.О. Гаврилова, Т.Ю. Красовицкой, В.А. Тишкова и др. Много диссертационных исследований посвящено анализу сущности и содержания понятия «религиозный фактор». К аналогичным научным работам следует отнести исследования В.М. Ераносяна, А.В. Митрофановой, В.В. Кулакова, Ю.А. Сибирцевой, Г.Ж. Бауберикова.

Следует отметить, что процесс воздействия религии на общество осуществляется посредством деятельности людей, которая может затрагивать широкий спектр социальных

---

[1] См.: *Рагузин В.Н.* Роль религиозного фактора в межнациональных отношениях. М.: РАГС, 1998; *Носков Ю.Г.* Религиозный фактор и духовная безопасность: Монография. М.: Военный университет, 2000.

объектов. Так, в общественно-политическом измерении религиозный фактор может фигурировать в рамках воздействия на политические события и явления. В общесоциальном контексте религиозный фактор может обозначать влияние на социальные процессы, происходящие на разных уровнях социальной системы. Влияние религии фигурирует в психологическом контексте, когда особым объектом становится сам человек.

Современная научно-философская мысль, посвященная исследованию религиозного фактора, содержит значительное количество определений данного социального явления. Среди них особо хотелось бы выделить дефиниции, предложенные политологом В.Н. Рагузиным, религиоведом А.А. Нуруллаевым и ученым-философом Ю.Г. Носковым.

В.Н. Рагузин под религиозным фактором понимает «функциональное состояние и характер взаимосвязей и взаимодействия религии и ее компонентов с объектами влияния: обществом, политикой, культурой, государственной властью, нацией и т. д.»[1].

По мнению А.А. Нуруллаева, «религиозный фактор есть специфическое обозначение функционирования религии и ее институтов в системе социальных, экономических, политических, национальных и других отношений; все, что относится к религии и ее институтам как субъектам деятельности в разных сферах общественной жизни»[2].

Ю.Г. Носков под религиозным фактором подразумевает «понятие, служащее для обозначения воздействия, оказываемого со стороны религии на тот или иной социальный объект и представляющего в данных конкретных условиях особое значение для функционирования и исследования этого объекта»[3].

На основе анализа выделенных определений можно сделать вывод, что в роли религиозного фактора выступает не религия, а механизм ее влияния, при действенном соучастии ее институтов.

---

[1] *Рагузин В.Н.* Роль религиозного фактора в межнациональных отношениях, с. 28.

[2] *Нуруллаев А.А.* Религиозный фактор в национальных процессах // Государственно-церковные отношения в России: Курс лекций. М.: РАГС, 1994, ч. 1, с. 100.

[3] *Носков Ю.Г.* Религиозный фактор и духовная безопасность: Монография. М.: Военный университет, 2000, с. 44.

Определив сущность религиозного фактора, рассмотрим его современную специфику.

Религиозный фактор, являясь подвидом социального фактора, кроме владения общими свойствами, характеризуется своими специфичными чертами. Особенность их проявления во многом зависит от определенной исторической и социально-политической ситуации.

В научно-философской литературе процесс воздействия религии на общество чаще всего рассматривается в общественно-политическом измерении, в контексте общесоциального влияния и в рамках психологического воздействия. Руководствуясь данными подходами, раскроем современную специфику проявления религиозного фактора.

Рассмотрим религию в общественно-политическом измерении. Обзор литературы по проблеме взаимодействия религии и политики свидетельствует о существовании тесной связи между этими сферами общественной жизни на протяжении всей истории человечества[1]. Заметно усилилась эта связь в конце XX в. Причем, как утверждает Т. В. Растимешина, религия сегодня становится реальной политической силой[2]. Ее влиянием заметно усилилось на политику в странах, где она занимала высокое положение – это страны, исповедующие индуизм и ислам. Ее значимость растет и в странах бывшего социалистического лагеря – Польше, Венгрии, России и в ряде других. По мнению И.Ю. Фроленковой, одним из основных катализаторов «религиозного ренессанса» выступает глобализация[3]. А.В. Переяшкин считает, что наряду с глобализацией усиление религиозного фактора обусловлено также многовековым процессом «секуляризации» международных отношений[4]. В.В. Кулаков утверждает,

---

[1] См.: *Станкевич Г. В.* Религиозный фактор современного политического процесса: Монография. Ставрополь: Ставролит, 2012, с. 16.

[2] См.: *Растимешина Т. В.* Религиозный фактор в политике идентичности: тенденции глобализации и нациестроительство в России 2012 // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал), 2012, № 4, с. 1.

[3] *Фроленкова И. Ю.* Социокультурная и гражданско-политическая идентичность: к проблеме места и роли религиозного фактора / Труды IV Конгресса российских исследователей религии. Религия как фактор взаимодействия цивилизаций: сборник докладов. Благовещенск, Изд-во Амурского государственного университета, 2018, с. 274.

[4] См.: *Переяшкин А. В.* Религиозный фактор в современной мировой политике: Автореф. дисс. …кан. пол. наук. Пятигорск, 2015, с. 11.

что возрастание роли религии в политической жизни страны обусловлено не только внешними геополитическими причинами, но и внутренними политико-идеологическими[1].

Можно выделить ряд направлений воздействия религии на политику. Особое влияние на политику оказывает популяризация религиозных идей, которые могут как положительно, так и негативно влить на общественное сознание. Государственная власть должна учитывать наличие этого направления влияния религии с целью установления социальной стабильности и недопущения угроз духовной безопасности страны. Как верно заметил А.М. Арипшев, религиозные институты являются теми значимыми ценностно-формирующими компонентами, которые создают духовные ценности страны и служат ядром национальной безопасности[2]. Вот почему российское государство в целях обеспечения коллективной идентичности и единения нации должно отводить религии особое место. Это связано с тем, что Россия является мультинациональным и мультирелигиозным обществом, для которого общегражданская и национальная идентичность с учетом религиозного разнообразия является стратегическим вызовом.

Популяризацию религиозных идей осуществляют не только традиционные религиозные организации, но и нетрадиционные для России религиозные движения, а также специфические международные религиозно-политические организации, такие как Всемирный совет церквей – крупнейшая экуменическая организация, международная буддийская организация – Мир Братства буддистов и Организация исламского сотрудничества – международная организация исламских стран.

Начиная с конца XX – начала XXI в. одновременно с оживлением деятельности традиционных для России религий (православия, ислама, буддизма и иудаизма) стали распространяться нетрадиционные религиозные движения, имеющие зарубежные центры и солидные материальные средства. Экспортируемые из США и Западной Европы религиозные движения не скупятся на огромные расходы на

---

[1] См.: *Кулаков В.В.* Религиозный фактор и национальная безопасность России: Автореф. дисс. ...канд. филос. наук. М., 2006, с. 11.

[2] См.: *Арипшев А.М.* Факторы, влияющие на развитие религиозного фундаментализма на современном этапе: Монография / А. М. Арипшев, С. П. Козлов. М.: РУСАЙНС, 2020, с. 40.

реализацию различных проектов, в том числе образовательных и благотворительных. Большинство этих проектов направлены на насаждение, антироссийской и антигосударственной идеологии, что несет угрозу национальной безопасности страны.

Для благополучия государства и его граждан желательно отдавать предпочтение в сотрудничестве традиционным религиям, особенно таким, которые внесли и вносят значительную лепту в духовное развитие российского общества и обеспечение его национальной безопасности.

Нередко религиозные мотивы выступают опорой радикальных политических действий, совершаемых разнородными религиозно-политическими организациями и движениями, содержащими черты религиозно-политического экстремизма и терроризма.

Традиционная религия в своем исходном значении обеспечивает «гармонию» среди различных социальных групп и содействует порядку в обществе[1]. Тогда как религиозно-политический экстремизм способствует возникновению и обострению межэтнических и межконфессиональных конфликтов, разгулу регионального сепаратизма. На сегодняшний день большинство компетентных исследователей связывают религиозный экстремизм с политикой государства, а не с деятельностью традиционных религиозных организаций. Так, по мнению Л. А. Баширова, «не религия, как таковая порождает религиозно-политический экстремизм, а политика государства (сообщества государств) в сфере этнонациональных отношений»[2]. А по утверждению Алексия Второго – почившего Патриарха Московского и всея Руси, «нельзя ассоциировать экстремизм с религией, потому что ни одна религия не проповедует экстремизма и жестокости. И то, что происходит, не имеет никакого отношения к религии»[3].

Примером проявления религиозно-политического экстремизма является политический ислам. В наше время исламс-

---

[1] См.: *Забияко А.П.* Религия, право на насилие и религиозный экстремизм / Диалог религиозных культур как фактор безопасности и стабильности: проблемы и решения: Материалы II Региональной научно-практической конференции / Под ред. докт. ист. наук, проф. А.А. Дзарасова; Институт цивилизации. Владикавказ: ИПК «Литера», 2012, с. 203.

[2] *Баширов Л.А.* Религиозно-политический экстремизм и терроризм как угроза национальной безопасности России // Мир и согласие. М., 2005, с. 136.

[3] Интервью Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго журналистам «Седьмица. RU.» от 21 июля 2005.

кий экстремизм широко распространился во многих странах мира. Религиозно-политический экстремизм, являясь «чумой XXI века», ведет к возникновению и усилению межконфессиональной вражды и социальной напряженности. События в Сирии продемонстрировали всему мировому сообществу, что появилась потребность в глобальном подходе к борьбе с экстремизмом. Ближний Восток не вчера стал источником экстремизма, идеология которого оказалась благоприятной средой для терроризма, и его распространения на территории других государств, в частности России[1]. Терроризм, маскирующийся религиозными лозунгами, несет серьезную угрозу всему мировому сообществу. Россия целиком и полностью поддерживает идею глобальной борьбы с террором. Однако не все мировые лидеры полностью поддерживают доктрину «войны» с терроризмом. Примером может служить «арабская весна» – волна путчей, начавшихся в арабском мире 18 декабря 2010 г.[2]. В результате этих событий, при прямой поддержке Запада и США, религиозно-экстремистские группировки превратили свои страны в руины, вызвав гуманитарную катастрофу.

Терроризм религиозно-экстремистских группировок – самая разрушительная разновидность террористической деятельности. Идейной основой деятельности религиозно-экстремистских группировок служат религиозные учения экстремистского и радикального характера. По мнению большинства авторитетных исследователей проблем религиозного терроризма, для более правильного представления сущности данного общественного феномена необходимо употреблять термин «терроризм религиозных экстремистов»[3].

Кроме непосредственного воздействия на политику, религия косвенно влияет на нее посредством правовых, моральных и других социальных регуляторов. Следовательно, между религией и политикой существует тесная связь. Именно эти две сферы, как утверждает М. М. Мчедлова, проникают в

---

[1] См.: *Оссауленко С.Л.* Религиозно-политический экстремизм и терроризм в поликонфессиональном обществе // Молодой ученый, 2013, № 5, с. 545-547.

[2] См.: *Горячев А.И.* Феномен «гибридной войны» в сирийском контексте / Военный академический журнал, 2018. № 2, с. 31.

[3] См.: *Дмитриев А.В., Залысин И.Ю.* Религиозный терроризм: сущность, истоки, разновидности / Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М. П. Мчедлов. М.: Институт социологии РАН, 2008, с. 75.

ткань социальных отношений и структурируют поведение и образ мысли людей[1]. За период возрождения России как многоконфессиональной страны социальная роль религии, согласно мнению А. М. Арипшева, заметно видоизменилась и постепенно возродилась, как в частной, так и в общественной жизни[2]. В первую очередь это было обусловлено происходящими в обществе демократическими процессами, утверждением идеологического плюрализма и изменением отношения со стороны населения к религии.

Отечественные исследователи этнорелигиозных противоречий в российском обществе И.Н. Осипова и О.П. Салтыкова выделяют два аспекта проявления религиозного фактора в общественных отношениях. Согласно первому аспекту, религия «выступает в роли социально значимого медиатора в межэтнической интеграции и консолидации общества в целом». Второй аспект свидетельствует о негативном влиянии религии на общественные отношения[3]. В 90-х гг. XX в. кризис российской идентичности привел к этническим конфликтам, часть из которых проходила под религиозными лозунгами. Ярким примером такого конфликта явилась «народная борьба» на территории Чеченской Республики, где политическим силам удалось на почве религиозного фундаментализма и национального сепаратизма прийти к власти. Именно религиозный фундаментализм пришедших к власти в Чечне сепаратистов явился основой религиозного сепаратизма, экстремизма и терроризма, пытавшего распространить свое влияние на весь Кавказский регион.

Негативное влияние на социальные отношения в российском обществе оказали религиозные движения, имеющие организационные центры за рубежом. Пик их деятельности при-

---

[1] См.: *Мчедлова М.М.* Место религии в социально-политическом процессе: цивилизационные основания и современные тенденции: Автореф. дисс. …док. полит. наук. М., 2011, с. 38.

[2] См.: *Арипшев А.М.* Факторы, влияющие на развитие религиозного фундаментализма на современном этапе: монография, с. 10.

[3] *Осипова И. Н. и Салтыкова О. П.* Этнорелигиозные противоречия как проблема становления гражданского общества / Религиозный фактор в процессе становления гражданского общества в современной России: Сборник научных трудов. Саратов: Поволжская академия государственной службы им. П. А. Столыпина, 2004, с. 101.

ходится на 90-е гг. XX в.[1]. Для приобретения сторонников им пришлось использовать эффективные методы, оптимизация которых продолжается по сей день. Российскому государству в целях самосохранения следует отдавать предпочтение традиционным созидательным религиям, которые своими социальными функциями положительно влияют на общественные отношения.

Посредством выполнения религией своих функций осуществляется влияние религиозного фактора на общественные отношения. Наиболее важными социальными функциями религии выступают: компенсаторная – провозглашая духовную свободу и братство людей, помогает им коллективно защищаться от неблагоприятных воздействий природных и социальных сил; смыслополагающая (мировоззренческая) – формирует картину мира с ее ценностями, идеалами, нормами, определяющими систему духовно-смысловой ориентации человека в обществе; регулятивно-воспитательная – формирует особую систему норм и ценностей, направленных на регулирование социального поведения верующего, его отношение к семье и обществу; интегративная (объединяющая) – устанавливает определенные связи и отношения в рамках религиозной общности, интегрирует тем самым общественный «организм» и обеспечивает его стабильность; легитимирующая (узаконивающая) – узаконение общественных институтов (моральных, правовых), их соблюдение и следование им в повседневной жизни.

Значительным регулятивным потенциалом обладает функция психологического воздействия (психотерапевтическая). Посредством этой функции, как отмечает В.В. Ильин, религия помогает человекубыть более уверенным в себе и позволяет примириться с окружающей действительностью[2]. А по мнению С.З. Канаева, психотерапевтическая функция не только адаптирует к жизни человека, но и способствует оздоровлению национального самосознания[3].

---

[1] См.: *Лобазова О. Ф.* Религиозность в современной России: факторы динамики: Монография / Под общей редакцией академика РАН, профессора В.И. Жукова. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2008. с. 10.

[2] См.: *Ильин В.В., Кармин А.С., Носович Н.В.* Религиоведение. СПб.: Питер, 2006, с. 36.

[3] См.: *Канаев С.З.* Роль религиозного фактора в формировании национальной психологии: Автореф. дисс. ...канд. филос. наук. М., 1991, с. 10.

Посредством психологического воздействия религия несет в себе мощный потенциал для оздоровления духовной жизни общества. Религия на основе исторически сформировавшихся традиций, обрядов и праздников, путем традиционного просвещения, посредством религиозной микросреды совершает внушительное воздействие на социально-психологическую реальность. Свидетельством такого влияния религии на формирование здорового национального самосознания в современной России являются социальные концепции традиционных конфессий. Вот почему в многоконфессиональном государстве Россия высоко ценится социальный авторитет традиционных российских конфессий в жизни россиян и та роль, которую они играют в формировании национального самосознания и национальной психологии.

Вместе с тем следует отметить, что значимость религиозного фактора в формировании национальной психологии и национального самосознания противоречива. Внутренние идейно-психологические возможности религии могут не только положительно влиять на социально-психологический климат в стране, но и заряжать радикализмом последователей вероисповедания, а также людей, не предрасположенных к нему. По утверждению С.З. Канаева, религиозная нетерпимость и вражда к иноверцам, формируемая на основе религиозного экстремизма, не может быть обусловлена самой религией. Причиной этому, по мнению ученого, служат нерешенные социально-экономические проблемы и политизация религии[1].

Подводя итог анализу о социальной роли религиозных функций по отношению к обществу, можно сделать вывод, что влияние религиозного фактора на общественные отношения нельзя рассматривать однозначно, только положительно или отрицательно. Это влияние носит двойственный характер. Религиозный фактор положительно влияет на общественную жизнь, если посредством него реализуются идеалы добра, гуманизма, равенства. Но его влияние приобретает негативный характер, когда распространяются вражда, нетерпимость и межконфессиональные конфликты.

Актуальность исследования сущности религиозного фактора и специфики его проявления в общественной жизни

[1] См.: *Канаев С.З.* Роль религиозного фактора в формировании национальной психологии: Автореф. дисс. ...канд. филос. наук. М., 1991, с. 17.

продиктована той ролью религии, которую она играет в современных условиях. Религиозный ренессанс, охвативший многие страны мира, в том числе и российское государство, в конце XX – начале XXI вв. способствовал возрождению роли религии как в частной, так и в общественной жизни. Весьма часто религиозный ренессанс воспринимается исключительно с позитивной стороны. Вместе с тем противоречивость сегодняшних религиозных процессов свидетельствует о его положительных и отрицательных моментах.

К положительным моментам возрождения религии можно отнести усиление ее влияния на общественное и индивидуальное сознание, узаконение различных видов деятельности. Негативные стороны религиозного ренессанса проявляются в сепаратизме, религиозно-политическом экстремизме. Это в свою очередь приводит к разрушению национального самосознания и к угрозе национальной безопасности страны. Учитывая данный факт, государство должно препятствовать возникновению межконфессиональных конфликтов и вместе с религиозными организациями способствовать гармонизации общественной жизни.

В Российской Федерации, благодаря продуманной государственной политике, основанной на признании за всеми традиционными религиями их весомой исторической роли в укреплении межэтнических и межрелигиозных отношений, выстраиваются с ними доброжелательные формы сотрудничества и партнерства. Деятельность религиозных организаций деструктивного характера, угрожающих духовно-религиозной безопасности российского общества, жестко пресекается в рамках закона.

УДК 7.067
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51605

С.Ю. ЕРМОЛАЕВА
кандидат педагогических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций МПГУ*

А.Д. ЛИПАРТИЯ
Магистрант Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ**

Постмодернистское состояние фотографии на современных медийных платформах

В этой статье исследуется постмодернистское состояние социальных медиа и определяется использование социальной фотографии, как постмодернистской чувствительности. Социальные медиа представляют опасность и риски для людей, и многие из этих проблем можно проследить до самой фотографии. Динамика изображений усилилась и социальные фотографии визуализируют это посредством оцифровки; индивиды, вещи и числа в равной степени становятся субъект-объектами, основанными на данных, в киберпространстве, кибернетическими объектами, которые подвергаются тщательному изучению паноптикумом киберпространства. Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что использование социальных медиа для социальных практик и формирования идентичности изначально проблематично, поскольку деятельность подобных медийных платформ находится вне контроля.

***Ключевые слова**: социальные медиа, социальная фотография, социальные сети, медиа, посмодернизм, медийные платформы.*

S.Ju. ERMOLAEVA
PhD in Pedagogy, Associate Professor at the Chair of Journalism and Media Communications, Moscow Pedagogical State University

* Ермолаева Светлана Юрьевна, e-mail: syu.ermolaeva@mpgu.su
** Липартия Анна Давидовна, e-mail: a.liparti@yandex.ru

A.D. LIPARTIA
Undergraduate of Journalism and Media Communications, Moscow Pedagogical State University

The postmodern state of photography on modern media platforms

This article explores the postmodern state of social media and defines the use of social photography as a postmodern sensibility. Social media is dangerous and includes risks for people, and many of these problems can be traced back to photography itself. The dynamics of images has increased and social photographs visualize it through digitization; people, things and numbers alike become data-driven subject-objects in cyber-space, cybernetic objects that are explored by the panoptic of cyberspace. Based on this, we can conclude that the use of social networks for social practices and identity formation is inherently problematic, since the activities of such media platforms are out of control.

Keywords: *social media, social photography, social networks, media, postmodernism, media platforms.*

В современном обществе люди существуют онлайн и офлайн в мультимодальных средах, которые выходят за рамки физического и виртуального за счет повседневного использования цифровых технологий и Интернета. Ритуалистическое социальное поведение осуществляется на сайтах социальных сетей и медийных платформах.

Социальные фотографии составляют большое количество социальных взаимодействий на этих платформах, поскольку создают ощущение «места» посредством своих виртуальных представлений о физическом мире. Более того, они предоставляют человеку средства для экспериментальных отношений с собой[1]. Однако внешнее подтверждение самоощущения и симуляция множественных реальностей для чувства «места» усложняют формирование идентичности, работают в интересах доминирующей постмодернистской капиталистически-потребительской модели и создают риски для безопасности людей.

[1] *Giddens A*. Modernity and self-identity. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1991, p. 53.

Становится очевидным, что социальные медиа и, следовательно, социальная фотография, являются продуктом и работают в пользу постмодернистской транснациональной капиталистической потребительской бизнес-модели[1]. Проблемы социальной фотографии не новы; они просто расширились за счет их повседневного использования в социальной практике в современных физико-виртуальных средах. Социальные медиа и фотография играют важную роль в формировании идентичности, личность становится комбинацией множества субъективно построенных онлайн-пространств[2], уязвимых для неизвестной аудитории посредством объективации.

В результате оцифровки и технологизации граница между субъектом и объектом полностью рухнула в сферах киберпространства, что свидетельствует о дальнейшем сдвиге в отношениях объект/субъект. Человек или вещь, изображенные на фотографии, становятся кибобъектом – этим термином предлагается описать субъект-объект, основанный на данных, уязвимый для обозначения неизвестной аудитории в киберпространстве. Это имеет значение не только для самобезопасности и кибербезопасности. Накопление организациями знаний о людях как кибобъектах дает им власть над этими людьми, эта динамика власти скрыта представлением социальных медиа о демократизации и свободе, поскольку они основаны на участии пользователей. Для безопасного использования Интернета нужно помнить об этих сдвигах власти, о потенциальных рисках, коренящихся в нашей зависимости от технологий, и об исчезновении разделения на объект/субъект.

Сегодня социальные медиа определяются как вебсервисы, позволяющие людям создавать общедоступный или полуобщественный профиль в рамках ограниченной системы, составлять список других пользователей, с которыми они совместно создают коммуникацию, и просматривать коммуникации и контент, которые сделаны другими в системе.

С другой стороны, социальные медиа – это услуги, которые используются в основном для передачи информации. Они включают в себя различные типы СМИ, такие, как

---

[1] *Джеймсон Ф.* Постмодернизм и общество потребления. М.: Логос, 2000 р. 32.

[2] Bulletin of Science, Technology & Society, 2010, p. 377-386 [Электронный ресурс] URL: https://journals.sagepub.com/home/bst (дата обращения: 10.04.2021).

приложения, блоги, видео, видеоблоги, веб-сайты дискуссионных форумов и онлайн-журналы. Более того, они позволяют любому «делиться» контентом, опубликованным другими через их социальные сети. Благодаря своей глобальной сетевой природе, события в социальных медиа могут вызывать цепные реакции, которые называются «вирусными».

Социальные медиа играют важную роль в построении отношений с другими людьми, и оказывают глубокое влияние на личность человека. Кроме того, они представляют собой переплетенные отношения между человеком и машиной, поскольку социальные медиа строят платформы для общения, которые реализуются поверхностно, существуют только на экране. Осведомленность о рисках безопасности личной информации, которой человек делится в сети с неизвестной аудиторией киберпространства, является обязательной.

Но трудности возникают не только из-за настроек конфиденциальности, отношения крупных компаний и осознания отдельными людьми своих «ролей». Некоторые из проблем, связанных с социальными медиа, а точнее социальными фотографиями, можно проследить до самой фотографии как носителя, поскольку изображения составляют значительную часть социального поведения на медийных платформах. Благодаря революции в области информационных и коммуникационных технологий и Интернета фотография была демократизирована и упрощена, поскольку оцифровка, упрощение технологий и мгновенный обмен изображениями в сети изменили отношение каждого человека к использованию камеры. На общественном уровне веб-сайты телеканалов, таких как «Известия», поощряют свою аудиторию присылать собственные фотографии и видеоматериалы о важных событиях, что позволяет отдельным лицам и журналистам совместно работать над распространением новостей. На частном уровне повседневные действия документируются и мгновенно передаются «друзьям» на таких платформах, как Instagram. Это иллюстрирует полную интеграцию фотографии в повседневную социальную жизнь. Это также показывает наивное игнорирование ранее более сложных действий, которые нужно было выполнить для создания фотографии. Больше не нужно иметь камеру, знать, как ею пользоваться и ждать, пока проявятся изображения на пленке.

Практически у каждого есть устройство со встроенной камерой (смартфон, планшет или ноутбук), дающее

возможность постоянно быть на связи с другими людьми посредством обмена изображениями или видео. Это позволяет людям чувствовать себя услышанным и важным и, прежде всего, ощущать свое присутствие «в месте». По крайней мере, такое впечатление создают экраны со встроенными камерами.

Когда волна одиночества захлестывает или в голову приходит забавная мысль – сообщники в виде социальных сетей всегда у вас под рукой. Быстро делается снимок, подписывается остроумной фразой и мгновенно публикуется в «истории» Instagram или Facebook. Обратная связь следует незамедлительно; мгновенный ответ заставляет убедиться человека в том, что его юмор был оценен, а «присутствие» – признано.

Новая подкатегория фотографии под названием «социальная фотография» является ответом на этот сдвиг в социальном поведении. В нем обозначается интеграция фотографии и социальных медиа в «одну большую культуру»[1] и рассматривается поведение людей в этих виртуальных социальных пространствах, которое превратило фотографию в повседневную непрерывную общедоступную практику (Inspirationbit.com, 2016). Направленность и интерес этой формы фотографии заключается в использовании облегченных технологий и встраивании фотографий в социальные медиа, включая сайты, посвященные фотосъемке, приложения, такие как Snapchat и Instagram; блоги, такие как Tumblr, а также страницы онлайн-сообществ и дискуссионные форумы, как Facebook и Twitter.

Исчезновение границы между частным и публичным в социальных медиа в сочетании с динамикой среды фотографии усложняет построение самости для людей, живущих в глобализированных и технологизированных обществах, поскольку социальные фотографии стали индикаторами личности. Совершенно необходимо размышлять о социальной фотографии как о деятельности и ее вкладе в формирование социального и культурного опыта, поскольку социальные медиа можно рассматривать как продукт постмодернизма. Хотя этот термин оспаривается среди ученых, ключевые

[1] Blog.epicedits.com. Epic Edits Archive Writing Project: Social Photography, 2008. [Электронный ресурс] URL: http://blog.epicedits.com/2008/01/21/writing-project-social-photography/ (дата обращения: 10.04.2021).

аргументы теоретиков постмодерна, таких как Фредрик Джеймсон[1] и Жан Бодрийяр[2], важны для исследования социальных медиа и социальной фотографии.

Мемориальная функция социальных фотографий связана с доказательственным качеством фотографий[3]. Для людей и их чувства бытия социальные фотографии наиболее важны для документирования присутствия в «месте»[4]. Социальная фотография делает реальным то, что было пережито. Популистская мантра эпохи социальных сетей – нет фотографии – нет события, является типичным примером подобного поведения[5]. Стремление доказать и поделиться своим опытом с фотографическими доказательствами преобладает в социальных медиа; изысканное блюдо с подписью #foodporn, красивый латте макиато на кофейном свидании, селфи из шести кадров с подписью: «после тренировки в тренажерном зале» или гламурный наряд на свадьбе – все эти очень личные моменты публикуются на медийных платформах и поэтому обозначаются социальной фотографией.

Однако доказательство собственного опыта с помощью фотографии – не новое явление, которое подкралось к людям с рассветом социальных сетей. Так, Сюзан Сонтаг процитировала Золя 1901 года: «На мой взгляд, вы не можете утверждать, что действительно что-то видели, пока не сфотографируете это»; фотографирование делает вещи реальными, и так было с самого ее начала, когда фотография бросила вызов репрезентативным качествам живописи[6]. Следовательно, фотография всегда оказывала глубокое влияние на наше понимание самой реальности, поскольку нельзя просто записать реальность с помощью камеры. Это норма того, какими мы видим вещи, и поэтому меняет представление о самом реализме[7].

---

[1] *Джеймсон Ф.* Постмодернизм и общество потребления. М.: Логос, 2000.

[2] *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция // Пер. А. Кочалова. М.: Рипол-классик, 2015.

[3] *Сонтаг С.* О фотографии // Пер. В. Голышева. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013, с. 7.

[4] Там же, с. 9.

[5] *Silverman J.* 'Pics or it didn't happen' – the mantra of the Instagram era. The Guardian. [Электронный ресурс] URL: http://www.theguardian.com/news/2015/feb/26/pics-or-it-didnt-happen-mantra-instagram-era-facebook-twitter (дата обращения: 10.04.2021).

[6] *Сонтаг С.* О фотографии, с. 17.

[7] Там же, с. 25.

Фотографии являются эталоном прекрасного и нашим пониманием того, что реально[1]. Это утверждение более справедливо, чем когда-либо в современной постмодернистской культуре, поскольку социальные фотографии проникают и фундаментально формируют настоящий реализм и формирование идентичности людей.

Поведение людей в социальных медиа и использование ими социальной фотографии можно определить как постмодернистскую чувствительность и поиск схожих проблем[2]. Также социальные медиа и социальная фотография создают впечатление свободы и маскируют социальные, экономические, гендерные и географические различия, способствуют построению фрагментированной гиперреальности, которая претендует на независимость для людей. Трансгрессивный частно-публичный характер социальных медиа работает в пользу доминирующих многонациональных режимов капитализма и потребительства, поскольку представляет собой постмодернистский паноптикум киберпространства, контролирующий людей.

[1] *Сонтаг С.* О фотографии, с. 32.
[2] Там же, с. 56.

УДК 35.08
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51606

А.В. КУЛАГИН
***старший преподаватель кафедры управления персоналом Сибирского института управления филиала РАНХиГС при Президенте РФ**
ORCID 0000-0003-3072-9196

В.Н. МЕНЬШОВА
кандидат социологических наук, доцент кафедры управления персоналом Сибирского института управления филиала РАНХиГС при Президенте РФ*
ORCID 0000-0003-1920-5092

Профессиональное самочувствие руководителей и специалистов на муниципальной службе

Внимание авторов направлено на исследование профессионального самочувствия муниципальных служащих мэрии города Новосибирска. Муниципальная служба – особый вид профессиональной деятельности, является актуальной темой исследования многих специалистов разных научных направлений. Данный вид деятельности находится в постоянном изменении, адаптируется к меняющимся условиям современной жизни. Авторы в ходе исследования профессионального самочувствия рассмотрели служащих в разрезе руководитель/специалист. Так в рамках исследования авторами представлен анализ нескольких аспектов профессионального самочувствия служащих, имеющих расхождение у руководителей и специалистов: оценка собственной работы, миссии органа местного самоуправления, возможность развития, взаимодействие, материальная составляющая, удовлетворенность в целом.

***Ключевые слова**: профессиональное самочувствие, муниципальная служба, муниципальные служащие, измерение, специалисты и руководители.*

* Кулагин Александр Васильевич, e-mail: gospodinkulagin@gmail.com
** Меньшова Вера Николаевна, e-mail: menshova-vn@ranepa.ru

A.V. KULAGIN
Senior Lecturer of the Department of Human Resource Management of the Siberian Institute of management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Ranepa)

V.N. MENSHOVA
Candidate of Social Sciences, Associate Professor of the Department of Human Resource Management of the Siberian Institute of management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Ranepa)

Professional well-being of managers and specialists in the municipal service

The authors' attention is focused on the study of the professional well-being of municipal servants in the Mayor's Office of Novosibirsk. Municipal service – as a special kind of professional activity is an actual topic of research for many specialists of different scientific fields. This kind of professional activity is in constant state of flux and adapts to the changing conditions of modern life. In studying of professional well-being, the authors considered employees in the context of manager/specialist. So in the study, the authors present the analysis of several aspects of professional well-being of municipal servants such as assessment of its own work, the mission of the local authorities, development, interaction, material component and satisfaction in general – differing for specialists and managers.

Keywords*: professional well-being, municipal service, municipal servants, measurement, specialists and managers.*

Органы местного самоуправления являются объектом исследования многих научных направлений:экономика[1], социология[2], политология[3], психология[1] и т.д. Помимо изучения

[1] *Зубов Я.О*. Экономика города: новые уровни развития // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право», 2014, №21(144).

[2] *Ильиных С.А., Табарков А.В*. Проблематика города в контексте социологии управления // Теория и практика общественного развития, 2014, № 16.

[3] *Пустовойт Ю.А*. "Земля" и "воля": городские режимы и протестные сообщества в сибирских городах // Власть и элиты, 2018.

вопросов функционирования муниципальных структур с точки зрения политической конъектуры, экономического развития, взаимодействия с гражданами, важным является изучение института муниципальной службы и муниципальных служащих, в частности.

Муниципальные служащие, по сути, представляют собой субъект, реализующий власть и осуществляющий управление отдельной территорией, населённым пунктом, конкретной сферы жизнедеятельности на местном уровне. Отсюда следует, что место и роль личности муниципального чиновника, его установки, ценности, восприятие места работы имеют большое значение как для реализации местных задач, так и задач, поставленных органами государственной власти, Президентом Российской Федерации. Всё это прямо влияет на повседневную, «бытовую» жизнь граждан.

Вместе с тем рассмотрение такой составляющей как профессиональное самочувствие[2] среди муниципальных служащих позволяет дать оценку тому, как служащий воспринимает своих коллег, орган власти как место работы, какие ценности для него приоритетны. Это имеет значение как для оценки эффективности реализации HR-процессов, так и при дальнейшем формировании кадровой политики органа власти.

Авторами проведено исследование среди муниципальных служащих мэрии города Новосибирска[3] с целью оценки профессионального самочувствия муниципальных служащих в контексте реализации кадровой политики органа местного самоуправления. Основанием для реализации исследования послужил опыт изучения профессионального самочувствия среди государственных служащих Сибирского федерального округа[4].

---

[1] *Шемелина О.С., Ванина О.Е.* Психологические аспекты восприятия городской среды крупного города (на примере г. Новосибирска) // Баландинские чтения, 2014, № 1.

[2] *Ложкин Г.В., Волянюк Н.Ю.* Профессиональное самочувствие субъекта // Горизонты образования, 2012, № 2, с. 14-20.

[3] *Кулагин А.В., Меньшова В.Н.* Измерение профессионального самочувствия муниципальных служащих // Теории и проблемы политических исследований, 2017, т. 6, № 4, с. 250-260.

[4] *Бойко Е.А.* Реализация государственной кадровой политики и профессиональное самочувствие гражданских служащих Сибирского региона: инструментальные возможности и первые результаты // Управленческое консультирование, 2017, № 4(100); *Бойко Е.А., Меньшова В.Н.* Ценности государст-

В ходе исследования среди прочего интересным представляется рассмотрение различий в ответах руководителей и специалистов мэрии города Новосибирска в части преобладания положительных оценок руководителей по различным аспектам деятельности по сравнению со специалистами. Такое различие позволяет выявить проблемные зоны профессионального самочувствия специалистов и руководителей, дать оценку расхождения составляющих профессионального самочувствия муниципальных служащих. Для этого были отобраны вопросы, ответы по которым имеют расхождение между группами в 10% и более процентов.

Результаты оценки собственной работы респондентами согласно рисунку 1 демонстрируют преобладание высоких оценок у руководителей в части личного удовлетворения, получаемого от работы, о знании того, что от них ожидают, а также осознания важности выполняемой работы. Кроме того, руководители чаще готовы приложить дополнительные усилия для реализации задач, а также они гораздо чаще находятся в поиске улучшения собственной работы. Специалисты дали более низкие оценки, при этом поиск способов улучшения собственной работы оказался наименее популярным среди исполнителей.

Рис. 1. Распределение ответов «полностью согласен» между респондентами (блок моя работа), в %

венной службы России – от деклараций к действиям // Вопросы управления, 2017, № 1(44).

Как показывает график на рисунке 2 уровень информированности среди руководителей о связи их работы с целями и приоритетами органа власти, целях деятельности мэрии Новосибирска и структурного подразделения, в котором они работают, в целом выше, чем у специалистов.

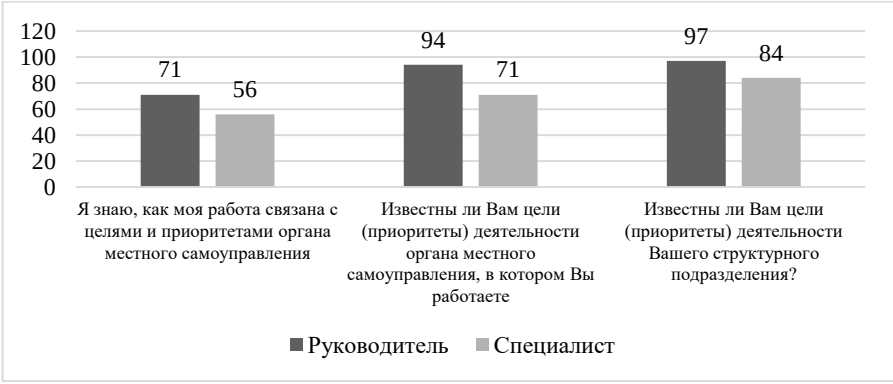

Рис. 2. Распределение ответов «да, достаточно хорошо» между респондентами (блок миссия), в %

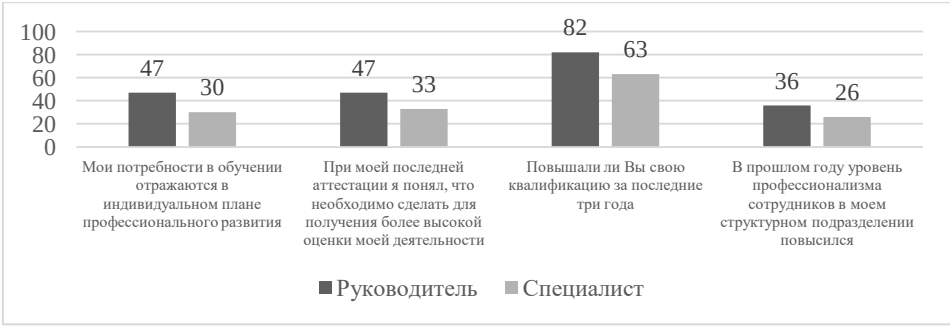

Рис. 3. Распределение ответов «полностью согласен» между респондентами (блок развитие), в %

Вместе с тем ответы, связанные с блоком развитие персонала отмеченные на рисунке 3, демонстрируют, что руководителей чаще вовлекают в процесс повышения квалификации, профессиональное развитие. Также потребности руководителей в обучении оказываются приоритетнее. Как следствие понимание руководителями аттестации выше, чем

у специалистов – это свидетельствует о знании руководителями цели осуществления данной кадровой технологии.

Управленческое взаимодействие согласно рисункам 4, 5 руководители мэрии города Новосибирска оценили выше, чем специалисты. Это указывает на то, что линейный менеджмент реализует кадровые технологии менее качественно, нежели средний и высший менеджмент. Аналогичная ситуация прослеживается в обсуждении специалистами с непосредственным руководителем эффективности собственной работы.

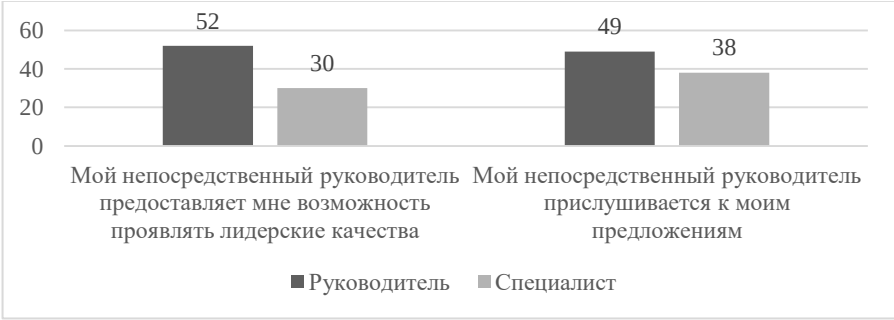

Рис. 4. Распределение ответов "полностью согласен" между респондентами (блок взаимодействие), в %

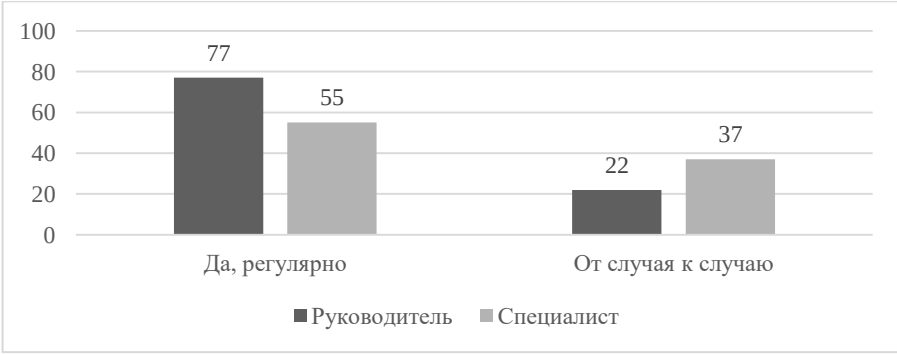

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Обсуждаете ли Вы со своим непосредственным руководителем эффективность своей работы?», в %

Рисунок 6 показывает, что руководители и специалисты в целом дали невысокую оценку использования руково-

дителями структурных подразделений hr-технологий. При этом специалисты далее более низкую оценку, наиболее проблемной зоной оказалось мотивирование сотрудников руководителями на более качественное исполнение своих обязанностей.

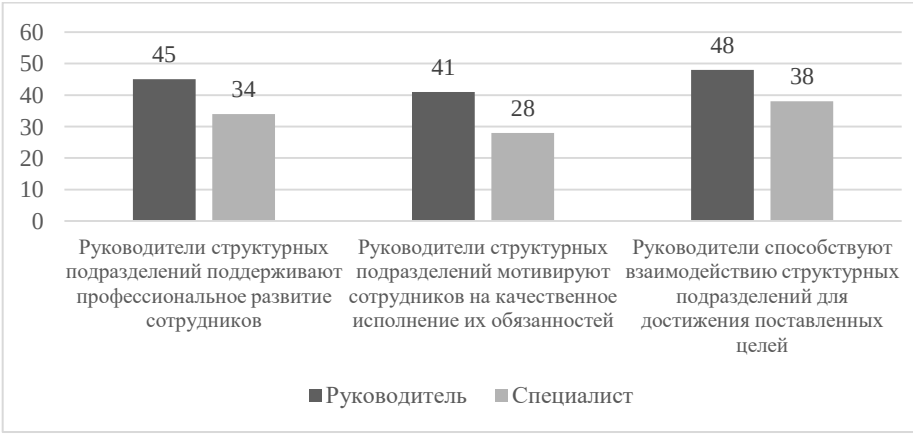

Рис. 6. Распределение ответов «полностью согласен» между респондентами (блок другие руководители), в %

Вопросы об удовлетворенности некоторыми аспектами службы, а также работой в целом оказались чувствительными для специалистов, что отражено на рисунке 7. Вместе с тем проблема должностного роста актуальна и для руководителей. При этом руководителей, удовлетворенных своей работой больше, гораздо больше, чем специалистов. Признание за хорошо выполненную работу руководители получают чаще. Наиболее остро стоит вопрос оплаты труда: практически все специалисты неудовлетворены уровнем заработной платы, для руководителей данный аспект также является проблемным.

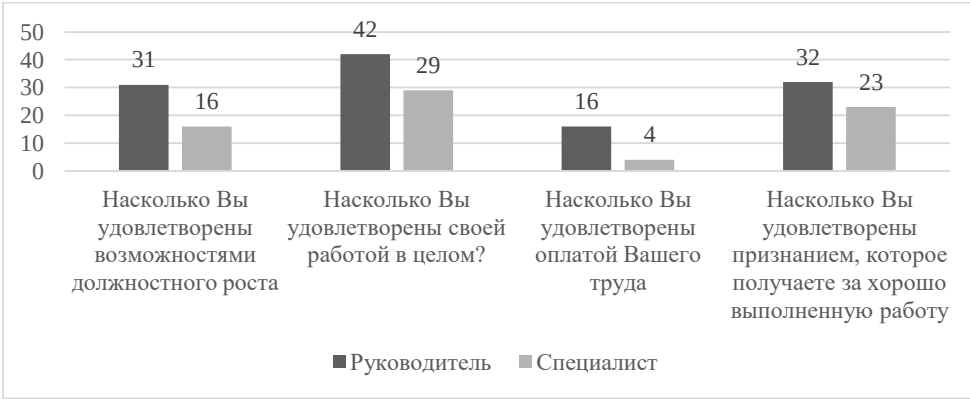

Рис. 7. Распределение ответов «полностью согласен» между респондентами (блок удовлетворенность), в %

Ожидаемо, материальное стимулирование муниципальных служащих, согласно полученным оценкам респондентов, нельзя назвать эффективным. Согласно рисунку 8 только около пятой части опрошенных сочли, что вознаграждение сотрудников зависит от качества исполняемой работы. Вместе с тем большинство респондентов не связывают повышение оплаты труда с реализуемым качеством работы.

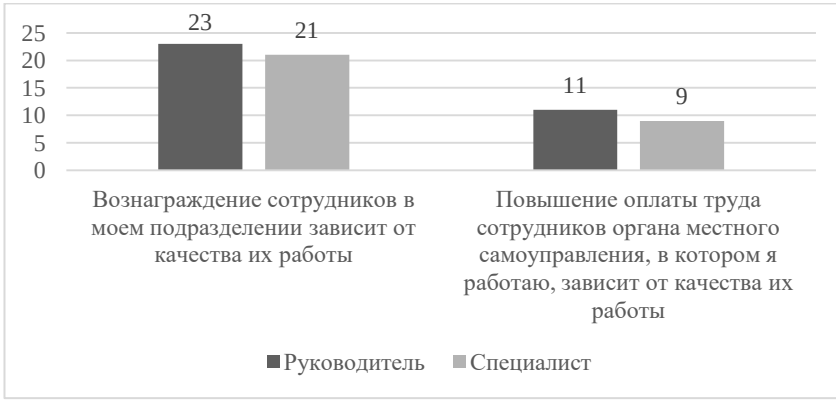

Рис. 8. Распределение ответов «полностью согласен» между респондентами (блок стимулирование), в %

Подводя итог можно заметить, что среди руководителей наблюдается дефицит знаний о кадровых технологиях, что оказывает негативное влияние на профессиональное самочувствие как специалистов, так и самих руководителей. Это подтверждается низкими оценками многих аспектов работы, в том числе мотивационной составляющей. Нужно заметить, что у специалистов положительных оценок меньше – это указывает на недостаточную работу, проводимую их руководителями, поскольку деятельность руководителя не должна ограничиваться постановкой задач и осуществлением контроля.

В связи с этим очевидным является необходимость предъявлять к руководителям требование о наличии у них специального hr-образования, которое позволит им выстраивать эффективный диалог со своим подчиненными, что окажет положительное влияние на профессиональное самочувствие специалистов и будет способствовать повышению качества исполнения ими своих должностных обязанностей.

УДК 376.1
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51607

В.Н. ОСОКИНА
кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Филиала Ставропольского государственного педагогического института в г. Железноводске*

Культура безопасного поведения обучающихся на дорогах как социально-педагогическая проблема

В статье сделана попытка осмысления социально-педагогической проблемы формирования культуры безопасного поведения на дорогах, являющейся ответом на вызовы в области безопасности дорожного движения. Автором определены структурные компоненты культуры безопасного поведения обучающихся на дорогах и их содержательное наполнение.

Ключевые слова: *культура безопасного поведения, обучающиеся, железная дорога, дорожно-транспортный травматизм, педагогическая система, педагогические условия.*

V.N. OSOKINA
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and socio-economic disciplines of the branch of the Stavropol state pedagogical Institute in Zheleznovodsk

Culture of safe behavior of students on the roads as a socio-pedagogical problem

The article attempts to understand the socio-pedagogical problem of forming a culture of safe behavior on the roads, which is a response to challenges in the field of road safety. The author defines the structural components of the culture of safe behavior of students on

* Осокина Валентина Николаевна, e-mail: blak1511@yandex.ru

the roads and their content.

Keywords: *culture of safe behavior, students, railway, road traffic injuries, pedagogical system, pedagogical conditions.*

Развитие современного общества связано с серьезными изменениями в культурной, социально-экономической, политической сферах жизни. Актуальными требованиями времени стали приоритет человека, его прав, свобод, ценность его индивидуальности. Серьезной социально-экономической проблемой России и ее регионов, в том числе Северо-Кавказского, являются в современных условиях аварийность и травматизм на дорогах.

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 41), Концепции национальной безопасности Российской Федерации, Национальном проекте «Образование», Национальной образовательной инициативе «Наша новая школа» стратегическим направлением является обеспечение безопасности детей на дорогах[1].

Количество дорожно-транспортных происшествий (ДТП) в Российской Федерации с участием детей в возрасте до 16 лет и число детей, пострадавших в ДТП, в сравнении с аналогичными показателями в европейских странах, остаются стабильно высокими. В сравнении с другими субъектами Российской Федерации, в Ставропольском крае состояние аварийности характеризуется более низкими показателями, но проблема детского дорожно-транспортного травматизма (ДДТТ) и смертности на дорогах остается очень актуальной.

Достаточно широким кругом исследователей проанализированы проблемы предупреждения и профилактики дорожного травматизма среди обучающихся. В работах С.А. Баранова, Ю.М. Бегидова, В.Д. Кондратьева, В.П. Маринец и других рассматривается нормативно-правовое регулирование деятельности в области обеспечения безопасности дорожного движения. В.А. Федоровым, П.А. Кравченко разработана концепция государственной системы управления безопасностью дорожного движения.

В многочисленных исследованиях безопасность дорожного движения, безопасное поведение личности на дорогах связывается с проблемами общей культуры человека.

[1] Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Культурологический подход прослеживается в трудах Ю.А. Жданова, М.С. Кагана, Э.С. Маркаряна, В.М. Межуева, М.С. Яницкого и др. Его применение в педагогической науке находим у В.П. Бенина, Е.В. Бондаревской, И.Ф. Исаева, Н.Б. Крыловой, Н.Д. Никандрова, Л.Б. Соколовой, Е.В. Яковлевой и др. Это позволяет рассматривать культуру личности обучающегося в контексте общекультурного развития.

Культура безопасного поведения обучающихся на дорогах, по мнению исследователей, представляет собой интегративное качество личности, результат освоения обучающимися социальных норм, ценностей, правил безопасности, правил дорожного движения, обеспечивающих эффективность действий при решении практических задач, возникающих на дорогах, способствующих самореализации субъекта образовательного процесса и субъекта дорожного движения.

Понятие «культура безопасности» в российской и зарубежной литературе, его смысловое содержание в трактовках разных ученых сильно варьируется. В.Н. Мошкин считает, что воспитание культуры безопасности включает совершенствование готовности к предупреждению и преодолению вредных и опасных факторов жизнедеятельности, угрожающих как отдельному человеку, так и обществу в целом. Воспитание культуры безопасности обеспечивает подготовку человека к сочетанию личной безопасности и безопасности других людей[1].

Под культурой безопасности жизнедеятельности Т.В. Мельникова понимает способ организации деятельности человека, представленной в системе социальных норм, убеждений, ценностей, обеспечивающих сохранение его жизни, здоровья и целостности окружающего мира[2].

Е.И. Толочко выделяет структурные компоненты культуры безопасного поведения на дорогах:

- аксиологический – высокий уровень духовного самосознания, внимательность, ответственность, дисциплинированность, доброжелательность и т.д.;

- когнитивный – знания о возможных опасностях на дорогах для участников дорожного движения;

---

[1] *Мошкин В.Н.* Воспитание культуры безопасности школьников: Монография. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2002. − 318 с.

[2] *Мельникова Т.В.* Формирование культуры безопасности жизнедеятельности учащихся на основе технологии модульного обучения: Дисс.…канд. пед. наук: СПб., 2006. – 193 с.

- деятельностный – умения, навыки и опыт, что, по сути дела, является компетентностью практической реализации теоретических принципов организационного, профилактического характера, предполагающих минимальную вероятность появления возможных опасностей[1].

Являясь составной частью общей культуры, культура безопасности жизнедеятельности, отмечает А.Н. Дронов, должна носить регулируемый характер, нацеленный на конкретный результат – обязательное выполнение человеком норм поведения в социуме[2].

В наших исследованиях отмечалось, что культура является универсальной и необходимой для людей категорией независимо от возраста, профессии и других факторов, формирование здоровой и безопасной личности необходимо осуществлять на всех ступенях образования[3].

Считаем что культура безопасного поведения на дорогах – это часть культуры человека, обеспечивающая определенный уровень его безопасности и безопасности окружающих его людей в сфере дорожного движения[4].

Исходя из этого, культура безопасного поведения обучающихся на железной дороге нами определяется как целенаправленное создание научно-методических, учебно-методических и организационных условий для обеспечения субъектного характера освоения обучающимися социальных норм, ценностей, правил безопасности.

Педагогическими условиями, обеспечивающими эффективную реализацию формирования культуры безопасного поведения обучающихся на дорогах, являются: 1) интеграция знаний из содержания школьных предметов, ориентированных на обеспечение безопасности личности на дорогах; 2) опора на субъектный опыт поведения учащихся на дорогах;

---

[1] *Толочко Е.И.* Культура безопасного поведения на дорогах как многоаспектная социально-педагогическая проблема // Человек и образование, М., 2015, № 1(42), с. 173-179.

[2] *Дронов А.Н.* Формирование культуры безопасности жизнедеятельности студентов учреждений среднего профессионального образования: Автореф. дисс.... канд. пед. наук: Воронеж, 2009. – 24 с.

[3] *Осокина В.Н.* Формирование здорового образа жизни студентов в образовательном пространстве вуза // Социально-гуманитарные знания, 2018, № 12, с. 85-89.

[4] *Осокина В.Н.* Формирование безопасной жизнедеятельности студентов в условиях социально-педагогического сопровождения // Таврический научный обозреватель, 2016, № 1-3(6), с. 34-37.

3) активная педагогическая поддержка, способствующая самоопределению и самореализации школьников.

Современные исследования подтверждают, что школьники не понимают содержания и роли культуры безопасного поведения на дорогах. Культура безопасного поведения строится на разрозненных сведениях, полученных в основном в бытовом опыте от взрослых.

Главная цель работы педагогов по профилактике детского дорожного травматизма – формирование у обучающихся культуры собственной безопасности, навыков осознанного безопасного поведения на улицах села, поселка, города.

Основными средствами формирования культуры безопасного поведения обучающихся на улицах и дорогах являются работа в классе и внеурочная работа. Мероприятия, организуемые в рамках непрерывного образования обучающихся, позволяют отследить результативность работы всех участников образовательного процесса.

В целях предупреждения транспортных происшествий в базовой школе Филиала разработана программа, которая основана на системном подходе к решению проблемы профилактики дорожно-транспортного травматизма на основе воспитания культуры безопасного поведения на дорогах у всех субъектов образовательного процесса и направлена на решение следующих задач:

- сформировать у обучающихся устойчивые навыки соблюдения и выполнения Правил дорожного движения;
- применять современные формы и методы обучения и воспитания детей, использовать инновационные технологии, направленные на предупреждение несчастных случаев на железной дороге;
- поддерживать у родителей, обучающихся устойчивый интерес к безопасности и здоровью детей как участников дорожного движения;
- формировать у учащихся компоненты поведения безопасного типа на железной дороге.

Взаимодействие органов образования и отделов Государственной инспекции безопасности дорожного движения подтверждает способность воспитывать полноценного участника дорожного движения, формировать транспортную культуру и вырабатывать правильные навыки и привычки безопасного поведения на железной дороге.

В качестве основного направления работы со школьни-

ками и первокурсниками в филиале СГПИ в г. Железноводске стал месячник «Безопасная железная дорога». Задачей его является разработка и осуществление комплекса практических мероприятий, направленных на снижение уровня детского травматизма на железной дороге.

Месячник предусматривал организацию мероприятий по нескольким направлениям:

а) мероприятия, связанные с усилением и совершенствованием образовательной, воспитательной, просвещенческой составляющих работы с обучающимися;

б) мероприятия, связанные с совершенствованием окружающей обучающихся дорожной инфраструктуры.

В рамках первого направления были разработаны занятия и внеурочные мероприятия, ориентированные на формирование культуры безопасного поведения обучающихся на железной дороге.

Среди различных форм, способствующих реализации данной цели, выступают деловые игры, беседы, встречи с работниками железной дороги, акция «Сними наушники», оборудование змейки на железнодорожном переходе, установка предупреждающих знаков «Внимание, железная дорога!».

Чтобы обучающиеся заинтересовались Правилами безопасности на железной дороге, изучали их с интересом, была организована встреча с сотрудниками Минераловодского региона Северо-Кавказской железной дороги. Они рассказали о правилах безопасности пешеходов при пересечении железнодорожных путей, провели инструктаж по безопасному поведению обучающихся на объектах железнодорожного транспорта.

Под профилактикой дорожно-транспортного травматизма мы понимаем целенаправленную деятельность по своевременному выявлению, предупреждению и устранению причин и условий, способствующих дорожно-транспортным происшествиям.

Таким образом, культура безопасного поведения обучающихся на дороге – интегративное качество личности, в котором проявляется результат освоения социальных норм, ценностей, правил безопасности, правил дорожного движения.

УДК 321.011/327
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51622

Г.Г. ГИТОЛЕНДИЯ
аспирант факультета глобальных процессов
МГУ имени М.В. Ломоносова*

Государственный суверенитет и национальные интересы на новом этапе глобализации

В статье рассматриваются вопросы особенностей реализации национальных интересов Российской Федерации в условиях новых тенденций в развитии глобальных процессов в мире. Обосновывается, что укрепление государственного суверенитета РФ и поиск возможностей согласования интересов различных стран принципиально не противоречит решению глобальных проблем в процессе становления многополярного мира.

Ключевые слова: *национальные интересы, государственный суверенитет, глобальные проблемы, модели глобализации, международные отношения.*

G.G. GITOLENDIYA
Postgraduate student of the Faculty of Global Processes Lomonosov Moscow State University

State sovereignty and national interests of the Russian Federation at the new stage of globalization

The article deals with the specifics of the implementation of the national interests of the Russian Federation in the context of new trends in the development of global processes in the world. It is proved that the strengthening of the state sovereignty of the Russian Federation and the search for opportunities to coordinate the interests of

* Гитолендия Гиоргий Гиаевич, e-mail: gitolendia.g@gmail.com

different countries does not fundamentally contradict the solution of global problems in the process of establishing a multipolar world.

Keywords: *national interests, state sovereignty, global problems, models of globalization, international relations.*

Волна событий 2020 г., последовавших за объявлением опасностей пандемии COVID-19, вызвала много вопросов в отношении более адекватной оценки содержания и динамики глобальных мировых процессов и, соответственно, роли и месту в них национальных интересов различных стран. В этом отношении нас в первую очередь интересует возможность практической реализации национальных интересов Российской Федерации на основе укрепления ее суверенитета в решении как внутренних, так и внешнеполитических вопросов и проблем, конечно же, с учетом развертывающихся в современном мире процессов глобализации.

В научной литературе различных направлений еще совсем недавно хорошим тоном считалось активное использование таких терминов, как «десуверенизация», «размывание суверенитета», а понятия «суверенное государство» и «национальный суверенитет» многими считались устаревшими, обреченными на исчезновение вместе с самими этими объектами в процессе расширения процессов глобализации. Но на очередном неожиданном повороте истории немало авторов вдруг стали говорить об их ренессансе, правда зачастую вкладывая в эти термины разные смыслы.

И действительно, весьма распространенное прежде мнение о непрерывном и необратимом движении нашего мира по пути глобализации, и о том, что она является объективным и, вследствие этого, неизбежным процессом, постепенно уже перестает быть общепризнанным трендом. Теперь многим уже приходится несколько иначе смотреть на то, что наш полный противоречиями мир неизбежно движется к своему новому «светлому будущему», в котором наконец-то исчезнут различия между странами и народами, а развитие новых информационных технологий сделает доступными для всех достижения науки и культуры, а технологический прогресс обеспечит производство необходимых всем товаров и продуктов. Причем все это будет происходить под чутким руководством «невидимой руки рынка».

Но стремительное развитие событий минувшего года способствовало тому, что очень быстро ушла в прошлое эта вера в «неизбежность нового светлого мира, когда победит взаимозависимость, национальные государства отомрут…»[1] и наступит конец истории. Теперь же многим в наше время становится ясно, что это не совсем так, что конца истории не видно, а сами процессы глобализации могут не только замедляться, но порой и останавливать свой ход. И все более ясным становится и то, что этим процессам, как и многим другим процессам развития человечества, внутренне свойственны серьезные противоречия, среди которых значительную, если не основную роль играли и до сих пор продолжают играть противоречия между государствами с их собственными национальными интересами.

И хотя далеко не все национальные государства являются полноценными субъектами международных отношений, но именно они (или те из них, которые в той или иной мере сохраняют свою субъектность) способны поддерживать устойчивость существующего мирового порядка в условиях кризиса глобального мира, порожденного переходом от одной его модели к более адекватной изменившимся условиям другой модели глобализационного развития. Иначе говоря, многие новые явления, происходящие с миром в ходе «неожиданного» развития нашего глобального мира, приводят и к смене точек зрения на сами процессы глобализации.

Так, в частности, «огромное влияние на представления о глобализации оказал системный мировой кризис 2020 г., который поставил под вопрос будущее глобализации как таковой, подверг беспощадной ревизии те фундаментальные парадигмы глобализации, которые казались незыблемыми тридцать лет назад».[2] Причем данный кризис затронул чуть ли не все основные устои современной системы международных отношений, серьезно дестабилизировал существую-

[1] *Карараганов С.А.* Предсказуемое будущее? [Электронный ресурс] // РСМД. 17 мая 2019 г. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/predskazuemoe-budushchee/ (дата обращения 25.02.2021).

[2] *Кортунов А.В.* Кризис миропорядка и будущее глобализации: Доклад Российского совета по международным делам (РСМД). Доклад № 60/2020 / А.В. Кортунов; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2020, с. 6.

щий миропорядок, поскольку он включает в себя не только экономические и военно-политические аспекты, но даже такие, как общемировая эпидемиологическая обстановка и пр.

В наше сложное время уже не представляется возможным слепо придерживаться слишком абстрактных и удаленных от реального хода политических процессов его разного рода оценок, как это происходит, к примеру, с развитием теоретических взглядов на глобализацию, характерных для либеральной доктрины во всех ее ипостасях. Конечно же, нельзя не видеть, а тем более отрицать то, что глобализация усиливает взаимозависимость и объективно ведет к интеграции стран, сближению многих экономических, технологических, культурных и иных процессов, происходящих в них, сжатию пространства и времени вследствие взрывного развития новых информационно-коммуникативных и цифровых технологий.

Несомненно, что современный мир под воздействием процессов глобализации стал во многом иным, но в нем сохраняется и нечто, что глобализация не способна радикально изменить или отменить, как бы ни хотелось бы некоторым ее слишком активным апологетам. К примеру, она существенно не повлияла на те способы социальной организации и социального взаимодействия, которые относятся к так называемым национально-культурным особенностям различных стран. Но самое главное – процессы глобализации не смогли свести к нулевому значению национальные интересы каждой из существующих в современном мире стран, что особенно ярко продемонстрировала ситуация с пандемией COVID-19.

Несмотря на то, что в современных условиях развития международных отношений многие национальные государства фактически утратили свой суверенитет, став лишь исполнителями воли более сильных держав, и став неспособными защитить собственные интересы, их реальные интересы никуда не исчезли. Они были просто отодвинуты в сторону, на них не обращает внимание лидер глобального мира – США, но это не значит, что они прекратили свое существование. И многие события нашего времени свидетельствуют о том, что они постоянно дают о себе знать.

Ни для кого не секрет, что глобализация, во многом осуществлявшаяся по либеральной модели, фактически не признавала необходимость в будущем существования

национальных государств с их реальными интересами. Но такая глобализация «натолкнулась на жесткое противодействие в самом неожиданном месте. Она вынуждена была притормозить свое триумфальное шествие по планете, кое в чем дать задний ход»[1]. Все это, по нашему мнению, явилось следствием явного невнимания, а порой и игнорирования той стороны фактического содержании процессов глобализации, «которое формируется под влиянием вполне определенных политических и экономических интересов» вполне реальных государств, обладающих в той или иной мере реальным суверенитетом[2].

Своеобразный ренессанс государственного суверенитетов, проявивший себя в ситуации с пандемией COVID-19, еще раз напомнил о том, что уже не первый раз «ряд экспертов и представителей частного бизнеса, а также журналисты заговорили о конце глобализации. … Однако, по всей видимости, следует говорить не о конце глобализации, а об ее новой модели, характеризующейся изменением всех сложившихся ранее пропорций»[3]. И в этой модели должно быть уделено соответствующее место суверенным государствам.

Патологическая боязнь возрождения суверенных государств со стороны приверженцев либеральных взглядов зачастую обосновывается тем, что «попятное движение в сторону укрепления национального суверенитета» является опасной тенденцией, потенциально создающей возможность рецидива «резкого подъема национализма в среде великих держав… и возникновения тоталитарных режимов»[4], приводя в пример период между двумя мировыми войнами. И такое развитие событий, по их мнению, неизбежно отразится на судьбах глобализации негативным образом.

---

[1] *Кувалдин В.Б.* Глобализация и национальное государство: вчера, сегодня, завтра // Мировая экономика и международные отношения, 2021, т. 65, № 1, с. 5-13.

[2] См.: *Held D., McGrew A.* The End of the Old World Order? Globalization and the Prospects for World Order // Review of International Studies, December, 1998, vol. 24, Issue 5, p. 219-243.

[3] *Кондратьев В.Б.* Новый этап глобализации: особенности и перспективы. Мировая экономика и международные отношения, 2018, т. 62, № 6, с. 5.

[4] *Холодковский К.Г.* Глобализация vs национальное государство – попятное движение? Мировая экономика и международные отношения, 2019, т. 63, № 12, с. 7-8.

Но, по нашему мнению, тенденции к укреплению национального суверенитета теми странами, которые реально им обладают, вовсе не обязательно приводит возникновению тоталитарных режимов. Нет никакого основания для того, чтобы делать страны, стремящиеся к укреплению собственного суверенитета противниками естественных процессов глобализации. Полноценный суверенитет им нужен для защиты своих национальных интересов, реально существующем в нашем глобализирующем мире. И они естественным образом будут противниками однополярной глобализации, осуществляемой в интересах лишь небольшой группы стран, объединившихся вокруг единственной супердержавы.

Помимо названных аспектов проблемы, можно обратить внимание и на то, что в мире есть и страны, в которых мы можем наблюдать «присвоение суверенитета правящими политическими силами (парламентским большинством), все более зависимыми от международных групп экономического и политического влияния», вследствие чего «частичная утрата суверенитета государствами в пользу международных групп влияния стала состоявшейся реальностью»[1]. Учитывая, что названные международных групп влияния сосредоточены также вокруг мирового гегемона, те страны, которые осмеливаются защищать и отстаивать свои собственные интересы, будут обозначены, как «ревизионисты», стремящиеся разрушить этот сложившийся моноцентричный мировой порядок.

Особенно четко это можно проследить на тенденциях развития мировых экономических отношений, лежащих в основе всех иных межгосударственных взаимоотношений. Как все более отчетливо показывает современная практика, «реальное противостояние «глобальным игрокам» сегодня могут оказывать и оказывают в разных случаях и различных формах именно национальные государства».[2]

И несмотря на то, что остается все еще актуален прогноз, по которому «национальные государства будут постепенно уступать место другим акторам на мировой полити-

[1] *Изместьев С.В.* Кризис государства как социально-политического института в эпоху глобализации // Теория и практика общественного развития, 2020, № 7(149), с. 68.

[2] *Радаев В.В.* Экономическая глобализация: содержание и противоречия // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика, 2008, № 5, с. 13.

ческой арене»[1], «влияние негосударственных акторов мировой политики возросло, но оно не достигло того уровня, который позволял бы им оттеснить на второй план государство как главный структурный элемент»[2], на котором продолжает базироваться весь современный мировой порядок и система международных отношений. Более того, именно государства, а не какие-либо другие акторы международных отношений, могут обладать суверенитетом как способностью принимать самостоятельные решения и отстаивать собственные интересы, в основе которых, как нам представляется, лежат интересы большинства составляющего эти страны общества.

Несмотря на изменения роли государства в эпоху глобализации, именно оно призвано «выстраивать экономику, позволяющую стимулировать экономическую активность в решении общественных проблем и подавлять активность, создающую такие проблемы, обеспечивая таким образом доверие и кооперацию в обществе. Именно государство способно и обязано усмирить «табун диких лошадей», пока он не растоптал и без того слабые ростки общественного согласия»[3]. Причем, если государство остается способным сохранять и культивировать эти «ростки общественного согласия» внутри себя, то есть достаточные основания полагать, что оно сможет выполнять эту функцию и в международных отношениях. Конечно, при условии, что сами государства (в англоязычной литературе – правительства) будет действовать не «от имени народа», а в интересах народа, то есть в интересах большинства общества.

В целом же, то явление, которое обозначается некоторыми авторами как «ренационализация мировой политики»[4] и

---

[1] *Давыдов Д.А.* Тупики глобализации и будущее национального государства: уроки для России [Электронный ресурс] // Свободная мысль, 2019, № 2(1674), с. 35-48. URL: http://www.svom.info/entry/913-tupiki-globalizacii-i-budushee-nacionalnogo-gosuda/ (дата обращения 27.02.2021).

[2] *Кокошин А.А.* Некоторые макроструктурные изменения в системе мировой политики. Тенденции на 2020-2030 годы // Полис: Политические исследования, 2014, № 4, с. 39.

[3] *Кондратьев В.Б.* Новый этап глобализации: особенности и перспективы. Мировая экономика и международные отношения, 2018, т. 62, № 6, с. 15.

[4] См.: *Караганов С.А.* Предсказуемое будущее? [Электронный ресурс] // РСМД. 17 мая 2019 г. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/predskazuemoe-budushchee/ (дата обращения 25.02.2021).

представляющее собой феномен, на первый взгляд обратный и противоположный процессам глобализации, по нашему мнению, можно рассматривать как естественную реакцию самих национальных государств и мира в целом на искусственное ускорение общемировых глобальных процессов. Нам представляется, что эти процессы должны происходить естественным образом на основе сложного и долговременного процесса согласования национальных интересов, входящих в мировое сообщество государств.

Многое говорит о том, что мир пока еще далеко не готов к такой модели глобализации, результатом которой становится полная интеграция стран в едином мировом пространстве, их всестороннее экономическое сближение при сохранении тех различий, которые обычно обозначаются как цивилизационные. Но несмотря на это, суверенным государствам необходимо всестороннее сотрудничество в решении известных глобальных проблем всего человечества, поскольку сама жизнь «требует сильных национальных государств и эффективных глобальных институтов. Нужна модернизация всей архитектуры международных отношений, в результате которой будет найден новый modus vivendi национальных интересов и глобальных императивов»[1].

В заключение хотелось бы высказать мнение о том, что между глобальными мировыми процессами и национальными интересами суверенных государств, на наш взгляд, не лежит непреодолимая пропасть, и что возможно нахождение компромиссов и путей регулирования интересов национальных государств в решении общих для всех стран глобальных проблем. Соответственно, происходящее в наше время укрепление государственного суверенитета РФ нисколько не противоречит возможностям согласования интересов различных стран, посредством поиска новых форм осуществления глобализации и становления, в конечном итоге, многополярного мира, выстраиваемого на основе всестороннего учета объективно обусловленных процессов единого глобального мирового развития.

[1] *Кувалдин В.Б.* Глобализация и национальное государство: вчера, сегодня, завтра // Мировая экономика и международные отношения, 2021, т. 65, № 1, с. 11.

УДК 123.1
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51618

А.Р. САБИТОВА
аспирант кафедры философии и политологии
Башкирского государственного университета[*]

Ценностные аспекты социального выбора

В статье анализируется сущность социального выбора и его ценностные основания. Дана их характеристика, взаимосвязь. Предполагается, что ценностные основания детерминируются процессами глобализации и социокультурности. В современном обществе присутствует ценностная неопределенность, которая оказывает влияние на социальный выбор.

Ключевые слова: *социальный выбор, ценности, общество, социальная структура, жизнедеятельность, личность.*

A.R. SABITOVA
Postgraduate student of the Department of Philosophy and Political Science of Bashkir State University

Value aspects of social choice

The article analyzes the essence of social choice and value orientation. Their characteristics and relationship are given. It is assumed that value orientation is determined by globalization and social cultural processes. In modern society, there is value uncertainty that influences social choice.

Key words: *social choice, values, society, social structure, vital activity, personality.*

Актуальность анализа социального выбора обусловлена потребностью его философского осмысления как важного социального явления. Человек постоянно находится в ситуации выбора, жизнь предстает в виде процесса перехода из одной ситуации в другую посредством данного выбора. Как правило, проблема социального выбора актуализируется в

[*] Сабитова Альфия Рашитовна, e-mail: alfiia.sabitova.2013@mail.ru

конкретных для общества ситуациях. Социальный выбор всегда базируется на ценностных основаниях общества.

Направленность знаний на изучение субъективной стороны социального выбора, т.е. ценностей, потребностей, целей субъекта, – все это свидетельствует о текущих устремлениях человека, о содержании и направленности его деятельности. При принятии субъективных решений человек, владея определенной информацией, стремится сделать единственно правильный выбор. Этот процесс детерминирован осознанием ценностной иерархии, что с необходимостью ведет к выявлению основных черт социокультурности.

Невозможно представить акт социального выбора вне социального пространства и времени. Этот процесс неизменно содержит различия в своей реализации, будучи напрямую зависимым от степени развития социальной структуры и социально-экономических условий человеческой жизнедеятельности.

Каждый индивид имеет свои ценностные ориентации и реагирует на жизненные ситуации в соответствии со своими предпочтениями, а значит, поведение человека в таких условиях зачастую далеко от совершенства. Основой структуры социального выбора являются отношения субъекта и объекта, которые наиболее глубоко и полно раскрываются в социально-философском аспекте.

В разных слоях общества социокультурное становление личности происходит в различной форме по отношению к социальным ролям. Оно сводится к развитию традиций во всех областях жизнедеятельности, присущих социальному статусу индивида.

В современном обществе наблюдается достаточно высокая скорость изменения всех структурных элементов социокультурной системы. Динамичное общество нуждается в создании новых культурных ценностей, тем самым создавая новые потребности. Высокая степень динамики социальной активности определяет развитие и выбор новых форм и технологий жизнедеятельности.

Любой вид социокультурной деятельности в процессе развития нацелен на эффективный конечный результат. Успех можно определить, как достижение поставленной цели в кратчайшие сроки с наименьшими затратами.

В настоящее время у социального субъекта существует возможность выбирать свои собственные цели. В то же

время возникает проблема оптимальности и адекватности целей деятельности по отношению к мировоззрению и приоритетам ценностей, определяющих смысл жизненных целей. При этом стратегические установки определяются не произвольно, а на основе самопознания индивидом своих склонностей, способностей творческого потенциала.

В современном обществе нет определенной идеологии, единых установок и принципов для различных социальных уровней населения, поэтому и возникает проблема социального выбора. Человечество стоит перед выбором и будет нести ответственность за последствия своего выбора.

Ценности оказывают большое влияние на социальный выбор человека. Следует подчеркнуть, что ценностные предпочтения индивида в современном мире не представляют собой единую систему. В первую очередь, из-за сложности современной социокультурной среды, в рамках которой происходит все, что связано с личностью. Сложность социокультурной среды связана с изменением ценностей современного общества. Сложный объект начинает характеризоваться спонтанностью, неопределенностью.

В текущий период основные изменения сконцентрированы на ценностно-смысловом ядре культуры, в обществе осуществляются процессы построения новой иерархии ценностей, которая на ранних этапах еще не выполняет свою интеграционную функцию и в некоторых случаях даже усиливает социокультурную дифференциацию, приводит к кризису идентичностей и т.д.[1].

С течением времени структурные связи между группами ценностей меняются. В связи с процессами глобализации и культурной ассимиляции ценности других социокультурных пространств проникают в ценностную матрицу общества, меняется характер периферийных ценностей, и это способствует тому, что многие из них начинают приобретать самостоятельный статус и значимость в этом социокультурном пространстве. Формируется ценностное направление, отличное от ядра, которое получает свой собственный статус развития. В ценностной системе общества видо-

[1] *Шакирова Е.Ю.* Морфологические свойства ризоморфного социокультурного пространства // Вестник Поволжской Академии государственной службы. 2013, № 5 (38), с. 99-108.

изменяются существующие структурные отношения, а сама структура разрушается, превращаясь в иную субстанцию.

Вследствие социокультурных изменений возможен прорыв одной черты, нетипичной для всей формации, которая дает неудержимое развитие по силе и последствиям. Появляются новые ценностные тенденции, которые можно отнести к прорыву нехарактерного, нестандартного ценностного компонента и его экспансии в содержательное образование.

Ценности различных социумов, культурные ассимиляции, глобализация традиционных ценностей способствуют развитию новых аксиологических направлений, в то время как аксиология выступает детерминантой социальных отношений, на основе которых взаимодействуют различные социальные группы[1].

Современное общество характеризуется размыванием границ, неопределенностью и трансформацией сущностных качеств. Социокультурностью является непрерывно продолжающийся процесс создания смыслов и ценностей. Личность связана с альтернативностью. Альтернативность можно определить как способность индивида выбирать и выстраивать различные стратегии и модели поведения в современном обществе[2].

Индивид вынужден делать выбор, самовыражаться в различных сферах деятельности в ситуации ценностной неопределенности, размывания границ внутри социокультурного пространства, обилия и спутанности ценностей. Индивид полагается на текущие обстоятельства, предпочитая следовать им, а не реализовывать свой выбор. Ж. Бодрийяр полагал, что ценности не поддаются идентификации, происходит их рассеивание, что приводит к полной неопределенности[3]. Такой же точки зрения придерживался и Т. Гейгер, принимавший раздробленность социокультурности на множество ценностных аспектов как свершившийся факт[4].

Социальный выбор не может быть интерпретирован однозначно, выбор становится множественным, многоэле-

---

[1] *Шакирова Е.Ю.* Социокультурное пространство современности: социально-философский анализ. Саратов: КУБиК, 2014. 218 с.

[2] *Резник Ю.М.* Бытие человека как реальность: уровни постижения // Вопросы социальной теории, 2011. т. 5, с. 52-82.

[3] *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2010. 389 с.

[4] Немецкая социология / Отв. ред. Р.П. Шпакова. СПб.: Наука, 2003. 562 с.

ментным и многовекторным, характерным для всей социокультурности. Однако выбор непосредственно остается творческим актом человеческой деятельности, актом самосозидания, сущность которого составляют потребности, интересы и желания индивида. Принятие решений – это внутренняя свобода, выбор – это проявление внешней, где ценности одного ограничивают свободу другого человека[1]. Но при существовании множества ценностей, которые равны и практически эквивалентны, этот выбор либо затруднен, либо процесс выбора сведен к минимальному значению. Современный человек далек от идеала, он постоянно нуждается в обществе других людей из-за отсутствия индивидуальной идентичности. Унификация и нивелирующая доктрина стандартизации, осуществляемые через массовую культуру, разрушают личность, приводят к развитию людей, мыслящих одинаково и делающих один и тот же выбор[2].

Эфемерность современного общества и социокультурной среды в большей степени является продуктом ризомной ценностной сферы. Индивиду в современном обществе необходимо вернуться в мир реальных смыслов и значений, вывести себя из разрушающей виртуальности, которая искажает аксиологический фон бытия. Только в этом случае выбор может считаться актом проявления внутреннего мира личности, в результате которого создаются новые ценности и моральные установки.

В современном обществе потребления общественная жизнедеятельность все больше ассоциируется не с материальным производством, а с информацией, познаниями и технологиями. Все это содействует формированию нового типа подрастающего поколения, стремящегося к саморазвитию на основе возрастающего потребления информационных благ.

В этих условиях индивид вынужден систематически реализовывать социальный выбор во всех основных сферах деятельности, которые сопровождаются виртуализированным образом жизни, высокой зависимостью от средств массовой информации и информационных процессов.

---

[1] *Голованов А.А.* Категория социального выбора в контексте социально-философского дискурса // Вестник ОГУ. 2007, № 7, с. 51-57.

[2] *Сигнаевская О.Р.* Мир человека: смыслы и ценности эпохи постмодерна // Вестник Челябинского государственного университета. 2012, № 4(528). Философия. Социология. Культурология, вып. 23, с. 11-16.

Ценностные ориентации личности ведут человека по пути осуществления социального выбора. Это естественный путь человека, включенного в общество, который, будучи частью этой среды, вынужден делать определенный выбор. С одной стороны, общество постоянно устанавливает определенные ориентиры для социально приемлемого поведения и мышления личности. С другой стороны, личность, проходя процесс социализации, осваивает различные организующие и ориентирующие импульсы, исходящие от общества.

Результатом такого рода социализации является разнонаправленное воздействие на человека, который, как правило, не может оставаться индифферентным и действует определенным образом, т.е. делает очередной социальный выбор. Более того, этот процесс бесконечен, потому что человек осуществляет социальный выбор на протяжении всей своей жизни. Человеку необходимо реализовывать социальный выбор всю свою осознанную жизнь.

Сложно представить качественные характеристики современного общества с позитивной точки зрения или, наоборот, негативной. Изменяется мировосприятие людей и само общество. Можно встретить такую характеристику современного менталитета, как агрессивность и цинизм, без особых склонностей к терпению, одухотворенности и доброте. Многие люди ностальгируют по таким ценностям, как трудолюбие, патриотизм и честность, полагая, что именно этих важных для общества качеств сейчас недостаточно. В то же время, главными личностными устремлениями в жизни современного потребителя являются благополучие, семья и личное счастье. Для реализации таких устремлений человек должен быть настроен на формирование новых и переформирование старых, устоявшихся стереотипов мышления[1].

Ценностные ориентации связаны с выбором, который имеет значение для человека. Именно ценностные ориентации и ценностный выбор, сделанный на их основе, закономерно взаимосвязаны с принципами, позволяющими индивиду осуществить выбор.

В случае успеха такого выбора, человек самоутверждается в способности сгенерировать успех благодаря свое-

[1] *Хабибуллина З.Н.* Массовое сознание и элитарное мышление: социально-философские аспекты // Социально-гуманитарные знания, 2019, № 10, с.171.

му выбору, обусловленному его личностными качествами. Жизненный успех – это способность человека сгенерировать успех в социальной и нравственной сферах жизни. Именно жизненный успех определяется целью и смыслом жизни, которые человек определяет для себя сам.

В современном обществе социальный выбор практически не имеет своих сущностных оснований как полноценный творческий акт личности. Индивид вынужден находиться в состоянии постоянного выбора. Ценность всегда выражает близость человека к реальности, так как она является связующим звеном между объектом и субъектом как носителем социальных и духовных качеств.

УДК 32
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51617

А.Д. ПИЛИПЕНКО
аспирант кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова*

Институциональная роль СО НКО в развитии социального государства в России

Цель данной статьи заключается в определении институциональной роли СО НКО в рамках развития социального государства в России. По итогам работы сделан вывод, что в РФ СО НКО исполняют роль института, обеспечивающего выполнение функции коррекции деятельности органов государственной власти, установления обратной связи с обществом и канализации активности граждан в конструктивное русло.

Ключевые слова: *некоммерческие организации, социально ориентированные некоммерческие организации, гражданское общество, институт, социальное государство.*

A.D. PILIPENKO
Postgraduate student of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University

The institutional role of socially oriented non-profit organizations in the development of the social state in Russia

The purpose of this article is to determine the institutional role of socially oriented non-profit organizations in the development of the social state in Russia. Based on the results of the work, it was concluded that in the Russian Federation, non-profit organizations play the role of an institution that ensures the performance of the function of correcting the activities of public authorities, establishing feedback with

* Пилипенко Александр Дмитриевич, e-mail: pilipenkorussia@gmail.com

society and channeling the activity of citizens into a constructive channel.

Key words: *non-profit organizations, socially oriented non-profit organizations, civil society, institute, social state.*

В настоящее время институты социального государства в России переживают достаточно сложный период. Оптимизация системы здравоохранения и образования, повышение пенсионного возраста на фоне роста экономического неравенства и «заморозки» накопительной части пенсии, сбои в работе программ адресной помощи нуждающимся гражданам, – вот далеко не полный перечень событий и процессов, позволяющих охарактеризовать состояние системы социального обеспечения россиян как кризисное.

В сложившейся ситуации можно уверенно прогнозировать существенный рост нагрузки на органы государственной власти, ответственные за реализацию социальной политики, что вызывает рост заинтересованности со стороны власти и общества в развитии институтов, способных снять с государства часть возросшей нагрузки и обеспечить соблюдение социальных прав граждан. И в первую очередь в данном качестве властями рассматриваются социально ориентированные некоммерческие организации (СО НКО)[1].

Целью представленного исследования является определение институциональной роли СО НКО в рамках развития социального государства в РФ.

Методология работы базируется на применении элементов дескриптивного анализа в отношении эмпирического материала, накопленного в ходе серии из 12 экспертных интервью и дополненного почерпнутой в научной литературе информацией.

Прежде чем приступить к анализу материалов экспертных интервью, необходимо пояснить содержание базовых понятий, используемых в рамках исследования. Согласно действующему законодательству РФ, под НКО в зоне юрисдикции российских властей подразумевается структура, основной

[1] *Аксенов В.В., Петросян Д.И., Соколова М.В*. Социологическое изучение деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций на территории Владимирской области (на основе данных социологического опроса СО НКО) // Ученые записки, 2018, № 2(26), с. 126-136.

целью которой не является извлечение прибыли[1].

Социально ориентированными закон признает некоммерческие организации, созданные в предусмотренных федеральным законодательством формах и осуществляющие деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации, а также виды деятельности, указанные в ст. 31.1 Федерального закона № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г.[2].

В первую очередь необходимо отметить роль СО НКО как инструмента коррекции и согласования с общественным мнением целого ряда направлений государственной политики. Как правило, сотрудников СО НКО отличает более высокий уровень нематериальной мотивации и заинтересованности в реальном решении круга проблем, соответствующих профилю конкретной организации[3]. Для многих из них работа в системе НКО скорее представляется формой волонтерства. Фактически речь идет о людях, занимающихся социальной работой в первую очередь ради решения волнующих их лично социальных проблем. Как следствие, сотрудники СО НКО не заинтересованы просто в достижении отчетных показателей. Более того, формальное выполнение должностных обязанностей представителями государственного аппарата зачастую провоцирует острую реакцию со стороны представителей некоммерческих организаций. Благодаря этому СО НКО выполняет, в том числе – посредством механизма обратной связи, функции контроля за работой профильных государственных структур, ее коррекции и, как следствия, повышения эффективности[4].

Корректирующая роль работы СО НКО проявляется также посредством их взаимодействия с гражданами, для которых чисто по формальным основаниям оказались недоступны механизмы адресной помощи со стороны государства. Последние, необходимо отметить, в условиях

[1] Федеральный закон № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/, (дата обращения: 14.05.2020).

[2] Там же.

[3] *Зелепукин Р.В.* Роль и значение некоммерческого сектора в развитии социального государства: к вопросу о специальных правовых статусах некоммерческих организаций // Актуальные проблемы государства и права, 2019, т. 3, № 9, с. 76-88.

[4] Там же.

широкого масштаба распространения неформальной занятости и очевидно заниженного уровня бедности работают с серьезными сбоями[1].

Социально ориентированные НКО также восполняют пробелы в социальной политике государства, агрегируя запросы дисперсных групп нуждающихся в помощи россиян (например, граждан, чьи родственники нуждаются в постоянном приеме не сертифицированных в РФ лекарственных препаратов)[2].

Равным образом представители «третьего сектора» берут на себя основную нагрузку в рамках решения социальных проблем, которыми государственные и муниципальные структуры занимаются по остаточному принципу (оказание помощи жертвам семейного насилия, социальная реабилитация бездомных, поддержка хосписов, гуманное решение проблемы бездомных животных и др.)[3].

Эти тезисы подтверждают эксперты в своих комментариях по указанному вопросу. В частности, пишут следующее: *«Социальная политика государства в России по большому счету ориентирована на решение одной задачи: сэкономить как можно больше денег для бюджета. Потому критерии получения помощи зачастую доводят до абсурда. В результате за бортом оказалась немалая часть наших сограждан, которым реально нужна помощь».*

Социально ориентированные НКО также выступают в роли института, генерирующего как текущую повестку для органов власти, так и предложения относительно устранения или минимизации выявленных проблем. Высокий уровень личной мотивации, значительный опыт работы «на земле» (т.е. непосредственного участия в решении конкретных социальных проблем), необходимость поддерживать позитивный имидж в глазах общественности гарантируют достаточно высокий уровень как компетентности, так и объек-

---

[1] *Иванов А.В.* Некоммерческие организации – исполнители общественно полезных услуг как новый вид социально ориентированных некоммерческих организаций // Современные инновации, 2017, № 8(22), с. 46-48.

[2] *Шершнев Д.С.* Формирование стратегии государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций сферы социальных услуг // Теория и практика современной науки, 2017, № 11(29), с. 389-394.

[3] *Палибина А.С., Панькова Е.Г., Соловьева Т.В., Бистяйкина Д.А.* Некоммерческие организации в системе социального обслуживания населения // Дискуссия, 2017, № 10(84), с. 55-59.

тивности представителей НКО.

Эксперты отмечают, что *«не нужно думать, что в больших кабинетах сидят некие злодеи и нелюди. У их обитателей просто зачастую нет нормальной обратной связи с людьми. НКО, так или иначе, восполняют этот пробел».*

Кроме того, представители НКО отмечают некоторую несопоставимость должности руководителей и их реального практического опыта. То есть складывается ситуация, когда переводят «*чиновников, например, с руководства телеканалом или газетой… в кресло директора музея. Менеджерский подход. Но каким бы хорошим управленцем человек не был, без опыта он будет плавать. А в НКО полно людей, которые уже не первый год занимаются своей проблемой, реально хотят изменить ситуацию, плюс дорожат репутацией…»*.

В данном случае структуры «третьего сектора» выступают в качестве дополнительного канала коммуникации между обществом и властью, наличие которого компенсирует недостатки в работе прочих путей коммуникации. Однако количественные социологические исследования достаточно дорогостоящи, а их результаты могут легко исказиться в силу нарушения репрезентативности выборки, ошибок, допущенных при формулировке вопросов, и иных факторов[1].

В рамках экспертного опроса было выявлено, что значительная часть руководителей НКО полагает, что «*большинство проводимых опросов мало и редко затрагивают конкретную проблематику. Чаще всего чем интересуются? Довольны ли ситуацией в целом, готовы ли выйти протестовать, как оценивают деятельность Ивана Ивановича, за кого будут голосовать, нужно ли менять мэра/губернатора. Много вопросов в анкету не запихнешь, иначе она выйдет "золотой"».*

Нельзя обойти вниманием и такую институциональную функцию СО НКО, как формирование площадок медиации конфликтов между органами власти и общественностью. Социально ориентированные некоммерческие организации в

[1] *Кузнецова Л.Г., Кислицына И.Г.* Организация работы с социально ориентированными некоммерческими организациями в Республике Марий Эл // Национальная безопасность России в глобализированном мире: состояние, вызовы, риски и механизмы устойчивого развития Сборник трудов международной научной конференции / Под общей редакцией В.П. Шалаева. Йошкар-Ола, 2015, с. 313-314.

большинстве случаев заинтересованы в первую очередь в решении соответствующих проблем, что выгодно отличает их от политиков-популистов, использующих недовольство масс и протестные настроения лишь для установления контроля над экономическими ресурсами или позициями во властной иерархии.

В целом можно заключить, что СО НКО в рамках развития социального государства в России играют роль института, корректирующего деятельность государственных ведомств, во многих аспектах и секторах замещающего официальные властные структуры, решающего для них задачи налаживания обратной связи с обществом, выработки экспертных рекомендаций и канализации недовольства граждан в конструктивное русло. При этом представители власти, в особенности – на локальном и региональном уровнях, часто не осознают значимость СО НКО. Данная ситуация препятствует реализации потенциала партнерства государства и «третьего сектора». Вместо синергии их усилий мы наблюдаем скорее компенсацию отсутствия государства в различных сегментах социальной сферы за счет ресурсов НКО.

УДК 327
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51608

ШИ ЮЙЧЭНЬ
аспирант кафедры политологии Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова*

Развитие регионализма в Азиатско-Тихоокеанском регионе на примере взаимодействия Китая и АСЕАН

Развитие отношений между Китаем и АСЕАН – пример регионализма в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: *регионализм, Китай, АСЕАН, региональное сотрудничество.*

SHI YUCHEN
Postgraduate Student of Political Department of IAAS MSU named after M.V. Lomonosov

Development of regionalism in the Asia-Pacific region - the example of China and ASEAN

The development of relations between China and ASEAN is a bright example of regionalism in the Asia-Pacific region.

Key words: *regionalism, China, ASEAN, regional cooperation.*

С 1990-х гг. XX века Китай и АСЕАН являются активными силами экономического развития Азиатско-Тихоокеанского региона, они также играют важную роль в активном продвижении региональной интеграции. Отношения между Китаем и АСЕАН тесно связаны с развитием регионализма.

* *Ши Юйчэнь*, e-mail: msushiyuchen@yandex.ru

Цель статьи – дать определение регионализма, провести различие между традиционным регионализмом и новым регионализмом, предложенным АСЕАН. Изучить как внешняя политика КНР и дипломатическая деятельность по отношению к АСЕАН, способствует развитию регионализма в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Мы можем определить регионализм как направление политической мысли, согласно которой несколько национальных государств, географически смежных и имеющих высокую степень политической и экономической взаимозависимости, стремятся к сотрудничеству в региональных делах, основанных на усилении своих соответствующих интересов.

Российские ученые считают, что регионализм – это формирующаяся идеология, обслуживающая функционирование региона как политического субъекта пост вестфальского глобального мира[1]. Европейские политологи полагают, что под регионализмом могут пониматься «попытки соседних государств усилить региональную интеграцию» через формальную кооперацию их правительств[2]. Китайские политологи считают, что регионализм – это все идеи и практические действия различных участников в одном регионе для осуществления регионального сотрудничества на основе общих интересов[3].

В XXI в. не только увеличилось число различных структур регионального сотрудничества, но и качественно изменился формат их деятельности на фоне общего роста их политической значимости в мировой политике[4]. Регионализм получил новое развитие в рамках процесса глобализации. Так, Европейский союз показал пример успешного внедрения практики регионализма в 1990-х гг.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе, с исчезновением биполярной структуры отношения между Вьетнамом, Лаосом и АСЕАН значительно улучшились, также стабилизировалась

---

[1] *Щипков В.А.* Регионализм как идеология глобализма. М.: МГИМО, 2017. с.175.

[2] *Capling A., Nossal K. R.* The contradictions of regionalism in North America // Review of International Studies. Cambridge Journals. 2009. Vol. 35. Special Issue. p.148-149.

[3] *Гэн Сюефэн*. Син ди цюй чжу и ю я тай ди цюй цзе гоу бянь дун. (Новый регионализм и структурные изменения в Азиатско-Тихоокеанском регионе). Пекин: Издательство Пекинского университета, 2003. с. 5-7.

[4] *Прохоренко И.Л.* Новый регионализм: проблема конфигурации современного миропорядка // Пути к миру и безопасности, 2015, № 2(49), с. 21.

внутренняя ситуация в Камбодже и Мьянме. Эти страны присоединились к АСЕАН в 1990-х гг., стремясь к региональной интеграции для достижения общего развития.

Принято считать, что АСЕАН первая предложила создать механизм регионального сотрудничества для Азиатско-Тихоокеанского региона, первоначальным разработчиком проекта «Новый регионализм в Восточной Азии» была также АСЕАН[1].

Термин «новый регионализм» был впервые предложен Норманом Палмером. Новый регионализм – это не только возрождение старого регионализма, это новый важный фактор в современных международных отношениях[2]. Новый регионализм больше не ограничивается одними только лишь военными целями в области безопасности и экономики, а включает такие аспекты, как права человека, демократия, экономика, окружающая среда, культура, общество и Интернет.

Традиционный регионализм отличается от регионализма, пропагандируемого АСЕАН, рядом характеристик. Новый регионализм, за который выступает АСЕАН, имеет следующие отличительные характеристики: (1) на него больше влияют внешние факторы; (2) исходя из потребностей регионального экономического развития, он сформировал фундамент, который возглавляется силами экономической интеграции и постепенно расширяется в области региональной политической безопасности. (3) региональное сотрудничество с характеристиками «открытости» и «экстраверсии», выход за существующие границы регионального сотрудничества и поддержка участия стран за пределами региона[3]. Механизм АСЕАН стал основной парадигмой нового регионализма в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Во время холодной войны АСЕАН имела меньше контактов с другими странами Азиатско-Тихоокеанского региона, в связи с чем не было возможностей для регионального сотрудничества. Финансовый кризис в Юго-Восточной Азии,

---

[1] *Ван Гопин:* Дун мэн юй дун я синь ди цюй чжу и. (АСЕАН и новый регионализм в Восточной Азии) // *Дан дай я тай*, 2007, №7, с. 18-23.

[2] *Norman D. P.* The New Regionalism in Asia and the Pacific. Mass: Lexington Books,1991. p. 2-19.

[3] *Ван Сяоли*. Дун мэн гун тун ти: Дун я синь ди цюй чжу и де цзи бэнь фань ши. (Сообщество АСЕАН: основная парадигма восточноазиатского нового регионализма) // Ли лунь гуан ча, 2016, №12, с. 36-37.

разразившийся в 1997 г., заставил страны АСЕАН осознать, что разрешить кризис самостоятельно невозможно. Чтобы выжить и развиваться, страны должны укреплять региональное сотрудничество друг с другом и совместно участвовать в экономической глобализации.

Как и в ситуации с АСЕАН, регионализм в Китае возник в эпоху холодной войны. Изначально Китай в основном занимался развитием двусторонних отношений, в результате чего он занял выжидательную позицию по отношению к региональным организациям[1]. Начиная с 1980-х гг., с ростом и развитием нового регионализма в контексте глобализации по всему миру, Китай установил дипломатические отношения с соседними странами, регионализм был включен в стратегический выбор правительства Китая[2].

С точки зрения совокупной национальной мощи Китай все еще является региональной державой и развивающейся страной. Для достижения стратегической цели – превращения в великую державу, Китай ставит перед собой ряд задач. Главная задача состоит в том, чтобы стать ответственной азиатской страной и иметь относительно стабильную безопасность на границе и прилегающих с внешней стороны территориях других стран. Регионализм может обеспечить платформу для достижения этой цели.

Начиная с 1990-х гг., Китай активно участвовал в ограниченном региональном сотрудничестве, а также в многостороннем и двустороннем сотрудничестве. Во время финансового кризиса 1997 г. действия Китая завоевали доверие АСЕАН. Под влиянием регионализма быстро развивались двусторонние отношения, в частности, сотрудничество с АСЕАН стало основным моментом развития китайского регионализма.

В 2001 г. премьер Госсовета КНР Чжу Жунцзи предложил идею создания зоны свободной торговли Китай-АСЕАН[3], которая была одобрена странами АСЕАН, и обе стороны

---

[1] *Ся Липин, Лян Сяоцзюнь и Ли Цянью*. Дан дай чжун го вай цзяо ши лю цзян (16 лекций по современной китайской дипломатии). Пекин: Издательство Ши цзе чжи ши, 2017. с. 308-310.

[2] *Сунь Ванлу.* Ди цюй чжу и: Ли лунь синь тай ю ши цзянь мо ши. (Регионализм: теоретические и практические модели) // Далянь Гань бу сюе кань, 2018, №6, с. 31-36.

[3] *Центр АСЕАН-КНР.* Чжун го дун мэн цзы ю мао и цюй цзянь цзе (зоны свободной торговли Китай-АСЕА), 11.05.2012. [Электронный ресурс] // http://www.asean-china-center.org/zb2/zb.htm [Дата обращения 24.11.2020].

решили построить зону свободной торговли Китай-АСЕАН за десять лет и успешно завершить её в 2010 г.[1]. В августе 2019 г. Обновленный протокол соглашения зоны свободной торговли Китай-АСЕАН вступил в полную силу. По экономическим масштабам Зона свободной торговли Китай-АСЕАН является третьей по величине зоной свободной торговли в мире после ЕС и Североамериканская зона свободной торговли[2].

После завершения создания зоны свободной торговли Китай-АСЕАН, обе стороны стали уверенно смотреть на перспективы экономических и торговых отношений. Это связано с постоянными инвестициями Китая в АСЕАН, культурными, туристическими и кадровыми обменами между Китаем и АСЕАН, а также такими инициативами, как «Морской шелковый путь 21-го века» и «Азиатский банк инфраструктурных инвестиций», которые в целом высоко ценятся странами АСЕАН. Всё это составляет положительную сторону отношений Китай-АСЕАН и доказывает сильный импульс регионализма.

В 2020 г. из-за двойного воздействия эпидемии коронавируса и китайско-американской торговой войны, Китай и АСЕАН стали крупнейшими торговыми партнерами друг друга. Объем двусторонней торговли с января по август составил 416,55 млрд долларов США[3]. 15 ноября во время Четвертого совещания лидеров Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП), министр торговли КНР Чжун Шань и десять стран АСЕАН, а также министры торговли Японии, Южной Кореи, Австралии и Новой Зеландии подписали «Соглашение о всеобъемлющем региональ-

[1] *Операционный центр бизнес-портала зоны свободной торговли Китай-АСЕАН.* Чжун го дун мэн цзы ю мао и цюй фа чжань ли чэн (процесс развития зон свободной торговли Китай-АСЕА), 29.10.2019. [Электронный ресурс] // http://www.cn-asean.org/about/201908/t20190822_886219.html [Дата обращения: 24.11.2020].

[2] Дун мэн чэн чужн го ди и да мао и хуо бань (АСЕАН становится крупнейшим торговым партнером Китая), 23.03.2020. [Электронный ресурс] // http://www.gov.cn/xinwen/2020-03/23/content_5494368.htm [Дата обращения: 21.11.2020].

[3] Ли Кэцян: Дун мэн и чэн вэй чужн го ди и да мао и хуо бань (Ли Кэцян: АСЕАН стала крупнейшим торговым партнером Китая), 12.11.2020. [Электронный ресурс] // http://www.gov.cn/xinwen/2020-11/12/content_5560815.htm [Дата обращения: 25.11.2020].

ном экономическом партнерстве»[1]. Успешное завершение переговоров ВРЭП стало самым важным результатом экономической интеграции Восточной Азии за последние 20 лет. Премьер Госсовета КНР Ли Кэцян присутствовал на четвертой встрече лидеров ВРЭП 15 ноября и заявил, что подписание ВРЭП является победой многосторонности и свободной торговли[2].

С другой стороны, отношения Китая и АСЕАН также страдают от конфликтов в области безопасности. В основном это связано с такими противоречиями, как политические подозрения и территориальные споры. Некоторые страны-члены АСЕАН, возглавляемые Вьетнамом, часто создают волну общественного мнения, критикующего «китайскую гегемонию», что вызывает подозрения в стратегических намерениях Китая в АСЕАН. Это сформировало так называемую «двойственную природу» отношений между Китаем и АСЕАН, то есть развитие экономических отношений идет рука об руку с ростом политической напряженности, вызванной претензиями Китая в Южно-Китайском море[3]. Проблема Южно-Китайского моря представляет серьезный вызов для регионализма АСЕАН. Столкнувшись с проблемой Южно-Китайского моря, регионализм АСЕАН быстро начал адаптироваться.

В 2013 г. АСЕАН включила переговоры по «Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море» в повестку дня АСЕАН и согласовала свою позицию с Китаем, эффективно избегая обострения конфликтов[4]. С 2013 г. АСЕАН содейст-

---

[1] Чжун Шань бу чжан дай бяо чжун го цзянь шу цюй юй цюань мянь цзин ци хуо бань гуань си се дин. (Министр Чжун Шань подписал «Соглашение о всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве» от имени правительства Китая), 15.11.2020. [Электронный ресурс] // http://www.mofcom.gov.cn/article/news/202011/20201103015923.shtml [Дата обращения: 25.11.2020].

[2] Ли Кэцян RCEP дэ цянь шу ши дуо бянь чжу и хэ цзи ю мао и дэ шэен ли (Ли Кэцян: Подписание ВРЭП – это победа многосторонности и свободной торговли), 15.11.2020. [Электронный ресурс] // http://www.chinanews.com/gn/-2020/11-15/9338913.shtml [Дата обращения: 25.11.2020].

[3] *Ли Донги.* Чжун го дун мэн гуань си ю дун мэн ди цзюй чжу цзинь ци ху дон цзе си (Анализ последних взаимодействий между китайско-асеановскими отношениями и регионализмом АСЕАН) // Тай пин ян сюе бао, 2016, №8, с. 40-52.

[4] *Simon Tay:* "ASEAN's Balancing Act with China". 23.05.2013. [Электронный ресурс] http://www.siiaonline.org/aseans-balancing-act-with-china/ [Дата обращения: 23.11.2020].

вует переговорам с Китаем по «Кодексу поведения для всех сторон в Южно-Китайском море» и включает вопрос о Южно-Китайском море во внутренние диалоги и дискуссии.

Усилия АСЕАН показывают, что она более серьезно относится к решению проблем в отношениях Китая и АСЕАН с использованием регионалистского подхода. Развитие отношений Китай-АСЕАН является результатом совместных усилий обеих сторон. Существующее региональное сотрудничество обеспечило хорошую основу для отношений между Китаем и АСЕАН. Если обе стороны смогут установить взаимное доверие и урегулировать локальные конфликты в определённых областях, регионализм в АСЕАН сможет продолжать укреплять прогресс в отношениях между Китаем и АСЕАН

Как заявил премьер Госсовета КНР Ли Кэцян в 2014 г., прошедшее десятилетие стало «золотым десятилетием» в отношениях Китая и АСЕАН. Следующее десятилетие – это «бриллиантовое десятилетие» для обеих сторон[1].

По сравнению с традиционным регионализмом в Европе, новый регионализм, инициированный АСЕАН в Азиатско-Тихоокеанском регионе, постоянно развивается. Укрепление и углубление отношений Китая и АСЕАН показывает, что регионализм имеет сильную жизнеспособность в этом регионе.

В первые 20 лет XXI века КНР всегда был привержен расширению процесса региональной интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Китай активно принимает регионализма в своей внешней политике в отношении АСЕАН. Мы уверены, что Китай и АСЕАН будут и впредь продвигать регионализм и поддерживать региональную интеграцию в будущем.

[1] Цуу хуан цзинь ши нянь дао цзуань ши ши нянь, чхун го дун мэн хэ цзо цянь ци ке цзин. (От «Золотого десятилетия» до «Бриллиантового десятилетия» перспективы сотрудничества Китая и АСЕАН многообещающие). 14.11.2014. // http://www.gov.cn/xinwen/2014-11/14/content_2778624.htm [Дата обращения: 21.11.2020].

УДК 323.2
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51609

А.А. СПАСОВ
аспирант кафедры Российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова*

Путь евроинтеграции Республики Северная Македония

В статье рассматриваются действия правительства Республики Северная Македония, направленные на евроинтеграцию. Исследование показывает, что политические уступки республики странам ЕС привели к упадку доверия граждан к премьер-министру и партии СДСМ, что, в свою очередь, может изменить баланс политических сил в стране после очередных парламентских выборов.

Ключевые слова: *евроинтеграция, Северная Македония, Европейский Союз, ВМРО-ДПМНЕ, Зоран Заев.*

A.A. SPASOV
Post-graduate student of the Department of Russian politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University

The path of European integration of the Republic of North Macedonia

The article examines the actions of the Government of the Republic of North Macedonia aimed at European integration. The study shows that the republic's political concessions to the EU countries have led to a decline in citizens ' confidence in the Prime Minister and the SDSM party, which, in turn, can change the balance of political forces in the country after the next parliamentary elections.

Keywords: *European Integration, North Macedonia, European Union, VMRO-DPMNE, Zoran Zaev.*

* Спасов Александр Андреевич; e-mail: s4267@yandex.ru

Евроинтеграция – процесс взаимодействия социальных и политических институтов европейских стран на межгосударственном уровне, стимулирующий создание новой политической системы (ЕС). Путь евроинтеграции для ряда стран, которые желают стать новыми членами Евросоюза, неизбежно ведет к внутриполитической трансформации для того, чтобы соответствовать государственными, политическим, экономическим и иным требованиям ЕС и не иметь с их представителями разногласий.

Так, путь евроинтеграции Республики Северная Македония, начатый при Зоране Заеве (премьер-министр страны с 31 мая 2017 г. по 3 января 2020 г. и с 31 августа 2020 г. по настоящее время), включает в себя несколько эпизодов устранения политических разногласий со странами-членами Евросоюза для создания возможности старта переговоров о вступлении в ЕС.

Европейский Союз до премьерства З. Заева отказывался вести диалог о возможности вступления в ЕС с Северной Македонией, поскольку македонцы имели давний спор с Грецией (член ЕС) из-за конституционного названия страны. Суть спора сводится к тому, что историко-географическая область древнего Македонского царства была расположена на трех частях нынешних государств: Эгейская входит в Грецию, Вардарская принадлежит Северной Македонии, а Пиринская Болгарии. Греки не соглашались с тем, что название «Македония» фигурировало вне контекста их страны, поэтому их не устраивало конституционное название государства «Республика Македония»[1].

Для того чтобы устранить разногласия с Грецией и начать переговоры о вступлении в Евросоюз, македонцам необходимо было изменить конституционное название страны. И если в период премьерства Н. Груевского (лидер партии ВМРО-ДПМНЕ до 2016 г.) республика занимала твердую позицию в споре с греками и не соглашалась изменять свое конституционное название, то с приходом З. Заева на пост премьер-министра ситуация кардинально изменилась, поскольку З. Заев сразу же нацелился на евроинтеграцию. Более того, изменение конституционного названия страны открывало дорогу к переговорам о вступлении в НАТО

[1] *Колосков Е.А.* Македонско-греческий спор о названии: аспекты, этапы и поиски решения // Славянский альманах, 2011, с. 186-203.

(закономерный шаг на пути евроинтеграции), что было еще одной стратегической целью для З. Заева.

Так, в 2017 г. на государственном телеканале МРТ З. Заев заявил: «Есть два пути: или решение проблемы, или под временным названием вступить в НАТО и продолжить переговоры с Грецией по проблеме, которую Греция имеет с нашим конституционным названием страны, в связи с нашей интеграцией в Евросоюз. Они ясно понимают, что наше стремление в ЕС также сильно»[1]. Своим заявлением новый премьер-министр обозначил две главные цели для страны – вступление в ЕС и вступление в НАТО, тем самым выбрав иной внешнеполитический курс, противниками которого были македонцы, ранее поддерживавшие экс-премьера Н. Груевского

К июню 2018 г. Северная Македония и Греция провели переговоры и подписали соглашение о новом конституционном названии страны[2]. 1 октября того же года в Северной Македонии был проведен референдум, на котором жители голосовали за или против изменения конституционного названия. 91,46% проголосовали за изменение конституционного названия республики. Однако референдум должен был быть признан несостоявшимся, поскольку явка на нем составила 36,91%, а необходимо было преодолеть барьер в 50%[3]. Но несмотря на нарушение законодательства страны, конституционное название все же было изменено на «Республика Северная Македония».

После проведенного референдума в стране вспыхнули протесты. Многие жители страны (в основном македонцы, а не албанцы) высказывались против изменения конституционного названия, считая данное действие унижением перед Грецией. По оценкам местных СМИ, на улицы Скопье и других городов вышло от 30 до 50 тыс. человек[4].

---

[1] Премьер Македонии готов сменить название страны ради вступления в НАТО // РИА Новости, 08.06.2017. URL: https://ria.ru/20170608/1496091440.html (Дата обращения: 06.12.2020).

[2] Подписано соглашение о переименовании Македонии // Korrespondent.net, 17.07.2018. URL: https://korrespondent.net/world/3981293-podpysano-sohlashenye-o-pereymenovanyy-makedonyy (Дата обращения: 12.12.2020).

[3] Референдум о переименовании Македонии признали несостоявшимся // РБК, 1.10.2018. URL: https://www.rbc.ru/politics/01/10/2018/5bb21c769a-7947163cf1b6d5 (Дата обращения: 19.12.2020).

[4] В Македонии десятки тысяч людей протестовали против переименования страны // Газета «День», 3.06.2018. URL: https://day.kyiv.ua/ru/news/030618-v-

Смена конституционного названия страны была крайне непопулярным решением. С 90-х гг. опросы показывали, что для подавляющего большинства граждан название «Македония» воспринималось как само собой разумеющееся. К примеру, по данным агентств «Нова Македонија» и ДАТАПРЕСС, в декабре 1992 г. против изменения выступали 75,76% граждан[1], в ноябре 1994 г. – 74,33%[2], в феврале 2001 г. – примерно 90% опрошенных[3].

Отметим, что, начиная с 2018 г. правительство Северной Македонии проводило переговоры как с Грецией, так и с натовскими представителями. К примеру, в июле 2018 г. З. Заев провел встречу с генсеком НАТО Йенсом Столтенбергом, по итогам которой был подготовлен документ о начале переговорного процесса по вступлению страны в Североатлантический альянс[4].

После урегулирования разногласий с Грецией и проведения нескольких раундов переговоров с натовскими представителями, министр иностранных дел Северной Македонии Никола Дмитров в феврале 2019 г. в Брюсселе подписал протокол о вступлении страны в Североатлантический альянс[5]. В феврале 2020 г. Собрание Северной Македонии ратифицировало протокол, и к марту того же года страна стала официальным членом НАТО.

Однако как в случае с референдумом, так и в период проведения переговоров с натовскими представителями в стране вновь вспыхнули протесты. К примеру, в начале 2019 г., в период активной фазы переговоров З. Заева с представителями Североатлантического альянса, в Северной Македонии прошли демонстрации 84 различных организаций, среди

---

makedonii-desyatki-tysyach-lyudey-protestovali-protiv-pereimenovaniya-strany (Дата обращения: 20.12.2020).

[1] Името не треба да се менува // Нова Македонија. 9 декември 1992, № 16481, с. 1.

[2] Мнозинство – против промена на името // Нова Македонија, 27 ноября 1994, № 17181, с. 3.

[3] *Тунтев А.* Република Македонија. Прва декада (1990-1999). Скопје, 2005, с. 354.

[4] Македония и НАТО подписали документ о начале переговоров по вступлению страны в альянс – Международная панорама // ТАСС, 12.07.2018. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5369064 (Дата обращения: 21.12.2020).

[5] В Брюсселе подписали протокол о вступлении Северной Македонии в НАТО // Interfax.ru, 6.02.2019. URL: https://www.interfax.ru/world/649440 (Дата обращения: 25.12.2020).

которых были представители диаспор из разных стран, политические партии, гражданские инициативы и др.[1].

Несмотря на нарастающее недовольство граждан, З. Заев продолжил проводить политику евроинтеграции, поскольку были устранены те разногласия, которые могли ранее препятствовать старту переговоров о вступлении в ЕС. Но планы о переговорах с ЕС, намеченные З. Заевым, провалились. В октябре 2019 г. президент Франции Э. Макрон выступили против переговоров с Северной Македонией и Албанией о вступлении в Евросоюз, сославшись на отсутствие должных реформ в этих странах[2].

После отказа ЕС от переговоров с Северной Македонией правительство республики ушло в отставку. Перед уходом с поста премьер-министра З. Заев заявил: «Мы являемся жертвами исторической ошибки ЕС». Затем было объявлено о том, что будут организованы досрочные парламентские выборы, на которых граждане должны будут определить дальнейший путь развития своей страны[3].

На новых парламентских выборах (прошли в июле 2020 г.) с незначительным перевесом победила партия СДСМ, что позволило З. Заеву вновь возглавить правительство, затем была сформирована парламентская коалиция «Мы можем», в которую вошли СДСМ (Социал-демократический союз Македонии) и ДСИ (Демократический союз за интеграцию).

После парламентских выборов, несмотря на прошлый провал евроинтеграции из-за наложенного вето Франции, З. Заев решил вновь устремиться в ЕС. Однако в ноябре 2020 г. препятствием для переговоров о вступлении в Евросоюз послужил отказ Болгарии из-за культурно-исторических разногласий с Скопье[4]. Поводом для отказа о начале переговоров послужило то, что Северная Македония отказалась

---

[1] В Македонии вышли на протест против вступления в НАТО // Russia-Post.su, 03.01.2019. URL: https://www.russiapost.su/archives/165727 (Дата обращения: 28.12.2020).

[2] «Конец расширения ЕС». Макрон не впустил Македонию // Korrespondent.net, 25.10.2019. URL: https://korrespondent.net/world/4153390-konets-rasshyrenyia-es-makron-ne-vpustyl-makedonyui (Дата обращения: 30.12.2020).

[3] Премьер-министр Северной Македонии подал в отставку // Российская газета, 03.01.2020. URL: https://rg.ru/2020/01/03/premer-ministr-severnoj-makedonii-podal-v-otstavku.html (Дата обращения: 30.12.2020).

[4] Болгария блокировала начало переговоров о присоединении Северной Македонии к ЕС – Международная панорама – ТАСС, 17.11.2020. URL: https://-tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10027245 (Дата обращения: 03.01.2021)

признать республику исторической и лингвистической частью Болгарии. Позиция Софии сводится к тому, что македонцы являются часть болгарского народа, а сама македонская нация была создана искусственно югославским лидером Тито.

Претензии Болгарии не заставили З. Заева отказаться от дальнейшей торговли историческим наследием страны. Так, в интервью болгарскому агентству БГ НЕС, З. Заев заявил, что обе страны имеют общую историю, а во время Второй мировой войны Болгарская армия освободила Македонию. Тем самым З. Заев окончательно разрушил свою репутацию, поскольку македонцы в этот раз сделали выбор в пользу сохранения верности истории, а не в сторону ЕС. Так, в ноябре 2020 г., сразу же после интервью З. Заева, на улицах Скопье вспыхнули новые протесты против премьер-министра. Во время протестных действий, сторонники партии ВМРО-ДПМНЕ заявили: «Мы хотим мирным путем выразить свой протест против намерений правительства и Заева торговать нашим языком, народом, самосознанием и историей»[1].

Для того, чтобы снизить градус накала протестов З. Заев в декабре 2020 г. с парламентской трибуны заявил: «Болгария наложила вето, нарушила Соглашение о добрососедских отношениях и встала на нашем пути евроинтеграции, условия которой, как подтверждают другие страны, мы выполняем»[2]. Однако репутация З. Заева была уже окончательно подорвана. Сегодня македонцы не хотят видеть во власти деятелей, которые готовы торговать национальным самосознанием. Это показывает исследование за январь 2021 г. института СИА ВИСТА – только 25,6% граждан поддерживают премьер-министра. Также примечательно, что вырос рейтинг оппозиционной партии ВМРО-ДПМНЕ, которые на следующих парламентских выборах может набрать наибольшее число голосов среди действующих партий, поскольку ее поддерживают 22,3% граждан

[1] «Торгует национальным самосознанием»: премьера Северной Македонии призывают уйти в отставку // Balkanist.ru, 27.11.2020. URL: https://balkanist.ru/torguet-natsionalnym-samosoznaniem-premera-severnoj-makedonii-prizyvayut-ujti-v-otstavku/ (Дата обращения: 08.01.2021).

[2] Заев: Бугарска се не понаша европски // Politika.rs, 09.12.2020. http://www.politika.rs/scc/clanak/468488/Zaev-Bugarska-se-ne-ponasa-evropski (Дата обращения: 11.01.2021)

(лидера партии поддерживает 50,6%), а СДСМ 18,4% и Демократический союз за интеграцию 6,1%[1].

Таким образом, действия правительства Северной Македонии, направленные на сближение с ЕС, привели к тому, что премьер-министр страны и коалиционное парламентское большинство «Мы можем» уничтожили свою репутацию. Евроинтеграция обернулась массовыми протестами граждан. Очевидно, что члены Евросоюза будут и дальше препятствовать Северной Македонии в попытках организации переговорного процесса. Также ясно и то, что македонцы устали от постоянных уступок западным странам. На этом фоне выгодно смотрится партия ВМРО-ДПМНЕ, члены которой не совершали резких политических маневров в сторону ЕС. Поэтому, вероятно, следующие парламентские выборы могут привести к серьезным политическим изменениям в стране, поскольку партия ВМРО-ДПМНЕ имеет высокие шансы набрать больше голосов, чем остальные партии, что, в свою очередь, даст возможность Христиану Мицкоски (лидер ВМРО-ДПМНЕ) возглавить правительство.

[1] Лишь четверть граждан Македонии хорошо относятся к премьеру Зорану Заеву // Balkanist.ru, 11.01.2021. URL: https://balkanist.ru/lish-chetvert-grazhdan-makedonii-horosho-otnosyatsya-k-premeru-zoranu-zaevu/ (Дата обращения: 17.01.2021).

УДК 327
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51621

А.С. ШАХБАЗОВ
аспирант кафедры дипломатии и консульской службы Дипломатической академии МИД России*

Правительство Педро Санчеса и внешняя политика Испании

Статья посвящена анализу основных аспектов испанской внешней политики нового социалистического правительства, а также выявлению причин, ограничивающих ее реализацию. Существенное внимание уделяется вопросам формирования внешнеполитического курса страны в сильной зависимости от деятельности политических партий. Автором рассмотрен космополитический подход во внешней политике нового правительства, а также выделены основные внешнеполитические инициативы.

***Ключевые слова**: Педро Санчес, внешняя политика, космополитический подход, атлантистская ось.*

A.S. SHAHBAZOV
Postgraduate Student of the Department of Diplomacy and Consular Service of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The government of Pedro Sanchez and the foreign policy of Spain

The article analyzes the main aspects of the Spanish foreign policy of the new socialist government, as well as identifying the reasons that limit its implementation. Considerable attention is paid to the formation of the country's foreign policy course in strong dependence on the activities of political parties. The author considers the cosmopolitan approach in the foreign policy of the new government, as well as highlights the main foreign policy initiatives.

***Keywords**: Pedro Sanchez, foreign policy, cosmopolitan approach, Atlanticism.*

* Шахбазов Абульфаз Салех оглы, e-mail: londinium96@yandex.ru

Стремительный приход к власти Педро Санчеса в результате принятия вотума недоверия, выдвинутого против народного правительства Мариано Рахоя, имеет определенные последствия для испанской внешней политики.

Внешняя политика Рахоя была не эффективной из-за различных условий, среди которых можно было бы выделить борьбу с финансово-экономическим кризисом. В целом же можно утверждать, что мы не сталкиваемся с радикально разрушительной внешней политикой по сравнению с политикой, разработанной правительствами Рахоя с 2011 г. Однако стоит подчеркнуть, что она вносит некоторые изменения, направленные на то, чтобы наделить Испанию большим политическим весом на международной арене.

Одним из ключевых моментов во внешней политике правительства Педро Санчеса стоит выделить ***космополитический подход***, который непосредственно влияет на направленность внешнеполитической доктрины. Речь идет о проведении Социалистической партией «внешних действий, направленных на людей», превращающих, по крайней мере, в теории традиционную статоцентрическую ось внешней политики в более антропоцентрическую концепцию. Космополитическая внешняя политика сталкивается с проблемой недопущения излишеств идеализма и достижения конкретных результатов путем быстрого реагирования на самые насущные вызовы. Испания должна содействовать построению все более институционального международного порядка, не пренебрегая факторами гуманизации системы международных отношений.

Согласование этого космополитического видения с национальными интересами и национальной безопасностью в их самых сложных аспектах является непростой задачей, поскольку оно порождает ощутимые политические противоречия, подобные тем, которые в последнее время обострились в миграционной сфере. Кроме того, не следует забывать, что космополитическая внешняя политика может быть модифицирована крайне негативными факторами, тем самым вступая в политико-идеологическую битву и затрудняя формирование консенсуса.

Данное космополитическое видение охватывает большинство основных внешнеполитических инициатив Педро Санчеса, некоторые из которых будут приведены ниже.

Укрепление европейской оси внешней политики Испании

Новое социалистическое правительство уделяет приоритетное внимание стремлению углубить европейскую интеграцию. Это связано с убеждённостью правительства в том, что нынешние международные и национальные условия государств-членов требуют прогресса в этом направлении с целью управлять глобальными процессами и, одновременно, бороться с ростом националистических и популистских партий и движений в самом Европейском союзе (ЕС).

Четким свидетельством европейской воли нынешнего правительства является назначение трех министров, обладающих большим политическим опытом и признанием в европейских структурах и институтах.

В политически раздробленном ЕС из-за роста популистских и националистических идей в момент кризиса, Испания решительно входит в проевропейский блок, поддерживая Францию в качестве главного спонсора европейской интеграции, и Германию в соответствии с предыдущими социалистическими правительствами. Речь идет о возрождении испанской проевропейской активности, которая пошла на спад на период правительства Рахоя, когда не наблюдалось значительных успехов в европейской интеграции.

На протяжении последних месяцев, как на Европейском совете, так и на различных двусторонних встречах, приоритеты правительства сосредоточены на продвижении общей миграционной политики, способной решить актуальные проблемы в данной сфере. Усиление внимания к вопросам управления еврозоной является еще одной главной проблемой для правительства Педро Санчеса. В обоих случаях постоянно проявляются огромные трудности, связанные с достижением значительного прогресса в нынешнем европейском контексте.

Дальнейший импульс внешнеполитической программы на период до 2030 г. и восстановление политики сотрудничества в целях развития

Хотя утвержденная программа на период до 2030 г. ни в коем случае не является лишь внешнеполитической инициативой, а затрагивает целые направления государственной политики, она, несомненно, становится одним из значительных достижений внешней политики правительства Педро

Санчеса. В этой связи следует отметить, что идеологическая близость социалистического правительства к понятию устойчивого развития, являющемуся краеугольным камнем внешнеполитической программы на период до 2030 г. и ее «17 целей» в сфере устойчивого развития явно выше, чем у правительства Рахоя.

С другой стороны, правительство Педро Санчеса считает необходимым восстановить сотрудничество в сфере развития Испании, также включенное в реализацию программы на период до 2030 г. Политика жесткой экономии, вызванная экономическим и финансовым кризисом, в сочетании с идеологическими факторами, присутствующими в правительстве Рахоя, привела к практической деструкции испанской политики сотрудничества в целях развития, при этом восстановление экономики в последние годы не способствовало устранению данной проблемы.

Отношения с США: поддержание атлантистской линии

На последнем саммите НАТО вновь были озвучены заявления о необходимости увеличить финансовую поддержку, направленную, прежде всего, от стран Европейского Союза. Представители США в своем обычном высокомерном и недипломатическом стиле бросили вызов своим союзникам, в первую очередь Германии, не забывая прямо критиковать Испанию. Хотя до саммита председатель правительства заявлял, что Испания не выполнит это требование, под давлением со стороны американского правительства Санчес вынужденно принял обязательства Кардиффа, которые были одобрены Рахоем, увеличить расходы на оборону в размере 2% ВВП к 2024 г. Кроме того, Санчес хотел продемонстрировать атлантистскую приверженность Испании, предложив возглавить новую миссию НАТО в Тунисе.

Во всяком случае, испано-американские двусторонние отношения кажутся безопасными в контексте постоянного стратегического и аксиологического вопроса представителей США в отношении Альянса и коллективной обороны как его основного элемента. С другой стороны, несомненно, позиция Санчеса, хотя и руководствуется скорее прагматической готовностью поддерживать дружественные отношения с США, чем идеологическими предпочтениями, может привес-

ти к напряженности с более антиамериканскими тенденциями в двусторонних отношениях.

Международный аспект каталонского вопроса

На протяжении последних нескольких лет правительство Рахоя пыталось изолировать каталонский конфликт и сохранить его во внутренней повестке как исключительно локальный территориальный вопрос. Несмотря на эти усилия, каталонская независимость, возглавляемая автономным правительством Женералитата, несомненно, сумела интернационализировать конфликт, особенно после неконституционного референдума 1 октября 2017 г., последующего одностороннего провозглашения независимости и бегства из Испании некоторых ведущих политических лидеров, выступающих за независимость, с Карлесом Пучдемоном во главе.

На международной арене под руководством министра Хосепа Боррелла испанская публичная дипломатия сосредоточена на опровержении истории о независимости Каталонии, угнетенной и подавленной Испанией, которая самовольно заключает в тюрьму политических лидеров, выступающих только за их идеи о независимости. Эта задача не была должным образом выполнена предыдущим правительством, что дало возможность распространить послание независимости в международной общественности.

Что касается каталонского вопроса, то речь пойдет, таким образом, о диалоге на внутреннем уровне на фоне противоречивой и сложной политики, направленной на недопущение признания независимости, и об активном противодействии каталонских лидеров в их неправдоподобных высказываниях на международной арене. Связанные с этим проблемы согласованности политики служат препятствием на пути установления баланса для социалистического правительства.

Ограниченная внешняя политика

Хотя новое правительство пользуется полной легитимностью при выполнении своих функций, не менее верно то, что оно сталкивается с более заметными ограничениями, чем любое другое демократическое правительство, которое также отчасти оказывают влияние на внешнюю политику.

Таким образом, во-первых, нынешнее правительство сталкивается с очевидным временным ограничением. Во-вторых, что более важно, следует говорить о явном политическом ограничении, поскольку слабость нового прави-

тельства также очевидна, поскольку оно не составляет подавляющего большинства и не имеет постоянной поддержки. Кроме того, международное восприятие слабого правительства было бы еще одним препятствием для развития внешней политики Санчеса. Следует отметить, что на данный момент, и особенно на европейском уровне, правительству удается решать эту проблему.

Испанская внешняя политика качественно отличается от внутренней государственной политики, поскольку она является неструктурированной и нерегулируемой областью, где разрабатывается ограниченный ряд законов и где законодательная инициатива не является обязательным условием. Но не менее верно то, что вышеупомянутые ограничения представляют собой значительный прогресс в разработке и реализации среднесрочных или долгосрочных внешнеполитических инициатив и целей.

В конечном счете, эти ограничения, которые накладываются на правительство Педро Санчеса, заставляют задуматься о внешней политике, которая вряд ли достигнет больших целей и должна будет сосредоточиться на решении сиюминутных чрезвычайных ситуаций. Поэтому целесообразно спрогнозировать, что в течение этого срока Санчес будет пытаться заложить основу для внешней политики гипотетического социалистического правительства, рожденного в результате предстоящих дискуссий в законодательных и исполнительных органах Испании, запланированных в первом квартале 2021 г.

УДК 32
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51610

А.Ю. ШИШКОВА
аспирантка кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

Цивилизованность и цивилизаторство в теории политического прогнозирования А.С. Панарина

В статье анализируются взгляды А.С. Панарина на философско-мировоззренческие основания и роль цивилизационного подхода в изучении и прогностике глобальных политических процессов. Особое внимание уделяется цивилизационному измерению конфликтных ситуаций в межгосударственных отношениях и отношениях между социальными группами внутри государств.

Ключевые слова: *глобализация, цивилизационный подход, цивилизация, гегемония, глобальное политическое прогнозирование, солидарность.*

A.Y. SHISHKOVA
Postgraduate student of the Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

Civilization and Civilizing in A.S. Panarin's theory of political forecasting

The article discusses A.S. Panarin's ideas on the philosophical foundations and the role of the civilizational approach in study and forecasting of global political processes. A special attention is paid to the civilizational perspective of conflict situations in interstate relations in their join with conflict relations between social groups within states.

Keywords*: globalization, civilizational approach, civilization, hegemony, global political forecasting, solidarity.*

* *Шишкова Анастасия Юрьевна*, e-mail: vermilion-991@yandex.ru.

Ключевым фактом при анализе долгосрочных перспектив процесса глобализации является изначальная асимметрия участия в нем различных политических акторов. На это обстоятельство обращает внимание А.С. Панарин, когда говорит о том, что страны Запада и весь остальной мир вносят принципиально разный вклад в становление нового мирового порядка после распада социалистического лагеря. В частности, речь идет об «информационном империализме» Запада как важном элементе международной политики постиндустриальной эпохи, определяющем возможности реализации интересов развитых стран независимо от удаленности региона-реципиента культурных влияний.

Западный мир оказался в центре процессов глобализации после распада СССР, когда единственной сверхдержавой и страной, претендующей на гегемонию, стали США. Особенность данных процессов – целый ряд перераспределительных практик, позволяющих обменивать символический капитал идеологии, несущей «идеалы и ценности демократии свободы», на вполне реальные ценности – сырьевые, производственные, демографические. Такой обмен рассматривается как мягкая сила во взаимоотношениях с постсоциалистическими странами. Подлинным носителем глобалистской идеологии явился класс крупных собственников, выходящий из-под национального и социального контроля в глобализирующемся мире благодаря возможности свободного трансграничного перемещения капиталов.

В новейших процессах перераспределения в действие вступает идейная борьба, которая доминирует в информационной сфере и основывается на постоянно обновляющихся принципах и подходах, предлагаемых «фабриками мысли» и, как правило, использующих двойные стандарты. В частности, такие концепты, как «открытое общество» или, к примеру, различные версии «постиндустриального общества», дают возможность для самого широкого толкования и позволяют за новизной аргументации скрывать экспроприаторскую сущность претензий на национальные ресурсы со стороны транснационального капитала.

Именно на эту особенность политологического и политического дискурса обращает внимание Панарин, рассматривая данную проблему как проблему межцивилизационных отношений. Отдельно он выделяет здесь тенденцию подмены экономикоцентричным видением ряда важнейших регу-

лятивов, отвечающих долгосрочным интересам любого общества. Мораль экономического успеха несет в себе идеологию «сильных», не оставляющую в условиях жесткой реальности рынка места для социальной защищенности «слабых». В логику идеологии экономической выгоды не вписываются цивилизация и культура, задающие «генетический код» человечности и являющиеся «второй природой», которая обеспечивает возможности выживания и развития общества в целом. «Двойной стандарт нового мирового порядка, – по словам Панарина, – состоит в том, что то, что позволено победителям, запрещено побежденным – дабы их экономический, социальный и культурный реванш не мог состояться даже в отдаленном будущем»[1].

Такой подход не характерен для большинства теорий, призванных объяснить и обосновать происходящие глобальные изменения. Заслуга А.С. Панарина состоит в том, то он противопоставлял процесс распространения цивилизаций практикам насильственного цивилизаторства, несовместимого с народным сознанием, которое «отличается от господского своей неиссякаемой «натуралистичностью» в специфическом смысле слова – в значении причастности материземле, символизирующей теплую органику космоса в противовес социоцентризму, всегда носящему миссионерский, цивилизаторский, «перевоспитательный» привкус»[2]. В.Н. Расторгуев, говоря о значимости цивилизационного подхода к геополитике в трудах А.С. Панарина, отмечает, что в действительности первопричиной указанных противоречий и самой попытки обосновать неизбежность межцивилизационных столкновений является неизменная установка «цивилизованного человечества» в лице «успешных» государств на тотальную этнокультурную унификацию и целенаправленное разрушение мировых границ – государственных, цивилизационных, моральных: «Столь жесткая и неизменная позиция цивилизаторов вызывает вполне предсказуемую реакцию со стороны большинства принудительно цивилизуемых – многих народов, которые отнесены «цивилизованным миром» (варварами в строго историческом значении этого слова) к

[1] *Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке // *Панарин А.С.* Православная цивилизация. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1248 с., с. 868-869.

[2] *Панарин А.С.* Православная цивилизация М.: Институт русской цивилизации, 2014, с. 166.

категории «варваров» и «изгоев», хотя именно за плечами «изгоев» чаще всего стоят мировые цивилизации с многовековой историей. Все это делает угрозу цивилизационных войн вполне реальной, превращая откровенно провокационные политические теории в научные пророчества и легитимируя тем самым политику силы в межгосударственных отношениях»[1].

А.С. Панарин обнаруживает скрытое за лозунгами рынка и демократии социал-дарвинистское мировосприятие, лежащее в их основе. Он связывает концепт «демократии свободы», последовательно противопоставлявшийся «демократии равенства», с натуралистической асоциальной подоплекой: «демократия свободы есть система, в которой устранено все то, что препятствует естественному отбору, – то есть все то, что способно отстоять достоинство и перспективу более слабых»[2].

Панарин отмечает также тенденции к монополизации цивилизаторским Западом претензий на прогресс по праву некоего первородства, поскольку все мировые достижения являются плодом западной цивилизации, а потому и модель глобализации, идущая от «первого мира», предлагается победителями в холодной войне в качестве некой безальтернативной основы для современного мироустройства. Здесь исчезновение СССР как восточной сверхдержавы, представлявшей иную модель общества модерна, дает основание для новой дихотомии, в которой уже нет места для равенства в пользовании плодами прогресса. Такая дихотомия носит расистский оттенок деления мира на прогрессивный и процветающий центр и бесправную эксплуатируемую периферию. Панарин отмечает, что с исчезновением «второго мира» социальная поляризация приобретает тенденцию усиливаться фактически до разделения человечества на «первый» и «четвертый» миры.

А.С. Панарин говорит о потере общечеловеческой перспективы цивилизационного прогресса, не только идущей от эпохи Просвещения, но и имеющей истоки в христианстве

---

[1] *Расторгуев В.Н.* Россия и Европа в современном мире: цивилизационный синтез или отторжение? // Россия и Европа: общая судьба и альтернативные проекты цивилизационного развития. М.: Институт Наследия, 2020.

[2] *Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке // *Панарин А.С.* Православная цивилизация, с. 907.

как мировоззрении, для которого нет «ни эллина, ни иудея»[1]. Он отмечает появление этноцентричного отношения к ранее представляемым универсальными концептам демократии и прогресса.

После того как были обнаружены принципиальные особенности политической культуры незападных обществ, не позволяющие построить в большинстве из них политические системы, аналогичные западным, в силу вступили изыскания культурной антропологии, проводящей достаточно четкие разграничения между ними, но не лишенные негативных оценок. Так, согласно этой теории, русскому народу органически присуще тоталитарное сознание. В новейшей истории «под подозрение» попадает исламский мир. Характеризуя парадоксы либерально-демократической ментальности как самосознания «осажденного меньшинства», испытывающего подозрительность к «недемократическому», онтологически «враждебному» окружению, Панарин пишет, что «только в этом контексте становится объясним социальный заказ на однополярную мировую диктатуру Америки»[2] как силы, способной его защитить.

Панарин выводит новейший социал-дарвинизм из общих мировоззренческих предпосылок и рассматривает его как следствие идеологии модерна, вытесняющей телеологические основания исторического замысла о человеке, несущего в себе теологические обоснования. В пострелигиозном, до конца секуляризованном потребительском мире, из которого исключены ценностные параметры оценки исторического развития, а учитываются только обезличенные технико-экономические характеристики и темпы роста, гуманистическая перспектива движения исторического времени становится одной из невозможных альтернатив в веере вариаций исходов действия обезличенных и не учитывающих человеческого измерения сил и законов. Философские основания современного либерализма американского типа, таким образом, коренятся в самом понимании «естественного» как антитезы социокультурному и моральному[3]: ««Естественная», социал-дарвинистская логика и логика гуманитарной

[1] *Панарин А.С.* Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2002. 352 с.

[2] Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке // *Панарин А.С.* Православная цивилизация, с. 862-863.

[3] Там же, с. 843-846.

истории, сохраняющей «ценностную вменяемость», – это поистине противоположные логики»[1].

Говоря о духовной ситуации утраты общечеловеческой прогрессивной перспективы, сопровождающей захватнические практики и фактически, возвращающей колониализм, Панарин заключает, что «новый язык Запада – это язык войны»[2]. По существу речь идет о глобальном противостоянии богатых и бедных, носителей присваивающего и производящего начал, избраннической потребительской психологии и солидаристского сознания угнетенных. Панарин вспоминает тезис, когда-то озвученный Лениным, о переходе империалистической войны в гражданскую, говоря о том, что для современной ситуации рубежа веков он имеет, возможно, большие основания, чем для начала XX века[3]. Взаимопереход этот осуществляется, с одной стороны, посредством «элиты, чувствующей себя эмигрантами в собственной стране и ищущей другого отечества»[4], с другой же – агрессии, направленной вовне и чреватой инициализацией гражданской войны со стороны «внутреннего Юга», угнетенной части населения развитых стран[5].

Особого внимания заслуживает утверждение Панарина о сосуществовании двух типов реколонизации Западом незападного пространства. Первый тип – через посредство компрадорских элит – характерен в наибольшей степени для постсоветского пространства. Вторая модель реколонизации адресована странам, элиты которых сохраняют национальную идентичность. Она связана «с новейшими антитеррористическими инициативами американской администрации, начатыми после 11 сентября 2001 года»[6]. Панарин неоднократно отмечает, что концепция «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона является лишь идеологической маскировкой подлинной социальной сути конфликта, окрашиваемого «расово». При этом реализуются концепции бесконтакт-

---

[1] Там же, с. 849.

[2] *Панарин А.С.* Онтология террора (выступление на «круглом столе» «Экономико-философского собрания» МГУ, 06.10.01 г.) [Электронный ресурс] // Хронос. Режим доступа: http://www.hrono.ru/statii/2002/panarin01.html

[3] Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке // *Панарин А.С.* Православная цивилизация, с. 870.

[4] Там же, с. 870-871.

[5] Там же, с. 1209.

[6] Там же, с. 911.

ных сражений с «демократически неполноценными», теми в кого «вселяются демоны терроризма, бунтарства, злостного незаконопослушания и т. п.»[1].

А.С. Панарин особенно выделяет тенденцию со стороны либеральных акторов к борьбе с Православием. В этом он видит основания большие, нежели враждебность агентов глобализма к русской национальной традиции. Дело в том, что Православная цивилизация имеет потенциал порождения альтернативной глобальной повестки,[2] а потому может стать солидаризирующей основой всех угнетенных, т.е., по сути, явить подлинный ответ проекту глобальной диктатуры богатых, стратегию, противостоящую интересам власть предержащих.

Подводя итоги сказанному, можно утверждать, что анализ, проведенный А.С. Панариным, несет в себе прогностический потенциал, что следует учитывать при разработке и осуществлении долгосрочной внешнеполитической стратегии России.

[1] Там же, с. 913.

[2] *Панарин А.С.* Православная цивилизация. М.: Институт русской цивилизации, 2014, с. 565-574.

УДК: 324
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51611

В.И. ФЕДОРОВ
аспирант кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова*

Обзор основных направлений исследований электронного голосования

Цель статьи заключается в обобщении теоретических подходов к изучению электронного голосования, среди которых автор выделяет политологический, социологический, правовой и технический.

Ключевые слова: *электронное голосование, дистанционное электронное голосование, политическое участие, выборы.*

V.I. FEDOROV
Postgraduate Student, the Department of History and Theory of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University

Overview of the Main Areas of Electronic Voting Research

The purpose of the article is to summarize theoretical approaches to the study of electronic voting. The author identifies political, sociological, legal and technical approaches in the research of electronic voting.

Keywords: *electronic voting, remote electronic voting, political participation, elections.*

На протяжении последних лет в мире все более широкую представленность получает такая новая форма политического участия, как электронное голосование. Впрочем, если считать, что впервые голосование при помощи электронных машин появилось в 1960-х гг. в США, а затем в 1970-х гг. распростран-

* Федоров Владислав Иванович, e-mail: fedorov@polit.msu.ru

лось в Нидерландах, то электронное голосование обретает определенный бэкграунд. Заметную роль в политической жизни демократических стран электронное голосование стало играть лишь в XXI веке. В 42 странах итоги электронного голосования признаются юридически обязательными и учитываются при подведении результатов выборов. В 2020 г. Россия стала оператором дистанционного электронного голосования для выборов местного, регионального и федерального уровней. В ходе общероссийского голосования по поправкам в Конституцию дистанционным электронным голосованием воспользова-лись 1,1 млн избирателей г. Москвы и Нижегородской области. На дополнительных выборах депутатов Государственной Думы дистанционное электронное голосование прошло апробацию в сентябре 2020 г. в Курской и Ярославской областях. Суммарно в этих регионах дистанционно проголосовали 30 тыс. избирателей.

Распространение электронного голосования за рубежом актуализировало проблему междисциплинарных исследований этой новой формы политического участия. При этом с зарубежной теорией электронного голосования российское научное сообщество знакомо в недостаточной мере из-за отсутствия качественных переводов работ ученых из Европы, США, Бразилии, Индии, где имеются богатая эмпирическая база и методологические наработки для исследований. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел, учитывая труды как зарубежных, так и российских авторов.

Главным отличием электронного голосования от традиционного голосования бумажными бюллетенями является то обстоятельство, что подсчет голосов избирателей производится без участия человека. Есть два канала электронного голосования: на избирательных участках (в России КОИБы и КЭГи) и дистанционное электронное голосование.

В зарубежной теории электронного голосования сформировалось четыре исследовательских подхода. Электронное голосование изучают политологи, социологи, специалисты в области технических наук и юристы. Обозначенные подходы обеспечивают многосторонний анализ этого нового явления мира политического. В отечественной науке представлено мало работ по электронному голосованию. Тем не менее в России сложилось два основных подхода: правовой и политологический.

В политической науке изучается влияние электронного голосования на политическое участие, доверие к результатам выборов и управляемость политической массой. Политологический подход сформирован работами таких ученых, как Р. Криммер, Р.А. Алексеев, Д. Дуэнас-Сид, Ю. Кривоносова, Б. Синклер, Т.Э. Холл. Электронное голосование рассматривается как закономерный этап развития информационно-коммуникационных технологий, новый механизм взаимодействия между властью и обществом. Особенности политического участия при электронном голосовании исследуются в свете таких проблем, как снижение явки избирателей, доверие к результатам выборов и политической системе в целом, справедливость отражения предпочтений избирателей.

Социологический подход раскрывает электронное голосование как сложный общественный процесс, в котором участвуют организаторы выборов, избиратели, кандидаты, наблюдатели, журналисты, производители программно-технических решений. Отношение к электронному голосованию изучается методами прикладного социологического исследования. Большой вклад в разработку данного направления исследований внесли А. Альзаед, Л. Капоруссо, Р. Смит. Социологи могут показать динамику изменения отношения различных групп общества к электронному голосованию до и после выборов.

В техническом подходе изучаются вопросы развития инфраструктуры электронного голосования: программно-технические решения, оборудование для голосования, сети передачи данных и серверы хранения информации, защита от вмешательства злоумышленников. Данное направление развивали Ч. Ангсучотмете, П. Сеттхавонг, Д. Вагнер, Д. Джефферсон, П. Нуаза, А. Рубин, Б. Симонс, А. Хальдерман, Я. Уиллемсон. Эксперты в области компьютерных наук являются разработчиками новых технологий и программного обеспечения во всех компаниях-производителях электронных систем голосования. Они же выступают главными агентами продвижения этих сервисов.

Например, сотрудник компании Cybernetica Ян Уиллемсон констатирует, что в Эстонии с 2017 г. используется переработанная система электронного голосования со значительными обновлениями для обеспечения независимой аудиторской проверки. Работы этого автора опубликованы в

высокорейтинговых журналах, он выступает как последовательный сторонник дистанционного электронного голосования, считая его безопаснее бумажного голосования.

В рамках правового подхода разрабатывается избирательное законодательство об электронном голосовании, производится оценка новых способов голосования на предмет соответствия принципам всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Данный подход сформирован работами таких специалистов, как Я.В. Антонов, И.Б. Борисов[1]. В их работах электронное голосование изучается в традиции конституционного права. Практика электронного голосования должна опираться на закрепленные в конституционных текстах и избирательном законодательстве нормы, соответствующие принципам народовластия и международным избирательным стандартам.

Среди других исследователей электронного голосования выделяется политолог, профессор Таллинского технического университета Роберт Криммер, который в течение 20 лет изучает влияние электронного голосования на демократию. Ученый успешно совмещает работу в университете с работой в международных организациях, таких как БДПИЧ ОБСЕ. Р. Криммер – соорганизатор крупнейшей научно-практической конференции, посвященной электронному голосованию E-VOTE-ID. В его трудах сформированы концептуальные основания электронного голосования как формы политического участия цифровой демократии XXI века[2]. Р. Криммер, анализируя особенности общественных отношений, приходит к выводу, что существует шесть заинтересованных групп, которые получают выгоду от использования электронного голосования: избиратели, кандидаты на выборные должности, организаторы выборов, производители электронных машин, наблюдатели и журналисты. Политолог считает, что развитие электронного голосования определяют правовой, технологи-

[1] *Антонов Я.В.* Конституционно-правовые перспективы развития электронной демократии в современной России // Конституционное и муниципальное право, 2016, № 9, с. 17-20; *Борисов И.Б.* На пути к электронной демократии. Цифровые технологии в системе демократического воспроизводства властных институтов // Избирательное законодательство и практика, 2019, № 3, с. 3-10.

[2] *Krimmer R.* The Evolution of E-voting: Why Voting Technology is Used and How it Affects Democracy. PhD thesis, Tallinn University of Technology, 2012, 186 p.; Krimmer R., Fischer D. The E-Voting Mirabilis: A Conceptual Framework for the Analysis of ICT in Elections // Electoral expert, 2017, № 3, p. 16-20.

ческий, социальный и политический факторы. Далее кратко охарактеризуем каждый из них.

Так, правовой фактор – это те нормы избирательного законодательства, которые регулируют такую новую форму общественных отношений, как электронное голосование. Криммер особо подчеркивает, что на законодательном уровне необходимо закрепление возможности проверки избирателем корректности учета его волеизъявления.

Технологический фактор формирует среду реализации проекта: специальное программное обеспечение; энергетическая инфраструктура; сети передачи данных; машины для голосования; цифровые подписи; база данных избирателей.

Социальный фактор – это пользователи электронного голосования. От того, в какой мере избиратели осведомлены о недостатках и достоинствах новой технологии, зависит доверие к результатам выборов. Избиратели должны уметь пользоваться сервисом для голосования, а для этого нужны минимальные технические знания.

Политический фактор диктует распределение власти в обществе, которое произойдет в результате использования электронного голосования. Различные политические силы оценивают смогут ли они извлечь выгоду, если традиционное бумажное голосование уступит место электронному. Обществу важно понять, помогает ли новый способ голосования принятию более рациональных решений.

Эта концептуальная модель может способствовать развитию систем электронного голосования, помогая выявлять успешные и неудачные примеры, определять сферы, которые требуют адаптации, выделять сходства и различия между различными проектами.

Таким образом, изучив работы, формирующие теорию электронного голосования, мы видим, что в зарубежной науке сложились четыре исследовательских подхода: политологический, социологический, технический и правовой. Большинство российских работ выполнены без учета наработок зарубежных коллег, что существенно обедняет эвристические возможности научного поиска. В связи с увеличением числа стран-операторов электронного голосования наиболее перспективным направлением научного поиска станут кросстемпоральные сравнения с участием коллективов исследователей из разных стран.

УДК: 140.8:17.021.2.
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51612

К.С. ЧУПРАКОВ
соискатель кафедры философии и религиоведения Военного университета Министерства обороны РФ*

Специфика воздействия военной музыки на духовный мир военнослужащего Российской армии

В данной статье будут рассмотрены специфика и особенности воздействия военной музыки на духовный мир военнослужащего. Процесс воздействия военного-музыкального репертуара на военнослужащих во многом связан с закономерностями музыкального восприятия человека, обусловленными жанровым и стилистическим содержанием репертуара. Новизна подхода заключается в теоретическом обосновании и характеристике средств воздействия военной музыки, исходя из содержания военного музыкального репертуара.

Ключевые слова: *военная музыка, военный оркестр, репертуар, средства воздействия, слуховой путь, военные марши, строевые песни.*

K.S. CHUPRAKOV
Applicant of the Department of Philosophy and Religious Studies, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Specificity of the impact of military music on the spiritual world of a serviceman of the Russian army

This article will consider the specificity and features of the impact of military music on the spiritual world of a serviceman. The process of the influence of the military musical repertoire on military personnel is largely related to the laws of human musical perception, due to the

* Чупраков Кирилл Сергеевич, e-mail: joker.promo@mail.ru

genre and stylistic content of the repertoire. The novelty of the research lies in the theoretical substantiation and characterization of the means of influence of military music, based on the content of the military music repertoire.

Keywords: *military music, military orchestra, repertoire, means of influence, auditory path, military marches, marching songs.*

В отечественной музыкальной культуре важное место занимает **пласт военной музыки,** формирование которого имеет многовековую историю и определено историческими тенденциями развития военного дела и российского общества в целом. Военная музыка – понятие комплексное и довольно широкое, поэтому в свете поставленной проблематики исследования необходимо его конкретизировать.

В Военном энциклопедическом словаре приводится следующее определение понятия **«военная музыка»:** это музыка, которая служит целям военного управления, строевого обучения, воинского и эстетического воспитания военнослужащих, патриотического воспитания всех граждан. Является важным элементом военного управления и воинских ритуалов[1].

Как и любой пласт музыкальной культуры, военная музыка имеет сформировавшуюся иерархию жанров, комплекс специфических средств музыкальной выразительности и регламентированные формы интерпретации.

Так, основным жанром военной музыки является марш, представленный множеством разновидностей – строевыми, встречными, походными. Каждая из групп маршей имеет свои функции и особенности выстраивания музыкальной драматургии, обусловленные их прикладным характером. Помимо этого, пласт жанров военной музыки представлен также специальными пьесами, сопровождающими военные ритуалы и церемонии («Вечерняя заря») и широким репертуаром концертных произведений, написанных для воинских оркестров и имеющих ярко выраженную военно-патриотическую направленность (увертюры, симфонии, военно-строевые песни). Тенденции развития военной музыкальной культуры, которые продиктованы требованиями современного общества, сформировали новую совокупность жанров военной музыки, характерную для современного этапа

[1] См.: Военный энциклопедический словарь / Пред. гл. ред. комиссии Н.В. Огарков. М., 1983, с. 47.

развития военной музыкальной культуры. Это музыкальные произведения развлекательного характера, представляющие аранжировки современных популярных композиций. Данные произведения исполняются в рамках военных музыкальных фестивалей, городских праздников во время дефиле оркестра и, как правило, вызывают неизменный восторг у публики.

Военная музыка в процессе воспитания военнослужащих выступает как фактор формирования и развития их внутреннего мира, целостно и целенаправленно воздействуя на все компоненты его духовной основы. Особенно ценно и важно то, что военная музыка корректирует и обогащает эмоционально-духовную сферу военнослужащего в процессе его профессиональной деятельности в статусе защитника Отечества. Военная музыка выступает сегодня важнейшим и обязательным компонентом воспитательного процесса военнослужащих, неотъемлемой частью их жизни. Она выполняет ряд функций воспитательного и просветительского характера, усиливая патриотические чувства военнослужащего, укрепляя духовно-нравственные основы его личности. Все это даёт основание полагать, что сегодня военная музыка выступает в качестве действенного фактора формирования и развития духовного мира военнослужащего. Военная музыка представляет собой уникальный пласт отечественной музыкальной культуры, так как привлекает внимание не только военнослужащих, но гражданского населения. Примером тому являются пользующиеся популярностью фестивали военной музыки и парады.

Средства воздействия военной музыки на духовный мир военнослужащего представляют собой комплекс специфических характеристик военной музыки, с помощью которых на личность военнослужащего оказывается воспитательное, назидательное, образовательное влияние. К ним относятся:

1) средства исполнительского характера: инструментальные и вокальные.

2) средства содержательного характера: репертуар.

В таблице 1 охарактеризованы основные средства воздействия военной музыки на внутренний мир военнослужащих.

Таблица 1

Средства воздействия военной музыки на духовный мир военнослужащего

№ п/п	Средство воздействия	Специфика	Характеристика
1.	Исполнительские средства	Инструментальные (военный оркестр, сигнальные духовые инструменты)	Данное средство воздействия на военнослужащих имеет акустическую природу. Тембровое звучание военного оркестра или сигнальных инструментов военного оркестра способно в кратчайшие сроки мобилизовать внимание, поднять боевой дух военнослужащего, прослушанные или исполненные песни способны вызвать у военнослужащего определенный круг эмоций, чувств и переживаний.
		Вокальные (человеческий голос)	
2.	Художественно-содержательные средства	Художественный репертуар (оригинальные сочинения для оркестра военных инструментов, голоса, предназначенные для концертного исполнения)	Художественная ценность репертуара для оркестра военных инструментов обусловила возможность реализации культурно-просветительской функции военной музыки.
		Прикладной репертуар (репертуар, предназначенный для сопровождения мирных и боевых военных шествий, сопровождения ритуалов и церемоний)	Закрепленная семантика определённых жанров прикладного репертуара (марш) вызывает у военнослужащих прилив энергии, сил, способна мобилизировать их внимание, поднимать боевой дух.
		Сигналы (определенные звуковые комплексы, которые носят своё	Подаваемые ритмические и звуковые сигналы формируют у военнослужащих осознание определённых имеют

		значение и функцию в условиях строевой и боевой подготовки военнослужащих)	следующих за ними действий и ритуалов.

Исходя из приведенного содержания средств воздействия военной музыки на духовный мир военнослужащего, отметим, что данные средства неразрывно связаны со спецификой самой музыки как вида искусства. Специфика музыкального искусства во многом определяется воздействием на органы слуха. Данное воздействие имеет название –«слуховой путь».

Понятие «слуховой путь» представляет собой процесс от начала звука до раздражения одного или нескольких нервных окончаний центральной нервной системы. В результате того, что военная музыка, воздействуя на военнослужащего, проходит слуховой путь, у него вырабатываются определенные рефлексы или формируются реакции на звучащую музыку. Так, например, услышав звуки военного марша, человек хочет двигаться или шагать. Слуховой путь звуков военного марша, таким образом, проходит через слуховой канал к центру движения руки или ноги, к центру сердечно-сосудистой деятельности, стимулирует центры положительных эмоций, вызывает подъем духа; человек улыбается (центры движения губ, глаз) и оканчиваться этот путь может в центре удовольствия.

Совершенно иным выступает слуховой путь траурного марша, который посредством проникновения в мозг раздражает центр сердечной деятельности, в результате чего происходит возбуждение памяти о пережитых днях. Клетки головного мозга, отвечающие за слезоотделение, могут вызвать ощущение подавленности и скорби.

Вышеизложенное позволяет заключить, что военная музыка воздействует на внутренний мир военнослужащего специфическими средствами музыкального искусства, которое по своей природе вызывает раздражение нервных клеток головного мозга. Данные процессы психологического характера выявляют общие закономерности воздействия военной музыки на военнослужащих.

Таким образом, на основе анализа репертуара военной музыки можно выделить жанры, составляющие её содержание (военные марши, военно-строевые песни, оригинальные сочи-

нения, аранжировки и транскрипции для дефиле и иных зрелищных форм), а также средства воздействия военной музыки на внутренний мир военнослужащих: средства как исполнительского характера (инструментальные и вокальные), так и содержательного характера (репертуар). Специфика военной музыки как фактора формирования духовного мира военнослужащего заключается в выполнении ею ряда функций (общественно-церемониальной, служебно-строевой, культурно-просветительской), которые в свою очередь реализуются посредством таких форм работы, как строевая подготовка, ритуальные действия, военные парады, концерты, просветительские мероприятия, конкурсы-смотры художественной самодеятельности и др.

УДК 316.45
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51613

Е.Д. ПАТУТИНА
аспирант кафедры социологии, общей и юридической психологии Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ[1]

Перспективы применения автономных социальных машин в целях управления информационной политикой органов исполнительной власти в условиях цифровизации общества

В статье рассматривается деятельность по управлению обществом в условиях цифровизации, стимулированию одних результатов поведения людей над другими. Проблема эффективного управления страной неизменно актуальна и есть причины обратиться к цифровым технологиям. В статье применяется выражение "алгоритмическое регулирование" для обозначения использования алгоритмических методов для социального регулирования или управления.

Ключевые слова: *цифровизация, социальные машины, алгоритмическое регулирование, управление информационной политикой.*

E.D. PATUTINA
Postgraduate student of the Department of Sociology, General and Legal Psychology of the Volgograd Institute of management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

[1] Патутина Елена Дмитриевна, e-mail: elenapatutina@gmail.com

Prospects for the use of autonomous social machines for managing the information policy of executive authorities in the context of digitalization of society

The article deals with the management of society in the conditions of digitalization, stimulating some results of people's behavior over others. The problem of effective governance of the country is always relevant and there are reasons to turn to digital technologies. The article uses the expression "algorithmic regulation" to refer to the use of algorithmic methods for social regulation or management.

Keywords: *digitalization, social machines, algorithmic regulation, information policy management.*

При изучении новых способов применения интеллектуальных технологий в управлении, нельзя игнорировать тот факт, что современные веб-компании управляют числом пользователей большим, чем число проживающих в большинстве стран, в связи с этим приобретают особое значение проблемы, связанные с развертыванием интеллектуальных технологий в некоторых областях деятельности. Каким может быть эффект от внедрения систем искусственного интеллекта в развивающейся инфраструктуре связанных данных для управления современным обществом? Чтобы ответить на этот вопрос, можно применить алгоритмический анализ регулирования общества, изучение его рисков и его связи с экспериментами управления, проводимыми в настоящее время в различных странах.

В 2013 г. инвестор, издатель и футуролог из Кремниевой долины Тим О Рейли предположил, что общество может быть более эффективно отрегулировано с помощью системы обратной связи, а не субординационного подчинения[1]. Его примером был способ, которым приложения для совместного использования поездок, такие как Uber, могут регулировать поведение как водителей, так и пассажиров, используя ряд сенсорных данных и поддерживая систему управления репутацией, вместо того чтобы использовать

[1] O'Reilly T. Open data and algorithmic regulation // Goldstein B., Dyson L., Beyond transparency: open data and the future of civic innovation. Code for America Press, San Francisco, 2013, p. 289-300.

правила жесткого подчинения и наказаний. О'Рейли также сделал общие выводы для социального управления, предположив, что источники данных в сочетании с системой управления репутацией могут работать лучше, чем государственное регулирование. Центральными элементами концепции алгоритмического регулирования являются: четкие результаты, измерения в реальном времени, указывающие, были ли эти результаты достигнуты, и корректировки правил, основанные на таких измерениях. Подобные требования к системам управления с обратной связью применяются в различных сферах производства благ и услуг, они могут быть эффективны и в государственном управлении.

В то время как государственные организации изучают алгоритмические системы управления, частный сектор экономики уже применяет всепроникающие механизмы отслеживания и оценки для достижения желаемого поведения клиентов. Например, eBay позволяет продавцам и покупателям оценить друг друга, чтобы облегчить торговлю, медицинские страховые компании используют трекеры и индивидуальные поощрения, чтобы помочь своим клиентам, разрабатывается множество приложений для осуществления хозяйственной деятельности. Центры персонала компании Amazon постоянно контролируют и анализируют своих сотрудников, чтобы они соответствовали определенным стандартам производительности и даже Facebook оценивает надежность своих пользователей, когда они помечают сообщение как поддельное[1].

В статье понятие алгоритмического регулирования связывается с использованием цифровых систем для мониторинга граждан и предоставления им автоматических и персонализированных стимулов с целью влияния на их поведение. Важно изучить последствия использования алгоритмических технологий регулирования для управления обществом: технические, этические и политические.

Сущность алгоритмического регулирования заключается в автоматической подаче положительных и отрицательных стимулов (скидки или штрафы) физическим лицам за конкретные действия, поведение или результаты деятельности. Эти стимулы нацелены на отдельных людей и

[1] *Solon O*. Amazon patents wristband that track warehouse workers' movements // The Guardian, 2018, 31 January. https://www.theguardian.com/ technology/2018/-jan/31/amazon-warehouse-wristband-tracking. Accessed 2 June 2018.

поэтому требуют способов сбора индивидуальной информации, получаемой либо из измерений, либо из социальной обратной связи, такой как рейтинг удовлетворенности клиентов, персонализированные рекомендации или кредитные баллы. Как правило, требуется способ идентификации отдельных лиц, а также сбора и хранения индивидуальной информации, включая специальную оценку. Ожидается, что граждане будут корректировать свое поведение таким образом, чтобы улучшить свои оценки, если это связано с выгодами, возможностями или даже просто социальным признанием. В то время как часть требуемой индивидуальной информации будет непосредственно наблюдаться и измеряться (данные геолокации, платежи и т. д.), другая часть информации была бы продуктом человеческого суждения (рейтинг, отзывы, оценки и т.д.). Чтобы понять функционирование этого класса систем (систем репутации), объединяющих алгоритмы и людей, следует воспользоваться общим понятием социальных машин.

Машина – это система или аппарат, состоящий из нескольких частей, каждая из которых выполняет определенную функцию и взаимодействует с другими частями определенным образом для выполнения определенной задачи. ***Социальная машина –*** это особый тип машины, где некоторые компоненты, выполняющие какую-то подзадачу, представлены людьми (далее – участниками)[1].

Бюрократия – классическая форма социальной машины, Макс Вебер первым признал это и считал бюрократию наиболее эффективной формой организации: «решающей причиной развития бюрократической организации всегда было ее чисто техническое превосходство над любой другой формой организации. Полностью развитый бюрократический аппарат сравнивается с другими организациями точно так же, как машина с немеханическими способами производства»[2].

В качестве примера социальной машины можно рассмотреть национальное почтовое отделение, банк или авиаком-

[1] *Cristianini N., Scantamburlo T.* On social machines for algorithmic regulation // AI & SOCIETY, 2020, № 35, p. 645–662. https://doi.org/10.1007/s00146-019-00917-8

[2] *Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4 т. / Сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016, т.4, с. 42.

панию, – все они имеют общий набор структурных характеристик: функции и роли отражают иерархию, задачи распределяются между работниками и выполняются регулярно, ввод и вывод задач стандартизирован, рабочий процесс и координация между работниками определяются правилами, а коммуникация осуществляется через структурированные формы. Несмотря на то, что многие задачи выполняются людьми, каждый участник имеет ограниченную автономию и не в состоянии определить поведение всей социальной машины в целом, возможно, даже не осознавая этого.

Опираясь на современные исследования в области социологии, можно определить социальную машину как машину, в которой участвуют люди и технические артефакты (например, автомобиль, часть программного обеспечения, робот), т.е. взаимодействуют друг с другом для выполнения задачи, которая вряд ли была бы достижима какой-либо одной частью социальной машины. Механизмы с человеческими участниками распространяются на все сферы деятельности и включают в себя бюрократию, аукционы, рынки, схемы голосования, услуги по доставке продукции, игры, равное производство, краудсорсинг и т. д.

Хотя социальные машины существуют уже давно, они были формализованы в контексте веб-технологий и цифровизации всего несколько лет назад и сейчас содержат различные способы организации сообществ с помощью веб-инфраструктуры (в том числе онлайн-платформы как элементы цифровизации общества)[1]. Онлайн-краудсорсинговые сервисы, такие как Amazon, работают как современные сборочные линии, где каждый участник выполняет четко определенную задачу, которую трудно автоматизировать, и им для эффективной работы не нужно задаваться общей целью. Например, участников можно попросить отмечать лица на фотографиях по полу, комментировать изображения или статьи, вводить написанные от руки слова, отвечать на вопросы и т. д.

Существуют два принципиально различных способа или принципа проектирования социальной машины. В одном

[1] *Helberger N, Pierson J, Poell T*. Governing online platforms: from contested to cooperative responsibility // The Informational Society, 2018, № 34(1), p. 1-14. https://doi.org/10.1080/01972243.2017.1391913

случае участники получают прямое указание выполнять задания, выбранные другими, и получают за это вознаграждение. Это касается сборочной линии, бюрократии, онлайн социальных машин-платформ. Другой случай – когда люди принимают участие в какой-то деятельности, например, редактируют Википедию, ранжируют статьи, смотрят видео, и как непреднамеренный результат их действий машина в целом выполняет определенную задачу.

Социальные машины могут быть использованы для реализации автономных целенаправленных целей, даже если человеческие участники этого не осознают[1]. В этом случае участники не должны иметь возможности определять поведение всей системы, иначе случае система не может считаться автономной. Можно назвать их автономными социальными машинами.

Подобного рода автономные социальные машины могут широко применяться в целях государственного управления, а также для выявления общественного мнения, обеспечивая определения истинного положения вещей в стране, регионе. Несомненно, социальные машины должны быть адаптированы под достижение конкретных целей, должны быть изучены и учтены риски цифровизации и проблемы цифрового неравенства. Но, тем не менее, этот современный цифровой инструмент управления информационной политикой имеет четкие перспективы применения в условиях цифровизации общества.

[1] *Burr C., Cristianini N., Ladyman J.* An analysis and model of the interaction between intelligent software agents and human users // Minds and Machines, 2018, № 28(4), p. 735-774. https://doi.org/10.1007/s11023-018-9479-0

УДК 364
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51616

Ю. А. СЕМИКОЛЕННОВА
аспирант кафедры социологии, общей и юридической психологии Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС*

Механизм управления внутренней социальной политикой бизнес-организаций: основные этапы и инструменты

В данной статье рассматривается механизм управления внутренней социальной политикой (ВСП) современных бизнес-организаций. Проведен анализ основных этапов и ключевых инструментов, необходимых для реализации запланированных мероприятий. В конце статьи предложен авторский механизм управления, который обладает универсальным характером и способствует формированию у руководителей представления о важности построения и использования рациональной системы управления ВСП.

Ключевые слова: *внутренняя социальная политика, бизнес-организация, механизм управления, этапы реализации, инструменты, потребности персонала.*

Y.A. SEMIKOLENNOVA
Post-graduate student of the Department of sociology, general and legal psychology of the Volgograd Institute of management - branch of the Ranepa

Mechanism for managing internal social policy of business organizations: main stages and tools

This article discusses the mechanism of internal social policy (ISP) management of modern business organizations. The analysis of the main stages and key tools necessary for the implementation of the planned

* Семиколеннова Юлия Александровна, e-mail: semikolennova96@yandex.ru

activities is carried out. At the end of the article, the author's management mechanism is proposed, which has a universal character and contributes to the formation of an idea among managers of the importance of building and using a rational system of auxiliary management.

Keywords: *internal social policy; business organization; management mechanism; implementation stages; tools; personnel needs.*

Разрастающийся интерес к области управления внутренней социальной политикой бизнес-организаций обусловлен увеличением степени зависимости эффективности действий сотрудников от реализуемых социальных мер, предлагаемых компанией-работодателем, однако основным проблемным полем здесь выступает отсутствие регламентированного и общепринятого механизма управления, являющегося важным элементом успешного функционирования современной компании.

В современном мире весьма актуальным является построение грамотного механизма управления внутренней социальной политикой бизнес-организации, обладающего обоснованной теоретической и практической значимостью, ориентированной на детальное рассмотрение основных этапов формирования и реализации социальной политики. Механизм управления, представляя собой важный аспект корпоративной системы управления, оказывается связующим фактором между системными блоками, а также между управляющей и управляемой подсистемой организации, предприятием и субъектами внешней среды хозяйствования, где ключевыми компонентами выступают: цель, задачи, принципы, функции и методы[1].

О.А. Канаева формулирует системный подход, в рамках которого предлагается рассмотреть механизм управления внутренней социальной политикой как систему взаимосвязанных управленческих функций, предполагающих осуществление последовательных действий: 1) анализ внутренней и внешней среды ведения бизнеса; 2) выявление заинтересованных сторон, их запросов и ожиданий, социальных проблем и тенденций; 3) оценка ресурсных возможностей компании; выбор принципов и модели КСО (способа реагирования), отражение их в миссии компании; 4) определение приоритетных направлений внешней и внутренней КСП,

[1] *Ганцгори В.В.* Роль методов в механизме управления организацией // Актуальные проблемы авиации и космонавтики, 2016, т. 2, с. 488.

формализация КСП; 5) выбор методов и инструментов реализации КСП; 6) формирование организационной структуры управления КСП; 7) реализация КСП, контроль; 8) оценка эффективности КСП; 9) подготовка социального отчета, социальный аудит; 10) информирование заинтересованных сторон (коммуникация со стейкхолдерами); 11) корректировка корпоративной социальной политики[1].

Рассмотрим более подробно отдельные этапы механизма управления ВСП. Осуществление любого управленческого воздействия изначально предполагает анализ среды, в рамках которой оно планирует реализовываться. М.В. Кондаков, И.С. Сорокова и М.В. Василенко отмечают, что наиболее важным элементом выступает персонал компании, так как от степени квалификации сотрудников, уровня их производительности, наличия производственного опыта и использования творческого подхода в решении поставленных задач зависит функционирование компании как в настоящее время, так и в будущей перспективе[2]. В контексте формирования корпоративной социальной политики анализ внутренней среды подразумевает определение основных заинтересованных сторон (акционеров, менеджеров, сотрудников), для которых осуществляются определенные социальные меры, оценивается качество социального и человеческого капиталов, диагностируются морально-психологический климат в коллективе и уровень развития корпоративной культуры, а также выявляется степень удовлетворенности работников фактическими условиями работы, уровнем возможных рисков различного характера. Анализ аспектов внешней среды в рамках проводимого исследования предполагает рассмотрение важных социальных тенденций и проблем, оценку репутации компании с позиции бренда работодателя, а также изучение преимуществ на примерах других компаний, реализующих социальную политику для собственного персонала в заданной области.

---

[1] Социальная политика государства и бизнеса: учебник для бакалавриата и магистратуры / *О.А. Канаева [и др.]*; Под редакцией О. А. Канаевой. М.: Издательство Юрайт, 2019, с. 300. URL: https://www-biblio-online-ru.ezproxy.ranepa.ru:2443/bcode/432920 (дата обращения: 20.12.2020).

[2] *Кондаков М.В., Сорокова И.С., Василенко М.В.* Особенности внутренней и внешней среды современных российских организаций // В сборнике: XI Международный молодежный форум "Образование. Наука. Производство". Материалы форума. Белгород, 2019, с. 2057-2060.

Выявление заинтересованных сторон играет значительную роль в управлении внутренней социальной политикой современных бизнес-организаций, где важное значение имеет анализ ключевой группы внутренних стейкхолдеров – персонала компании, представляющего собой наиболее перспективные, высококвалифицированные и результативные категории сотрудников, которые задействованы в важных производственных подразделениях, ориентированных на достижение главных показателей.

Учитывая тот факт, что современным бизнес-организациям приходится функционировать в нестабильных условиях внешней и внутренней среды, возникает необходимость в построении грамотной и наиболее подходящей организационной структуры, которая выполняет роль неотъемлемого элемента механизма. Е.В. Полевая определяет организационную структуру управления как внутреннее строение системы управления бизнес-процессами, протекающими внутри компании, включая возможность воссоединения элементов управления в единую систему, а также совокупность устойчивых связей, где эффективность управленческих решений зависит, прежде всего, от рациональности используемой структуры управления, принятие которой является ответом на условия и изменения внутренней и внешней сред функционирования компании[1]. Необходимо отметить, что организационная структура внутренней социальной политики компании должна учитывать условия не только внешней, но и внутренней среды, так как она в первую очередь ориентирована на потребности и запросы собственных стейкхолдеров – персонала предприятия.

Отдельный интерес вызывает изучение инструментов реализации внутренней корпоративной социальной политики, которые представляют собой совокупность определенных действий, процедур и мероприятий, благодаря которым реализуются направления, сформулированные руководством, учитывая стратегические ориентации, фактические организационные возможности, наличие проблем или актуальных тенденций в социальной сфере, а также, в первую очередь, ориентируясь на потребности и запросы внутрен-

[1] *Полевая Е.В.* Ключевые моменты адаптации организационной структуры управления и факторы, влияющие на формирование организационных структур управления // Наука и бизнес: пути развития, 2020, № 4(106), с. 151.

них заинтересованных сторон, основной целью которых выступает получение положительного эффекта.

Варианты внутрикорпоративных инструментов представляют собой достаточно разносторонний и комплексный перечень, где наиболее востребованными являются следующие инструменты: 1) целевые социальные программы, основной задачей которых выступает создание и реализация дополнительных социально-ориентированных мероприятий в рамках действующего законодательства в области охраны здоровья, которые заинтересованы в повышении эффективности производственной деятельности благодаря минимизации травматизма[1]; 2) социальное страхование как социальная защита трудящихся от возможных социальных рисков, так и выполнение роли механизма социальных инвестиций в персонал[2]; 3) социальные (компенсационные) пакеты, подразумевающие предоставление дополнительных социальных благ (бонусов и льгот) персоналу как с учетом требований законодательства, так и исходя из личной инициативы работодателя, посредством которых удовлетворяются запросы работников и увеличивается общая производительность; 4) мотивационные схемы оплаты труда и поощрения сотрудников, которые ориентированы на установление равенства интересов работников и работодателей, где персонал стремится выполнять свои трудовые обязанности более эффективно, а организация определяет степень вознаграждения в зависимости от конечного результата затраченных усилий[3].

Анализируя реальную ситуацию и опираясь на апробированные работы других исследователей, автор предлагает механизм управления внутренней социальной политикой бизнес-организаций, который предусматривает реализацию взаимозависимых этапов:

1) анализ внутренней и внешней среды организации; 2) формирование ключевых ценностей, являющихся основой для формирования внутренней социальной политики компа-

---

[1] *Китаевская О.Н., Картушина Е.Н.* Корпоративные социальные программы как способ удержания персонала в организации // Социально-экономические явления и процессы, 2014, т. 9, № 5, с. 33.

[2] БулдыгинаЛ.М., Равочкин Н.Н. Социальное страхование как одно из направлений корпоративной социальной ответственности: проблемы, тенденции, перспективы // Lingua mobilis, 2014, № 5(51), с. 104-105.

[3] *Китаевская О.Н., Картушина Е.Н.* Указ. соч., с. 33.

нии; 3) определение категорий внутренних стейкхолдеров и выявление наиболее актуальных потребностей и ожиданий сотрудников; 4) оценка реальных возможностей компании (её фактическая ресурсообеспеченность), которые необходимы в дальнейшем для осуществления запланированных мер; 5) осуществление выбора наиболее целесообразных направлений из перечня возможных (ранжирование по приоритетности); 6) подбор обоснованных методов и инструментов воздействия; 7) разработка различных комбинаций вариантов осуществления социальных мероприятий и выбор наиболее подходящей альтернативы; 8) назначение ответственных лиц – формирование организационной структуры управления внутренней социальной политикой; 9) информирование внутренних стейкхолдеров о проводимых мероприятиях в области внутренней социальной политики; 10) пилотажный запуск выбранной альтернативы; 11) оценка степени эффективности разработанных мер (получение обратной связи от сотрудников: выявление достоинств и недостатков; определение степени мотивирующего воздействия); 12) осуществление корректировочных действий (устранение проблемных зон / реконструирование (совершенствование) предлагаемой программы) посредством возвращения на третий этап; 13) полноценная реализация доработанной программы мероприятий в области внутренней социальной политики.

Стоит отметить, что последний этап в предложенном алгоритме не является конечной «инстанцией», так как с течением времени необходимо реконструировать ранее разработанную систему, где актуализируется необходимость циклического использования данного алгоритма. Ведь его основное преимущество заключается в наглядной детализации этапов, в том числе и для «неопытных» управленцев, которые впервые столкнулись с процедурой построения и осуществления социальной политики для собственного персонала, а также в универсальности его использования (функционирование механизма управления внутренней социальной политикой вне зависимости от сферы деятельности организации, однако с учетом специфики коммерческой направленности).

Построение грамотного механизма реализации внутренней социальной политики является весьма важной задачей любого предприятия, которое заинтересовано в стабильности, вовлеченности и лояльности собственного персонала, в

достижении высоких производственных показателей. Учитывая нестабильность окружающего мира и ограниченность организаций в обладании различного рода ресурсами, основной задачей руководящего состава выступает построение целесообразной, адресной и рациональной системы управления внутренней социальной политикой, позволяющей своевременно разрешать различные актуальные проблемы социальной направленности работников, влияющие на повышение качества жизни и, как следствие, на рост производительности труда.

УДК 327.3
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51614

Ф.В. САЛМАНОВ
аспирант кафедры глобалистики факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова*

Исторические принципы внешнеполитической стратегии Турецкой Республики (1923-2002 гг.)

В статье рассматриваются основополагающие принципы внешней политики Турции, которые отражают сущность кемализма. Среди них: западничество, сохранение статус-кво, балансирование и независимость. Данные принципы составляли идеологическую основу внешнеполитической стратегии Турции на протяжении многих лет: с момента основания Республики в 1923 году и до смены власти в стране в начале XXI века.

Ключевые слова: *Турция, внешняя политика, внешнеполитическая стратегия, внешнеполитические принципы, кемализм.*

F.V. SALMANOV
Postgraduate student of the Department of Globalistics at the Faculty of Global Studies of Lomonosov Moscow State University

Historical Principles of Turkish Foreign Policy Strategy (1923-2002)

The article examines the fundamental principles of Turkey's foreign policy, which reflect the essence of Kemalism. Among them: westernism, maintaining the status quo, balancing and independence. These principles have formed the ideological basis of Turkey's foreign policy strategy for many years: from the establishment of the Republic in 1923 to the change of power in the country at the beginning of the 21st century.

* Салманов Фаррух Вугар оглы, e-mail: farrukh.salmanov@mail.ru

Keywords: *Turkey, foreign policy, foreign policy strategy, foreign policy principles, Kemalism.*

С момента основания Республики в 1923 г. в Турции шел «поиск» оптимальной внешнеполитической стратегии, которая отвечала бы новому этапу развития страны. После падения Османской империи «отец» турецкого народа Мустафа Кемаль Ататюрк был сосредоточен на создании нового государства с новой идентичностью, которая отличалась бы от османской империалистической идентичности. Во внешней политике Мустафа Кемаль Ататюрк, а после его смерти его преемники, особенно в период холодной войны, придерживались западно-ориентированного направления, все меньше и меньше обращая свое внимание на своих «бывших соседей по дому» (здесь подразумеваются бывшие османские владения). В турецкой и западной политической науке эта концепция получила название «кемализм».

Кемализм – это концепция, которая стала основой существования турецкого государства[1]. Она выражала взгляды и идеи Мустафы Кемаля Ататюрка, основателя и первого президента Турецкой Республики. Во второй половине прошлого века кемализм стал официальной государственной идеологической основой Турции[2]. Кемализм никогда не представлял собой детальной и последовательной идеологии. Он скорее оставался набором определенных принципов, которые в разной степени переформатировались в процессе развития Республики или адаптировались в политической практике под динамику происходящих процессов. Основными новаторскими для Турции идеями были: отказ от османского и арабского наследия, переход с использования арабской вязи на латынь, образование, доступное всем вне зависимости от пола, радикальная секуляризация государства. Также важными постулатами кемализма были модернизация и национализм.

Модернизация Турции того времени сторонниками режима воспринималась как вестернизация, то есть отход от восточных и исламских традиций в пользу западных и

[1] *Kılınç R*. İdeoloji ve Dış Politika: Türkiye'de Kemalist (1930-1939) ve İslamcı (2011-2015) Dış Politikaların Karşılaştırmalı Bir Analizi // Uluslararası İlişkiler, 2016, c. 13, № 52, s.s. 67-88.

[2] *Albayrak M*. Kemalizmin Düşünsel Temelleri ve Tarihsel Oluşumu // Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi, 2010, c. 26, № 77, s.s. 307-344.

европейских ценностей. Идеология национализма в сочетании с видением цивилизационного прогресса состояла в том, чтобы сформулировать современный турецкий народ, независимый от османской традиции. Парадокс заключался в том, что кемализм базировался на национальном принципе, ставшем основой процесса модернизации[1]. Сам кемализм был и представляется его последователями современной, светской и прозападной идеологией, и, прежде всего, политической практикой, которая ведет к достижению уровня современной (западной) цивилизации.

Рассмотрим принципы, которые составляли идеологическую основу кемалистской внешнеполитической стратегии Турции с момента основания Республики в 1923 г. по 2002 г., когда к власти пришли умеренные исламисты в лице Партии справедливости и развития.

Западничество

Возможно, самым важным из принципов, который оказывал значительное влияние на формирование турецкой внешней политики на новом для нее республиканском этапе, было западничество.

Запад оказал решающее влияние на турецкую внешнюю политику, когда новообразованное государство находилось в поиске своего места в международной системе. Оно ставило целью достичь социально-экономического и культурного уровня западной цивилизации, что соответствовало парадигме модернизации страны.

Западническое течение в Турции берет свое начало от периода Танзимата (период проведения модернизации и многочисленных реформ в 1839-1876 гг. в Османской империи), младотурецкого движения и деятельности младотурецкой партии «Единство и прогресс»[2]. За исключением «республиканской идеи», начало всем «западническим» и сопутствующим им реформам было положено в период деятельности партии «Единство и прогресс». Шел процесс постепенной интеграции западных ценностей в турецкую политическую систему. Он облегчался тем, что Турция фактически не ощутила на себе негативного влияния западного

[1] *Albayrak M*. Kemalizmin Düşünsel Temelleri ve Tarihsel Oluşumu // Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi, 2010, c. 26, № 77, s.s. 307-344

[2] *Demirtaş B.* Jön Türkler Bağlamında Osmanlı'da Batılılaşma Hareketleri. Uludağ Üniversitesi Fen-Edebiyat Fakültesi Sosyal Bilimler Dergisi, 2007, c. 8, № 13, s.s. 389-408.

империализма, а также тем, что марксистская идеология не смогла укорениться в стране в период основания Республики[1].

В то время как молодое турецкое государство искало способы сохранения и защиты своей суверенности в международной системе, оно стало позиционировать османское прошлое как «чужое», приняв ориентированный на Запад внешнеполитический курс. Понятие «Запад» подразумевало специфический тип цивилизации, но не географический ареал. В этом смысле западничество выступает в качестве понятия в рамках политической, экономической, культурной и социальной сфер развития государства, не основанных на османской империалистической идее.

Статус-кво

Часто данное понятие в политологических исследованиях фигурирует в качестве термина с негативной коннотацией. Стоит отметить, что принцип «статус-кво» не имеет четкого положительного или отрицательного характера. Это качество является переменным и различается в зависимости от событий.

В первый республиканский период было несколько причин, почему Турция решила придерживаться статус-кво. Во-первых, у государства, только что вышедшего из Национально-освободительной войны 1919-1923 гг. против иностранных оккупантов, были свои внутренние проблемы, поэтому нужно было сосредоточиться на них, а не на внешнеполитической ситуации. Во-вторых, возникала новая «идеологическая» опасность в лице СССР (хотя раньше данная угроза существовала в лице Российской империи, пусть даже она и не носила идеологический характер). Это объяснялось тем, что большинство тюркских меньшинств находились в пределах как географических, так и «идеологических» границ СССР, и это настораживало Турцию. В результате между Турцией и СССР были достигнуты договоренности о взаимном отказе от пропаганды туранизма и коммунизма[2]. В-третьих, целью Мустафы Кемаля Ататюрка было не расширение, а защита существующего национального государства

[1] *Kurtdaş M.* Osmanli Modernleşme Sürecinde Aydinlar ve Bürokrasinin Rolü // Fırat Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi, 2019, c. 29, № 1, s.s. 399-411.

[2] *Yılmaz S.* İkinci Dünya Savaşı Sonrası Türkiye'de Sovyetler Birliği ve Komünizm Algısının Toplum ve Kurumların Biçimlenişindeki Etkisi. Yüksek Lisans Tezi. T.C. İstanbul Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, 2010, s.s. 98-105.

и его границ. Поддержание существующих границ по Национальному обету Турции[1] (или Декларации о независимости Турции) означало отсутствие какого-либо взаимодействия с внешними акторами в целях сохранения стабильности положения государства на международной арене. В частности, статус-кво (в турецких исследованиях часто истолковываемый как антиревизионизм), один из основных принципов турецкой внешней политики, во время правления Мустафы Кемаля Ататюрка воплощался в девизе «Мир дома, мир во всем мире» (“Yurtta Sulh, Cihanda Sulh”). С другой стороны, некоторые ревизионистские черты во внешней политике Турции все же присутствовали. Это выразилось в таких событиях, как, например, принятие Конвенции Монтрё о статусе проливов, присоединение Хатая к Турции в 1939 г., отправка войск в Корею под руководством Организации Объединенных Наций в 1950 г., высадка на Кипр в 1974 г., отправка войск в Сомали в 1993 г., в Боснию в 1994 г., отправка войск в Македонию и Косово[2].

Балансирование

Геостратегическое положение Турции таково, что опыт показывал: балансирование между сторонами, которые вели борьбу за власть в этом регионе, представляло собой наиболее оптимальный вариант для жизнеспособности турецкого государства и его национальных интересов.

Подразумевались два типа балансирования: либо использование благ от союзов с западными государствами, либо развитие благоприятных отношений с восточными государствами из-за своего стратегического положения по отношению к Западу, выступая в качестве моста между Востоком и Западом.

Турецкий политолог, профессор Баскын Оран утверждает, что *«поскольку главным элементом установленного порядка всегда является Запад, принципы западничества и “статус-кво” во внешней политике Турции, на самом деле, являются двумя сторонами одной и той же монеты. В момент, когда могут быть установлены оба типа балансир-*

[1] *Armaoğlu F.* Tarihi Perspektif İçinde Misak-ı Milli'nin Değerlendirilmesi. Atatürk Dönemi Türk Dış Politikası. Atatürk Araştırma Merkezi, Ankara, 2000, s.s. 143-146.

[2] Türk Dış Politikası I. T.C. Anadolu Üniversitesi Açıköğretim Fakültesi, 2019, s.s. 245-246.

рования, относительная автономия Турции снаружи увеличилась бы, а в противном случае – уменьшилась бы»[1].

Важно отметить, что сейчас мнение о том, что политика баланса, далекая от рациональности, не может привести государства к успеху как во внутренней политике, так и в международной политике, стало одним из значимых при определении современного внешнеполитического курса Турции.

Независимость

Главной целью Освободительной войны 1919-1923 гг. было достижение полной и абсолютной независимости страны. Эта цель была четко сформулирована в следующем заявлении Мустафы Кемаля Ататюрка: *«Полная независимость – это истинный дух той ноши, которую мы взяли на себя в этот день [...] Мы – нация, которая хочет жить, хочет жить с честью [...] Вся нация – ее интеллигенты, ее невежды – все без исключения, возможно, хоть и не полностью понимая трудности, в которых они находятся, сегодня собрались вокруг одного долга и решили пролить свою кровь до последней капли. Наш долг – обеспечить и сохранить нашу полную независимость. Под полной независимостью, конечно, подразумевается политическая, финансовая, экономическая, судебная, военная, культурная и т.д. Все перечисленное мною означает полную независимость и полную свободу во всех отношениях. Отсутствие независимости в любой из этих вещей означает отсутствие всей независимости в истинном смысле нации и Родины...»*[2].

После Освободительной войны 1919-1923 гг. главным принципом государства стало сохранение приобретенной независи-мости. Диктовалось это тем, что с провозглашением Республики внешнеполитическая ситуация вокруг Турции мало изменилась. Как и в последний период Османской империи, великие державы того времени проявляли желание взять Турцию под свой контроль ввиду ее стратегически важного положения в Малой Азии. Поэтому сохранение независимости любой ценой стало приоритетной задачей Турецкой Республики.

---

[1] *Oran B.* Uluslararası Ortam ve Dinamikler. Türk Dış Politikası Cilt III: 2001-2012. İletişim Yayınları, İstanbul, 2013, s. 49.

[2] Millî Mücadele [Электронный ресурс] // Atatürk Araştırma Merkezi. URL: https://www.atam.gov.tr/duyurular/milli-mucadele (дата обращения: 01.12.2020)

В сумме все эти принципы (западничество, сохранение статус-кво, балансирование, независимость) отражают ***сущность кемализма*** *во внешней политике страны.*

Таким образом, с момента основания Турецкой Республики турецкое руководство в своей внешней политике придерживалось кемалистской идеологической основы, которая несла в себе такие черты, как поддержание независимости (что было важным для новообразованного государства), приверженность западным идеям, сопутствующее западничеству балансирование между Западом и Востоком и внешний изоляционизм, проявившийся в поддержании статус-кво (хотя имелись и некоторые исключения). Турция считала себя слаборазвитым государством с истощенной армией и стремилась избежать внешней напряженности, которая могла бы еще больше ослабить ее. Принципы кемализма, реализуемые во внешней политике страны, способствовали решению данной проблемы.

УДК: 316.454.2/316.455
DOI 10.34823/SGZ.2021.3.51615

Е.А. НОВАКОВСКИЙ
аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова*

Обзор актуальных зарубежных исследований проблематики национально-государственной идентичности

Целью статьи является обзор и систематизация актуальных зарубежных эмпирических исследований, посвящённых проблематике национально-государственной идентичности за 2015-2019 гг. Автору удалось обновить проблематику исследования национально-государственной идентичности, выявив ряд перспективных направлений изучения данного феномена.

Ключевые слова: *национальная идентичность, государственная идентичность, политическая психология, образы «своих» и «чужих», символы и ценности.*

E.A. NOVAKOVSKY
Post-graduate student of Department of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University

Review of recent foreign studies on the subject of national identity

The purpose of this paper is to review and systematize recent foreign empirical studies focused on the subject of national identity. The author has identified key implications capable of enhancing the understanding of the problem, promising areas of research into the problem of national identity have been discovered.

Keywords: *national identity, civil identity, political psychology, image of an enemy, symbols, values.*

* Новаковский Евгений Алексеевич, e-mail: novakovsky111@yandex.ru

Автор ставит своей целью анализ и систематизацию зарубежных исследований, посвящённых вопросам национальной идентичности, опубликованных в период с 2015 по 2019 гг., и их теоретических импликаций. Выводы зарубежных коллег, рассмотрение которых производится в статье, способны органично дополнить существующее в отечественной науке понимание национальной идентичности и факторов, влияющих на её формирование, а также поведенческие проявления различных элементов национальной идентичности как на индивидуальном, так и на коллективном уровне.

Использованные автором материалы представляется возможным отнести к трём разным подходам: политико-психологическому, социокультурному, социально-психологическому.

Политико-психологический подход

Политико-психологический подход к изучению национально-государственной идентичности подразумевает рассмотрение данного феномена через призму его взаимодействия с политической средой общества[1]. Не отрицая ключевую роль социально-культурных элементов национально-государственной идентичности, особое внимание которым уделяется в рамках социально-психологического подхода, представители политико-психологического подхода фокусируют своё внимание на взаимосвязи политической конъюнктуры, повестки, политических убеждений и национальной идентичности. Немаловажную роль в рамках данного подхода играет и обнаружение проявлений национальной идентичности в политическом поведении индивидов.

Особую актуальность для западных политических психологов имеет вопрос взаимосвязи национальной идентичности и политических воззрений индивида. Одними из учёных, изучавшими данную проблематику, были М. Мадер и Т. Скотто. Согласно одной из работ данных исследователей, посвящённой поиску связей между степенью актуализированности национальной идентичности в сознании индивида и его склонностью к идентификации с теми или иными политическими движениями, высокий уровень национальной идентичности имеет положительную корреляцию со склон-

[1] *Белоконева А.Н.* Конструирование образа внешнего врага: исследование советских СМИ и официальных документов начала "холодной войны": 1946-1953 гг.: Дисс. канд. ист. наук. М., 2004.

ностью индивида ассоциировать себя с партиями и политическими течениями правого толка. Для левых политических течений корреляция оказывается отрицательной. Чем больше индивид придерживается правых взглядов, тем сильнее он идентифицирует себя с нацией[1].

Общая политическая мобилизация национальной идентичности элитами, как и отчуждающая мобилизация национальной идентичности, определяемая как рост поддержки идей культурной гомогенности и националистических настроений, обладает сильным влиянием на заострённость этнической и гражданской форм идентичности среди населения[2]. Эти данные говорят в пользу важности «образа врага», являющегося отчуждающим элементом, как компонента национальной идентичности. Рост актуализации образа врага в массовом сознании ведёт к укреплению склонности индивидов к идентификации себя по национальному признаку. Согласно работе Ю. Фейнстина и Б. Бониковски, повышение распространенности нарративов об исключительности может приводить к преобладанию отчуждающих элементов национальной идентичности, что, в свою очередь, приводит к усилению негативного отношения к представителям аутгрупп[3]. Политическая повестка, которая зиждется на распространении и укреплении идей избранности того или иного народа, является очень сильным предиктором антипатии по отношению к представителям аутгруппы.

Изучение данных эффектов в контексте российской реальности может представлять собой перспективное поле исследований, способное дополнить уже существующий исследовательский опыт, особенно принимая во внимание значительную степень присутствия «образов чужих» в российском общественном дискурсе. Так, например, отечественные исследователи Т.В. Евгеньева и А.В. Селезнёва также отмечали значительное влияние СМИ и формируемой ими эксклюзивной идентификационной повестки и «образа

[1] *Mader M. et al.* How political are national identities? A comparison of the United States, the United Kingdom, and Germany in the 2010s // Research & Politics, 2018.

[2] *Helbling M., Reeskens T., and Wright M.* The mobilization of identities: a study on the relationship between elite rhetoric and public opinion on national identity in developed democracies // Nations and Nationalism 2016, vol. 22, p. 744-767.

[3] *Feinstein Yuval, Bonikowski Bart.* Nationalist narratives and anti-Immigrant attitudes: exceptionalism and collective victimhood in contemporary Israel // Journal of Ethnic and Migration Studies, 2019, vol. 47(3), p. 741-761.

врага» на укрепление националистических и ксенофобских настроений среди российской молодёжи[1].

Немалый интерес исследователей, работающих в рамках политико-психологического подхода, посвящён вопросам дискриминации. Например, американские учёные Л. Молина и Н. Филипс изучали взаимосвязь между воспринимаемым уровнем дискриминации и степенью идентификации индивида с нацией и этносом. Согласно результатам данного исследования, индивиды, принадлежащие к этническому меньшинству, склонны к снижению уровня идентификации с нацией в пользу повышения степени идентификации с собственной этнической подгруппой[2].

Таким образом, значительное внимание среди представителей политико-психологического направления получило изучение взаимосвязанности национальной идентичности и отчуждающего идентификационного дискурса на склонность индивидов к идентификации с политическими движениями правого толка. Можно сделать вывод, что с увеличением присутствия отчуждающих элементов в дискурсе, например нарративов жертвенности или «образа врага», индивиды становятся более склонны к идентификации по национальному признаку. Актуализация такой формы идентификации, в свою очередь, делает индивидов более склонными к поддержке политических движений правого и националистического толка. Рост негативного отношения к представителям аутгрупп, вызываемый подобным дискурсом, ведёт ко всё большему преобладанию отчуждающих нарративов в общественно-политическом дискурсе.

Социокультурный подход

Национально-государственная идентичность представляет собой синтетический феномен, находящийся в непосредственной зависимости от социальной реальности, в которой существует индивид. Опираясь на базовые психологические механизмы идентификации и категоризации, национально-государственная идентичность через взаимодействие с социальной и культурной средой наполняется в процессе полити-

[1] *Евгеньева Т.В., Селезнева А.В.* Образ «врага» как фактор формирования национальной идентичности современной российской молодежи // Полития, 2007, № 3, с. 83-92.

[2] *Molina L. E., Phillips N. L., & Sidanius J.* National and ethnic identity in the face of discrimination: Ethnic minority and majority perspectives // Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology, 2015, vol. 21(2), p. 225-236.

ческой социализации присущими национальной общности символическими и ценностными основаниями, оценками и суждениями.

С точки зрения российской школы изучения национально-государственной идентичности, при изучении национально-государственной идентичности предполагается изучение трёх ключевых компонентов её структуры – компонентов образов, ценностей и символов[1]. Данный подход находит отражение также и в зарубежных исследованиях национально-государственной идентичности. В зарубежной традиции национальная идентичность зачастую рассматривается в качестве ощущения принадлежности индивида к той или иной национальной группе, которое актуализируется через включение ценностных и символических нарративов в определение самого себя[2]. Подобный подход подразумевает под собой выявление конкретных элементов – носителей данных ценностных и символических нарративов.

Одним из элементов, по вопросу важности которого сходятся как зарубежные, так и отечественные исследователи, является культурно-исторический элемент. Важность данного элемента подчёркивали такие исследователи, как, например, Р. Диттлман или, в отечественном опыте, Т.В. Евгеньева Через представление об исторических событиях и исторические мифы в национальной идентичности индивида актуализируется значительная доля ценностно-символических компонентов идентичности. Согласно немецкому исследованию, ставящему своей целью выявление ключевых идентификационных компонентов, именно компоненты культуры и истории представляются наиболее важными и распространенными среди индивидов[3].

Важную роль в рамках культурного компонента играет и религиозный элемент. Так, например, бельгийскими исследователями О. Агирдаг, К. Фалет и М. Ван-Хутте, представляющими социокультурный подход, было выявлено, что

---

[1] *Евгеньева Т.В., Селезнева А.В.* Трансформация национально-государственной идентичности российской молодежи в постсоветский период: ценностные основания и символические репрезентации // Полития, 2017, №4(87).

[2] *Haste H.* Constructing the citizen. // Political Psychology (2004); vol. 25(3), p. 413-438.

[3] *Dittlmann R., Kopf-Beck J.* The Meaning of Being German: An Inductive Approach to National Identity. // Journal of Social and Political Psychology (2019); vol. 7(1).

религиозная принадлежность имеет значительную корреляцию с уровнем самоидентификации с определённой нацией. При этом в случае отличия религиозной принадлежности от доминирующей в рамках нации конфессии корреляция представляется отрицательной. В случае же разделения индивидом доминантных национальных религиозных взглядов наблюдается положительная корреляция с уровнем самоидентификации с данной нацией[1].

В целом культурный компонент имеет чрезвычайно высокое влияние на национальную идентичность и ощущение собственной принадлежности к той или иной национальной группе[2].

Описанные выше представления соотносятся также и с отечественным опытом. Так, согласно исследователям Н.Л. Смакотиной и Н.А. Хвыля-Олинтер, ключевыми основами национально-культурной и национально-государственной идентичности представляются такие элементы, как национальность, культура, политическое поведение, территориальная и религиозная принадлежность и государственность[3].

Многие зарубежные исследователи, например Д. Мошман, фокусировали своё внимание преимущественно на негативных, антисоциальных проявлениях национально-государственной идентичности. Национальная идентичность зачастую рассматривалась в качестве прекурсора таких явлений как расизм, ксенофобия и т. д. Согласно выводам Д. Мошмана, в своих самых экстремальных проявлениях групповые формы идентификации, включая и национальную идентификацию, могут приводить даже к таким явлениям, как геноцид[4]. Но, помимо негативных проявлений, высокая степень актуализации национальной идентичности может

[1] *Agirdag O., Phalet K., & Van Houtte M.* European identity as a unifying category: National vs. European identification among native and immigrant pupils // European Union Politics,2016, vol. 17(2), p. 285-302.

[2] *Gharaei Nadya & Phalet Karen & Fleischmann Fenella.* Contingent national belonging: The perceived fit and acceptance of culturally different peers predicts minority adolescents' own belonging // Frontiers in Psychology, 2018, vol. 9.

[3] *Хвыля-Олинтер Н.А., Смакотина Н.Л.* Национально-культурная идентичность молодежи: социологический метод оценки // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология, 2010, № 1, с. 59-79.

[4] *Moshman David.* Us and Them: Identity and Genocide // Identity: An International Journal of Theory and Research, 2007, vol. 7(2), p. 115-135.

проявляться, в том числе и в чрезвычайно позитивном, конструктивном социальном поведении[1].

Рассмотрение данных работ через призму выводов, полученных в рамках политико-психологического подхода, позволяет предположить, что значительное влияние на деструктивность или, наоборот, позитивность социальных проявлений национальной идентичности будет оказывать политическая повестка. Вероятно, наполненность дискурса отчуждающими идентификационными элементами будет стимулировать именно негативные поведенческие проявления.

Социально-психологический подход

Исследователи, представляющие социально-психологический подход, рассматривают проблематику национально-государственной идентичности через призму психологических механизмов, обеспечивающих функционирование данного варианта идентификации. Данный подход предоставляет достаточно интересный взгляд на природу национальной идентичности. Важное место в социально-психологическом подходе занимает теория «слияния идентичности» В. Свона и А. Гомеза, берущая за свою основу теорию самокатегоризации. «Слияние идентичности» представляет собой форму принадлежности к группе, в которой индивидуальная идентичность и групповая идентичность синергетически сливаются друг с другом, проявляясь в чувстве полного единства индивида с группой[2]. Существует значительная связь между психологической гибкостью и склонностью индивидов к селективному «слиянию» с представителями собственной национальной ингруппы. Также было выявлено, что индивиды, придающие особо важное значение различным ритуалам, в своей повседневной жизни были более склонны к «слиянию» собственной идентичности с идентичностью нации[3].

Феномен слияния идентичности, согласно работам В. Свона, также имеет непосредственные импликации для пове-

[1] *Charnysh V., Lucas C., & Singh P.* The Ties That Bind: National Identity Salience and Pro-Social Behavior Toward the Ethnic Other // Comparative Political Studies, 2015, vol. 48(3), p. 267-300.

[2] *Swann WB, Buhrmester MD*. Identity Fusion // Current Directions in Psychological Science, 2015, vol. 24(1), p. 52-57.

[3] *Zmigrod Leor & Rentfrow Peter & Robbins Trevor.* Cognitive underpinnings of nationalistic ideology in the context of Brexit. // Proceedings of the National Academy of Sciences, 2018, vol. 115(19).

дения, основанного на тех или иных моральных убеждениях. Слияние идентичности может изменить склонность людей переводить свои моральные убеждения в соответствующие действия. Сильно слитые с идентичностью той или иной социальной группы, в том числе национальной, индивиды с большей вероятностью поддерживают идею самопожертвования в интересах группы. При этом среди сильно слитых индивидов решение пожертвовать собой мотивируется эмоциональным взаимодействием с группой[1].

В данной статье были рассмотрены актуальные зарубежные подходы, посвящённые проблематике национально-государственной идентичности. Эти подходы позволяют нам сделать ряд достаточно интересных выводов, которые, вероятно, могут быть экстраполированы и на проблематику национальной идентичности в контексте российских культурных и политических реалий.

Опыт зарубежных исследователей в сфере идентичности достаточно хорошо согласуется с российским опытом в данной сфере. Как западными, так и отечественными исследователями отмечается важность культурного компонента национальной идентичности. Такие вещи, как история, религия и транслируемые ими ценностные и символические основания имеют очень большое значение для национальной идентификации индивидов.

[1] *Swann W.B., et al*. What makes a group worth dying for? Identity fusion fosters perception of familial ties, promoting self-sacrifice // Journal of Personality and Social Psychology, 2014, vol. 106, p. 912-926.

Информация для авторов

Направляемые в журнал статьи необходимо оформлять в соответствии со следующими правилами:

- Необходимые сведения об авторе:

- Код УДК (посмотреть точный код УДК можно по ссылке http://teacode.com/online/udc/);

- Фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень; ученое звание; место работы (учебы); должность на русском и английском языках; адрес электронной почты; контактные телефоны.

- Объем статей не должен превышать:

- 7 страниц для соискателей степени кандидата наук;

- 17 страниц для соискателей степени доктора наук.

- Название статьи на русском и английском языках;

- Аннотации (не более 5-7 строк) и ключевые слова (5-8 слов) на русском и английском языках;

- Статьи должны быть напечатаны в формате Microsoft Word (2003-2007), межстрочный интервал 1,5, кегль 14, шрифт «Arial» на одной стороне листа, форматирование по ширине (поля: верхнее и нижнее – 2, левое – 2,5, правое – 1,5);

- ссылки (сноски) даются в конце каждой страницы (кегль 10);

- таблицы, схемы, диаграммы должны быть выполнены в черно-белом изображении и сопровождаться сквозной нумерацией.

- Статьи должны сопровождаться заверенной рецензией (отзывом) специалиста и рекомендацией кафедры (отдела) по месту работы. К статьям должен прилагаться скриншот из программы Антиплагиат (оригинальность статьи по системеhttp://www.antiplagiat.ru должна быть не менее 75%.);

- Статьи в редакцию направлять в печатном и электронном варианте.

- Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала (политология, философия, социология).

- Решение о публикации принимается в течение 30 дней со дня регистрации статьи в редакции.

- Авторы несут ответственность за достоверность приведенных фактов, цитат и других данных. Мнение редакции журнала может не совпадать с позицией авторов публикаций.

- Редакция оставляет за собой право на научное редактирование статей.

- Рукописи не возвращаются.

Уважаемые авторы, в целях экономии времени следуйте правилам оформления статей. Статья может быть отправлена авторам на доработку или отклонена как по формальным, так и по научным признакам. Критериями отбора являются соответствие профилю, новизна, актуальность и обоснованность результатов. Работы, которые не отвечают указанным требованиям оформления, к рассмотрению не принимаются. Не допускается направление в редакцию работ, которые опубликованы и/или приняты к печати в других изданиях.

Вниманию подписчиков журнала!

Журнал «Социально-гуманитарные знания» является научно-образовательным изданием, предназначенным для преподавателей, студентов и учащихся высших, средних специальных и средних учебных заведений, всех, интересующихся социально-гуманитарными науками и образованием.

Подписка и доставка периодических изданий осуществляется всеми отделениями **Группы компаний "Урал-Пресс"** в офисах агентства в вашем городе. Информацию можно получить на сайте ГК "Урал-Пресс" **www.ural-press.ru** или по телефону **8(499) 700-05-07**.

Подписка осуществляется всеми отделениями связи. Индекс подписки – 70652 (Каталог «Пресса России»), тел. (495) 995-95-70.

Подписная цена за один номер в 1-м полугодии 2021 г. – 300 руб., в продаже – цена свободная. Подписка на электронную версию журнала осуществляется в Научной электронной библиотеке **www.elibrary.ru**

Information for authors

Articles sent to the journal must be executed in accordance with the following rules:

• Necessary information about the author:

- UDC Code (See the exact UDC code at link http://teacode.com/online/udc/);

- Surname, first name, middle name in full; academic degree; academic status; place of work (study); position in Russian and English; e-mail address; contact phones.

• The volume of articles should not exceed:

- 7 pages for candidates degree;

- 17 pages for competitors for Doctor of Science degree.

• Title of the article in Russian and English;

• Annotations (no more than 5-7 lines) and keywords (5-8 words or phrases) in Russian and English;

• Articles should be printed in Microsoft Word format (2003-2007), line spacing 1.5, kegl 14, "Arial" font on one side of the sheet, formatting by width (fields: upper and lower - 2, left - 2.5, right - 1.5);

- references (footnotes) are given at the end of each page (size 10);

- tables, schemes, charts have to be executed black and white and be followed by through numbering.

• Articles have to be followed by the certified review (response) of the expert and the recommendation of department of the place of work (study). The articles should be accompanied by a screenshot from the Antiplagiat program (The originality of the article on the system http://www.antiplagiat.ru should be not less than 75%.);

• Send articles to the editorial office in printed and electronic version.

• The content of the article should correspond to the topic of the journal (Political science, philosophy, sociology).

• The decision to publish is made within 30 days from the date of registration of the article in the edition.

• The authors are responsible for the accuracy of the given facts, quotes and other data. The opinion of the editorial office of the magazine may not coincide with the position of the authors of publications.

• The editorial board reserves the right to scientific editing of articles.

• Manuscripts are not returned.

Dear authors, in order to save time, follow the rules for writing articles. The article may be sent to the authors for revision or rejected on both formal and scientific grounds. Selection criteria are profile compliance, novelty, relevance and validity of results. Works that do not meet the specified requirements of registration are not accepted for consideration. It is not allowed to send to the editorial office works that have been published and/or accepted for printing in other publications.

To the subscribers of the magazine attention!

Journal "Socio-humanitarian knowledge" is a scientific and educational edition, designed for teachers, students and pupils in higher, specialized secondary and secondary schools, all with an interest in social and humane sciences, and education.

Subscription and delivery of periodicals is realized by all the chapters of the **Group of companies "Ural-Press"** in agency offices in your city. Information can be obtained on the website **www.ural-press.ru** or by phone **8 (499) 700-05-07.**

Subscription is available in all post-offices. Subscription index – 70652 (catalogue **"Press of Russia").**

The subscription price for one issue in the 1-half of 2021 − 300 rubles, free of control price for sale..

Subscribtion to the electronic version of the magazine is carried out in the Scientific Electronic Library **www.elibrary.ru**

Подписано в печать 24.05.2020 г.
Формат 84х108/32. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Объем 23,0 печ. л.
Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано с готовых оригинал-макетов ……